

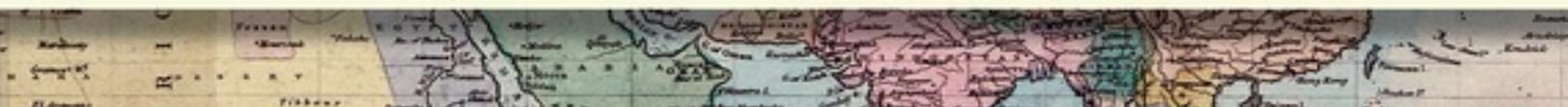
МЕСТЬ ГЕОГРАФИИ

ЧТО МОГУТ РАССКАЗАТЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ
О ГРЯДУЩИХ КОНФЛИКТАХ
И БИТВЕ ПРОТИВ НЕИЗБЕЖНОГО

РОБЕРТ КАПЛАН

В своем глобальном исследовании Роберт Каплан обращается к древней истине: география — решающий фактор, определяющий судьбы народов как до египетских фараонов, так и после «арабской весны».

ГЕНРИ КИССИНДЖЕР

«География может рассказать о целях и стратегиях государства гораздо больше, чем его идеология или внешняя политика», – считает известный американский публицист и геополитик Роберт Каплан. Он убежден, что будущее стран и континентов можно понять в контексте таких объективных параметров, как климат, территория, наличие водных ресурсов, разнообразие ландшафта. Прослеживая историю регионов, стран и «горячих точек» планеты, автор предлагает собственную целостную теорию о грядущем цикле конфликтов, которые будут происходить по всей Евразии – в Европе, России, Китае, Турции, Иране, на арабском Ближнем Востоке. Каплан опирается в своем исследовании на современные научные данные и на классические труды прошедшего столетия. Он утверждает: зная географию, можно ясно увидеть те границы, переступить которые не следует. Достаточно просто подойти к карте и внимательно посмотреть на нее.

- [Роберт Каплан](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Часть II](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Часть III](#)
 - [Глава 15](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)

- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)

- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)

- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)

- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)

- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)

- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)

- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)

- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)

- [480](#)
 - [481](#)
 - [482](#)
 - [483](#)
 - [484](#)
 - [485](#)
 - [486](#)
 - [487](#)
 - [488](#)
 - [489](#)
 - [490](#)
 - [491](#)
 - [492](#)
 - [493](#)
 - [494](#)
 - [495](#)
 - [496](#)
 - [497](#)
 - [498](#)
-

Роберт Каплан

Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного

Именно потому, что я не очень-то верю в то, что удел человечества переменится когда-нибудь в лучшую сторону, периоды процветания и определенного прогресса, а также стремление начать все сначала и не останавливаться на достигнутом кажутся мне истинными чудесами, которые уравнивают собой необъятную массу зла и поражений, равнодушия и ошибок. Неизбежны новые падения, новые катастрофы; хаос будет торжествовать; но временами и порядок тоже будет брать верх.^[1]

Маргерит Юрсенар. Воспоминания Адриана

РОБЕРТ КАПЛАН – известный американский публицист, геополитик, старший научный сотрудник Центра новой американской безопасности, член Совета по оборонной политике США. Работая корреспондентом, объехал десятки стран Африки, Ближнего Востока и Европы. В течение 30 лет его статьи, опубликованные на страницах The Atlantic, The New York Times, The Washington Post, The Financial Times и The Wall Street Journal, не раз становились причиной бурных дебатов в СМИ, академических кругах и высших эшелонах власти. Журнал Foreign Policy два года называл Каплана в числе «100 ведущих мировых мыслителей».

«Месть географии» расставляет факты по местам... Реализм Каплана и его готовность смотреть в лицо действительности делают эту книгу ценным противовесом тем намерениям и воззваниям, которые часто выдают за стратегическое мышление.

The Daily Beast

Каплан – тот самый наблюдатель мировых событий, который видит то, чего часто не видят другие. Он уже завоевал репутацию одного из самых пронзительных геополитиков, и книга упрочивает этот его статус.

National Review

Я считаю, что хотя география вовсе не обязательно определяет будущее, она устанавливает рамки достижимого и недостижимого.

Мы не должны покоряться географии. Но наши поиски лучшего мира должны опираться на доскональное ее знание.

РОБЕРТ КАПЛАН

Эта амбициозная по замыслу книга бросает вызов традиционным

представлениям, демонстрирует глубокое понимание сути современной мировой политики и служит мощным напоминанием о том, что геофизическое строение планеты формирует человеческие конфликты прошлого и настоящего в той же мере, что и конкурирующие религии и идеологии.

The New York Review of Books

Во времена смуты и военных переворотов политические карты приобретают особую важность. Когда под чьими-то сапогами рушатся устои власти, карта представляет собой источник мудрости, начало понимания исторической логики событий, возможности предугадать, что может произойти дальше.

География скорее «налагает», а не «располагает». География не есть синоним фатализма. Но, как и распределение экономической и военной мощи, она является основным ограничителем – и подстрекателем – действий государства.

Работа с таким инструментарием, как карты рельефа и сводки демографических исследований, позволит выйти на новый уровень сложности в анализе внешней политики и таким образом обнаружить возможность более глубокого и широкого понимания мира. Вам нет нужды становиться фанатом географии, чтобы осознать всю ее важность. Чем больше мы занимаемся текущими делами, тем больше для нас важны люди и их поступки; но если мы обратим свой взгляд в историю, то тут же становится очевидной та важная роль, которую играет география.

Роберт Каплан

Пролог

Границы

Вопросы о будущем хорошо задавать, имея возможность не спеша путешествовать по странам и континентам...

Когда на горизонте показались первые холмы, куполами возвышавшиеся посреди пустыни на севере Ирака, за которыми располагалась гряда гор-трехтысячников, поросших дубами и рябиной, мой водитель, курд по национальности, обернулся, взглянул на расстилавшуюся иссушенную равнину и процедил с презрением: «Арабистан». Затем, посмотрев на холмы, с восторгом прошептал: «Курдистан», – и его лицо засияло. Шел 1986 г., рассвет режима Саддама Хусейна в Ираке...

Но стоило нам углубиться в тесные, подобно тюремным камерам, долины, в запретные ущелья, как вездесущие щиты с ликом диктатора внезапно исчезли, а вместе с ними и иракские солдаты. На смену им пришли курдские *pesh mergas* – воины в тюрбанах, одетые в мешковатые штаны, подпоясанные кушаком, с нагрудным патронташем, идущие на смерть за независимость Курдистана. Если следовать политической карте мира, то мы не покидали территорию Ирака, но даже Саддаму Хусейну было не под силу победить горы.

Горы по сути своей консервативны. В узких ущельях они сохраняют местные культуры в первозданном виде, оберегая их от агрессивных современных идеологий, которые слишком часто отравляли жителей равнин, а в наше время они еще и предоставляют убежище идеологическим повстанцам и наркоторговцам.^[2] Антрополог Йельского университета Джеймс Скотт утверждает, что «народности, проживающие в горах, зачастую представляются как беглецы, изгои, как сообщества отшельников, которые на протяжении вот уже двух тысячелетий спасаются от притеснений и гонений, неизбежно сопровождающих образование государств в долинах и на равнинах.^[3] Именно на равнине реакционный режим Николае Чаушеску впился в глотку местному населению. Я несколько раз бывал в Карпатах в 1980-х гг., и мне редко где доводилось видеть признаки коллективизации. Для этих гор, именуемых «задней дверью» Центральной Европы, характерны были в большей степени дома, возведенные из дерева и камня, а не из железобетона – любимого строительного материала эпохи Чаушеску.

Карпаты, опоясывающие Румынию, являются такой же границей, как и горы Курдистана. Начав свое путешествие по Карпатам с запада, со стороны мрачной и таинственно пустынной венгерской Пушты с угольно-черной почвой и океаном лимонно-зеленой травы, я постепенно прощался с европейским миром, созданным некогда блистательной Австро-Венгерской империей. Теперь путь мой лежал в значительно более отсталую часть планеты, где когда-то правила пришедшая к концу своей жизни в полный упадок Османская империя. Именно благодаря границе в виде Карпат и стал возможен восточный деспотизм Чаушеску, гораздо более жесткий, чем довольно формальный «гуляш-коммунизм» времен Яноша Кадара в Венгрии.

И все же Карпаты были не таким уж и неприступным бастионом. На протяжении столетий множество купцов и всякого другого торгового люда прокладывали себе и своим товарам едва заметные тропы высоко в горах, доставляя жителям гор самую различную мануфактуру, а с ней и более высокую культуру процветавшей в то время Центральной

Европы. Именно таким образом по другую сторону Карпат, в таких центрах местной цивилизации, как Бухарест и Руссе, все же пустило корни робкое и очень жалкое подобие европейской культуры. Однако, вне всякого сомнения, эти горы действительно представляли собой некую переходную ступень, первую на длинной лестнице, ведущей на Восток и оканчивающейся на великой Аравийской пустыне и пустыне Каракумы.

В один прекрасный день в 1999 г. поздно вечером в столице Азербайджана, городе Баку, расположенном на западном побережье Каспийского моря, я сел на торговое судно, идущее до города Красноводск^[4] в Туркменистане – на восточном берегу Каспийского моря. Места эти в III в. н. э. персы-сасаниды называли Туркестаном. Наутро моему взору открылась довольно тонкая неясная береговая линия: белесые бараки на фоне безжизненных глинистых крутых холмов. Всем пассажирам приказали построиться в один ряд перед воротами с облупившейся краской, где один-единственный пограничник не спеша стал проверять наши паспорта. Стояла 40-градусная жара. Затем нас провели в пустой ангар, который под огненными лучами солнца раскалился до немыслимой температуры. Там другой пограничник, обнаружив мои таблетки от расстройства желудка, обвинил меня в контрабанде наркотиков. Он взял мой фонарик, достал из него батарейки и выбросил на грязный пол. Выражение его лица было таким же мрачным, как и окружающий нас ландшафт. В городе, вид на который открывался за ангаром, не наблюдалось ни одного тенистого уголка, где можно было бы спрятаться от палящих лучей солнца: удручающе однообразные горизонтальные плоскости городской застройки и ни единого намека на хоть какие-то архитектурные изыски. Я вдруг с тоской вспомнил Баку: городские стены, воздвигнутые персами в XII в., сказочные дворцы первых нефтяных королей, украшенные фризами и горгульями, – внешний архитектурный лоск западной цивилизации, который оказался невероятно живучим, несмотря на такие преграды, как Карпаты, Черное море и высота Кавказских гор. Путешествуя все дальше на восток, я видел, как Европа постепенно сдавала свои позиции, словно испаряясь под палящим солнцем. Естественная граница в виде Каспийского моря представляла собой последний рубеж, возвещая о приближении пустыни Каракумы.

Конечно же географическое положение не доказывает полной безнадежности положения, в котором находится Туркменистан. Скорее, в данном случае следует говорить о зарождении рациональности в поиске исторических закономерностей, связанных с постоянными вторжениями парфян, монголов, персов, царской России, Советского Союза и огромного количества тюркских племен на эту голую беззащитную землю. Едва ли в таких суровых климатических условиях, на такой безжизненной земле могла полноценно существовать какая-либо цивилизация. Никому так и не удавалось надолго закрепиться в этих диких и непростых для проживания местах, которые первоначально произвели на меня далеко не самое приятное впечатление.

Местность вздымалась вверх грядой холмов, и то, что за секунду до этого казалось единой массой песчаника, рассыпалось лабиринтами пересохших речных русел и складок местности всех оттенков серого и зеленовато-коричневого. На восходе вершины холмов окрашивались бледной желтизной, а на закате приобретали красноватый оттенок. Прохладный ветерок внезапно проскользнул в автобус через некую щель, принеся с собой глоток так необходимой мне свежести, позволив почувствовать приближение дыхания воздуха гор, такого желанного после удушающей жары Пешавара, в Северо-Западной пограничной провинции^[5] Пакистана. Сами по себе размеры Хайберского прохода не очень-

то впечатляют. Наивысшая его точка находится на высоте не более 2000 м над уровнем моря, и склоны его довольно пологи. Однако не прошло и часа пути по закрытой со всех сторон вулканической преисподней, созданной Всевышним из скал и извилистых ущелий, как я (а это было в 1987 г.) попал из богатого зеленью тропического Индостана в холодные, голые, пугающие своими пустынями бескрайние просторы Центральной Азии. Из мира чернозема, ярких тканей и полной невообразимых ароматов кухни я попал в страну песка, грубой шерсти и козлиного мяса.

Но, подобно Карпатам, через перевалы которых торговцы переносили культуру из одной страны в другую, география на границе между Пакистаном и Афганистаном также не преминула преподать человечеству немалый урок. То, что англичане первыми назвали Северо-Западной пограничной провинцией, исторически никакой ни пограничной, ни провинцией не было и в помине, как считает Сугата Бозе, профессор из Гарварда. А были эти места центром, можно даже сказать, сердцем «индийско-персидского» и «индийско-исламского» мира. Именно так и можно объяснить, почему Афганистан и Пакистан в целом воспринимаются многими историками как единое органичное целое, хотя на политической карте мира это два разных государства.^[6]

Хотя существовали в истории человечества еще более искусственные и нелепые границы...

По пути в Восточный Берлин в 1973 и 1981 гг. мне дважды довелось пересечь Берлинскую стену. Бетонное ограждение высотой 3,6 м, увенчанное широкой трубой, с западной стороны отсекало кварталы турецких и югославских иммигрантов – будто бы запечатленные на черно-белой пленке унылые картины бедности. С восточной же стороны взору открывались заброшенные здания с многочисленными шрамами Второй мировой войны на фасадах. С запада в любом месте можно было подойти и прикоснуться к стене, разукрашенной граффити. С востока путь преграждали минные поля и сторожевые вышки, на которых дежурили автоматчики.

Каким бы сюрреалистическим ни казался этот тюремный двор посреди города в самом центре Европы, в то время никому он не казался противоестественным, так как все были убеждены в том, что холодная война никогда не закончится. Особенно в это верили люди моего поколения, выросшие во время холодной войны и не видевшие своими глазами Вторую мировую. Для нас, каким бы произволом, какой бы несправедливостью стена ни казалась, она стояла «на века», подобно некой горной гряде, возникшей в природе много тысяч лет назад. Историческая правда всплывала лишь из книг и старых политических карт Германии, которые (во многом по воле случая) я начал изучать в первые месяцы 1989 г., находясь на редакционном задании в Бонне. Книги и карты поведали мне вот о чем...

Находясь в самом центре Европы, между Северным и Балтийским морями с одной стороны и Альпами – с другой, немцы, согласно историку Голо Манну, всегда представляли собой некую динамическую силу, замкнутую в «большую тюрьму». Эта немецкая сила изо всей мочи старалась найти себе выход. Но, будучи ограниченными с севера и юга морем и горами, вырваться немцы могли, только двинувшись на восток или на запад, где серьезных географических препятствий не наблюдалось. «Что характерно для Германии на протяжении вот уже 100 лет, так это отсутствие постоянных границ, нестабильность ее территории», – пишет Манн. Он имеет в виду беспокойный век с 1860-х по 1960-е гг., отмеченный вначале увеличением территорий при Бисмарке, а затем катастрофическими результатами двух мировых войн.^[7] Но абсолютно то же можно сказать о размерах и границах Германии

практически на протяжении всей истории ее существования.

Первый рейх был основан Карлом Великим в 800 г. и представлял собой огромную, не имеющую постоянных размеров территорию. В разное время он включал в себя современные Австрию, части Швейцарии, Франции, Бельгии, Голландии, Польши, Италии и Югославии. Казалось, самой судьбой было предначертано, чтобы Европой управляли с той территории, которая сейчас соотносится с Германией. Но вот по прошествии веков приходит Мартин Лютер и вносит раскол в западное христианство Реформацией, что, в свою очередь, разжигает костер Тридцатилетней войны, которая в основном прошла каленым железом именно по территории Германии. В результате вся Центральная Европа – в руинах. В ходе своего редакционного задания мне пришлось изучить много материалов о немецком противостоянии XVIII в. между Пруссией Гогенцоллернов и Австрией Габсбургов. Я прочел множество документов о таможенном союзе различных немецких государств первой половины XIX в., об объединении Германии Отто фон Бисмарком вокруг Пруссии в конце XIX в. И чем больше я читал, тем становилось понятнее, что Берлинская стена – это всего лишь очередной этап в продолжающемся процессе территориальных преобразований великого германского государства.

Режимы, прекратившие свое существование после падения Берлинской стены (в Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и т. д.), я знал не понаслышке. Я там бывал и в командировках, и в качестве туриста. Вблизи такие монолитные, такие устрашающие. Их скоротечное падение послужило для меня сигналом, преподало мне очередной урок, не только подчеркнув реальную слабость диктатур, но и показав, насколько мимолетно настоящее, каким бы вечным оно ни казалось. Единственное, что остается всегда неизменным, – расположение народов на карте мира. Во времена смуты, военных переворотов политические карты приобретают особую важность. Когда под чьими-то сапогами рушатся устои власти, карта, хотя и не являясь определяющим фактором, тем не менее представляет собой источник мудрости, начало понимания исторической логики событий, возможности предугадать, что может произойти дальше.

Главное впечатление от демилитаризированной зоны (ДМЗ) между двумя Кореями можно выразить одним словом: насилие. В 2006 г. я видел, как южнокорейские солдаты стоят, окаменев, будто бойцы тхеквондо: сжав кулаки, согнув руки в локтях, уставившись на лица своих северокорейских врагов. С каждой стороны для этого задания были отобраны самые высокие солдаты самого устрашающего вида. Однако показательная ненависть друг к другу, результатом которой стали многочисленные заграждения из колючей проволоки и минные поля, в будущем, хоть и не близком, но все же станет историей. Если взглянуть на сценарии, по которым развивались события в других разделенных странах в XX в. (Германия, Вьетнам, Йемен), становится ясно, что, как бы долго ни просуществовали они порознь, победа оказывалась на стороне объединяющего начала и зачастую это происходило насильственно и стремительно. ДМЗ представляет собой искусственную границу безо всякой географической логики, которая делит этнически единую нацию в том месте, где две противоборствующие армии решили передохнуть. Подобно тому как была объединена Германия, когда-нибудь объединится и Корея. Мы можем ожидать этого или хотя бы помнить об этом, строя планы. Вновь на определенном этапе доминантными окажутся культура и география. Искусственные границы, которые не совпадают с границами естественными, как правило, чрезвычайно уязвимы.

Мне неоднократно доводилось пересекать границы между такими непростыми соседями, как Иордания и Израиль, Мексика и США, равно как и многие другие границы между самыми разными государствами. Но сейчас я зову читателя в другое путешествие (иное по своей природе) по выбранным страницам истории и политологии, которые дожидались нас на протяжении десятилетий, а в некоторых случаях и столетий. Они, эти страницы, и знание географии дадут нам возможность лучше понимать политическую карту мира, читать «между строк», видеть, пусть еще нечетко, контуры политического будущего тех или иных регионов. За минувшие годы я пересек немало границ и стал интересоваться судьбой государств, через которые мне доводилось странствовать.

Собственная журналистская деятельность на протяжении 30 лет убедила меня, что всем нам нужно вернуть восприимчивость к понятиям времени и пространства, которая была утрачена в эпоху реактивных скоростей в информационный век, когда некие влиятельные граждане летают через океаны и континенты за считанные часы, рассказывая нам затем о «плоском мире».^[8] Это не для меня. Я познакомлю читателя с решительно немодными мыслителями, которые выступают категорически против тезиса, что *география больше не имеет никакого значения*. В первой части нашего литературного путешествия я постараюсь изложить основные положения их теорий, опустившись в них на максимальную глубину, чтобы во второй части применить их мудрость на практике, проанализировать уже случившееся и предугадать будущее Евразии – от Европы до Китая, включая Ближний и Дальний Восток и Индостан. Осознать, что утрачено нами в понимании физической реальности, узнать, как оно было утрачено, восстановить его, замедлив темп путешествия и размышлений, прибегнув к богатой эрудиции уже ушедших от нас ученых, – вот главная цель нашего похода.

География в переводе с греческого языка означает «описание земли». Это слово всегда ассоциировалось с определенной данностью и, следовательно, носило на себе определенное клише. Говорят, «мыслить географически» – означает ограничивать свой выбор средств к пониманию окружающего нас мира. Но я полагаю, что работа с таким инструментарием, как карты рельефа и сводки демографических исследований, позволит выйти на новый уровень сложности в анализе внешней политики и таким образом обнаружить возможность более глубокого и широкого понимания мира. Вам нет нужды становиться фанатом географии, чтобы осознать всю ее важность. Чем больше мы занимаемся текущими делами, тем больше для нас важны люди и их поступки; но если мы обратим свой взгляд в историю, то тут же становится очевидной та важная роль, которую играет география.

Удачный пример тому – Ближний Восток.

Пока я пишу эти строки, огромный регион от Марокко до Афганистана находится в эпицентре сильнейшего политического кризиса, в котором оказались местные правящие круги. Население этих стран больше не хочет мириться с авторитарными режимами, хоть и путь к демократии далеко не так сладок. Первая фаза развития конфликта на Ближнем Востоке засвидетельствовала поражение географии из-за огромного влияния коммуникационных технологий. Спутниковое телевидение и социальные сети, бурлящие революцией в интернете, создали единое пространство людей, протестующих в арабском мире. Таким образом, сторонники демократии в таких, казалось бы, разных государствах, как Египет, Йемен и Бахрейн, могут за считанные минуты почерпнуть революционное вдохновение от событий, происходящих в Тунисе. Следовательно, можно говорить об общности политической ситуации во всех этих странах. Но по мере того, как разворачивались протесты, становилось очевидно, что в каждой из этих стран ситуация

развивается по-разному, что, в свою очередь, обусловлено историей и географией данной страны. Чем больше мы узнаем об истории и географии государств Ближнего Востока, тем меньше мы удивляемся происходящим там событиям.

Тот факт, что народные волнения начались именно в Тунисе, можно считать случайностью лишь отчасти. На карте, отображающей состояние дел во времена античности, четко видна концентрация поселения людей в местах, где сегодня расположено государство под названием Тунис. С другой стороны, на территории современной Ливии, равно как и на территории Алжира, в античные времена люди практически не жили. Выдаваясь своими землями вглубь Средиземного моря, по направлению к Сицилии, Тунис был центром Северной Африки не только во времена Карфагена и Древнего Рима, но и при вандалах, Византии, средневековых государствах арабов и турков. Когда Алжир на западе, а Ливия на востоке только начинали зарождаться как государства, Тунис уже слыл центром цивилизации с многовековой историей. (Что касается Ливии, то ее западный регион – Триполитания – был на протяжении истории ориентирован на Тунис, в то время как восточный регион – Киренаика-Бенгази – ориентирован на Египет.)

В течение не одного тысячелетия, чем ближе к Карфагену (территория современного Туниса, за некоторым исключением), тем выше уровень развития. Урбанизация в Тунисе продолжается вот уже 2000 лет, в то же время развитие племенной идентичности, основанной на номадизме (который, кстати, по мнению средневекового историка Ибн Хальдуна, подрывал политическую стабильность), становится все меньше. Действительно, после того как в 202 г. до н. э. римский полководец Сципион Африканский разбил Ганнибала за пределами Туниса, он вырыл демаркационный ров – *fossa regia*, – который отмечал границы цивилизованного мира. Граница эта актуальна на Ближнем Востоке и сегодня. Кое-где еще различимая, она проходит от Табарки, города, расположенного на северо-западном побережье Туниса, на юг, поворачивая непосредственно к Сфаксу, еще одному средиземноморскому порту на востоке. Города, оказавшиеся за этой линией, испытывали на себе меньшее влияние Рима, и сегодня они продолжают оставаться более бедными, менее развитыми, с исторически более высоким уровнем безработицы. Городок Сиди-Бузид, где в декабре 2010 г. началось арабское восстание, когда продавец из овощной лавки поджег себя в знак протеста, расположен как раз за линией Сципиона.

Тут нет никакого фатализма. Я всего-навсего ввожу текущие события в историко-географический контекст: арабское восстание началось в тех местах, которые исторически наиболее развиты в арабском мире и ближе всего расположены к Европе. Однако беспорядки начались в той части государства, которая со времен Античности игнорировалась и как результат оставалась на более низком уровне экономического развития.

Такого рода знания могут помочь в понимании того, что происходит и в других частях Ближнего Востока: будь то в Египте – еще одном очаге цивилизации с такой же длинной историей государственности, как и Тунис; или, к примеру, в Йемене, демографическом центре Аравийского полуострова. Стремление этой страны к единству подрывается слишком растянутой территорией и гористым рельефом. Эти два фактора сильно ослабляют центральную власть в государстве и, таким образом, повышают роль племенных структур и сепаратистских группировок в управлении страной. Или возьмем в качестве другого примера такую страну, как Сирия, чья усеченная форма на карте в реальности хранит в себе различия, основанные на этническом происхождении и вероисповедании людей, здесь живущих уже на протяжении многих веков.

География отчетливо показывает, что Тунис и Египет естественным образом связаны между собой. В меньшей мере связанными являются Йемен, Сирия и Ливия. Следовательно,

Тунис и Египет нуждаются в умеренной авторитарной власти, чтобы сохранять целостность, в то время как Ливия и Сирия нуждаются в более жестких формах правления. А вот относительно Йемена можно сказать, что в силу географических особенностей управлять этим государством исключительно трудно. Йемен был и остается тем, что европейские ученые XX в. Эрнест Геллнер и Робер Монтань назвали сегментарным обществом. Это край с типичным для Ближнего Востока ландшафтом: горы и пустыни. Кидаясь из одной крайности в другую (к примеру, от централизации к анархии), такие общества, по словам Монтаня, характеризуются режимами, высасывающими жизнь из региона, хотя и ввиду собственной хрупкости неспособными закрепиться на длительный срок. Тут сильны племена, а центральная власть достаточно слаба.^[9] Попытки установить либеральный режим в таких местах не должны быть оторваны от специфики реалий.

Чем больше мы уважаем карты, тем меньше мы делаем ошибок, не только принимая решения, когда вмешиваться, а когда не стоит этого делать, но и планируя вторжения или военные операции, когда все-таки решим принять участие в конфликте.

По мере того как возрастает количество политических протестов и волнений, а мир все труднее поддается контролю, возникают бесконечные вопросы, как США и их союзники должны ответить на брошенный им вызов. География открывает путь к осмысленному ответу. Разворачивая старые карты, прислушиваясь к словам географов и геополитиков прошлых эпох, я хочу докопаться до правды в процессе XXI в., как делал это в конце XX столетия. Ведь даже если мы посылаем спутники за пределы Солнечной системы, даже если киберпространство не знает границ, то горы Гиндукуш^[10] все еще остаются грозным гигантским барьером.

Часть I
Провидцы

Глава 1

От Боснии до Багдада

Для того чтобы снова в полной мере ощутить географию планеты, мы должны вернуться к тому моменту в новейшей истории, когда это чувство было потеряно, понять, почему так произошло, и разобраться в том, как это изменило наши взгляды на окружающее. Конечно, чувство это притуплялось постепенно. Но наиболее отчетливо его утрата стала ощутимой для меня сразу после падения Берлинской стены. Разрушение этой искусственной границы должно было заставить нас с большим уважением относиться к географии и географической карте мира. Оно также должно было изменить наше отношение к событиям на Балканах и Ближнем Востоке, которые эта карта могла бы помочь предвидеть. Однако падение Берлинской стены все же не позволило разглядеть географические преграды, все еще разделяющие нас или те, с которыми нам еще суждено было столкнуться.

Неожиданно мы очутились в мире, где разрушение созданной человеком границы, разрезающей на две части Германию, породило мнение, что все, что разделяет людей, можно преодолеть. Что демократия покорит и Африку, и Ближний Восток, как это произошло в Восточной Европе. Что «глобализация», слово, которое совсем скоро стало доноситься отовсюду, – это новый вектор в истории человечества и система международной безопасности, а не то, чем она являлась на самом деле: всего лишь очередной экономической и культурной стадией развития цивилизации. Просто представьте: только что была повержена тоталитарная идеология, в то время как система внутренней безопасности в США и Западной Европе воспринималась как должное. Везде воцарилась видимость мира.

С удивительной пронизательностью передавая дух того времени, за несколько месяцев до падения Берлинской стены бывший заместитель начальника Отдела стратегического планирования Госдепартамента США Френсис Фукуяма опубликовал статью под названием «Конец истории», в которой утверждалось, что, хотя в мире еще будут происходить войны и вооруженные восстания, история в гегелевском ее понимании уже окончена, поскольку успешность капиталистических стран с либерально-демократическим режимом положила конец спорам о том, какая из форм правления больше подходит для человечества.^[11] Таким образом, вопрос был только в том, чтобы перековать мир по нашему образу и подобию, иногда при помощи американских войск, что в 1990-х не вызывало бурных протестов общества. Эта первая стадия осознания мира после окончания холодной войны была наполнена иллюзиями. То было время, когда слова «реалист» и «прагматик» были ругательными, неся в себе отвращение к военному вмешательству во имя гуманных целей в тех местах, где национальные интересы, в их общепринятом и узком понимании, казались неясными. Куда лучше было называться «неоконсерватором» или «либералом-интернационалистом», поскольку их считали хорошими, умными людьми, которым только и хотелось, что остановить геноцид на Балканах.

В США и раньше случались такие вспышки идеализма. После победы в Первой мировой войне солидную популярность приобрело «вильсонизмство». Это понятие, ассоциируемое с именем президента Вудро Вильсона, как оказалось впоследствии, имело мало общего с реальными целями европейских союзников США в войне и еще меньше – с насущными проблемами Балкан и Ближнего Востока. Как потом показали события 1920-х гг., демократия и освобождение от господства Османской империи в том регионе означали главным образом обострение национального самосознания среди народов в отдельных частях бывшей империи. Нечто подобное произошло и по окончании холодной войны, которая, как казалось

многим, должна была просто принести свободу и процветание под знаменами «демократии» и «свободного рынка». Многие предполагали, что даже Африка, беднейший и наименее стабильный континент, также изнывающий под бременем искусственных границ, противоречащих логике, могла оказаться на пороге демократической революции. Казалось, распад Советской империи в самом сердце Европы имел первостепенное значение для наименее развитых стран мира, отделенных от СССР тысячами километров моря и пустыни, но в пределах досягаемости для сигнала телевидения.^[12] Тем не менее, как и после окончания Первой и Второй мировых войн, конец холодной войны принес человечеству куда меньше демократии и мира, нежели последующая борьба за существование.

Кто бы мог подумать, что демократия и новые формы правления на самом деле станут возникать как раз в отсталой Африке. Но их зарождение перемежалось затяжной и непростой борьбой, с анархией и государственными переворотами, а иногда и откровенными злодеяниями (как, например, в Руанде). Африке пришлось пройти долгий путь от 9 ноября 1989 г. до 11 сентября 2001 г. – от падения Берлинской стены до терактов «Аль-Каиды» в Пентагоне и Всемирном торговом центре. Этот путь длиной в 12 лет, наполненный массовыми убийствами и запоздалыми гуманитарными миссиями, разочаровывал интеллигенцию с ее идеалистическими взглядами на устройство мира. С другой стороны, некоторый успех военного вмешательства Запада в происходившие в Африке трагедии вознес эту «идеалистическую чрезмерную гордость за содеянное добро» к высотам, которым, к большому сожалению, суждено будет обернуться настоящей катастрофой после событий 11 сентября.

В течение 10 лет после теракта 11 сентября 2001 г. география, определенно сыгравшая свою роль в отношениях с Балканами и Африкой в 1990-х гг., внесла полную сумятицу в добрые намерения Америки по поводу Ближнего Востока. Соединенным Штатам пришлось проделать непростой политический путь от Боснии до Багдада. От ограниченной наземной операции при поддержке авиации в западной, наиболее развитой части бывшей Турецкой империи на Балканах до массированного вторжения сухопутных войск в восточной, наименее развитой ее части, в Месопотамии. Эти драматические события обозначили границы либерального мышления на Западе, одновременно повысив степень уважения политиков к географической карте.

Холодная война на самом деле окончилась в 1980-х гг., еще до падения Берлинской стены, с возрождением термина «Центральная Европа». Несколько позднее Тимоти Гартон-Эш, журналист и ученый, работающий в Оксфордском университете, дал этому термину следующее определение: «политико-культурная противоположность “Советскому Востоку”».^[13] «Центральная Европа» была больше идейным образованием, нежели географической областью. Она представляла собой концентрированное воспоминание об оживленной, восхитительно суматошной и романтической европейской цивилизации, напоминающей о мощных улочках и остроконечных крышах, о винах с тонким букетом, венских кафе и классической музыке, о великодушной гуманистической традиции, вдохновлявшей острые и электризирующие течения модернистского искусства и философии. Она воскрешала в памяти Австро-Венгерскую империю, имена Густава Малера, Густава Климта и Зигмунда Фрейда, а также глубокое уважение к идеям и сподвижникам Эммануила Канта и голландско-еврейского философа Баруха Спинозы. В самом деле, понятие «Центральная Европа», помимо всего прочего, обозначало и интеллектуальный центр европейской культуры до разрушительных действий нацизма и последующей за этим идеологической раздробленности, и экономическое развитие, связанное с воспоминанием о Чехословакии

перед Второй мировой войной как о стране с более высоким уровнем индустриализации, чем Бельгия. Со всем ее упадничеством и нравственным несовершенством она означала зону относительной многонациональной толерантности под крылом милостивой, хотя и с каждым годом все менее дееспособной империи Габсбургов.

На последней стадии холодной войны «Центральная Европа» была на короткое время воскрешена в памяти профессором Принстонского университета Карлом Шорске на страницах его классического труда «Fin-de-Siecle Vienna: Politics and Culture» («Вена на рубеже веков. Политика и культура»), а также итальянским писателем Клаудио Магрисом в его великолепной книге-эссе «Danubio» («Дунай»), сентиментальном путешествии от истоков великой реки до Черного моря. Для Магриса «Центральная Европа» – это чуткость, восприимчивость, которая «предполагает защиту от любого тоталитарного зомбирования». Для венгерского писателя Дьердя Конрада и чешского писателя Милана Кундеры «Центральная Европа» обозначает нечто «благородное», универсальный ключ, позволяющий сделать либеральными политические устремления.^[14]

Понятие «Центральная Европа» в 1980–1990-х гг. подразумевало, что географический фактор связан с культурой в той же степени, что и с горными хребтами, и определенно так же сильно, как с советскими танками. Идея «Центральной Европы» была ответом географии на холодную войну, в которой термин «Восточная Европа» относился к той половине Европы, которая была тесно связана с СССР. Восточная Германия, Чехословакия, Польша и Венгрия – все эти страны справедливо считались частью «Центральной Европы» и поэтому не должны были оставаться в зависимости от Москвы как главного штаба стран Варшавского договора. По иронии судьбы всего несколько лет спустя, когда в Югославии вспыхнула межэтническая война, «Центральная Европа» из символа единения вдруг превратилась в символ раздора – в сознании людей «Балканы», по сути, географически переместились из «Центральной Европы» на Ближний Восток.

Балканы всегда несли на себе печать сходства с Турецкой и Византийской империями, находившимися в окружении непокорных горных хребтов, которые преграждали путь развитию, в связи с чем эти государства имели более низкий уровень жизни. От находившихся неподалеку земель бывшей Габсбургской империи и Прусского королевства их, казалось, отделяли сотни лет развития цивилизации. На протяжении существования блока стран – участниц Варшавского договора Балканские страны, такие как Румыния и Болгария, в действительности прозябали в такой нищете и подвергались таким репрессиям, каких никогда не знала северная, «центральноевропейская» половина Советской империи. Ситуация, конечно, была осложнена определенными обстоятельствами. Послевоенная ГДР из всех стран Варшавского договора была в наибольшей степени жестко организована, в то время как в Югославии, которая формально не входила в эту организацию, имелась такая степень свободы, особенно в городах, которая была немыслима, например, для Чехословакии. И все же в общем и целом страны Юго-Восточной Европы, входившие ранее в состав Турецкой и Византийской империй, были больше связаны с Советским Союзом и имели свободы меньше, нежели страны бывшей католической Европы Габсбургов, вследствие того, что правящие здесь режимы периодически допускали разного рода идеи радикального либерального популизма. В связи с этим путешествие из относительно либеральной, хотя и социалистической, Венгрии под властью Кадара в Румынию, управляемую тоталитарным режимом, возглавляемым Чаушеску, было весьма показательным.

Я совершил эту незабываемую поездку в 1980-х гг. Как только поезд пересек границу между двумя странами, то первое, что сразу же бросилось в глаза, было качество строительных материалов, из которых возводили дома в Венгрии и в Румынии.

Представители румынских властей тут же перерыли и перевернули вверх дном мой багаж и заставили дать взятку за мою пишущую машинку; бумага в туалете исчезла, а освещение стало тусклым. Влияние «Центральной Европы» на Балканы неоспоримо, но и влияние расположенного в непосредственной близости Ближнего Востока имеет здесь немало значение. Пыльные степи с мрачными и обдуваемыми ветрами местами общественного пользования (совсем как в Малой Азии) были характерной особенностью Косова и Македонии, где не найдешь культурной праздничности и яркости, так свойственных Праге и Будапешту. Так что тот факт, что вспышка насилия наблюдалась в этнически многоликой Югославии, а скажем, не в таких этнически однородных центральноевропейских государствах, как Венгрия и Польша, вовсе не случайность и не воля неких зловещих личностей преступного мира. Здесь тоже явно не обошлось без истории и географии.

Тем не менее, выставляя «Центральную Европу» неким этическим и политическим ориентиром, а не просто географической областью, либерально настроенная интеллигенция, как, например, Гартон-Эш, один из наиболее красноречивых авторов десятилетия, предлагала идею не только Европы, а и всего мира как объединяющей, а не разобщающей силы. С этой точки зрения, не только Балканы нельзя оставлять на прозябание в условиях процветающего варварства и экономической отсталости; так по большому счету нельзя поступать ни с одним регионом на планете – с Африкой, например. Падение Берлинской стены должно не только сказаться на жизни Германии, а скорее воплотить мечту о «Центральной Европе», которую вынашивал мир. Этот гуманистический подход был сутью идеи космополитизма, мирового гражданства, который в 1990-х гг. нашел поддержку как у либералов-интернационалистов, так и у неоконсерваторов. Помнится, до того как приобрести печальную известность из-за поддержки войны в Ираке, Пол Вулфовиц и Ричард Перл были сторонниками военного вмешательства в Боснии и Косове, что, по сути, означало объединение усилий с либералами, как, например, Гартоном-Эшем и журналом *New York Review of Books*, сочувствующим левым идеям. Путь в Багдад этих лет был вымощен военным вмешательством на Балканах, против чего выступали реалисты и прагматики, пусть даже эти кампании и оказались в итоге безусловно успешными.

Страстное желание спасти мусульман Боснии и Косова началось с тоски по романтической «Центральной Европе», как по реальному месту, так и по всему, связанному с ней, что в трогательных тонах рисовало воображение. Возрождение такой «Центральной Европы» в конечном счете должно было показать, каким образом нравственность и гуманизм возвеличивают красоту.

Гуманистические труды Исаяи Берлина передают дух интеллектуальной мысли 1990-х гг. ««Ich bin ein Berliner»»,^[15] – любил говорить я, имея в виду, что я поклонник Исаяи Берлина», – писал Гартон-Эш в своих проникнутых грустью мемуарах о времени, проведенном в Восточной Германии.^[16] Теперь, когда марксистские утопические идеи отвергнуты как ложные, Берлин оказался идеальным отрезвляющим элементом, действующим против модных монистических теорий, которые 40 лет доминировали в академической сфере. Берлин буквальным образом ровесник XX в. Он преподавал в Оксфорде и всегда отдавал предпочтение не политическим экспериментам, а буржуазному прагматизму и «компромиссам, которые помогали приспособливаться к сложившимся обстоятельствам».^[17] Он ненавидел географический, культурный и любой другой детерминизм, не желая оставлять кого бы то ни было на произвол судьбы. Его взгляды, сформулированные в статьях и лекциях, публиковавшихся на протяжении всей его жизни, часто не встречали никакой поддержки в академических кругах. В них был выражен умеренный, сдержанный идеализм, который критиковал как марксизм, так и мысль, что свобода и безопасность – удел только

избранных народов и не положены другим. Его философия и идеалы «Центральной Европы» прекрасно друг друга дополняли.

И хотя та «Центральная Европа», о которой ясно говорили эти мудрые и красноречивые мыслители, на самом деле являлась благим основанием и должна была оказывать определенное влияние на внешнюю политику всех западных стран, как будет показано далее, на пути оказалось препятствие, с которым вынужден был иметь дело и я.

Есть одна проблема со всем этим восторженным идеализмом, нелицеприятный факт, который часто придавал трагическую окраску идее «Центральной Европы» на протяжении всей ее истории. Просто такого образования, как «Центральная Европа», на географической карте нет. И здесь в игру вступают сторонники географического детерминизма, чьи голоса звучат так резко и мрачно по сравнению с кротким голосом Берлина, в частности голоса человека из эдвардианской эпохи, сэра Хэлфорда Маккиндера, и его последователя Джеймса Фейргрива, для которых в идее «Центральной Европы» есть «фатальная географическая ошибка».

По мнению Маккиндера и Фейргрива, в «Центральной Европе» расположена «зона разлома», разделяющая Европу на морские державы с их «океаническими интересами» и мощным флотом и на «центральную евразийскую часть с ее континентальным вектором». Одним словом, со стратегической точки зрения «Центральной Европе» нет места на политической карте мира, по мнению Маккиндера и Фейргрива.^[18] Из их трудов следует, что чрезмерное воспевание «Центральной Европы» и вполне объяснимое участие в нем либерально настроенной интеллигенции говорят лишь о передышке в эре геополитики или хотя бы о желании такую передышку получить. Тем не менее падение Берлинской стены не положило конец геополитике, да и не могло этого сделать. Это событие всего лишь ознаменовало ее новую стадию. Простым усилием воли невозможно заставить исчезнуть столкновение интересов государств и империй по всему миру.

Позже я рассмотрю работу Маккиндера более детально и уделю особое внимание его тезису о «Хартленде», о так называемом «сердце мира» или «земле сердцевины». Сейчас же достаточно сказать, что заявленная более 100 лет назад теория, как оказалось, могла объяснить ход Первой и Второй мировых войн, логику развития холодной войны. Отбросив все лишнее, мы поймем, что в ходе обеих войн решался вопрос, будет ли Германия доминировать на территории «Хартленда» в Евразии, на землях, которые располагались к востоку. В ходе холодной войны, с другой стороны, решался вопрос о доминировании Советского Союза над Восточной Европой – западной окраиной «Хартленда» у Маккиндера. Советская Восточная Европа включала в себя, кстати, и Восточную Германию, исторически – регион Пруссии, которая всегда с жадностью поглядывала на восточные земли, земли «Хартленда». А в состав НАТО входила Западная Германия, исторически католическая. Территория развитой промышленности и коммерции, Западная Германия ориентировалась на Северное море, на Атлантику. Известный американский географ времен холодной войны, Коэн отмечает, что «граница, отделяющая восток от запада Германии... одна из древнейших в мире». Ведь именно там проходил раздел между племенами франков и славян. Другими словами, искусственности в разделении Германии не было. Западная часть, согласно Коэну, была «прекрасным примером прибрежной Европы», в то время как восток принадлежал «европейскому континенту». Коэн поддерживал разделение Германии как «геополитически оправданное и стратегически необходимое», так как это являлось стабилизирующим фактором в долгой войне между прибрежными и континентальными европейскими территориями.^[19] Маккиндер, в свою очередь, еще в 1919 г. оставил пророческое замечание:

«Граница по Германии... та самая линия, проведенная по землям, разделяющая “Хартленд” и прибрежные территории».^[20] Как видим, разделение Германии было не таким уж искусственным, в отличие от разделения Берлина, которое являлось таковым на все 100 %.

Сол Коэн называл «Центральную Европу» «пустой географической оболочкой без геополитической сущности».^[21] Объединение Германии, согласно такой логике, вряд ли привело к возрождению «Центральной Европы», скорее, к возобновлению битвы за Европу в целом, а соответственно, и за «Хартленд» Евразии. Другими словами, куда Германия в первую очередь повернет: на восток – к России, что будет иметь последствия для Польши, Венгрии и других бывших стран – сателлитов СССР, или на запад – к Великобритании и США, обеспечив победу прибрежным территориям? Мы все еще не знаем ответа на этот вопрос: слишком мало времени прошло с момента окончания холодной войны. Коэн и другие не могли с точностью предвидеть, что объединенная Германия будет отличаться изрядным пацифизмом, «неприятием военных методов разрешения проблем», которое существует на глубинном культурном уровне. В будущем, в зависимости от обстоятельств, это может помочь стабилизировать или же, наоборот, дестабилизировать обстановку на континенте.^[22] Именно потому, что Германия занимает территорию в центре Европы как сухопутная держава, немцы всегда с уважением относились к географии и стратегии как к механизмам выживания. Такое отношение может помочь немцам в дальнейшем отказаться от присущего им на данный момент квазипацифизма. Вопрос на сегодняшний день стоит следующим образом, может ли объединенная Германия выступить в качестве балансирующего начала, находясь между Атлантикой и евразийским «Хартлендом», воплотив в реальность новую смелую интерпретацию культурного пространства «Центральной Европы», наполнив понятие «Центральная Европа» геополитическим стабилизирующим смыслом? Это вызвало бы больше доверия к Гартону-Эшу и иже с ним, а не к Маккиндеру и Коэну.

В итоге сможет ли «Центральная Европа», идеал терпимости и цивилизованности, противостоять стремительному натиску в новой борьбе за власть на континенте? Потому что такая борьба в центре Европы неотвратима. Вызывающая живой интерес культура «Центральной Европы» конца XIX столетия, которая казалась такой привлекательной с точки зрения конца последующего, XX в., по сути, представляла собой закат лишенной сентиментальности специфической имперской и геополитической реальности, а именно – Австрии Габсбургов. Либерализм в конечном счете основывается на власти. Может быть, излишне мягкой, благодушной, но тем не менее власти.

Однако сторонники военного вмешательства в этнические конфликты 1990-х гг. не закрывали глаза на борьбу за власть, и в их глазах «Центральная Европа» утопией не являлась. Скорее реставрация «Центральной Европы» посредством прекращения массовых убийств на Балканах послужила негромким, но осмысленным призывом к грамотному использованию западной военной мощи с целью обеспечения значимости победы в холодной войне. В конце концов, чем была холодная война, как не методом обеспечить индивидуальные свободы для всех и каждого? «Для либерально настроенных интернационалистов Босния стала чем-то сродни Испанской гражданской войне наших дней», – отмечает историк, автор многих книг по международным отношениям и проблемам прав человека, биограф Берлина Майкл Игнатъевф, описывая отношения интеллигенции к войне на Балканах из собственного опыта.^[23]

Обращение к человеческому фактору и, как следствие, поражение детерминизма стали для них жизненно важной необходимостью. В этой связи вспоминается отрывок из «Улисса» Джойса, когда Леопольд Блум сокрушается по поводу «обстоятельств родовых, определяемых законами природы, кои отличны от человеческих»: «опустошительных

эпидемий», «катастрофических катаклизмов» и «сейсмических потрясений». На что Стивен Дедал едко подтверждает «собственную значимость как сознающего и рассуждающего животного...».^[24] Но злодеяния все же случаются, так устроен мир, а потому не стоит все видеть только в темных тонах. Человек, рационально мыслящий, должен, нет, просто обязан бороться против страданий и несправедливости.

Итак, с «Центральной Европой» в качестве путеводной звезды дорога повела Запад на юго-восток, в Боснию, затем – в Косово, а дальше – в Багдад. Конечно, многие интеллектуалы, которые поддерживали интервенцию в Боснию, противились таковой же в случае с Ираком – или же как минимум были настроены довольно скептически в этом отношении. Но неоконсерваторов и прочих это не отпугнуло. Как мы увидим в дальнейшем, Балканы стали примером успешного военного вмешательства, хоть и запоздалого. Все обошлось практически без жертв со стороны военных. Поэтому многие пришли к ошибочному выводу, что ныне будущее всех войн за безболезненными победами. Минувшие 1990-е, с запоздалыми вмешательствами, были, по словам Гартона-Эша (с горькой аллюзией на Уистена Одена^[25]), «позорным десятилетием», как и 1930-е гг.^[26] Справедливо, впрочем, что в остальном отношении они были гораздо более комфортными.

В то время, в 1990-е гг., действительно казалось, что история и география охладили многие горячие головы. Однако всего через два года после падения Берлинской стены со всеми неисторическими и всеобщими восторгами, которые последовали за вышеупомянутым событием, мировые СМИ внезапно оказались среди дымящихся руин и развалин разрушенных городов с трудно произносимыми названиями в приграничных районах бывших Австрийской и Османской империй. Эти районы назывались Славония и Военная Краина, и им довелось испытать на себе все ужасы вооруженного противостояния, которого Европа не видела со времен нацистов. От легковесных разглагольствований о глобальном единстве мировая элита теперь была вынуждена перейти к тяжелым дискуссиям о невероятно запутанной истории межэтнических отношений на местах, находящихся всего в нескольких часах езды по Среднедунайской равнине от Вены, самого сердца «Центральной Европы». Согласно географической карте, Южная и Восточная Хорватия, у реки Сава, представляют собой южную окраину Европейской равнины, которая является предвестником целого ряда горных кряжей, расположенных за рекой Сава и известных под собирательным названием Балканы. Географическая карта, на которой ясно видно большое зеленое пятно от Франции до России (от Пиренеев до Урала), вдруг на южном берегу реки Сава становится желтым, а далее коричневым, территориями, расположенным на большей высоте в юго-восточном направлении до самой Малой Азии. Этот регион, у подножия гор, был пограничьем империй Габсбургов и Османов, тут западное христианство уступает место восточному православью и исламу – тут Хорватия граничит с Сербией.

Военная Краина представляет собой бывшую буферную зону, которую создали австрийцы, пытаясь противодействовать турецкой экспансии в XVI в. Краина в те тяжелые для балканских христиан времена превратилась в убежище как для сербов, так и для хорватов, которые спасались бегством от гнета турок. Таким образом, этот регион стал полиэтническим, а с развалом Австро-Венгерской империи после Первой мировой войны произошла дальнейшая эволюция моноэтнических общин. Хотя сербы и хорваты были объединены в годы между двумя мировыми войнами в Королевство сербов, хорватов и словенцев (1918–1929 гг.), во время нацистской оккупации противостояние между ними обострилось: хорватское пронацистское марионеточное государство уничтожило десятки тысяч сербов в концентрационных лагерях. После окончания Второй мировой войны сербы и хорваты еще раз оказались в одном государстве – Югославии, авторитарной коммунистической стране под

руководством маршала Тито. В 1991 г. Югославия распалась, а сербские войска вторглись в Славонию и Краину, ставших местом этнических чисток, массового убийства сербами хорватов. Позже, когда хорваты вновь заняли этот регион, этнические сербы были вынуждены спасаться бегством в Сербию. С сербско-хорватской границы война перекинулась на территорию Боснии, где сотни тысяч людей были убиты с ужасающей жестокостью.

История и география тут тесно переплелись, но ни профессионалы-журналисты, ни интеллектуалы не придавали этому большого значения. На то у них были свои, подчас очень весомые причины. Во-первых, откровенный ужас и отвращение к происходящему. И снова обратимся к Гартону-Эшу:

«Какой урок мы можем вынести из событий в бывшей Югославии?.. Мы узнали, что человеческая природа не изменилась; что Европа конца XX столетия так же способна на варварство, как и во времена холокоста середины XX в. Нашими западными политическими мантрами были “интеграция”, “культурное многообразие” или, если быть несколько старомодным, “плавильный котел”. Бывшая Югославия была противоположностью. Это был гигантский “сепаратор”. Вращением огромного винта разделялись народы, в то время как кровь стекала через фильтр».^[27]

Вслед за этими драматическими событиями последовали обвинения в попустительстве со стороны Запада. Обвинения в потакании Слободану Милошевичу, коммунисту, который, чтоб удержаться при власти после падения Берлинской стены, сохранить виллы, охотничьи угодья и прочие привилегии, перекрасился в ярого националиста, устроив некое подобие холокоста на Балканах. Аналогия с потаканием Гитлеру в Мюнхене в 1938 г. в 1990-х стала актуальной.

На самом деле боязнь нового Мюнхенского сговора не была нова. Именно она послужила одной из основных причин решения освободить Кувейт от оккупации страны Саддамом Хусейном в 1991 г. Не останови мы Саддама тогда в Кувейте, он бы вторгся в Саудовскую Аравию и начал контролировать добычу нефти в мировом масштабе, игнорируя права человека в регионе. Но на сербскую агрессию в Хорватии и Боснии в 1991–1993 гг. ответа не последовало. Обвинения в попустительстве снова заставили международную общественность вспомнить Мюнхен.

Аналогии с Мюнхеном вновь становятся актуальными после длительного периода мира и процветания, когда тяготы войны остались далеко позади и казались абстрактными. В частности, в 1990-х Америка уже успела подзабыть трудности наземных военных операций в Индокитае 20-летней давности. Вспоминая Мюнхен, мы начинаем мыслить глобально, заботиться о мире в целом, о жизнях других людей и часто будем слышать эти слова в ответ на неудачную попытку остановить геноцид в Руанде в 1994 г. Но вопрос Мюнхена встал ребром при подготовке военных операций НАТО, запоздалых, но эффективных, в Боснии в 1995-м и в Косове в 1999 г. Противники нашей интервенции на Балканы проводили аналогии с Вьетнамом, но риск оправдался, и именно на Балканах в 1990-е призрак Вьетнама навсегда был изгнан в небытие (или же так в то время считали и писали)^{[28] [29]} Военная сила, которую так во времена Вьетнама ненавидели, стала синонимом мира. «Война против геноцида должна вестись со всей жестокостью, – писал Леон Визельтир, литературный редактор американского журнала о политике, литературе и искусстве The New Republic. – Чтоб остановить геноцид, прибегать к силе нужно в первую очередь, а не в качестве последней меры». Визельтир продолжил свое выступление против необходимости стратегий выхода из

гуманитарных миротворческих операций:

«В 1996 г. Энтони Лэйк, замученный и робкий советник по безопасности президента Клинтона зашел настолько далеко, что возвел в ранг закона “доктрину стратегии выхода”: прежде чем отправлять наших солдат воевать за границу, мы должны четко представлять, как и когда мы их оттуда будем выводить. Лэйк одним из главных условий использования военной мощи США поставил условие всезнания. Доктрина «стратегии вывода» по своей сути противоречит природе войны, а на более высоком уровне – исторической логике в целом. Во имя предосторожности она отрицает возможность случайностей в человеческих отношениях. Ведь знание о том, чем и как все закончится, не может быть дано изначально».^[30]

В качестве примера Визельтир приводит Руанду, когда миллион тутси были убиты во время геноцида 1994 г.: «...трясина затягивания войск Запада в конфликт, вмешайся мы хоть как-то, чтоб предотвратить убийства, – писал он, – была бы гораздо более предпочтительна, чем то, что в итоге получилось». Визельтир, который, подобно Гартону-Эшу, был одним из моральных авторитетов десятилетия, с сожалением и разочарованием высказывался относительно ограниченности и запоздалости авиаударов НАТО с целью избавить албанцев-мусульман в Косове от политики выталкивания и уничтожения, проводимой Милошевичем. Авиаудары наносились по сербским городам, тогда как, по словам руководства миссии, было необходимо наземное военное вторжение для освобождения косовских городов. Нерешительность Клинтона стала причиной огромного бедствия. «Политика идеализма, – писал Визельтир, – свелась к преодолению последствий катастрофы. Туда, где должны были быть наши пули, мы поставляли одеяла». Клинтон, по его словам, изобрел способ ведения войны, когда «наши солдаты не умирают... трусливая война с использованием точечных технологий, которая оставляет спокойной совесть и не понижает рейтинги». Он предсказал, что «этот век неприкосновенности не продлится вечно. Рано или поздно США придется отправить своих солдат туда, где те будут страдать от ран и умирать. Что будет иметь действительно значение, так это справедлива ли высшая цель, а не насколько она опасна».^[31]

На самом деле, вторжение в Ирак вышло на повестку дня в 1990-х, когда американская армия казалась непобедимой перед какими-либо силами истории и географии, было бы только достаточно времени и возможностей использовать всю полноту военной мощи, в том числе и наземное вторжение. Идеалисты громко и неистово требовали интервенции в Сомали, Гаити, Руанду, Боснию, Косово, в то время как даже реалисты типа Brenta Скоукрофта и Генри Киссинджера, известные своей бессердечностью, выступали за куда более сдержанный подход.

Хотя на самом деле 1990-е гг. не столько являлись периодом американской военной мощи в целом, сколько десятилетием полного превосходства в воздухе. Именно военно-воздушные силы сыграли решающую роль в победе над иракской армией в Кувейте в 1991 г. В этот раз география пришла на помощь высокотехнологичной войне, так как операции проводились в пустыне, где редко выпадают осадки. Решающую роль фактор воздушного превосходства сыграл и в разрешении конфликта в Боснии четыре года спустя, несмотря на все его недостатки, как и случае с борьбой против власти Милошевича. Этнические албанцы, беженцы, массово возвращались в свои дома, в то время как режим Милошевича неуклонно слабел, пока наконец не пал в 2000 г. «Мы не воюем в горах» – так в обобщенной форме звучал первоначальный отказ американских военных от участия в конфликте в Боснии и Косове. Но оказалось, что при условии полного превосходства в воздухе наши солдаты

могут также превосходно воевать в горах. География было подняла голову на Балканах, но наша воздушная мощь быстро с этим справилась. Затем настал черед ВВС и морской авиации патрулировать свободные от полетов зоны, заставив Саддама добрый десяток лет сидеть в бункере. Как можно увидеть, представители политической элиты, верившие в силу американской армии, испытывали неприятие политики администрации Буша-старшего и Клинтона, когда те отказались задействовать вооруженные силы страны для спасения четверти миллиона людских жизней от геноцида на Балканах (не говоря уже о миллионе жизней в Руанде). Такие настроения могли, однако, свидетельствовать о духе авантюризма, присущего некоторым политическим деятелям. Это послужило причиной частичного отказа от проведения аналогий с Мюнхенским сговором в последующее десятилетие, равно как и восстановилось уважение к географии, утраченное было в 1990-е, когда карта рассматривалась (благодаря превосходству в воздухе) двумерно. Однако вскоре военным и политикам пришлось вновь вернуться к рассмотрению географических карт в трех измерениях – это произошло в горах Афганистана и в предательских улочках Ирака.

В 1999 г., выражая мнение либеральной части американской интеллигенции, Визельтир писал:

«Что интересно в отказе Клинтона включать в список военных целей устранение этого бандита [Слободана Милошевича], так это то, что он сам унаследовал от своего предшественника такой отказ включить в список еще одного бандита. В 1991 г. полмиллиона американских солдат стояли всего в нескольких сотнях километров от Багдада, а Джордж Буш не отдал им приказа взять город. Его генералы боялись больших потерь, они вели войну очень осторожно, не совершая никаких промахов. Они поддерживали тогда территориальную целостность Ирака, будто бы бедствия, настигшие страну после падения режима, были соразмеримы с теми ужасами, которые переживали курды на севере и шииты на юге, сохраняй страна свою целостность».^[32]

Случись так, что границы «Центральной Европы» простирались бы в Месопотамию, ситуация разворачивалась бы совсем иначе. Но в 2006 г., в ходе ужасной межконфессиональной резни в Ираке, которая последовала за падением режима Саддама Хусейна, Визельтир имел смелость признаться, что «обеспокоен происходящим». Он отметил, что не может ничего сказать в оправдание своей позиции, несмотря на то что горячо поддерживает ведение военных операций. Он не был среди тех сторонников вторжения в Ирак, которые изо всех сил тогда пытались оправдаться на страницах газет.^[33]

Я также поддерживал войну в Ираке, в печати и как член группы, которая убеждала администрацию Буша осуществить вторжение.^[34] Я был поражен американской военной мощью на Балканах, и, опираясь на утверждения, что Саддам уничтожил больше людей, чем Милошевич, и что существовала угроза наличия оружия массового поражения, я посчитал вторжение обоснованным. Кроме того, я был журналистом, который слишком близко к сердцу принимал то, о чем писал: делая репортажи из Ирака в 1980-х, я своими глазами видел, насколько режим Саддама жестче режима того же Хафеза аль-Ассада в Сирии. Я был уверен, что Саддама надо свергнуть. Лишь затем стало известно, что многие политики выступали за вторжение в Ирак, руководствуясь интересами Израиля.^[35] Но мой личный опыт в общении с неоконсерваторами и некоторыми либералами свидетельствует о том, что в тот период в их рассуждениях проблемы Боснии и Косова играли более значительную роль, чем проблемы

Израиля^[36].^[37] Интервенция на Балканах, будучи стратегически более привлекательной, оправдывала идеалистический подход к международной политике. Вторжение 1995 г. в Боснию сменило тему дебатов с «Нужно ли сохранять НАТО?» на «Нужно ли расширять НАТО?». Война 1999 г. в Косове и события 11 сентября 2001 г. послужили толчком к расширению НАТО до Черного моря.

Для немногих идеалистов Ирак служил продолжением их беспокойных переживаний в 1990-е гг. Однако выглядело это (хоть во многом и на подсознательном уровне) как полное пренебрежение географией, ибо военная мощь США ослепляла тогда очень многих. То было время, когда некоторые западноафриканские страны, такие как Либерия и Сьерра-Леоне, считались вполне подходящими кандидатами на установление в них демократических режимов. И это несмотря на царящее там насилие, а также на то, что в плане государственных институтов они были гораздо менее развиты, чем тот же Ирак. Но на самом деле только при скрытой поддержке вооруженных сил или, точнее, военно-воздушных сил идеи универсализма перевесили исторический и местный опыт людей, живущих на этих территориях.

Мюнхен сыграл свою роль и в подходе к тому, как быть с Саддамом Хусейном после событий 11 сентября. И хотя американцы пережили нападение на собственной территории, сравнимое с Перл-Харбором, в наземных войнах на протяжении четверти века страна обладала опытом минимальным, если не сказать – негативным. Более того, Саддам был не просто еще одним диктатором, а настоящим тираном прямо из Месопотамской древности, который к тому же обладал, как тогда считали, оружием массового поражения. В свете событий 11 сентября (как и в свете истории с Мюнхенским соглашением) нас бы не простили, если б мы промолчали, не предприняв никаких действий.

Когда боязнь повторения Мюнхена привела к переоценке собственных сил, злободневной стала еще одна аналогия, которая прежде казалась неактуальной, – Вьетнам. Так начался следующий этап интеллектуального осмысления периода истории после окончания холодной войны.

На этом этапе, который приблизительно совпадает по времени с первым десятилетием XXI в. и периодом непростых войн в Ираке и Афганистане, термины «реалист» и «прагматик» приобрели позитивную коннотацию, обозначая тех, кто изначально скептически относился к американской аванюре в Месопотамии. А вот «неоконсерватизм» стал объектом осмеяния. В 1990-х гг. этнические и религиозные противостояния в отдаленных уголках планеты понимались как препятствия, которые «хорошие парни» должны были преодолеть – иначе они рисковали получить прозвище «фаталистов» или «детерминистов». Но вот уже в следующее десятилетие такие противостояния стали рассматривать как факторы, которые могли – и должны были – предостеречь нас от попыток военного вмешательства. И если хочется выбрать тот момент в истории, когда боязнь повторения Вьетнама оказалась сильнее, чем боязнь повторения Мюнхена, то это будет 22 февраля 2006 г. В этот день в иракском городе Самарра экстремистами-суннитами из «Аль-Каиды» была взорвана главная шиитская мечеть аль-Аскари, что послужило началом массовой межконфессиональной резни в Ираке, которую американские солдаты просто были не в состоянии остановить. Перед лицом ужасающей ненависти и полного хаоса наши сухопутные силы оказались абсолютно беспомощными. Миф о всемогущей американской армии, родившийся в Панаме и во времена Первой войны в Персидском заливе, немного пострадавший в Сомали, но восстановленный сполна в Боснии, Косове и на Гаити, разбился вдребезги, как и сопутствовавший ему идеализм.

В то время как история с Мюнхенским соглашением учит нас универсализму, заботе обо всем мире, о жизнях людей на всей планете, то Вьетнам – наша внутренняя боль. Это забота о себе после того, как 58 000 наших парней погибли в той войне. Вьетнам говорит нам, что избежать трагедии можно, лишь будучи готовым к худшему. Он остужает пыл, показывая, как все может пойти не так. Несомненно, именно миссионерские чувства завели США так далеко в конфликте в Юго-Восточной Азии. Америка ведь тогда жила в мире и после окончания Второй мировой войны процветала как никогда раньше. Однако в это же время Вьетнам твердо встал на путь социализма, что шло в корне вразрез с принципами нашей демократии. Какая же тогда война могла быть более справедливой, чем эта? О географии, о расстоянии, о нашем собственном ужасном опыте войны в джунглях Филиппин в еще одной «неправильной» войне за 60 лет до этого – на рубеже XX в. – при вторжении во Вьетнам об этом как-то не думали.

Вьетнам – аналогия, которая приходит на ум вслед за болью всей нации. Реализм вовсе не увлекателен и не захватывает. С ним начинаешь считаться только после того, как отсутствие реального, трезвого взгляда на проблему значительно ухудшает ситуацию. Действительно, посмотрите на Ирак: 5000 погибших американских солдат (более 30 000 тяжело раненных) и, наверное, сотни тысяч убитых иракских жителей. Потрачено более триллиона долларов. Если бы Ирак и стал условно стабильной демократией, негласным союзником США, затраты были бы настолько большими, что, как говорят, даже в таком случае стало бы затруднительно рассматривать это как успех. Война в Ираке подорвала ключевой элемент в мышлении многих людей на планете: что Америка, мол, показывает силу только ради восстановления справедливости. Но многие после Ирака поняли, что использование силы любым государством, даже таким свободолюбивым, как США, не обязательно справедливо и добродетельно.

Восстановившееся уважение к реализму возродило интерес к философу XVII в. Томасу Гоббсу, который воздаёт хвалу моральным преимуществам страха, а в насилии анархии видит основную угрозу обществу. Для Гоббса боязнь насильственной смерти является краеугольным камнем просвещенного эгоизма. Установив государственный строй, люди перестают опасаться насильственной смерти – всеобъемлющего, общего страха, – заменяя его страхом смерти в случае нарушения закона. Это трудно усвоить горожанину, представителю среднего класса, который очень давно утратил связь с естественным состоянием человека.^[38] Но весь ужас насилия в распадающемся Ираке, который, в отличие от Руанды и Боснии в определенном смысле, был не результатом единовременного массового истребления людей, но результатом царства хаоса, позволил многим из нас отчетливо представить себе это естественное состояние. Томас Гоббс, таким образом, стал идеологом второго этапа периода нашей истории после холодной войны, равно как Исайя Берлин был идеологом первого этапа^{[39] [40]}.

Чему же учит нас общий период после окончания холодной войны? Мы поняли, что тоталитаризм, с которым мы боролись десятилетия после Второй мировой войны, в редких случаях может быть предпочтительней ситуации безвластия. Оказалось, есть вещи похуже марксизма, и в Ираке мы столкнулись с ними. Я говорю это как человек, который поддерживал изменение тамошнего режима.

В марте 2004 г. я оказался в Camp Udari, военном лагере в самом сердце Кувейтской пустыни. Там как журналист я был прикреплен к батальону морской пехоты, который, как и остальные подразделения 1-й дивизии морских пехотинцев, готовились к марш-броску на Багдад и в Западный Ирак, с целью сменить 82-ю воздушно-десантную дивизию. Это был

целый мир, состоящий из палаток, контейнеров, тентов-столовых, а также длинных рядов 7-тонных грузовиков и «хаммеров», простирившихся до горизонта, в направлении на север. Огромный масштаб участия американцев в Ираке стал скоро очевиден. Разбушевалась песчаная буря. Дул ледяной ветер. Надвигался дождь. Машины встали. Мы толком и начать не успели свой путь длиною в несколько сотен километров до Багдада, как возникли проблемы. Этот путь, который всего несколько лет назад те, кто считал, что сместить Саддама будет так же просто, как сместить и Милошевича, назвали тогда легкой прогулкой. Огромные лабиринты из гравия, пропахшие нефтью и бензином, были предвестниками первой остановки на пункте техобслуживания, одном из нескольких, сооруженных для обслуживания военного транспорта, который направлялся на север. Там же тысячи морских пехотинцев могли и перекусить. В темноте надсадно завывали двигатели и генераторы. Чтобы пересечь враждебную человеку пустыню и прибыть в город Фаллуджу, в 60 км к западу от Багдада, а также перевезти и сохранить все – начиная от бутылок с минеральной водой до готовой к употреблению пищи и инструментов, – потребовался не один день сложной работы служб тылового обеспечения. Всего лишь какие-то несколько сотен километров^[41]^[42]. А ведь это была несложная и, самое главное, мирная часть американской миссии в Ираке. Конечно, было глупо полагать, что география больше не играла никакой роли.

Глава 2

Месть географии

Фиаско первых лет в Ираке укрепило позиции реалистов, о которых в 1990-х идеалисты отзывались с неизменным пренебрежением. Именно реалисты утверждали, что нельзя недооценивать роль географии, истории и культуры, их влияние на возможность тех или иных действий в любом отдельно взятом месте. Однако противники вторжения в Ирак должны с осторожностью проводить аналогии с Вьетнамом, так как такая позиция может привести к изоляционизму, равно как и к политике умиротворения и, по словам ближневосточного ученого Фуада Аджами, к настроениям ожидания худшего. Давайте вспомним, что Мюнхенская конференция происходила всего лишь спустя 20 лет после кровавой бойни Первой мировой войны, заставив политиков-реалистов, таких как Невилл Чемберлен, пойти на сделку с дьяволом, чтоб избежать нового конфликта. Подобные ситуации открывают путь к интригам и махинациям со стороны деспотичных государств, которые не знают данных страхов, – таким как нацистская Германия и империалистическая Япония.

Говоря о Вьетнаме, мы подразумеваем ограничения, о Мюнхене – их преодоление. Любая аналогия сама по себе может быть опасной. И только баланс между этими двумя параллелями может породить правильную политику, ибо мудрый политик, осознавая ограниченные возможности своей страны, понимает, что искусство управлять государством состоит в том, чтобы балансировать на самом краю возможного, но при этом не переступить его грань.

Другими словами, настоящий реализм представляет собой в большей мере искусство, нежели науку, где характер политика имеет больше веса, чем его интеллект. И хотя реалистический подход уходит корнями на 2400 лет назад, к лишенной иллюзий в рассуждении о человеческой природе работе Фукидида «О Пелопоннесской войне», современный реализм, по-видимому, наиболее всесторонне описан в работе Ганса Моргентау в 1948 г. под названием «Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace» («Международная политика: борьба за власть и мир»). Позвольте мне немного более подробно остановиться на этой книге, написанной беженцем из Германии, преподавателем Чикагского университета, чтобы подготовить почву для обширного обсуждения географии, так как понимание реализма критично для умения читать карту, более того, реализм и приводит нас непосредственно к картам.

Ганс Моргентау начинает свои рассуждения с того, что мир «является результатом действия сил, свойственных человеческой природе». А человеческая природа, как отмечает Фукидид, мотивируется страхом (*phobos*), собственной выгодой, «барышом» (*kerdos*) и славой, мнением других (*doxa*). «Чтобы улучшить мир, – пишет Моргентау, – человек должен работать сообразно этим силам, а не противодействовать им». Таким образом, реализм принимает человеческий материал таким, каков он есть, каким бы далеким от идеала он ни был. «Он [реализм] ссылается на исторический прецедент, а не на абстрактные принципы, стремится творить скорее меньшее зло, чем абсолютное добро». Например, чтобы попытаться предвидеть будущее Ирака после уничтожения тоталитарного режима, реалист бы посмотрел на собственно историю Ирака, объясняемую через карты и конфигурацию этнических общин, а не на моральные заповеди западной демократии. В конце концов, благие намерения, согласно Моргентау, не всегда приводят к хорошему результату. Чемберлен, поясняет он, меньше руководствовался личными амбициями и соображениями собственной

власти, чем большинство остальных политиков Великобритании, и искренне пытался добиться мира и счастья для всех. Но его политика привела к неисчислимым страданиям миллионов. Уинстоном Черчиллем же, с другой стороны, двигали, по сути, неприкрытые личные интересы и интересы собственной нации, но его политика привела к непревзойденным нравственным результатам. Пол Вулфовиц, бывший заместитель министра обороны США, исходил из самых благородных соображений, требуя вторжения в Ирак, откровенно считая, что это может улучшить ситуацию с правами человека в регионе, но его действия возымели абсолютно противоположный эффект. Тот факт, что за дело принимается держава, где царит демократия, еще не значит, что результат ее действий в сфере международной политики будет лучше, чем, скажем, результат действий диктаторского режима. Ведь необходимость заручиться поддержкой народа, как утверждает Моргентау, не может не снизить рациональность самой внешней политики. Демократия и моральность просто не есть синонимы. «Все народы подвергаются искушению навязать свои ценности и устремления в качестве нравственных стремлений всего человечества. И на продолжительное время лишь немногие могут устоять перед этим соблазном. Знать, что государства подчиняются нравственному закону, по утверждению Моргентау, – это одно, в то время как притязать на то, что знаешь наверняка, что хорошо, а что плохо в отношениях между государствами, – это совсем другое.

Более того, государства должны функционировать в еще более ограниченном моральном пространстве, чем собственно люди. Человек, по мнению Моргентау, может сказать себе: «Пусть погибнет мир, но свершится правосудие», – но государство не может вести себя подобным образом, оно должно действовать во имя людей, за которых несет ответственность.^[43] Индивидуум отвечает только за тех, кого он считает близкими, кто простит ему его ошибки, ведь хотел-то он лучшего. Но государство внутри своих границ должно защищать благополучие миллионов людей, не знающих о существовании друг друга, которые в случае неудачи не отнесутся с таким же пониманием к полученным результатам. То есть государство должно быть гораздо «более лукавым», чем отдельная личность.

Человеческая природа, которая, по Фукидиду, является совокупностью страха, стремления к барышу и жажды славы, приводит к конфликтам и насилию. А поскольку реалисты, подобно Моргентау, ожидают конфликта и осознают, что его не избежать, они в меньшей степени, чем идеалисты, склонны слишком остро реагировать на него. Они понимают, что стремление властвовать и возвышаться является природной составляющей всех взаимодействий между людьми, а особенно взаимодействий между государствами. Моргентау цитирует американского политика XIX в. Джона Рэндолфа из Роанока, который утверждает, что власть можно ограничить только другой властью. Следовательно, реалисты не верят, что сами по себе международные организации необходимы для поддержания мира, ибо те являются отражением баланса сил между отдельными государствами-членами, который в конечном итоге и определяет, чему быть – войне или миру. И все же, согласно Моргентау, сама система политического равновесия между государствами, по сути, неустойчива: ведь каждое государство (поскольку беспокоится, не ошиблось ли оно в оценке баланса сил) всегда будет стремиться восполнить ущерб от воспринимаемых ошибок, постоянно нацеливаясь на наращивание преимущества. Именно это и стало причиной Первой мировой войны, когда Австрия Габсбургов, Германия кайзера Вильгельма I и царская Россия – все пытались склонить баланс сил на свою сторону и серьезно просчитались. Моргентау пишет, что в конечном итоге только благодаря существованию общечеловеческого нравственного сознания – совести, которая рассматривает войну как «катастрофу», а не как естественное продолжение международной политики, – ограничивается количество войн.^[44]

После того насилия, которое имело место в Ираке в 2003–2007 гг., мы все заявляем, что стали реалистами, или убеждаем себя, что таковыми являемся. Но, учитывая определение реализма, которое предложил Моргентау, так ли это? Например, все ли, кто выступал против войны в Ираке с позиций реализма, также считают, что нет непосредственной связи между демократией и моралью? А Моргентау, который выступал против вьетнамской войны как с позиций нравственности, так и с позиции национальных интересов, и есть тот самый реалист, который нас всех устраивает. Ученый-интеллектуал, он никогда не жаждал власти и высокого положения в обществе в отличие от других реалистов типа Генри Киссинджера или Brenta Скоукрофта. Более того, его сдержанному и едва ли не однообразному стилю изложения не хватает остроты Киссинджера или Самюэля Хантингтона. Проблема в том, и это несомненно, что реализм, даже в версии Моргентау, неудобен для политиков. Реалисты понимают, что в основе международных отношений лежат более приземленные и конкретные реалии, чем те, которые находятся в основе внутренней политики. В то время как внутренняя политика регулируется законами, поскольку легитимная власть имеет монополию на применение силы, мир как целое все еще живет по законам природы, где нет гоббсовского Левиафана, который карал бы за несправедливость.^[45]

Действительно, под внешним лоском цивилизации сокрыт темный мир человеческих страстей, и, таким образом, центральным вопросом в международной политике для реалистов стоит следующий: *Кто что кому может сделать?*^[46]

«Реализм чужд американской традиции, – однажды сказал мне Эшли Теллис, старший научный сотрудник фонда Карнеги за международный мир в Вашингтоне. – Он осознанно аморален, сфокусирован на интересах, а не на ценностях в мире, где мораль девальвируется. Но реализм не умрет никогда, ведь он является отражением фактической деятельности государств за ширмой риторики, на словах воспевающей демократические и общечеловеческие ценности».

Для реалистов порядок важнее свободы. Для них свобода приобретает значение только после того, как установлен порядок. В Ираке порядок, даже тоталитарного толка, оказался более гуманным, чем беспорядок, который сопутствовал свержению режима. А поскольку мировое правительство всегда будет труднодостижимым, а человечество никогда не договорится о фундаментальных принципах социального блага, мир обречен на то, чтоб им руководили различные режимы, а в некоторых местах сохранялись племенные или этнические уклады. Реалисты еще со времен Древней Греции и Древнего Китая вплоть до французского социолога середины XX в. Раймона Арона и его испанского современника Хосе Ортега-и-Гассета считали, что война естественно присуща человечеству, которое разделено на государства и группы.^[47]

Действительно, суверенитет и альянсы не возникают просто так, они вырастают из взаимных различий. В то время как сторонники глобализации акцентируют внимание на том, что нас объединяет, реалисты подчеркивают то, что нас разделяет.

И вот мы переходим к географической карте, которая представляет собой пространственное представление о разделении человечества и является предметом трудов реалистов прежде всего. Карты не всегда говорят правду. Они часто настолько же субъективны, насколько субъективным может быть фрагмент литературной прозы. Европейские названия для обширных просторов в Африке, по утверждению покойного британского географа, картографа и историка картографии Джона Харли, показывают, как картография может быть «дискурсом власти», в данном случае латентного империализма. На меркаторской проекции Европа кажется больше, чем есть на самом деле. Уже то, что каждая

страна на карте ярко окрашена одним цветом, предполагает, что государственная власть имеет одинаковый контроль на всей территории страны – от центра и до самых окраин, что не всегда соответствует истине.^[48] Карты материалистичны, а следовательно, в нравственном отношении нейтральны. Исторически они скорее часть прусского образовательного пространства, чем британского.^[49] Другими словами, карты могут быть опасным инструментом. И все же без них невозможно понимание мировой политики. «На относительно стабильном фундаменте географии строится пирамида национального государства», – пишет Моргентгау.^[50] Ибо, по существу, реализм опирается на признание самой неудобной, самой откровенной и самой детерминистической из возможных истин – географической правды.

География – фон для человеческой истории. Несмотря на искажения в картографии, география может раскрывать далеко идущие намерения правительств, так же как протоколы их тайных совещаний.^[51] Положение государства на карте – первое, что является определяющим, больше чем его политическая система. «Карта, – объясняет Хэлфорд Маккиндер, – с одного взгляда дает представление о целом ряде обобщений». География объединяет естественные и гуманитарные науки, связывая историю, культуру с природными факторами, которыми специалисты в области гуманитарных наук частенько пренебрегают.^[52] И хотя изучение любой карты может быть бесконечно интересным и по-своему очаровывающим, с географией, как и с реализмом в целом, трудно согласиться в полной мере. Ведь карты опровергают само понятие равенства и единства человечества, так как напоминают нам о разных природных условиях и связанным с ними неравенством людей, что во многих отношениях разобщают народы, приводя к конфликтам, на которых, собственно, и основан реалистический подход.

В XVIII–XIX вв., прежде чем политология появилась как отдельная научная дисциплина, география была уважаемой, пусть и не вполне формализованной наукой. В этой дисциплине политика, культура и экономика очень часто постигались и воспринимались с помощью рельефных карт. Согласно материалистической логике, горы и племена значат гораздо больше, чем мир теоретических идей. Или даже так, горы и люди, выросшие там, представляют собой реальность первого порядка, а идеи, какими бы реальными они ни казались, – всего лишь второго порядка.

Я убежден, что отдавая предпочтение реализму в самый разгар войны в Ираке, как бы трудно нам это ни далось – и как бы кратковременно это ни было, – мы на самом деле предпочли, сами того не осознавая, географию. Может, и не в ее явно империалистическом «прусском» понимании слова, а в менее жестком викторианском или эдвардианском смысле. Именно *местью географии* можно назвать кульминацию второго этапа исторической эпохи, наступившей после окончания холодной войны. Этот этап последовал за поражением географии ввиду полного превосходства американской авиации в воздухе над зонами конфликта и триумфа гуманитарных интервенций, которые были характерны для конца первого этапа истории после завершения холодной войны. Таким образом, нас отбросило назад, на базовый уровень человеческого существования, где нам пришлось согласиться, что вместо постоянного улучшения мира, что ранее рисовалось в нашем воображении, мир, как и раньше, является ареной борьбы за выживание среди суровых лишений, которыми нас наградила география в таких местах, как Месопотамия и Афганистан.

Но все же даже в печальном приятии этого знания есть место для надежды: поскольку, приобретая опыт в чтении карт, мы при помощи современной технологии, как показала «арабская весна», в состоянии расширить границы возможностей, которые эти карты на нас

накладывают. Это и есть цель моего исследования – показать, что, как ни парадоксально, а пользуясь картой, мы не должны становиться ее рабами. Потому что не только узость мышления ведет к политике изоляционизма, но и недостаточный учет необходимых ресурсов также способен привести назад к изоляционизму.

Итак, для начала мы должны признать центральное положение географии как дисциплины. «Природа налагает, а человек располагает», – писал английский географ Гордон Ист. Естественно, действия человека ограничены физическими параметрами, налагаемыми географией,^[53] но эти границы слишком размыты, что дает человечеству достаточный простор для маневра, так как арабы, как оказывается, так же способны строить демократическое общество, как и любой другой народ, даже при том, что обширность территории, населенной ливийскими племенами, и горные цепи Йемена и дальше будут играть немаловажную роль в политическом развитии этих стран. География скорее «налагает», а не «располагает». География не есть синоним фатализма. Но, как и распределение экономической и военной мощи, она является основным ограничителем – и подстрекателем – действий государства.

Профессор Йельского университета Николас Спайкмен, великий американско-голландский специалист по военной стратегии эпохи начала Второй мировой войны, писал в 1942 г., что география не приводит доводы, она просто существует:

«География – наиболее фундаментальный фактор в международной политике государств, так как она наиболее неизменна, – продолжает он. – Министры приходят и уходят, даже диктаторы умирают, но горы стоят нерушимо. Вслед за Джорджем Вашингтоном, защищавшим 13 штатов с неорганизованной, плохо подготовленной армией, пришел Франклин Рузвельт, в распоряжении которого находились ресурсы всего континента. Но Атлантический океан все так же разделяет США и Европу, а порты на реке Святого Лаврентия зимой все так же скованы льдом. Российский царь Александр I “завещал” Иосифу Сталину, рядовому члену ВКП (б), не только власть и могущество, но и стремление выйти к морю, а Мажино и Клемансо унаследовали от Цезаря и Людовика XIV тревогу относительно незащищенных границ с Германией».^[54]

Можно добавить, что, несмотря на события 11 сентября 2001 г., Атлантический океан не перестал играть главную роль в определении политики США. Более того, именно Атлантический океан диктует Америке необходимость проводить отличную от Европы политику как в международной, так и в военной области. То же самое мы в принципе можем сказать и о России. Эта страна и по сей день остается огромной и неустойчивой сухопутной державой, ставшей жертвой многочисленных военных вторжений с незапамятных времен, еще до нашествия монгольских орд в XIII в. Союзниками России всегда были ее просторы, суровые климатические условия и время. Это держава, которая постоянно пробивает себе выход к морю. А поскольку между Европой и Уральскими горами нет серьезной географической преграды, то Восточная Европа, несмотря на разрушение искусственного барьера в виде Берлинской стены, все еще рассматривает Россию как потенциальную угрозу, как это и было на протяжении многих веков. Также справедливым является утверждение, что Францию вечно беспокоили границы с Германией, от времен Людовика XIV до самого конца Второй мировой войны. Действительно, география лежит в основе событий человеческой истории. Не случайно колыбелью европейской культуры были Крит и Кикладские острова,

так как первый, будучи «отдаленным кусочком Европы», ближе всего расположен к Египту, а вторые – к Малой Азии.^[55] И Крит, и Киклады, будучи островами, были защищены морем от набегов и нашествий, что способствовало их многовековому процветанию. География лежит в основании столь многих фактов в международной политике, что мы их считаем само собою разумеющимися.

Что может быть более значительным фактом из истории Европы, чем то, что Германия – это континентальная держава, а Великобритания – островная? С запада и востока Германия не защищена горами, что привело к появлению таких ее крайностей, как традиционный милитаризм и поднимающийся в последние десятилетия пацифизм, которые объясняются кажущейся уязвимостью ее расположения. Великобритания же, которая всегда чувствовала себя в безопасности в своих границах и ориентировалась на Мировой океан, с другой стороны, смогла раньше остальных своих соседей выстроить демократическую систему и развивать особые трансатлантические отношения с США, с которыми говорит на одном языке. Александр Гамильтон отмечал, что не будь Великобритания островным государством, то ее военная машина была бы такой же влиятельной, как и у стран континента, а сама страна пала бы, скорее всего, «жертвой абсолютной власти одного человека».^[56]

Тем не менее все же Великобритания – это остров, очень близко расположенный к континентальной Европе, в связи с чем на протяжении всей своей истории страна опасалась вторжения с континента. Именно по этой причине Великобритания в течение многих столетий уделяла особое внимание политике Франции и Нидерландов, расположенных на противоположном берегу Ла-Манша и Северного моря.^[57]

Отчего Китай в конечном счете важнее Бразилии? Причиной тому географическое положение. Даже имея эти страны одинаковое по размерам население и идентичный уровень экономического развития, Бразилия, в отличие от Китая, не контролирует основные морские пути, соединяющие океаны и континенты. Кроме того, Китай расположен преимущественно в умеренном поясе, а значит, климат там более пригоден для жизни по сравнению с бразильским; ведь в Китае, в отличие от Бразилии, нет ни тропических болезней, ни сложных погодных условий. Китай выходит на западное побережье Тихого океана и простирается вглубь до богатых нефтью и природным газом земель Центральной Азии. В Бразилии тут меньше преимуществ, и расположена она в Южной Америке обособленно, в географическом отдалении от других стран.^[58]

Почему Африка так бедна? Хотя она и является вторым по величине континентом земного шара с площадью, пятикратно превышающей Европу. Но дело в том, что ее береговая линия к югу от Сахары всего лишь на четверть длиннее европейской. Более того, там очень мало естественных гаваней и заливов, и единственным исключением являются порты на восточном побережье, которые вели когда-то оживленную торговлю с Аравией и Индией. Всего лишь несколько рек в тропической части Африки судоходны в устье, а выше по течению путь преграждают пороги и водопады, ниспадающие с внутренних плоскогорий на прибрежные равнины. Таким образом, внутренние районы Африки отрезаны от побережья.^[59] Более того, Сахара на протяжении многих веков препятствовала налаживанию любых контактов с севером, отчего на Африку со времен Античности мало влияла средиземноморская культура. К тому же от Гвинейского залива до бассейна реки Конго по обе стороны экватора раскинулись густые тропические джунгли, которые отличаются невыносимой жарой и проливными дождями.^[60] Эти леса никак не способствуют развитию цивилизации, как не служат они и естественным кордоном, и поэтому границы, установленные европейскими колонизаторами силою обстоятельств, во многом

искусственны. Сама природа на пути африканцев к современности постоянно ставила им преграды.

Посмотрите на список самых экономически слабых стран в мире, и вы увидите, что в большинстве своем они не имеют выхода к морю.^[61] Обратите внимание, что тропические страны (в районе между 23–45° северной и южной широты) обычно бедны, а богатые страны расположены в основном в средних и высоких широтах. Стоит также отметить тот факт, что государства с умеренным климатом, находящиеся в Евразии, земли которых протянулись с запада на восток, намного богаче, нежели простирающаяся с севера на юг Черная Африка. Это произошло не в последнюю очередь потому, что технологический прогресс быстрее проходит в рамках одних широт, с одинаковым климатом, где особенности выращивания растений и животноводства становятся известными на больших территориях намного быстрее. Не случайно беднейшие мировые регионы часто расположены там, где плодородие почвы, с одной стороны, способствует большой плотности населения, но, с другой стороны, они сильно удалены от транспортных узлов, таких как морские порты и железные дороги, что препятствует их экономическому росту. Примером могут служить Центральная Индия и расположенные внутри континента страны Африки.^[62]

Еще одним удивительным итогом географического детерминизма является наблюдение ныне покойного географа Пола Уитли, который отметил, что на высоте уже 500 м над уровнем моря санскрит не слышать, поэтому можно сделать вывод, что индийская культура была преимущественно низинной.^[63]

Но, прежде чем мы пойдем дальше, позвольте обратить внимание на пример США. Именно география в значительной мере способствовала процветанию Америки, и именно она в конечном счете, возможно, объясняет американский общечеловеческий альтруизм. При этом, как отмечает Джон Адамс, у американцев нет никакой особой судьбы, и их природа ничем не отличается от природы любых других народов.^[64] Историк Джон Киган поясняет нам, что Америка и Великобритания смогли достичь свободы только потому, что моря защитили их от «врагов, накрепко связанных с землей». Militarизм и прагматизм континентальной Европы XX столетия, на которые американцы привыкли поглядывать свысока, были следствием географии, а не нрава. Интересы государств и империй в рамках перенаселенного континента постоянно переплетались и сталкивались. Но ни у одной нации в Европе не было пути к отступлению через океан. Как следствие, их внешняя политика никак не могла быть основана на моральных универсалиях, и до появления по окончании Второй мировой войны американской гегемонии они вынуждены были попросту накапливать военную мощь.^[65] Роскошь американского идеализма является результатом не только наличия двух океанов. Эти же океаны обеспечили Америке доступ к двум значимым в плане политики и экономики регионам мира – доступ к Европе через Атлантический океан и к Восточной Азии через Тихий океан (одновременно с этим США обладали и собственными природными богатствами).^[66] И тем не менее эти два океана, которые отделяют Америку от других континентов тысячами километров водной глади, позволили ей «подцепить» тот самый опасный штамм изоляционизма, рецидивы которого встречаются и сегодня. Действительно, за исключением интересов в Западном полушарии Соединенные Штаты почти два века неотступно отказывались участвовать в мировой политике. И даже развал системы европейских государств в 1940 г. не заставил Америку вступить во Вторую мировую войну. США в войну вступили только после нападения Японии на Перл-Харбор, да и после окончания войны США вновь удалились от мировых дел. И так было вплоть до начала возвышения СССР и нападения Северной Кореи на Южную, когда Соединенные Штаты были

вынуждены вернуть свои войска в Европу и Азию.^[67] Со времен окончания холодной войны внешнеполитические элиты США метались между квазиизоляционизмом и идеалистическим интервенционизмом, и причина подобных метаний – в расположении страны между двумя океанами.

Географию «не покорили, а забыли», отмечает Якуб Григиел, исследователь из Университета Джонса Хопкинса.^[68] «То, что технический прогресс зачеркнул географию, является всего-навсего возможным заблуждением», – пишет Колин Грей, который долгое время консультировал правительства Великобритании и США в вопросах военной стратегии. Постоянное влияние, или контроль, требует, по словам Грея, физического присутствия воинских контингентов на территории, которая является предметом спора. Мы неоднократно могли убедиться в этом на примере Ирака и Афганистана. Следовательно, тот, кто продолжает считать, что современная военная логистика навсегда подчинила себе географию, ничего в этой самой логистике как науке о перемещении значительного количества личного состава и соответствующих объемов грузов с одного континента на другой не понимает вообще. Мой личный опыт перемещений по Ираку с 1-й дивизией морской пехоты был только малой толикой той огромной интендантской задачи, в ходе выполнения которой личный состав и боевая техника перевозились по морю на расстояние в тысячи километров из Северной Америки в район Персидского залива. В своем поразительно проницательном анализе, сделанном в 1999 г., американский военный историк Уильямсон Мюррей писал, что новый век откроет для США новую перспективу борьбы с суровой географической реальностью наличия двух океанов, которые существенно ограничивают и делают безумно дорогим развертывание наших наземных сил в удаленных точках земного шара. Хотя некоторые войны и операции по спасению граждан могут быть успешно проведены в виде воздушно-десантных рейдов (в этой связи вспоминается операция израильского спецназа по спасению захваченных заложников – пассажиров авиалайнера – в аэропорту угандийского города Энтеббе в 1976 г.), но даже в таких операциях необходимо всячески принимать во внимание физические особенности местности. Именно характер местности в итоге может определить темпы и методы ведения военных действий. Так, война между Великобританией и Аргентиной за контроль над Фолклендскими островами в 1982 г. разворачивалась медленно именно по причине того, что острова окружены огромными океанскими просторами. А вот равнинные пустыни Кувейта и Ирака в ходе войны в Персидском заливе за освобождение и восстановление независимости Кувейта в 1991 г. способствовали результативности ударов с воздуха. В то время как неспособность удерживать огромные и густонаселенные территории Ирака во время Второй войны в Персидском заливе наглядно продемонстрировала явные ограничения превосходства в воздухе и, таким образом, сделала вооруженные силы США заложниками географии. Самолеты могут бомбить, но не могут справляться с транспортировкой необходимых объемов грузов, как и не способны обеспечивать контроль над наземными территориями.^[69] Более того, во многих случаях авиация нуждается в аэродромах, которые были бы относительно близко расположены.

И даже в эпоху межконтинентальных баллистических ракет и атомного оружия география не теряет своей важности. Как подмечает Моргентау, малые и средние государства, подобные Израилю, Великобритании, Франции, Ирану, не способны перенести такой же уровень поражения, как государства континентального масштаба типа США, России или Китая; следовательно, ядерным угрозам первых явно недостает вескости. Это значит, чтобы выжить, такое вот окруженное недругами небольшое государство вроде Израиля должно

быть либо чрезвычайно пассивным, либо же в высшей степени агрессивным. И дело тут в основном в географии.^[70]

Однако принимать в расчет рельефную карту со всеми ее горными грядами и населением совсем не значит видеть мир как неизменно управляемый этническими и религиозными различиями, которые не поддаются глобализации. Все тут намного сложнее. Сама по себе глобализация способствовала возрождению местного патриотизма и местных особенностей, которые во многих случаях строятся на различиях в этническом и религиозном сознании, привязанных к определенным ландшафтам. Следовательно, их лучше всего объяснять, обращаясь к карте рельефа местности. Это происходит из-за того, что действие массовых коммуникаций и экономической интеграции ослабили могущество многих государств, включая и те, которые вопреки диктату географии были задуманы искусственно. Тем самым эти государства стали уязвимы в некоторых критических областях под воздействием смятенного и неустойчивого мира. Именно благодаря новым коммуникационным технологиям произошло усиление панисламистских настроений по всей афро-азиатской дуге влияния ислама, в то время как отдельные мусульманские государства и так испытывают мощнейшее давление исламистов изнутри.

Возьмем, например, Ирак и Пакистан, которые с точки зрения географии можно охарактеризовать как самые нелогичные государства в пространстве от Средиземного моря до Индийского субконтинента, даже если ввиду рельефа местности самым слабым государством в мире признается, без сомнений, Афганистан. Да, Ирак рухнул из-за американского вторжения. Однако можно заявить, что тирания Саддама Хусейна (которую я лично почувствовал в 1980-х гг. и которая, без всякого сомнения, была ужаснейшей во всем арабском мире) определялась географией. Ведь каждый диктатор Ирака, начиная с самого первого военного переворота 1958 г., неизбежно был вынужден прибегать ко все более жестким репрессиям в стране, где при отсутствии естественных границ проживают курды, сунниты и шииты, всегда отличавшиеся крайними проявлениями этнического и религиозного самосознания.

Я прекрасно понимаю, что в аргументации такого рода очень важно не заходить слишком далеко. Без сомнения, горы, отделяющие Курдистан от остальной территории Ирака, и деление равнинной Месопотамии между суннитами в центре и шиитами на юге могли гораздо больше повлиять на развитие событий, чем стремление к демократии. Однако никто не может знать будущего, и возможность существования относительно стабильного и демократического Ирака не исключается. Точно так же, как горы Юго-Восточной Европы способствовали отделению Австро-Венгерской империи от более бедной и менее развитой Османской империи и на протяжении веков отгораживали друг от друга различные этнические и религиозные группы на Балканах, однако совершенно не служили гарантией успешного прекращения междоусобных войн с помощью внешнего вмешательства. Я не говорю здесь о некоей неумолимой силе, против которой человечество бессильно. Я скорее бы призывал к сдержанному принятию судьбы, обусловленной фактами географии, чтобы обуздать чрезмерное рвение во внешней политике – рвение, которое свойственно и мне самому.

Чем лучше мы сдерживаем этот пыл, тем успешнее станут наши посреднические вмешательства; и чем они будут успешнее, тем большую свободу действий в последующие годы получат наши политики в подобных ситуациях в глазах общественного мнения.

Я понимаю, что рискую, вознося географию на пьедестал. Поэтому по ходу данного исследования я буду постоянно держать в голове предостережение Исаяи Берлина,

сформулированное в 1953 г. в его знаменитой лекции и опубликованное на следующий год под названием «Историческая неизбежность». В ней он клеймит позором как аморальные и трусливые те взгляды, согласно которым наша жизнь и мировая политика жестко ограничены такими *мощными обезличенными силами*, как география, окружающая среда и этнические атрибуты. Берлин бросает упрек Арнольду Тойнби и Эдварду Гиббону в том, что те рассматривают «нации» и «цивилизации» как «более реальные» понятия, чем личности, из которых те состоят. А еще он их бранит за то, что они считают такие абстракции, как «традиция» и «история», «более мудрыми, чем мы сами».^[71] Для Берлина же личность и ее моральная ответственность стоят превыше всего. Поэтому такая личность не имеет права возлагать вину за свои действия или судьбу всецело или частично на такие факторы, как рельеф местности или культура. Мотивы человеческой деятельности очень сильно влияют на историю. Это не иллюзии, объяснимые ссылкой на мощные внешние силы. Карта – это только начало, а не завершающий этап толкований нашего прошлого и настоящего.

Несомненно, география, история, этнические особенности влияют на будущее, но они решительно *не определяют* будущих событий. Тем не менее нынешние проблемы внешней политики попросту не поддаются разрешению и не допускают принятия правильного выбора без серьезного учета тех факторов, которые Берлин в своей бескомпромиссной атаке на все формы детерминизма, как может показаться вначале, гневно отбрасывает. Полагайся мы на географические, этнические и религиозные факторы, то это могло бы сослужить нам хорошую службу в предвидении вспышек насилия как на Балканах после окончания холодной войны, так и в Ираке после вторжения США в 2003 г. Тем не менее моральные проблемы, о которых говорил Берлин, вот уже на протяжении двух десятилетий рефреном звучат в дебатах о том, куда стоит, а куда не следует направлять американские войска.

Итак, как же нам быть? Как нам ощутить ту тонкую грань между признанием географии в качестве важнейшего фактора исторического развития и опасностью преувеличения ее значения? Здесь, как мне кажется, стоит обратиться к рассуждению Раймона Арона о трезвой этике, базирующейся на принципе «вероятностного детерминизма», поскольку «человеческий выбор всегда осуществляется в некоторых пределах или ограничениях, таких как наследие прошлого».^[72] Ключевым словом тут является «вероятностный», то есть, сосредоточившись на географии, мы придерживаемся частичного или же нетвердого детерминизма, который признает очевидные различия между группами людей и физическими особенностями местности, где они проживают, но не понимает их слишком упрощенно, оставляя множество вероятностей открытыми. Либеральные интернационалисты, которые в основной массе поддержали интервенцию на Балканах, но выступили против вторжения в Ирак, служат примером понимания этой тонкой грани. Они постигли внутренним чутьем, пусть и недостаточно четко, основной факт географии. Югославия располагалась на самом развитом краю Османской империи, непосредственно прилегающем к Центральной Европе, в то время как Месопотамия являлась ее самой беспорядочной и хаотичной восточной частью. А так как данный факт влиял на политическое развитие страны вплоть до нынешнего времени, то вторжение в Ирак не могло не принести проблем.

Итак, что именно эта смиренная судьба, эта невидимая рука готовит для нас в будущем? Чему можем мы научиться у географической карты, о каких возможных опасностях она нас предостерегает? Давайте же посмотрим на то, как география влияла на мировую историю, глазами нескольких выдающихся ученых XX в., а затем специально посмотрим на связь географии и вмешательства человека глазами великого мужа древности. Это подготовит нас к рассмотрению проверенных временем и наиболее провокационных геополитических теорий современности, равно как и даст возможность заглянуть в будущее нашего мира.

Глава 3

Геродот и его преемники

Во второй половине XX в., когда Ганс Моргентау работал преподавателем кафедры политологии в Чикагском университете, два других профессора делали успешные шаги на академическом поприще кафедры истории того же учебного заведения – Уильям Мак-Нил и Маршалл Ходжсон. Чикагский университет всегда славился своими талантливыми учеными, в те годы выдвинувшимися по интеллектуальным меркам на одно из первых мест в мире. Я ни в коем случае не хочу преуменьшать успехи других ученых, говоря об этих трех профессорах. В то время как Моргентау охарактеризовал реализм современной эпохи, Мак-Нил сделал по сути то же самое для всемирной истории, а Ходжсон – для истории ислама, и это были огромные труды геродотовского масштаба, в которых географии отводилось отнюдь не последнее место. Восхищение вызывает уже сама смелость в выборе Мак-Нилом и Ходжсоном тематики исследований, поскольку в наше время в научной среде делается акцент на узкой специализации, что на самом деле является неизбежностью ввиду того, что объем накопленных знаний постоянно растет. Но, читая Мак-Нила и Ходжсона, невольно начинаешь ностальгировать по недавнему прошлому, в котором научные горизонты казались бескрайними. Специализация привнесла свои преимущества, но наука могла бы с большим толком использовать широту подхода этих двух профессоров Чикагского университета, а они со своей стороны демонстрируют, что география сама по себе является способом мыслить широко.

Уильям Мак-Нил, уроженец Британской Колумбии (самой западной провинции Канады), опубликовал свой труд «Восхождение Запада: история человеческого сообщества» объемом более 800 страниц, когда ему было около 45 лет. Доминирующим мотивом этой книги является несогласие с точкой зрения британского историка Тойнби и немецкого историка Освальда Шпенглера, согласно которой разные цивилизации проходили свои стадии развития независимо друг от друга. Мак-Нил же полагает, что культуры и цивилизации постоянно взаимодействовали и именно это взаимодействие лежит в основе драматических событий мировой истории. В общем и целом эта книга о массовых передвижениях народов по планете.

Так называемые земледельцы долины Дуная, двигаясь на север, заселили земли Центральной и Восточной Европы в период между 4500 и 4000 гг. до н. э. В то же время первые животноводы и земледельцы, продвигаясь на юг, пересекли Северную Африку, выйдя к Гибралтарскому проливу, и «впоследствии соединились и смешались с дунайским потоком переселенцев», при этом, как утверждает Мак-Нил, более ранние европейские поселенцы, промышлявшие охотой, никуда не исчезли – они попросту ассимилировались другими народами, восприняв их культуру.^[73] С этого момента и начинается в книге изложение мировой истории.

Истоки обоих переселений, к северу и к югу от Средиземного моря, – в так называемом Плодородном полумесяце и Анатолии, где политическая нестабильность во многом была следствием географического положения. «В то время как Египет, расположенный параллельно основным торговым и миграционным путям, не препятствовал передвижению, Ирак, с давних времен являющийся приграничной территорией, стоит поперек путей, изначально предначертанных человеку», – пишет знаменитая британская путешественница и автор более двух десятков книг о своих странствиях по Ближнему Востоку и Афганистану Фрея Старк.^[74] В самом деле, отмечает Мак-Нил, Месопотамию пересекает один из самых

кровоавых миграционных маршрутов. «Как только города на равнинах начали процветать», чему способствовал небольшой уклон в нижней части долины Тигра и Евфрата, по которому реки несли свои воды, орошая поля на многие километры, «они становились лакомым куском для варварских народов, обитающих на территориях вокруг этих городов». Более того, когда большую часть орошаемой земли в Месопотамии начали использовать для земледелия и границы между полями разных общин стали значительно уже, разгорелась затяжная война, поскольку не было централизованной власти, которая могла бы разрешить территориальные конфликты или распределить воду, когда ее не хватало. Посреди этого разброда завоеватели, как, например, Саргон (2400 г. до н. э.), вторгались в Месопотамию из-за границ культивируемых территорий. Хотя, как пишет Мак-Нил, создав централизованную власть, завоеватели спустя несколько поколений оставляли военные дела ради «спокойной и более комфортной жизни» в городах, тогда как история каждый раз повторялась с приходом новых завоевателей.

Все это напоминает тенденции, описанные в XIV в. тунисским историком и географом Ибн Хальдуном, который отмечает, что, хотя жизнь в роскоши на начальном этапе и укрепляет государство, способствуя укреплению его законодательно, в последующих поколениях она приводит к упадку. О начале процесса распада говорит появление влиятельных провинциальных лидеров, которые впоследствии нападают и создают свои собственные династии.^[75] В конечном счете расцвет цивилизации в древнем Ираке привел к появлению самых жестоких тираний, целью которых было не допустить распада страны. Такими были Тиглатпаласар (XII–XI вв. до н. э.), Ашшурнасирпал II (IX в. до н. э.), Синаххериб (VIII–VII вв. до н. э.) и другие правители, известные своей жестокостью, манией величия и массовыми выселениями народов, совершавшимися по их приказу.^[76] Эта тенденция к установлению жестокой тирании, характерная для разобщенного региона, подверженного военным нашествиям, достигла своей кульминации в наше время при режиме Саддама Хусейна. Хотя опять-таки следует избегать крайне категоричных выводов: например, в период 1921–1958 гг. в Ираке достаточно неплохо функционировала парламентская система, что могло бы при нескольких иных обстоятельствах продолжаться и позднее. Мак-Нил, Ибн Хальдун и Старк говорят только об исторических и географических тенденциях, избегая, таким образом, обвинения в детерминизме.^[77]

По утверждению Мак-Нила, географическая среда, став основой для необычайного уровня тирании и бюрократии в Месопотамии, также способствовала развитию несколько менее деспотичного режима в Египте. «Пустыни подарили Египту четкие границы, которые не так сложно защищать, а Нил стал для него природной магистралью и центральной нервной системой, так что уровень насилия, характерный для Месопотамии, на берегах Нила был попросту не нужен. Защита границ от чужаков едва ли была серьезной проблемой для фараонов Египта», – пишет он. В самом деле, причина этого крылась в более благоприятном расположении Египта по отношению к миграционным маршрутам, чем Месопотамии, а проникновения ливийцев с запада и азиатов с востока не составляли большой проблемы. С юга Египет был надежно прикрыт пустыней, располагающейся на обоих берегах реки, а с севера – Средиземным морем. Довольно вероятно, что на протяжении 4000 лет египтянам почти не приходилось сталкиваться с вооруженными захватчиками на своей территории. Более того, Нил очень даже способствовал оживленному судоходству, поскольку течение несло лодки в северном направлении, а ветра, обычно дующие с севера на юг, помогали судам перемещаться по реке в южном направлении при помощи паруса. Таким образом, в Египте смогла зародиться цивилизация. «Для сравнения, – пишет Мак-Нил, – у правителей Месопотамии не было готовых естественных преград, которые оберегали бы их

централизованную власть, им приходилось медленно и с большими усилиями создавать [жестокие] законы и бюрократическую управленческую систему в качестве искусственной замены естественных компонентов географической среды, которые имел Египет благодаря своему географическому расположению». Неповоротливая бюрократическая машина месопотамских государств должна была также справляться с непостоянными уровнями подъема вод Тигра и Евфрата, которые трудно было предугадать, что усложняло организацию системы орошения.^[78] Совсем иной была ситуация с Нилом, с его предсказуемыми сезонными разливами. На сегодняшний день, хотя и в Египте, и в Ираке долгое время царил диктатура, более тяжелая ситуация сложилась все же в Ираке, и причины этому можно проследить до древних времен и определенно связать с географией.

За пределами Ближнего и Среднего Востока, «на границах цивилизованного мира», существовали названные Мак-Нилом «периферийными» цивилизации Индии, Греции и Китая. Причем две первые обязаны своим процветанием в значительной степени культурам реки Инд и Минойского Крита. Однако все три цивилизации, сталкиваясь с постоянными вторжениями варваров, вынуждены были взаимодействовать с ними, хотя их географическое положение и обеспечивало им частично некоторую защиту. Греция и Индия с севера были закрыты горными хребтами, что «эффективно защищало от нападения конницы, пришедшей из степей». Китай был изолирован еще более суровыми пустынями, высокими горами, да и просто расстоянием, поскольку тысячи километров отделяли долину реки Хуанхэ, где зародилась китайская цивилизация, от Ближнего Востока и центра Индии. В результате возникали совершенно уникальные цивилизации, что особенно хорошо видно на примере Китая. Развитие этих цивилизаций произошло в полной независимости от всевозрастающего культурного пространства, находящегося в окружении великих пустынь Ближнего и Среднего Востока, протянувшихся от Северной Африки до Туркестана.^[79]

Уильям Мак-Нил считает, что в древние времена нестабильность границ между эллинской, ближневосточной и индийской цивилизациями способствовала тонкому культурному равновесию в Евразии. Это равновесие позднее, в Средние века, было нарушено нашествием кочевников из северных степей, в частности монголов.^[80] Именно монголы во многом поспособствовали процветанию Великого шелкового пути, особенно в XIII–XIV вв., поддерживая контакты между евразийскими цивилизациями от Тихого океана до Средиземного моря. При всем том Китай сформировал собственное локализованное в пространстве общество, которое с географической точки зрения можно сравнить с цивилизациями, расположенными западнее. При этом Тибет, Монголия, Япония и Корея одновременно и порознь устремляли свои взгляды на Среднее царство, и каждый из этих регионов в разной степени формировал свою собственную цивилизацию. И тем не менее суровые условия высокогорной пустыни «сделали возможным появление лишь протоцивилизации в Тибете и Монголии», – пишет Мак-Нил. Тибетские ламаисты, которые «всегда осознавали, что корни их веры уходят в индийский буддизм», в действительности сопротивлялись китаизации, обращаясь к традициям соперничающей цивилизации, расположенной по соседству.^[81] По словам Мак-Нила, история – это наука в текущем состоянии, в которой только кажется, что все организовано в строгом соответствии с законами географии: более важным является то, что мы всегда находимся в процессе небольших замещений и культурных перемен.

В своих работах Мак-Нил выступает против идейных высказываний Шпенглера и Тойнби, а также появившейся позднее знаменитой теории «столкновения цивилизаций», предложенной профессором Гарвардского университета Сэмюэлом Хантингтоном, и

подчеркивает, что взаимодействие цивилизаций имеет гораздо большее значение, нежели их изоляция. Главный труд Мак-Нила «The Rise of the West» («Восхождение Запада») тем не менее привлекает читателя цельным представлением о цивилизациях, в значительной степени сформированных географической средой, которые зарождаются в местностях определенного типа, развивают свою индивидуальность, а потом взаимодействуют с другими цивилизациями, создавая определенные гибридные формы. Так творится история...^[82] Мак-Нил метафорически описывает процесс следующим образом:

«Цивилизации можно сравнить с горными хребтами, которые миллионы лет формируются в свою геологическую эру, а потом медленно, но неотвратимо разрушаются под воздействием сил природы... Цивилизации также разрушаются, но гораздо быстрее, когда перестает действовать стечение обстоятельств, спровоцировавшее их развитие, в то время как соседние народы поднимаются на новые культурные высоты, заимствуя достижения других цивилизаций или реагируя на них каким-либо иным образом».^[83]

Это разрушение и заимствование ужасает Шпенглера, немецкого философа-идеалиста начала XX в., который пишет о «крепких узах земли», которые определяют все лучшее в высоких культурах. Это как внутренняя эволюция сакральных ритуалов и догм «сохраняет неразрывную связь с местом своего возникновения», поскольку «все, что отрывается от земли, утрачивает мягкость и гибкость». Высокая культура, продолжает он, берет свое начало в «предурбанистической сельской местности» и достигает высшей точки своего развития с «окончанием эры материализма» в «мировых городах». Для этого мрачного романтика, который одновременно может быть пафосным, гипнотизирующим, проникновенным и, признаться, иногда совершенно непонятным в английском переводе, космополитизм – это отсутствие корней, потому что в нем нет привязки к земле.^[84]

В связи с этим возникает вопрос зарождения и конечной судьбы западной цивилизации, сосредоточенной преимущественно в городах, а значит, лишенной, таким образом, связи с землей. А именно такая форма цивилизации в наше время становится в мире доминирующей. Об этом будет говориться далее в книге. Между тем я продолжу обсуждать мысли Мак-Нила, который продвинулся дальше, чем Шпенглер, и гораздо более внимательно отнесся к вопросам климата и географии.

Уильям Мак-Нил пишет, например, что под влиянием субконтинентальных джунглей и муссонных циклов, настраивающих на медитацию и поиски религиозного знания, на Индо-Гангской равнине сложился культурный тип ариев, по нраву своему менее воинственный, нежели народы, населяющие Средиземноморскую Европу. В другом примере он отмечает, что «раннее развитие» греческой Ионии происходило из-за близости и тесных контактов с Малой Азией и Востоком. И все же Мак-Нил и здесь избегает открытого детерминизма. На то есть причины. Несмотря на гористую местность Греции, которая способствовала развитию небольших политических образований, то есть городов-государств, ученый осторожно замечает, что в ряде случаев «прилегающие широкие пространства плодородных земель были аккуратно разделены» между соседними городами-государствами. Так что выходит, что география является лишь одним из нескольких факторов. Однако самым необычным примером, конечно, является история еврейского народа, которая противоречит всей логике географического постоянства основных религий (в особенности индуизма и буддизма) и описанию которой Мак-Нил уделяет достаточно внимания. Полное уничтожение еврейской общины в Иудее, являющееся следствием подавления римлянами восстаний в I и II вв. н. э., не

смогло уничтожить иудаизм, который невероятным образом продолжил развиваться и процветать в разбросанных за пределами Палестины западных городах. Эта история длиной в 2000 лет развивалась вопреки законам географии и еще раз показывает, что идеи и деятельность человека важны не менее, чем географические особенности местности, на которой он проживает.^[85]

И все же есть история Европы, корнями уходящая в зарождение истории человечества, в которой главенствующее положение занимает география. Как отмечает Мак-Нил, Западная Европа имела определенные географические преимущества, которые вступили в игру с развитием технологий в так называемое мрачное Средневековье. Это широкие и плодородные равнины, неровная береговая линия с большим количеством естественных портов и гаваней, судоходные реки, текущие на север по этим равнинам и позволяющие торговле распространиться на более широкой территории, чем в Средиземноморском регионе, а также богатые запасы металлов и древесины.^[86] Климат в Европе был суровым, холодным и влажным, и Тойнби, который, как и Мак-Нил, в конечном итоге не был фаталистом, тем не менее пишет: «Покой является врагом цивилизации... Чем спокойнее окружающая обстановка, тем слабее импульсы, побуждающие цивилизацию к развитию».^[87] Так что Европа развивалась в сложных климатических условиях, но имела отличные естественные условия для возникновения транспортных узлов и центров торговли. Ибо цивилизации – это во многом мужественная реакция на естественное окружение, демонстрирующая стойкость и силу духа. Так, соседство Скандинавии и военное давление, которое она стала оказывать на морские границы Западной Европы, привели к преодолению феодальной раздробленности и объединению различных земель в королевствах Англии и Франции. Более того, Англия, будучи меньше по размерам, чем феодальные королевства на Европейском материке, но, как пишет Тойнби, «владеющая более четкими территориальными границами» [что понятно, поскольку она все-таки расположена на острове], гораздо быстрее, чем ее соседи, стала «национальным государством», выступающим против феодальных устоев.^[88]

Конечно, для некоторых местностей, например Арктики, характерны такие суровые условия, что цивилизация в них погибает либо останавливается в развитии. По словам Тойнби, этому предшествуют чудеса изобретательности, проявляемые культурами, – скажем, способность эскимосов выживать зимой на льду и охотиться на тюленей. Но, совершив этот подвиг и сумев выжить, они не могут настолько покорить природу, окружающую их, чтобы построить развитую полноценную цивилизацию. Тойнби, как и современный ученый-биогеограф из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Джаред Даймонд, много писал о трудностях и упадке средневековых цивилизаций викингов Гренландии, полинезийцев с острова Пасхи, индейцев анасази на юго-западе США, а также индейцев майя из джунглей Центральной Америки. Они рассматривали все эти народы в качестве примера того, как от выбора пути взаимодействия с окружающей средой зависит выживание обществ и цивилизаций.^[89] Похоже, что в Европе препятствия в виде климатических и прочих условий окружающей среды оказались оптимальными, стимулируя ее обитателей к высокому уровню развития цивилизации, тем более что Европа и расположена в северной зоне умеренного климата, достаточно близко к Африке, Ближнему и Среднему Востоку, евразийским степям и Северной Америке. Так что народы, проживающие здесь, смогли сполна воспользоваться торговыми связями, которые формировались на протяжении столетий, сопровождаемые техническим прогрессом в судоходстве и других сферах^[90].^[91] Так, то, что Васко да Гама постиг секреты муссонных ветров в Индийском океане, позволило крайней границе Евразии стать местом сосредоточения важнейших морских путей мира, остающихся под контролем

Европы. Но, по мнению Мак-Нила, западная цивилизация добилась успеха не только благодаря материальному прогрессу в сложных географических условиях, но и «устранению», как он это называет, «варварских» территорий.^[92]

Уильям Мак-Нил говорит о «безжалостном, практически беспрепятственном захвате цивилизацией территорий», населенных варварскими племенами:

«Именно этот захват способствовал величию и разнородности определенных мировых цивилизаций и увеличению контактов между ними, подготавливая почву для впечатляющего сближения между различными странами мира, которое происходило на протяжении трех-четырех последних столетий».^[93]

Заполнение относительно свободных территорий различными мировыми цивилизациями, главным образом в умеренной климатической зоне, началось в основном с великих географических открытий таких мореплавателей, как да Гама, Колумб, Магеллан, и многих других. Эти процессы продолжились с началом революционных открытий в сфере промышленного производства, в сфере транспорта и связи и в определенном роде происходят и по сегодняшний день благодаря тому, что имеет название «глобализация». За это время окончательно исчезли степные народы, поскольку Россия, Китай и империя Габсбургов разделили между собой относительно пустынные равнины и плоскогорья Евразии. Этот же этап истории человечества ознаменовался тем, что по мере продвижения границ США на запад североамериканского континента и захвата Европой в качестве колоний территорий к югу от пустыни Сахара имел место упадок коренных народов, проживавших на этих землях.^[94] В конечном итоге, как пишет Мак-Нил, мир теперь окончательно объединен главным образом под западной эгидой, все более и более урбанизированной цивилизации. Не стоит забывать, что коммунистическая доктрина, хотя и являлась продолжением тоталитарных тенденций в русле восточного православия и, следовательно, противостояла либерализму, также является идеологией индустриализованного Запада. Нацизм тоже возник как аномальное порождение задушенного инфляцией, стремительно модернизирующегося Запада. Мак-Нил говорит не о политическом единении, а об обширных культурных, географических и демографических тенденциях.

Хотя заполнение пустых пространств на карте мира и является центральной темой «Восхождения Запада», это справедливо лишь отчасти. Тот факт, что две железнодорожные колеи, тянущиеся навстречу друг другу, встречаются и соединяются, еще не означает, что между конечными пунктами нет пустынных или малозаселенных территорий. Границы могут быть закрыты формально, но с невероятной скоростью увеличивается плотность населения и возрастает связь с помощью электронных средств массовой информации. И именно из-за этой огромной скорости развития мира, в котором мы сегодня живем, и разворачивается основная политическая драма наших дней. Мак-Нил мог считать объединенным мир, где одна часть цивилизованного общества располагается не дальше, чем в нескольких неделях езды от другой.^[95] Но как меняется геополитика, когда самых отдаленных мест земного шара можно достичь в течение нескольких дней или даже часов, как в наше время? В определенном смысле мир был объединен в XVIII–XIX вв., но в отношении демографии и технического развития тот мир мало напоминает мир начала XXI в. Главная драма нашей эпохи, как мы увидим, – это постепенное заполнение пространства, что приводит к географии без свободных территорий, где государствам и вооруженным силам, чтобы поместиться в заданных границах, остается все меньше и меньше пространства. Если моторизованным войскам противоборствующих сторон, действовавшим, к примеру, 100 лет назад, чтобы

войти в боевое соприкосновение друг с другом, необходимо были пройти немалое расстояние, то в наши дни речь идет о дальности полета межконтинентальных ракет. География при таком сценарии никуда не исчезает, а, как мы видим, становится еще более важной.

Для того чтобы посмотреть на этот аргумент с другой точки зрения, вернемся к работе Моргантау. Он пишет, что как раз имперская экспансия на относительно свободные географические области в XVIII–XIX вв. в Африке, Евразии и на западе Северной Америки направила политические амбиции великих держав на периферию мира, таким образом сглаживая конфликты между ними самими. Например, чем больше Россия, Франция и США концентрировались на империалистическом распространении своей власти на дальних территориях, тем меньше внимания они обращали друг на друга и тем более спокойной (в определенном смысле) была обстановка в мире.^[96] Но к концу XIX в. великие национальные державы и империи Запада окончательно оформились (особенно это относится к Германии) и могли дальше расширять территории только за счет друг друга.^[97] Моргантау резюмирует:

«Когда политическое равновесие, которое теперь в основном сохраняется на трех континентах, достигает мирового масштаба, противопоставление зоны влияния великой державы и ее центра, с одной стороны, и периферии и свободных зон за ее пределами, с другой стороны, должно неизбежно исчезнуть. Периферийные зоны влияния политического соотношения сил теперь совпадают с пределами земли».^[98]

Взгляды Моргантау, которые он излагал в годы напряженности начального периода холодной войны, заставляют видеть опасность между строк, в то время как мнение его коллеги по университету Мак-Нила, сформированное на более поздней и уже более стабильной стадии холодной войны, вселяет надежду:

«Династия Хань в Древнем Китае... положила конец волнениям и междоусобицам, создав имперскую бюрократическую структуру, которая с редкими сбоями и небольшими изменениями просуществовала практически до наших дней. Похоже, страны XX столетия, воюющие между собой, стремятся к подобному разрешению своих конфликтов...».^[99]

Падение Берлинской стены в 1989 г., несомненно, служит подтверждением оптимистических ожиданий Мак-Нила. Тем не менее можно утверждать, что современный мир не перестает быть менее опасным, нежели во времена холодной войны, поскольку свободные зоны на политической карте мира не перестают сокращаться по целому ряду геополитических причин. Возьмем для примера Китай. Мао Цзэдун ценой огромных усилий, конечно, стабилизировал и укрепил позиции Китая как современного государства. Сейчас страна переживает экономический подъем и наращивает военную мощь в качестве великой державы. На шахматной доске Евразии присутствует такое количество китайских фигур, какого Моргантау не мог себе вообразить. Одновременно с этим даже в самых дальних уголках мира возникают все новые города, и это несмотря на то, что Шпенглер считал отход от сельского хозяйства и культивирования земли началом упадка культуры и человеческой цивилизации. Просторные и многолюдные городские конгломерации, как и предчувствовал Мак-Нил, ведут к интенсивной, хотя и вызывающей беспокойство трансформации религии и самосознания.^[100] Например, ислам все менее похож на традиционную, привязанную к земле

религию и все больше приобретает очертания строгой, в некоторых случаях связанной с определенной идеологией веры. Это нужно для того, чтобы контролировать поведение людей в громадных безликих городских трущобах, где не так распространены большие семьи и кланы. В результате на Ближнем Востоке появляются мегаполисы и целые агломерации небольших городов в прежде сельской местности, в которых, несмотря на крайнюю бедность, наблюдается очень низкий уровень преступности. Однако иногда побочным следствием такой исламской урбанизации является глобальный терроризм, нарушающий политическое равновесие в мире. Христианство также становится более подверженным влиянию идеологии, что является следствием стресса, в котором пребывают большую часть времени жители американских пригородов на Юге и Западе США. Традиционный национализм вытесняется из городов Европы поклонением природе, учитывая, что Евросоюз как супердержава остается чем-то абстрактным для большинства европейцев, за исключением разве что элиты. В то же время война больше не является «развлечением для королей», как в Европе XVIII в. Сейчас она – инструмент националистического или религиозного фанатизма как в крупных масштабах (например, нацистская Германия), так и в более мелких (например, «Аль-Каида»).[101] Добавьте к этому угрозу ядерного оружия в руках радикально настроенной элиты на государственном и негосударственном уровне. И среди всех этих сложных, бушующих перемен классическая география возвращает себе свои позиции, оказывая влияние на напряженные отношения между Западом, Россией, Ираном, Индией, Китаем, Кореей, Японией и т. д., и каждый случай мы рассмотрим в деталях. Тезис Мак-Нила о взаимодействии между цивилизациями, справедлив сегодня как никогда прежде. Но было бы ошибкой приравнивать зарождающуюся в наши дни мировую культуру межгосударственных взаимоотношений к политической стабильности: ведь географическое *пространство* (именно потому, что на нем размещается все больше людей и его ценность как никогда высока) все еще имеет значение, и это значение – огромно.

В то время как научный интерес Мак-Нила относился ко всему миру, исследования Ходжсона, которые нас сейчас интересуют, более узконаправленны и касаются Большого Ближнего Востока. Тем не менее Ходжсон, пламенный приверженец квакерства, скончавшийся в возрасте 46 лет, демонстрирует удивительное трудолюбие и честлюбивые замыслы в своем трехтомном труде «История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней», опубликованном в полном виде в 1974 г., шесть лет спустя после смерти автора. Этот по большей части забытый уже историк из Чикагского университета гораздо менее известен среди современных журналистов, чем ряд других выдающихся ученых, исследующих Ближний Восток, таких как Бернард Льюис из Принстонского университета или Джон Эспозито из Университета Джорджтауна. Ходжсон в своем монументальном труде в отличие от Мак-Нила поместил ислам в географическом и культурном плане в контекст более крупных течений мировой истории. Стиль Ходжсона может показаться излишне академическим и непонятным. Но если читатель приложит некоторые усилия, он будет вознагражден исчерпывающим объяснением, как ислам смог зародиться, укорениться и так невероятно быстро распространиться не только по Аравийскому полуострову и Северной Африке, но и по всему побережью Индийского океана, а также на территории от Пиренейских гор до Тянь-Шаня.[102]

Важно отметить, что Ходжсон написал значительную часть «Истории ислама» в 1950–1960-х гг., когда в центре внимания всех мировых СМИ в основном пребывала холодная война в Европе. Тем не менее в первом томе он раскрывает тему, придерживаясь мнения, что европоцентрическое видение мира всегда было неверным, а в определенных принципах

составления географических карт неизбежно таится некоторое предубеждение^[103].^[104] «Абсурдность ситуации скрывалась за все более широким использованием визуально совершенно искаженной карты мира в проекции Меркатора, которая, увеличивая северную часть, заставляет искусственно ограниченную Европу выглядеть больше, чем вся Африка, и делает непропорционально маленькой Индию». После этого Ходжсон акцентирует внимание читателя на юге и востоке на том, что он называет Ойкуменой (древнегреческий термин, обозначающий «обитаемую часть» мира), на средних широтах зоны афро-азиатской части суши, простирающейся от Северной Африки до границ Западного Китая, территории, которую он также называет «пространством от Нила до Окса».^[105] Конечно, в этих определениях существуют неясности, которые иногда противоречат друг другу. Например, регион «от Нила до Окса» обозначает район, ограниченный Египтом с запада, в то время как Ойкумена может относиться к зоне, которая начинается значительно дальше на запад вдоль африканского побережья Средиземного моря. Дело тут в том, что строгие разграничения времен холодной войны, пик которой пришелся на время написания книги, с четким разделением на Ближний Восток, Анатолию и Индийский субконтинент, перестают действовать, когда Ходжсон показывает нам более органичную географию, с которой культура и природный ландшафт снимают привычные ограничения. То есть широкое и опаленное солнцем пространство между цивилизациями Европы и Китая, – в действительности мир в понимании Геродота, где, по мнению Ходжсона, находится ключ к мировой истории.

Учитывая, как глобализация сейчас стирает границы, регионы и культурные различия, нарочито грандиозная и гибкая географическая концепция Ходжсона на самом деле очень полезна, поскольку дает нам понять, насколько карта рельефа может сопротивляться фиксированным и жирным линиям границ. Таким образом, Ходжсон помогает читателю представить себе изменчивый мир времен поздней Античности, времена когда появился ислам, а также современный мир, в котором Китай и Индия наращивают свое экономическое присутствие на Большом Ближнем Востоке (в былые времена – в Ойкумене). В это же время страны Персидского залива делают то же самое в Африке, разрушая этим уже привычные нам искусственные границы.

«Регион, где суждено было сформироваться исламской культуре, практически может быть определен методом исключения, – поясняет он, – как совокупность земель, где не укоренились традиции Греции и санскрита и от которых европейский и индийский регионы в конце концов отделились. В этом понимании наш регион в осевое время (в 800–200 гг. до н. э.) состоял из тех земель между Средиземным морем и горной системой Гиндукуш (территория современного Афганистана), в которых культуры Греции и санскрита в лучшем случае получали локальное и недолгое распространение». На этом участке Большого Ближнего Востока, простирающемся почти на 5000 км в нижней среднеширотной умеренной зоне, две географические особенности способствовали развитию высокой культуры: выгодное местоположение для торговли, в особенности положение Аравии и Плодородного полумесяца, через которые проходили торговые пути от одной границы Ойкумены до другой, а также засушливость региона.

Последний пункт требует объяснения. Ходжсон утверждает, что нехватка воды уменьшала количество материальных благ, которые можно было бы получить от сельского хозяйства. По этой же причине скопления участков плодородной земли встречались редко, что делало жизнь в сельской местности нестабильной и второсортной по сравнению с жизнью в городах и оазисах. Деньги и власть концентрировались в руках торговцев, которые проживали в стратегически важных точках длинных торговых маршрутов Ближнего Востока.

Особенно важными были те торговые пути, которые располагались близко к морским магистралям Красного и Аравийского морей, а также Персидского залива. Они предоставляли арабским торговцам стратегически крайне важный доступ к колоссальным потокам торговли, проходящим через Индийский океан. А поскольку это был мир торговли, основанный на устных договорах, этика поведения и «честное ведение дел» были крайне важны для стабильности экономической жизни. Таким образом, поскольку влияние и Византийской, и Сасанидской империй, расположенных к северу, слабело в Анатолии и Персии, то в Аравии и Плодородном полумесяце развились подходящие условия для появления веры, которая придавала особое значение этике по сравнению с той верой, которая просто обеспечивала «смену сельскохозяйственных сезонов». Так, ислам возник на основе принципов, проповедуемых купцами и торговцами, под влиянием дыхания пустыни.^[106]

Самым важным центром торговли в Западной и Центральной Аравии была Мекка в Хиджазе, регионе поблизости от Красного моря. Она располагалась на пересечении двух основных маршрутов. Один простирался на север и на юг, соединяя Йемен и порты Индийского океана с Сирией и Средиземноморским регионом, а Мекка была посреди пути. Второй путь шел на запад и на восток, соединяя Африканский Рог на противоположном берегу Красного моря с Месопотамией и Ираном на берегах Персидского залива. Мекка была расположена достаточно далеко от центра Сасанидской империи в Иране, чтобы не зависеть от нее, хотя и была подвержена влиянию светских, религиозных и философских веяний – зороастризма, манихейства, эллинизма, иудаизма и т. д. – со стороны Персии, Ирака и Малой Азии. Хотя в Мекке и не существовало большого оазиса, в ней было достаточно воды для верблюдов. Холмы защищали ее от пиратов Красного моря, и она обладала святыней, Кааба, где были собраны священные символы всех кланов региона, что привлекало паломников из самых далеких земель. Все это складывалось в широкий географический контекст, в котором появился пророк Мухаммед, уважаемый местный торговец и купец, который в возрасте «за 30» озаботился вопросом, как жить честно и непорочно. Мекка была не захолустным лагерем в пустыне, а живым многонациональным центром местной цивилизации.^[107]

Конечно, география, вплетенная Ходжсоном в сложные узоры его повествования, не объясняет ислам полностью, ведь религия по самой своей сути основывается больше на метафизических материях, чем физических. Но он показывает, как географическая среда способствовала развитию региона и, включая в себя множество факторов, таких как ислам, влияла на принципы торговли и перемещения бедуинских племен, которые в свою очередь сформировались под влиянием засушливых географических условий региона, испещренного торговыми маршрутами.

Территория Аравии, по которой перемещались бедуины, была ограничена тремя географическими зонами с развитым сельским хозяйством: Сирией на севере, Ираком на северо-востоке и Йеменом на юге. Каждый из этих трех регионов, в свою очередь, был соединен с «политическим центром», нагорным районом, который в VI–VII вв. осуществлял над ними контроль. В случае Сирии это были гористые районы Анатолии, в Ираке – возвышенности Ирана, а вот связи Йемена с Абиссинскими горными районами (современная Эфиопия) были несколько слабее. Ислам воцарился на большинстве этих территорий, но география частично сыграла роль в том, что эти районы цивилизации с развитым сельским хозяйством, в особенности Сирия и Ирак, расположенные на изгибах Плодородного полумесяца, сохранили свою индивидуальность и стали конкурирующими центрами исламского мира.^[108]

Исторический обзор позднего античного периода и эпохи Средних веков, сделанный Ходжсоном в первых двух томах его монументального труда, во многом объясняет, как

возникли современные государства Ближнего Востока, став очевидным результатом западного колониализма, и почему они в меньшей мере являются искусственными образованиями, чем можно предположить. Как видно, Египет, Йемен, Сирия и Ирак, не говоря уже о Марокко, окруженном морями и Атласскими горами, и Тунисе, ставшем наследником античного Карфагена, с античных времен защищали границы цивилизаций, будучи правомерными предшественниками современных государств, пусть даже границы этих государств, проходящие среди пустынь, часто можно назвать условными. Тойнби, сокрушаясь о разделении арабского мира, предполагает, что насильственная европеизация «стала преобладать до того, как появились какие-либо признаки общего исламского государства».^[109] Но тот факт, что ислам сформировал мировую цивилизацию, еще не означает, что ей суждено существовать одним государством, потому как Ходжсон показывает, что у этой цивилизации имелось много населенных центров, у которых было богатое прошлое и до распространения ислама, и все это сыграло свою роль в эпоху постколониализма. Гористые районы Ирана, как пишет Ходжсон, всегда были связаны с политикой и культурой Месопотамии, что стало очевидным в 2003 г., после вторжения США в Ирак, которое заново открыло Ирану путь в регион. В самом деле, граница между Персией и Месопотамией, которая постоянно перемещалась и долгое время проходила по реке Евфрат, теперь находится в самом сердце Ирака. Арабы завоевали Сасанидскую империю, расположенную в центре Иранского плоскогорья, в 644 г. н. э. спустя всего лишь 22 года после *хиджры*, переселения Мухаммеда из Мекки в Медину, события, которое ознаменовало начало эпохи ислама в мировой истории. Но Анатолийские горы были расположены дальше и на более обширной территории. Частично именно благодаря географии турки-сельджуки, а не арабы завоевали центр Анатолии и установили власть ислама лишь спустя более 400 лет, победив Византийскую империю в битве при Манцикерте в 1071 г.^{[110][111]}

Сельджуки были кочевым народом из степей, расположенных глубоко в центре Евразии, которые вторглись в Анатолию с востока (Манцикерт находился в Восточной Анатолии). Но, как и арабам, так и не сумевшим завоевать плоскогорья Анатолии, сельджукам не удалось установить стабильную власть над самым сердцем исламской цивилизации – Плодородным полумесяцем и Иранским плоскогорьем, не говоря уже о Хиджазе и остальной территории пустынной Аравии, расположенной к югу. И вновь не последнюю роль сыграла география (хотя турки-османы, наследники сельджуков, впоследствии завоевали пустыни Аравии, их власть в этом регионе никогда не была крепкой). Власть тюрков распространялась до Бенгалии, на самом востоке Индостана. Но это было частью миграции населения на юг, через всю среднеширотную часть Евразии, расположенную с востока на запад. Эти тюркские кочевники составляли основную массу племен под контролем монгольских войск (сами монголы были тогда достаточно немногочисленной элитой). Мы поговорим о монгольских ордах и их геополитическом значении позже, но здесь интересно отметить мнение Ходжсона о том, что кочевой образ жизни монголов и тюркских народов, передвигавшихся на лошадях, в конечном итоге сыграл гораздо более важную роль в истории, чем кочевничество арабов, которые использовали верблюдов. Поскольку лошади не выдерживали засушливого климата пустынь Ближнего Востока, а овцы, которых эти кочевники часто брали с собой, требовали достаточно большого количества еды, армии под контролем монголов избегали далекой Аравии. Они предпочитали разорять Восточную Европу, Анатолию, Северную Месопотамию и Иран, Центральную Азию, Индию и Китай, как регионы с более приемлемым климатом. Все эти территории в целом имели огромное стратегическое значение на карте Евразии перед тем, как в военном деле стал использоваться порох. Тюркско-монгольские завоевания могут считаться одними из самых значимых событий в мировой истории во втором тысячелетии

нашей эры, и важную роль в них сыграли географические особенности распространения некоторых животных.^[112]

Рассуждения Ходжсона о монголах показывает, что «История ислама» представляет собой гораздо больше, чем просто научный труд. Назвать Ходжсона специалистом в области арабистики или исламистики означает значительно преуменьшить его достижения. В его толковании ислам – это механизм, раскрывающий наиболее важные интеллектуальные, культурные и географические тенденции, оказывающие влияние на общественные отношения афроевразийских стран, всего Старого Света, с античной Ойкуменой в центре. Это не труд по географии как таковой. Ходжсон уделяет такое же внимание определению суфийского мистицизма, как и ландшафту, а также другим бытовым традициям, относящимся к вероисповеданию. И все же, говоря о географии, он показывает, как та взаимодействует с политикой и идеологией, определяя своеобразие истории. Например, в конце XIII в. в Анатолии турки-османы в конечном итоге пришли на смену своим тюркским собратьям, сельджукам. «Монолитная военная кастовая система османов очертила “незыблемые географические границы” на подконтрольных территориях, в отличие от России или, скажем, даже монголов, находившихся на более примитивном уровне развития общества». Османам была свойственна единая огромная армия, с которой непременно всегда должен быть падишах, или император. В то же время им приходилось действовать из одной столицы, Константинополя, в северо-восточном Средиземноморье, рядом с Черным морем, где была сосредоточена объемная бюрократическая структура султаната. «В результате обширную военную кампанию можно было проводить только в те земли, куда получалось добраться за один сезон». Так что Вена на северо-западе и Мосул на юго-востоке были географическими пределами османской сухопутной экспансии. Армия могла бы перезимовать в Софии или Алеппо, расширяя эти пределы, но кампания тогда неизбежно бы осложнялась трудностями, связанными с провизией, товарами и ресурсами. В целом тем не менее такая абсолютистская система, при которой вся власть, личная и бюрократическая, концентрировалась в Константинополе, делала географическое положение столицы решающим фактором. В определенной степени это можно назвать противоположностью человеческому фактору и привело в конечном итоге к упадку этого военного государства, поскольку, когда османская экспансия достигла своих географических пределов, боевой дух простых солдат, равно как и их награды, стал постепенно исчезать. Менее централизованное государство, возможно, имело бы своим результатом более стабильную империю, чем та, что оставлена на милость географии. Что касается флота, жесткая тирания дислокации усиливалась давлением абсолютизма, и военно-морские силы османов в основном были собраны в Черном и Средиземном морях, недалеко от дома, лишь ненадолго добившись успеха в сражениях с португальцами в Индийском океане.^[113]

Маршалл Ходжсон, как и его коллега по кафедре истории Чикагского университета Уильям Мак-Нил, менее академичен в современном понимании слова, чем интеллектуал из Старого Света, строгость монументального научного исследования которого, возможно, связана с его неустанным следованием своим квакерским убеждениям. То есть даже в тщательном исследовании деталей он видит простор. Его мысль разворачивается главным образом в древнегреческой Ойкумене, которая, между прочим, также во многом служит материалом для всемирной истории Мак-Нила и, как мы уже сказали, основным контекстом для геродотовской «Истории», написанной в V в. до н. э. Не случайно, что именно эта часть мира сейчас во всех новостных заголовках – область между восточным Средиземноморьем и Ирано-Афганским плоскогорьем. Именно на территории Ойкумены сходятся воедино континентальные массивы Евразии и Африки, с большим количеством выходов к

Индийскому океану через Красное море и Персидский залив. Это делает регион крайне важным плацдармом в стратегическом плане, а также местом пересечения миграционных маршрутов, а следовательно, провоцирует конфликты этнических групп и вероисповеданий. «История» Геродота описывает эти непрекращающиеся волнения.

Геродот является ключевой фигурой в моем объяснении актуальности трудов Мак-Нила и Ходжсона в XXI в. Геродот – греческий историк, подданный Персидской империи, родился между 490 и 484 гг. до н. э. в Галикарнасе, расположенном на юго-западе Малой Азии. В своем изложении истоков и событий войны между греками и персами он делает акцент на идеальном равновесии между важностью географии и решений человека. Геродот выдвигает на передний план *частичный* детерминизм, который нам всем так нужен. Он показывает нам мир, где географическая карта всегда служит фоном. В те времена это была карта Греции и Персии с их *полуварварскими* периферийными областями на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Одновременно с географической реальностью одиночные порывы человека часто приводят к разрушительным политическим последствиям. Геродот – символ мировоззрения, которое нам всем необходимо заново в себе развить, чтобы меньше удивляться грядущим изменениям в мире.

«Обычай – царь всего», – замечает Геродот, цитируя Пиндара. Геродот рассказывает о египтянах, которые брили брови, оплакивая любимого кота, о ливийских племенах, которые отращивали длинные волосы с одной стороны головы и стригли их с другой, а также смазывали тело киноварью. А еще были массагеты, народ, живший к востоку от Каспийского моря, на территории современного Туркменистана, у которых было принято, что если кто у них доживет до глубокой старости, то «все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают».

Сначала Геродот обрисовывает ландшафт местности. Затем описывает исторический опыт проживающего там народа, а также нравы, обычаи и мнения, возникающие в результате этого опыта. Геродот сохранил память о цивилизациях и географических условиях, в которых они развивались, он сохранил мифы, легенды и даже память о заблуждениях народов. Он понимал, что чем более обширное представление политический лидер имеет о том, что *именно там, за пределами*, тем меньше вероятность того, что он допустит трагическую ошибку. Скифы жили на дальней стороне Босфора Киммерийского, где так холодно, что им, дабы добыть зимой глины, приходилось разжигать костер. Геродот рассказывает, как Артабан предупреждает Дария, персидского царя, что нет смысла идти войной на скифов – этот кочевой народ способен быстро перемещаться, у скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой, нет у них целей для нападения большой, хорошо вооруженной армии.^[114]

Впечатляющая сила Геродота заключается в его убедительном воскрешении в памяти того, во что именно могут верить люди. Это вера, которая становится практически осязаемой из-за факта, что древние, жившие без науки и техники, видели и слышали по-другому – более интенсивно, чем мы. Ландшафт и географическая среда были для них реальны настолько, что мы и представить себе не можем.

Возьмем, к примеру, историю Фидиппида, который был гоним-сороходом, посланным из Афин в Спарту просить военной помощи против персов. Как потом уверял афинянин сам Фидиппид, на горе Парфений ему явился бог Пан, который окликнул Фидиппида по имени и велел сказать афинянам, почему они так пренебрегают им, тогда как он благосклонен к афинянам, часто прежде им помогал и впредь также будет полезен. Афиняне поверили в истинность слов Фидиппида и, когда настали для них вновь лучшие времена, воздвигли

святилище Пана у подошвы акрополя.

Это не просто милое предание; вполне возможно, есть в нем большая доля правды, поскольку афиняне поведали эту историю Геродоту. Скороход, вполне вероятно, верил, что он видел Пана. *Он на самом деле видел Пана.* Появление этого видения неудивительно, учитывая усталость Фидиппида, место пантеона богов в системе верований и страх перед природными стихиями, заставляющий видеть в них чудеса, утерянные человеческой расой с тех пор. Как Борис Пастернак пишет в «Докторе Живаго», античный мир был «заселен человеком так редко, что он не заслонял еще природы». «Природа так явно бросалась в глаза человеку и так хищно и ощутительно впивалась ему в загривок, что, может быть, в самом деле все было еще полно богов».^[115] Если рационализм и отделение религии от других сфер жизни так сильно на нас повлияли, что мы не можем себе представить, что видел Фидиппид, тогда мы просто не в состоянии понять религиозных движений, которые обращают вспять достижения Просвещения и влияют на сегодняшнюю геополитику, а следовательно, и защитить себя от них. В то время как свободные пространства на планете заполнялись, а природный мир вокруг коренным образом изменился, новая география тущоб, барачков и непонятных ландшафтов оказывает не менее сильное влияние на психологию людей, хотя это и происходит несколько по-иному. И для того чтобы понять эту новую географическую среду, исключительную важность, которую она придает пространству, а также ее влияние на духовность, полезно для начала понять античные рельефы, описанные Геродотом.

Основной загадкой «Истории» Геродота является притягательность этого пропитанного культурой кусочка суши, притаившегося к западу от плоскогорий Персии и Малой Азии, на котором расположилась Греция. Казалось бы, здесь географический детерминизм явно выражен, ведь народы Азии на востоке и Греция на западе воевали друг с другом веками. В наши дни это противостояние выразилось в напряженных отношениях между Грецией и Турцией. Конфликт между этими двумя странами не переходил в открытую войну с 1920-х гг. главным образом из-за массовых переселений, произошедших в то десятилетие, приведших к созданию двух подчеркнута моноэтнических государств. Другими словами, мир воцарился только после этнической чистки, произошедшей по велению географии. И все же это совсем не то направление мысли, которое дает Геродот.

Геродот демонстрирует слабость человека перед своими желаниями и сопутствующие им характерные особенности людских интриг и козней. Он приводит пример, как в круговороте страстей преследуются личные интересы. Атосса, жена персидского царя Дария, взывает к мужской гордости мужа на супружеском ложе, умоляя его вторгнуться в Грецию. Она это делает в качестве одолжения для греческого лекаря, который излечил ее от опухоли на груди и который хочет вернуться на родину. Власть географии заканчивается там, где начинаются шекспировские страсти.

«История» Геродота на самом глубоком уровне поднимает вопрос о понимании превратностей судьбы – *мойры* по-гречески, «распределяющей жребии». И поскольку герои преодолевают судьбу, они формируют основную структуру повествования Геродота. Во вступлении к «Истории ислама» у Ходжсона есть такие слова:

«Увековечивая память великих деяний греков и персов, Геродот писал в своей «Истории»: “Это неповторимые деяния, достойные нашего безграничного уважения. Эти поступки нельзя сымитировать, но им можно подражать и в определенной степени даже превзойти. Однако даже теперь мы не посмеем назвать человека, равного по величию прежним героям”».^[116]

Маршалл Ходжсон говорит об этом в самом начале своего труда, чтобы ясно дать понять, что люди полностью контролируют свою судьбу, пусть даже на протяжении трех томов он частенько описывал мощные природные тенденции, которые, казалось бы, едва ли поддавались контролю человека. Без идеи о внутренней борьбе, о борьбе индивида гуманизм в исторической науке невозможен, утверждает Ходжсон. Так он создает свой образ ислама как «совокупности традиций, влияющей на людей и их мораль», силы, которая приобрела глобальные масштабы, но зародилась в результате действий отдельных людей в Мекке.

Итак, мы возвращаемся к борьбе с судьбой, и это хорошо. Сейчас нам необходимо подкрепление в виде Геродота, Ходжсона, Мак-Нила и им подобных, поскольку мы собираемся ступить на крайне неприветливую территорию геополитики и псевдодетерминистских теорий, которые из нее прорастают. На самом деле общие черты развития истории уже предсказывались ранее, и это можно сделать и в будущем. Это весьма тревожно, если не сказать более, учитывая, как отдельные личности могут изменить ход истории. Но, как мы увидим, это все же правда. Люди, о которых пойдет речь, должны заставить либерально настроенных гуманистов понервничать. Едва ли они были философами – скорее, географами, историками и стратегами, которые считали, что карта решает практически все, не оставляя никакого пространства для человеческого фактора. Человеческий же фактор, насколько он вообще имел для них значение, был важен только в плане военного и коммерческого господства. И все же об этих людях нам придется поговорить, чтобы определить для себя рамки того, с чем мы сталкиваемся во всем мире и чего в этом мире можно достичь.

Глава 4

Карта Евразии

Времена массовых потрясений, проверяя на прочность нашу самонадеянную веру в незыблемость политической карты, возвращают нас к размышлениям о географии. И, в частности, потому, что география служит основой для стратегии и геополитики. Стратегия в соответствии с определением Наполеона является искусством использовать время и пространство в военных и дипломатических целях. Геополитика заключается в изучении окружающего мира, с которым сталкивается каждое государство, определяя свою стратегию: государство, находясь в окружении других государств, также стремится к выживанию и превосходству.^[117] Короче говоря, геополитика – это влияние географии на разделение территорий людьми.^[118] Как говаривал Наполеон: «Изучив географическое положение государства, можно судить о его внешней политике».^[119]

Ганс Моргентау называет геополитику «псевдонаукой», так как «значение географии возводится в абсолют». Занимаясь написанием книг вскоре после Второй мировой войны, он хорошо помнил великого британского географа Маккиндера, чьи теории начала XX века нацисты воскресили во время Второй мировой и использовали их с целью оправдать концепцию *Lebensraum*, что в переводе с немецкого означает «жизненное пространство».^[120] Однако ввиду того, что главной целью геополитики является достижение равновесия сил, а нацисты стремились к полному господству, то нацистские ссылки на Маккиндера представляли собой его, Маккиндера, идеи в откровенно извращенной форме. Соотношение сил, согласно Маккиндеру, обеспечивая безопасность стране, является основой свободы.^[121] Моргентау, возможно, слишком строг к Маккиндеру. В любом случае антипатия Моргентау к Маккиндеру и то, как тщательно он излагает основные положения теорий Маккиндера, сами по себе являются свидетельством мощнейшего влияния последнего на западную геополитическую мысль на протяжении многих десятилетий. Маккиндера осуждают, но он все равно остается актуальным, особенно в эпоху подобную нашей, когда войска США разбросаны по территории всего Среднего Востока и Северо-Восточной Азии. Конечно, некоторая доля правды, которая сбивает с толку, проступая между строк, в его работах существует. Существует также и возможность преувеличения значимости такой правды.

Хэлфорд Маккиндер определенно был талантлив. Через всю его жизнь красной нитью проходит утверждение, что география – обобщенный ответ на любой конкретный теоретический вопрос.^[122] В 1890 г. он описал один пример того, как знания географии могут способствовать более глубокому пониманию международной политики.

«Предположим, мне говорят, что определенный сорт пшеницы поставляют из Лахора, и я не знаю, где это находится. Я посмотрел в справочник и уточнил, что это столица Пенджаба. ...Если я не сведущ в географии, единственное, что я буду знать, что это где-то в Индии. Если же я разбираюсь в географии, то для меня слово “Пенджаб”, скорее всего, будет подразумевать довольно многое. Я буду знать, что Лахор находится в северной части Индии, на равнине, у подножия укрытого снегом горного хребта, среди многочисленных притоков Инда. Я вспомню о сезоне дождей, о пустыне, о каналах, доставляющих воду с гор. Я буду осведомлен о климате, времени уборки урожая, его среднем количестве. Вспомню я и о Карачи с Суэцким каналом. Я смогу прикинуть, когда груз с зерном будет доставлен в

Англию. Более того, Пенджаб по размерам и количеству населения я смогу сопоставить с большой европейской страной типа Испании или Италии, оценив по достоинству этот регион для экспорта товаров из Англии».^[123]

Идеи Маккиндера и способ их преподнесения, как мы сейчас увидим, действительно заслуживают внимания.

Сэр Хэлфорд Джон Маккиндер, отец современной геополитики, которого так не любит Моргентхау, известен не столько благодаря своей книге, сколько благодаря единственной статье «Географическая ось истории», опубликованной в апреле 1901 г. в очередном выпуске журнала *The Geographical Journal* в Лондоне. В ней Маккиндер утверждает, что Средняя Азия, помогая сформировать евразийский «Хартленд», является «географической осью» истории, основанием судеб мировых империй: так как расположение природных артерий Земли между горными цепями, вдоль рек и по равнинам скорее способствует зарождению империй, провозглашенных или нет, чем построению государств. Прежде чем мы станем выяснять, как такое понимание, уточненное и переоцененное, влияет на нашу геополитику, стоит пояснить, как Маккиндер пришел к этому определению. Его статья, обращаясь ко всей истории и к различным видам человеческих поселений, является образцом географического труда; в ней присутствует множество отсылок к Геродоту и Ибн Хальдуну, и она является предвестником трудов Мак-Нила, Ходжсона, а также французского историка и географа Фернана Броделя. Как пишет Маккиндер, предвещая Броделя: «Человек, а не природа дает начало, но природа в большинстве случаев оказывается сдерживающей силой».^[124]

Самое первое предложение в статье Маккиндера задает эпический размах всей статье:

«Когда историки в далеком будущем оглянутся назад на века, которые мы сейчас переживаем, и рассмотрят их в той перспективе, в том сокращенном виде, в каком мы сегодня видим эпоху династий фараонов в Египте, очень может быть, что последние 400 лет будут названы эпохой Колумба, которая завершилась в начале 1900 г.».^[125]

Он поясняет, что в то время, как средневековое христианство было «замкнуто в узких территориальных рамках, под угрозой нашествий варварских племен», эпоха Колумба – эпоха открытий – позволила европейским ценностям распространиться за океаны, преодолев «незначительное сопротивление». Но впредь, в следующие эпохи, писал он в 1904 г., «нам придется вновь иметь дело с закрытыми политическими системами», но теперь уже «всемирного масштаба». В продолжение размышлений он отмечал:

«Каждый социальный взрыв, вместо того чтобы постепенно рассеяться в неизведанных пространствах, где царит первобытный хаос, будет в дальнейшем гулким эхом отражаться по всему земному шару, расшатывая политические и экономические устои государств».^[126]

Понимая, что европейским империям больше некуда расширяться, он отдавал себе отчет в том, что любая война в Европе будет носить характер мировой, что и реализовалось в Первой и Второй мировых войнах. Как я узнал когда-то на курсах повышения квалификации в армейском Командно-штабном колледже в Форте Ливенворт, подобное истощение ведет к глобальным изменениям. Другими словами, к 1900 г. эпоха открытий подошла к концу, но на

протяжении всего XX в. вплоть до наших дней (а особенно с перспективой на ближайшие десятилетия) сформированная и перенаселенная карта мира, или же шахматная доска Маккиндера, как я уже отмечал, продолжает заполняться. И речь идет не только о населении, но и о накоплении оружия. К примеру, страны Ближнего Востока в последние лет 50 лет сами по себе эволюционировали из государств, где преобладали провинциальные города и деревни, до стран с мегаполисами. Как журналист-международник последние 30 лет я имел возможность убедиться, что мир, даже в самых отдаленных его уголках, стал высоко урбанизирован. Позже мы детально поговорим о последствиях этих процессов, но для этого нам необходимо вернуться к Маккиндеру и его «евразийской оси истории».

Хэлфорд Маккиндер предлагает нам посмотреть на европейскую историю как на производную истории Азии, так как он считает, что европейская цивилизация основывается на постоянном противостоянии захватническим устремлениям азиатских племен. Маккиндер задолго до Мак-Нила отмечает, что Европа утвердилась как культурный феномен в основном благодаря своей географии: горные массивы, долины, полуострова – оттуда происходили отдельные нации, которые противостояли угрозе, исходившей с равнин России на востоке. Равнинные территории России распределялись между лесами к северу и степями на юге. Прообразы Польши и Российского государства были созданы, по утверждению Маккиндера, исключительно для защиты северных лесов, ведь в V–XVI вв. с просторов голых южных степей совершали набеги гунны, болгары, мадьяры, калмыки, печенег, половцы, монголы и прочие воинственные племена. В бескрайних степных районах «Хартленда» суровый климат, из растительности – в основном трава, которая порой уступает место песку. Песок этот разносят на огромные пространства мощнейшие ветра. В таких условиях вырастают жестокие воины, уничтожающие врага или гибнущие на поле брани, не стремясь найти места, где можно было бы укрыться. Союз франков, готов и жителей римских провинций в противостоянии азиатам породил прообраз современной Франции. Подобным образом появились Венеция, Папская область, Германия, Австрия, Венгрия и другие европейские державы. Маккиндер пишет:

«Стоит задуматься о том, как на протяжении нескольких столетий, которые теперь мы называем мрачным Средневековьем, язычники с севера пиратствовали в Северном море, сарацины и мавры-язычники держали в страхе Средиземное море, а турки совершали набеги из Азии в самое сердце христианского мира – с полуострова, окруженного враждебным морем со всех сторон. И мы четко видим причину территориального дробления современной Европы, которая словно находилась между молотом и наковальней. Под молотом следует понимать мощь земель “Хартленда”».^[127]

А что ж Россия? Защищенная от вторжения лесами, тем не менее она пала жертвой Золотой Орды в XIII в. и в результате осталась за бортом европейского Возрождения с комплексом неполноценности и чувством незащищенности. Огромная империя, раскинувшаяся на суше, не имеющая природных барьеров – защиты от нападения – кроме, собственно, лесов, Россия хорошо усвоила урок жестокого гнета завоевателей. И как результат она постоянно пытается увеличить и удержать собственную территорию или, по крайней мере, контролировать близлежащие земли.

В то время как монголы из Центральной Азии в опустошающих походах добрались не только до России, но и до Турции, Ирана, Индии, Китая, северных земель арабского Среднего Востока, Европа по большей части не знала подобных бед, а потому смогла стать

политическим центром мира^[128]^[129] Действительно, принимая во внимание тот факт, что пустыня Сахара отделяла Европу от большей части Африки, судьба Европы до эпохи Колумба, согласно Маккиндеру, зависела в основном от развития событий в азиатской степи. И речь идет не только о монголах. На протяжении X–XI вв. турки-сельджуки совершали набеги в степи «Хартленда», разорив значительную часть Ближнего Востока. Именно в результате дурного обращения сельджуков с христианскими паломниками в Иерусалиме начались Крестовые походы, которые Маккиндер считал началом коллективной истории Европы.

Хэлфорд Маккиндер продолжает в том же русле, раскрывая перед читателем Евразию, скованную льдами на севере, омываемую тропическими океанами на юге, имеющую четыре пограничных региона, расположенных в зонах стратегического интереса центральноазиатских монголо-тюркских орд. Этим регионам, по Маккиндеру, соответствует распространение четырех мировых религий, так как религия тоже производна от географии в рассуждениях Маккиндера. Земли муссонов, расположенные у берегов Тихого океана, населены буддистами; на юге, у Индийского океана, – индуисты. Третий пограничный регион – сама Европа, омываемая Атлантическим океаном, – зона христианства. Наиболее хрупкая зона – Ближний Восток, родина ислама, «лишенная влаги ввиду близости Африки» и, «за исключением оазисов, едва заселена» (так было в 1904 г.). Лишенная лесов пустыня, открытая вторжению кочевых племен, с последующими восстаниями, революциями. Вдобавок ко всему Ближний Восток, ввиду близости заливов, морей и океанов, особенно уязвим именно со стороны моря (хотя нередко близость большой воды скорее приносила ощутимую выгоду). Если быть точным, Большой Ближний Восток, с исключительно географической точки зрения Маккиндера, чрезвычайно нестабильная транзитная зона, такая сильно растянутая промежуточная станция между цивилизациями Средиземноморья и Китая с Индией. Зона, отражающая все значительные изменения власти, политического курса. По всему видно, что такая теория – предвестник теории Ходжсона о Большом Ближнем Востоке, как об Ойкумене античного мира, из которой вышли три мировые религии (иудаизм, христианство и ислам) и которая продолжает играть главнейшую роль в современной геополитике.

Но все же Маккиндер, создавая свою теорию задолго до нефтяного бума, трубопроводов, баллистических ракет, помещает геополитическую ось в стороне от Ближнего Востока, как бы отметая его значимость, и продолжает развивать свои тезисы.

По словам Маккиндера, эпоха Колумба примечательна открытием морского пути в Индию, в обход мыса Доброй Надежды, минуя в том числе и Ближний Восток. В Средние века Европа была «зажата между непроходимой пустыней на юге, неизвестным океаном на западе... льдами и лесами на севере и северо-востоке», а также «всадниками на лошадях и верблюдах» на востоке и юго-востоке. Затем она вдруг получила доступ к богатствам Южной Азии через Индийский океан, не говоря уже о стратегических открытиях в Новом Свете.

Но, в то время как Западная Европа «заполонила Мировой океан своими кораблями», Россия столь же впечатляюще покоряла сушу, «выйдя из северных лесов», чтобы контролировать степь, противопоставив монголам своих казаков. То есть, пока португальцы, голландцы и англичане с триумфом огибали мыс Доброй Надежды, русские стремительно осваивали Сибирь, отправляли крестьян возделывать плодородные земли южных степей, отодвигая границы исламского персидского мира. Тойнби и другие ученые напишут об этом десятилетия спустя, но Маккиндер был первым.^[130] У этого противостояния длинная история – Европа против России: либеральная морская сила, подобно Афинам или Венеции,

против реакционной сухопутной силы – по типу Спарты или Пруссии. Ведь море в дополнение к многонациональному влиянию представляет собой труднопреодолимое препятствие – границу, обеспечивающую безопасность, необходимую для становления либерально-демократической идеи. (США – практически островное государство, окруженное двумя океанами, с малонаселенной Канадой на севере и с единственным источником опасности в виде демографической угрозы на юге – Мексикой.)

Хэлфорд Маккиндер отмечает, что в XIX в. паровой двигатель и Суэцкий канал увеличили мобильность морских держав вокруг отдаленных южных окраин Евразии («Римленда»), при этом развитие железных дорог стало служить «вспомогательной транспортной артерией для морской торговли». Он также отмечает, что теперь железные дороги не только поддерживали развитие торгового флота, но также стали помогать развитию внутренних районов континента, и особенно это было характерно для евразийского «Хартленда», чье развитие ранее тормозилось ввиду недостатка древесины и камня для строительства дорог.

Наконец он подходит к сути:

«Углубляясь в историю, мы видим, как все бóльшую роль в динамике исторических процессов начинает играть география. Разве не будет осью истории та обширная территория суши в Евразии, недостижимая для кораблей, но открытая в древние времена для набегов кочевых племен, а сейчас испещренная сетью железных дорог?»

Согласно Маккиндеру, разрастающаяся Россия, заняв центральное положение в начале XX в., станет преемником монгольской орды, которая, по мнению многих, оказывала значительное влияние на мировую историю на протяжении всего II тысячелетия. Как когда-то монголы ломались в ворота (а часто и ломали эти самые ворота) пограничных регионов Евразии – Польши, Турции, Сирии, Ирака, Персии, Индии, Китая, – так теперь способна поступать и Россия, чья уверенность в целостности своей территории окрепла с постройкой сети железных дорог. Маккиндер пишет: «Географические величины легче поддаются измерению и более постоянны, нежели человеческие». Забудем о царях, да и о коммунистах в 1904 г. еще толком никто не знал. Но все это мелочи, если сравнить с глубинными тектоническими силами – географией и техникой. Не говоря уже о том, что текущие события подтвердили теорию Маккиндера. Всего через несколько недель после его знаменитой лекции японский флот атаковал Порт-Артур на юге Маньчжурии, что стало первой битвой в русско-японской войне. Война окончилась год спустя Цусимским морским сражением, предопределившим исход Русско-японской войны в пользу Японии. Иными словами, в то время как Маккиндер провозглашал важность сухопутных сил, именно морская держава нанесла поражение наиболее могущественному материковому государству в вооруженном противостоянии на заре XX в..^[131]

Тем не менее кажущийся детерминизм Маккиндера подготовил нас к возвышению СССР как величайшего центра влияния второй половины XX в., как и к двум мировым войнам его первой половины, которые, по словам историка Пола Кеннеди, стали битвой за маккиндеровский «Римленд» (периферию), от Восточной Европы до Гималаев и дальше.^[132] В подтверждение точки зрения Маккиндера со времени революции 1917 г. и до распада СССР сеть железных дорог в Центральной Азии и Сибири выросла на 72 500 км.^[133] Стратегия сдерживания времен холодной войны в основном зависела от количества наземных военных баз на периферии по территории Большого Ближнего Востока и прилегающих к Индийскому

океану территорий. Становление сферы влияния США на окраинах Афганистана и Ирака и напряженные отношения с Россией по вопросу политической судьбы государств Центральной Азии и Кавказа – географической оси истории – все это подтверждает теорию Маккиндера. В последнем абзаце Маккиндер поднимает вопрос о завоеваниях Китая российских земель, что сделает Китай доминирующей геополитической силой. Если посмотреть, как китайские мигранты заселяют земли Сибири, даже несмотря на политический контроль России над нею, прогнозы Маккиндера так или иначе еще раз подтверждаются.

Хэлфорда Маккиндера критикуют за двойственный детерминизм и империализм. Оба эти обвинения отчасти несправедливы. Всю свою жизнь он посвятил преподавательской деятельности, не был экстремистом в своих суждениях, равно как и старался избежать каких бы то ни было идеологий. Маккиндер был империалистом только оттого, что Британия в то время была мировой империей, а он был просвещенным патриотом своей страны, который видел будущее человечества – в особенности что касается демократии – под влиянием британской модели устройства общества, а никак не российской или немецкой. Он был подвластен тем же предубеждениям, что и остальные его современники. Он был детерминистом только в той степени, в какой география как предмет может быть детерминистской. Маккиндер пытался защитить британский империализм после изнурительной Англо-бурской войны (1899–1902).^[134] Но главной темой его работы «Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction» («Демократические идеалы и реальность: Исследование политики реконструкции») стало утверждение, что человеческий фактор сильнее влияния географии. «Однако в долгосрочной перспективе, – пишет Паркер, биограф Маккиндера, перефразируя последнего, – кто работает в гармонии с природой, будет успешнее тех, кто идет ей наперекор».^[135] Это полностью совпадает с теорией Арона, теорией «вероятностного детерминизма», под которой многие из нас подпишутся.^[136] По сути, Арон, считая себя в глубине души скорее социологом, чем естествоиспытателем, защищает Маккиндера, так как тот, по мнению Арона, верил, что географию можно победить с помощью технологических достижений.^[137] Чтоб исключить любые сомнения относительно того, на каких позициях он стоит, в начале «Демократических идеалов...» Маккиндер пишет:

«На протяжении последнего века под влиянием теории Дарвина люди полагали, что выживают только те, кто может приспособливаться к условиям окружающей среды. Сегодня, возрождаясь из пепелища [Первой мировой], мы понимаем, что победа человечества состоит в победе над фатализмом».^[138]

Хэлфорд Маккиндер выступал против самоуспокоенности в любой форме. В подтверждение этому вот еще одна яркая цитата из «Демократических идеалов...»:

«Очень соблазнительно в данный момент [1919 год] считать, что война не начнется, так как уставшее человечество решило, что войны больше не будет. Но международное напряжение будет накапливаться, хотя вначале и медленно. После Ватерлоо целое поколение успело вырасти в мире без войн. Кто из дипломатов за круглым столом в Вене в 1814 г. мог предвидеть, что Пруссия когда-либо станет угрожать миру? Можем ли мы так подготовить русло реки под названием “Будущее”, чтобы избежать порогов и перекаатов? Именно такая задача стоит перед

нами – не больше и не меньше, если мы хотим, чтобы наши потомки были лучшего мнения о нашем здравомыслии и житейской мудрости, чем мы о здравом смысле дипломатов, решавших судьбу Европы на Венском конгрессе».^[139]

Нет, Маккиндер не был просто фаталистом. Он верил, что природу и географию можно отодвинуть на второй план, но только уважая их, изучая должным образом.

Еще раз подтверждает сказанное бессмертное произведение Никколо Макиавелли «Государь». Там мы можем найти наставления для тех, кто не желает мириться с судьбой, но достаточно хитер и ловок, чтобы справляться с более влиятельными силами. То же относится и к теориям Маккиндера. Он рисует пугающую картину, которая ошеломляет силой аргументации и талантливостью изложения – возникает ощущение, что тебя толкают в какую-то predetermined реальность, когда в действительности он побуждает нас подняться над ней. Он лучший представитель умеренного детерминизма, понимающий, каких усилий нам будет стоить избежать трагедии.

Детерминизм предполагает статичное мышление, склонность покоряться радикальным силам, моде и, таким образом, оставаться безучастным к насмешкам истории. Но Маккиндер был не таков, он являл собой полную противоположность такому отношению. Как одержимый он продолжает пересматривать свою теорию «оси истории» (1904), придавая ей глубину, принимая во внимание злободневные события и их влияние. Действительная ценность теории «географической оси истории» заключается в предвосхищении глобализма, в то время как умы ученых эдвардианской эпохи были заняты размышлениями о Европейской континентальной системе,^[140] сама же она, уходящая корнями в постнаполеоновский Венский конгресс за 100 лет до этого, на тот момент уже находилась на последнем издыхании, что предвидели и Маккиндер, и некоторые другие ученые. В Первой мировой войне, разгоревшейся десятилетие спустя после публикации «Оси», столкнулись Германия (Пруссия) и царская Россия на Восточном фронте, а также сухопутная германская держава с морскими державами, Францией и Великобританией, на Западном фронте. Все это напоминало, хоть и отдаленно, сражение за «Хартленд» Маккиндера. «Демократические идеалы...», будучи дополненной и переработанной версией «Оси», вышли в свет во время подписания Версальского мирного договора. Маккиндер предупреждал переговорщиков, что, несмотря на едва успевшую закончиться войну, забравшую миллионы жизней, «отношения между тевтонцами и славянами до конца не выяснены, а море еще столкнется с сушей».^[141] «Географическая ось истории» была лишь теорией, «Демократические идеалы и реальность» – теорией переработанной, служившей предупреждением на долгосрочную перспективу.

Сам текст «Демократических идеалов» изобилует описаниями, размышлениями, демонстрирует эрудицию автора, который касается в отступлениях географических факторов, как современного мира, так и древности, при этом Маккиндер представляет не только точку зрения жителей морских держав, но и описывает положение вещей с точки зрения жителей континентальных стран. Цивилизация долины Нила, как он отмечает, размышляя с точки зрения жителя морской державы, будучи защищена с востока и запада пустынями, никогда не страдала от средиземноморских пиратов только благодаря болотистой местности в дельте на севере страны. Это, в свою очередь, помогло становлению Египетского царства с довольно высоким уровнем стабильности. К северу от Египта в Восточном Средиземноморье располагается остров Крит, самый большой и самый плодородный из греческих островов. Ввиду вышеизложенного Крит служил «первым опорным пунктом морской державы» в западном мире, так как «нужно где-то добывать пропитание для личного состава флота». С Крита, можно считать, начинались эгейские

владения, служившие колыбелью древнегреческой цивилизации. Греция как морская держава процветала до прихода персов, жителей сухопутной державы, продолжает Маккиндер. Но усилия персов также завершились полнейшим провалом. Родственные древним грекам македонцы, чье государство граничило с греческими государствами с севера, полностью завладели бассейном Эгейского моря. Ведь Македония, расположенная в относительном отдалении от берега, в глуби суши, взрастила народ «сухопутных горцев», которые беспрекословно подчинялись своим правителям и были отменными воинами, но то, что она находилась в то же время достаточно близко к морю, позволяло им шире смотреть на мир. Завоевание Греции македонцами сделало Эгейское море закрытым, лишив собственно греков и финикийцев их баз, что, в свою очередь, открыло Александру Македонскому путь к завоеванию Большого Ближнего Востока.

Далее Маккиндер уделяет внимание становлению Римской и более поздних империй, хотя и отмечает, что география не всегда может объяснить закономерности исторических процессов. Например, сарацины из Сахары в Южном Средиземноморье завоевали Испанию в Северном Средиземноморье, но в то же время римляне из Северного Средиземноморья отправились покорять Карфаген – в южном, причем в обоих случаях причина заключается в стремлении людей добиться исключительной власти над морем.

Но тем не менее, как полагает Маккиндер, какими бы героическими ни были деяния человека, сила географии, влияя на человеческую культуру, в конечном итоге побеждает. К примеру, возьмем Санкт-Петербург, столицу России, которую Петр Великий воздвиг в непригодной для этого с точки зрения географии местности. В краткосрочной перспективе удалось нивелировать негативные факторы за счет мотивации и больших человеческих жертв. В краткосрочной перспективе Петр был триумфатором: на протяжении двух веков «Российская империя управлялась оттуда». Но в конце концов столица все же переместилась в глубь материка – в Москву, то есть география вновь победила. Воля и желания человека не безграничны.^[142]

Хэлфорд Маккиндер в «Оси» рассматривает начало эры после Первой мировой войны как период, когда мы впервые столкнулись с «закрытой системой», когда «политическая власть над сухопутными территориями выдохлась». В новом мире суша представляет собой «обширный выступ» или же «мировой мыс», как его именует Маккиндер, простирающийся от Британских островов и Иберийского полуострова на юг вдоль западной Африки и далее к мысу Доброй Надежды, а затем – через Индостан и Юго-Восточную Азию. Таким образом, Евразия и Африка вместе образуют «мировой остров», что со временем станет единым целым.^[143]

«Существует один океан, который покрывает 9/12 земной поверхности. Существует и один континент, покрывающий 2/12 земного шара – “мировой остров”. Также существует большое количество мелких островов, Северная Америка вместе с Южной Америкой, в свою очередь, занимают 1/12 всего объема».^[144]

Более того, мы смело можем утверждать, что 75 % всего населения Земли проживает на территории Евразии (не принимая в расчет Африку). Тут сконцентрирована большая часть мирового богатства, 60 % ВВП и 3/4 энергетических ресурсов.^[145]

Косвенно Маккиндер утверждает, что Евразия станет доминировать с точки зрения геополитических расчетов, хотя Европа будет все реже рассматриваться как величина, стоящая особняком, отдельная от Евразии и Африки. «Старый мир стал островным или,

иными словами, наибольшим географическим образованием на земном шаре». Со времен окончания наполеоновских войн, за исключением португальского Мозамбика, немецкой Восточной Африки и голландской Вест-Индии, «мировой мыс» в основном находился под патронатом Великобритании. Маккиндер сравнивает контроль римлян над Средиземноморьем (при наличии римских легионов вдоль границ на берегах Рейна) с доминированием Великобритании в Индийском океане (главном океане «мирового полуострова»), в то время как британская армия защищает северо-западные границы Индии от посягательств царской России.^[146]

Основываясь на теории Маккиндера о «закрытой системе», можно понять процессы, происходящие в Евразии и Африке как некоем едином организме: дальнейшее закрытие системы в течение XX в. и позже – все это является предметом моего собственного исследования, которое служит базой для последующих изысканий. Но в равной степени важно признать, что даже в закрытой системе, для которой экономическим центром является Индийский океан, где в будущем начнут курсировать танкеры, перевозящие нефть и природный газ из Сомали в Китай, все еще существуют географические границы. На самом деле в закрытых системах география приобретает все большую значимость ввиду предрасположенности к этому самой системы, скажем, эффективно использовать труднопроходимую местность в Афганистане в политических интересах, с одного берега «мирового острова» до другого.

Но сейчас давайте вернемся к термину «Хартленд», который так влияет на «мировой остров», и посмотрим, что же подразумевал под ним Маккиндер.

Хэлфорд Маккиндер начинает и подытоживает свои рассуждения высокопарным, хотя и несколько упрощенным афоризмом, который сейчас очень часто цитируют:

«Кто контролирует Восточную Европу – тот командует “Хартлендом”:
кто контролирует “Хартленд” – тот командует “мировым островом”:^[147]
кто контролирует “мировой остров” – тот командует миром».^[148]

Главное, что тут необходимо понимать, – это то, что Маккиндер не фанатичный детерминист, он реагирует на события, которые происходят по вине человека, в равной степени предвосхищая их. В период между изданием «Оси» в 1904 г. и выходом в свет «Демократических идеалов...» в 1919 г. разразилась Первая мировая война, итогом которой стали условия Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., проходившей как раз в тот момент, когда книга Маккиндера была в печати. После распада Австро-Венгерской и Османской империй, который произошел в результате Первой мировой войны, одной из главных целей дипломатов в Версале стал передел политической карты Восточной Европы. Итак, Маккиндер в своей книге рассматривает вопрос, который он обошел вниманием в «Оси» за 15 лет до этого, а именно «необходимость существования целого ряда независимых государств, разделяющих Германию и Россию». Как он поясняет: «Мы выступали против полунемецкого российского царства, потому что на протяжении полувека Россия была доминирующей, угрожающей силой как в Восточной Европе, так и в “Хартленде”. Мы были противниками полностью немецкой империи с кайзером во главе, потому что Германия захватила бы тогда главенствующее положение в Восточной Европе, отобрав его у России, а впоследствии, сокрушив бунтующих славян, стала бы господствовать в Восточной Европе и “Хартленде”». Таким образом, Восточная Европа, какой Маккиндер ее видел в 1919 г., становится ключом к «Хартленду», являющемуся источником сухопутной мощи не только Германии, но и России в особенности. Последняя «стучится в ворота Индии на суше», что

делает ее противником Британской державы, господствующей на море, которая, в свою очередь, «стучится в ворота Китая с моря», обогнув мыс Доброй Надежды и пройдя по Суэцкому каналу. Предлагая идею бастиона из независимых государств Восточной Европы от Эстонии и на юг до Болгарии – «Великая Богемия», «Великая Сербия», «Великая Румыния» и т. д., – Маккиндер, по сути, конкретизирует идею «зоны разлома», разработанную им и Джеймсом Фейргривом, который уделил этой идее особое внимание в своих работах 1915 г., имея в виду, что данная зона особенно подвержена захвату со стороны либо континентальной державы, расположенной в «Хартленде», либо морской державы из Западной Европы.^[149] Если этим новым независимым государствам удастся выжить, тогда есть шанс для появления Центральной Европы, как в духовном, так и в геополитическом смысле. В своих идеях Маккиндер пошел намного дальше, размышляя о ряде государств, расположенных к востоку от Центральной Европы. Беларусь, Украина, Грузия, Армения, Азербайджан и Дагестан могли бы бросить вызов плану социалистической России, которую он называл «якобинским царством». На деле с распадом Советского Союза в 1991 г. образовалась зона, состоящая из нескольких молодых независимых государств, которая поразительным образом совпадала с представлением Маккиндера.^[150]

Но Маккиндер, по крайней мере на начальном этапе, ошибался на этот счет. Похоже, он не осознавал в отличие от Тойнби, что Европа, границы которой прокладывались в соответствии с принципом национального самоопределения, с большой степенью вероятности оказалась бы под контролем Германии – большей по размеру и более сильной державы с лучшим географическим положением, соперничать с которой не могло никакое другое этническое государство. В самом деле, Германия впоследствии захватила территории Восточной Европы в 1930-х – начале 1940-х гг., а затем СССР отвоевал данные молодые независимые государства маккиндеровской промежуточной зоны, образовав социалистическое содружество этих стран в 1945–1989 гг. Только в последнем поколении появилась надежда, что духовная идея Центральной Европы может выжить между континентальной военной мощью России и Германии. Так почему же Маккиндер, реалист до мозга костей, внезапно дал слабину и стал защищать идеи, соответствующие, по сути, «вильсонским» принципам национального самоопределения? А потому, как полагает известный ученый, Артур Дуган, что Маккиндер, несмотря на свои смелые детерминистские теории, оставался все же сыном своего времени и был «подвержен влиянию общественного мнения больше, чем он сам думал».^[151]

Глубоко в душе Маккиндер был либералом или, по крайней мере, оказался им со временем. Он полагал, что Британское Содружество станет союзом культур и народов – разных, но равных; он также считал, что союз демократических государств будет лучшей защитой от супердержавы в центре Евразии (и таким образом предвидел борьбу НАТО против СССР).^[152]

Постепенный уклон Маккиндера в сторону принципов Вудро Вильсона, начавшийся с «Демократических идеалов и реальности», становится главным элементом правок, внесенных им в собственную теорию «Хартленда». Эта теория впервые была детально изложена в его статье «Ось», хотя термин «Хартленд» в ней использован не был. Сам стандартный и поныне геополитический термин «Хартленд» применительно к евразийским просторам был введен Фейргривом в книге «Geography and World Power» («География и власть над миром») в 1915 г. К определенным в 1904 г. «осевым» зонам Центральной Азии в 1919 г. Маккиндер добавил «участки великих рек Индии и Китая в Тибете и в горах Монголии», и весь широкий пояс стран с севера на юг от Скандинавии до Анатолии, включая

Восточную и Центральную Европу. Таким образом, новый «Хартленд» более или менее соответствовал Советской империи на пике ее мощи во времена холодной войны^[153] (стоит уточнить – Советской империи плюс Норвегия, Северная Турция, Иран и Западный Китай). Из-за того что большая часть населения Китая живет не на западе, а в прибрежных зонах с муссонным климатом, «Хартленд» Маккиндера представляет собой основную часть внутренней Евразии с довольно скудным населением, окруженную со всех сторон демографическими гигантами: Китаем, Индией и западной половиной Европы. Ближний Восток (в частности, Аравия и Плодородный полумесяц) не был густозаселенным регионом, в «Хартленд» не входил, но, как пишет Маккиндер в 1919 г., имел первостепенное значение для судьбы «мирового острова», поскольку являлся «коридором» из Европы в Индию и с севера «Хартленда» на юг. Он также доступен сразу из нескольких водных массивов, омывающих Аравийский полуостров.^[154] Но «Хартленд» оказывает значительное влияние как на судьбу Аравии, так и на судьбу Европы; наиболее близко расположенной к Аравии частью «Хартленда» является Иран, и этот урок очень важно помнить в наше время. В самом деле, Иранское нагорье очень важно, и к этому я вернусь позже.

Очень интересным исключением является Греция, которая географически является частью промежуточной независимой зоны буферных государств между Германией и Россией, но которую Маккиндер не включает в расширенную модель «Хартленда» 1919 г., потому что Греция, как он говорит, куда ни глянь, ограничена водой и потому открыта для морских держав. Греция первой из этих государств была освобождена из-под контроля Германии во время Первой мировой войны. Маккиндер и здесь демонстрирует дар предвидения. «Установление власти великой державы из “Хартленда” над Грецией, – пишет он, – возможно, ознаменует установление контроля над “мировым островом”».^[155] Именно это чуть не случилось на самом деле. После тяжелых сражений в ходе гражданской войны между прозападными и коммунистически настроенными повстанцами Греция стала единственной страной из промежуточной зоны, которая не попала под влияние Советского Союза после Второй мировой войны и позже вместе с Турцией сформировала стратегически важный южный фланг НАТО.

По словам Маккиндера, на Европу и Ближний Восток «Хартленд» оказывает гораздо большее влияние, чем на Индию и Китай, где сотни миллионов населения представляют собой закрытое общество и поэтому могут мирно развиваться. Это наблюдение подводит его к мысли, что будущее – во многом за «муссонными климатическими зонами Индии и Китая».^[156]

Но что делает «Хартленд» таким важным? Является ли контроль над широкими долинами и плоскогорьями внутренней Евразии действительно основой власти над миром? Да, эти земли богаты залежами нефти и стратегически важных минералов и металлов, но достаточно ли этого? Идея Маккиндера схематична донельзя. И все же частично именно по этой причине она во многом помогает объяснить пространственное расположение государств и народов в Восточном полушарии. Проще объяснить отношения между двумя концами Евразии, принимая за базисную точку центр материка, а не одну из береговых полос. Можно сказать, что «Хартленд» – индикатор, который скорее отражает расстановку сил на «мировом острове», а не определяет ее. Ближе к концу книги «Демократические идеалы и реальность» Маккиндер утверждает, что если Советский Союз выйдет из Второй мировой войны как завоеватель Германии, «он станет самой мощной державой, господствующей на суше» из-за возможности размещать свои войска в «Хартленде».^[157]

Советскому Союзу удалось одержать победу во Второй мировой войне. Таким образом, как и предрекал Маккиндер, началось противостояние господствующей на суше державы,

СССР, и державы, господствующей на море, США. Уже само по себе это является одним из основных геополитических событий нашего времени спустя 100 лет после того, как Хэлфорд Маккиндер сформировал свои теории.

Глава 5

Нацистское искажение

Как государства, унаследовавшие континентальную военную мощь, Германия и Россия веками придавали больше значения географии, чем Америка и Великобритания, удерживающие господство на море. Для русских, помнящих о разрушениях, принесенных монгольской Золотой Ордой, география означает, что без постоянной экспансии всегда существует угроза нового вторжения. Слишком много территории не бывает. Однако немцы (по крайней мере, в середине XX в.) относились к географии еще серьезней. Границы территорий с немецкоговорящим населением на карте Европы постоянно менялись с мрачных времен Средневековья и до наших дней, а объединение Германии в единое государство произошло только в 1860-х гг. при Отто фон Бисмарке. Германия расположена в самом сердце Европы и была как сухопутной, так и морской державой, из-за чего четко осознавала свою связь с морскими державами Западной Европы, а также российским и восточноевропейским «Хартлендом». Военные победы Германии над Данией, австрийскими Габсбургами и Францией в конечном итоге были результатом стратегического гения Бисмарка, напрямую связанного с его острым чувством географии, которое проявлялось в четком понимании пределов тех славянских регионов на востоке, за которые немцам продвигаться нельзя. Отказ Германии от осторожной стратегии Бисмарка привел к поражению в Первой мировой войне, которое заставило немцев более остро ощутить свою географическую уязвимость – но также и свои возможности. Меняя контуры на карте с развитием истории, располагаясь между морем на севере и Альпами на юге, с равнинами на западе и востоке, одинаково открытыми как для экспансии, так и для вторжения неприятеля, Германия буквально жила по законам географии. Именно немцы придумали и развили *геополитику*, представляющую собой концепцию политического и военного контроля над территорией, и именно такие географические теории, которые в первой половине XX в. во многом опирались на идеи Маккиндера, и привели к губительным последствиям для Германии, дискредитировав географию и геополитику для целых поколений немцев после Второй мировой войны.

Взлет и падение немецкой геополитической школы, в которой один теоретик за другим опирался в своих идеях на неверно истолкованные труды своих предшественников, представляют собой большой интерес для историков. Начиная с работ Фридриха Ратцеля, немецкого географа и этнографа конца XIX в., который сформулировал знаменитую идею о *Lebensraum*, или «жизненном пространстве», могучих идей в немецкой геополитике было в изобилии. Само понятие «жизненного пространства» на самом деле обязано своим происхождением журналисту и профессору политологии Фридриху Листу, немцу, иммигрировавшему в Америку в начале XIX в., дельцу и другу Генри Клея, который черпал вдохновение из доктрины Монро с ее представлением об обширной и практически независимой географической зоне. Что касается Ратцеля, на него в значительной степени повлияли труды Чарльза Дарвина, в результате чего у него развилось несколько иное, биологическое понимание географии как живого организма, в соответствии с которым географические границы постоянно менялись, эволюционировали в зависимости от размера и состава населения, проживающего в данной местности. В то время как мы рассматриваем границы как нечто статичное, как воплощение постоянства, законности и стабильности, Ратцель видел в них постепенное расширение или сокращение, демонстрирующие непостоянство в делах государственных. Для него политическая карта мира *дышала*, как

живое существо, и из этого развилась идея о государстве как живом биологическом организме, чье увеличение обусловлено законами природы.

Рудольф Кьеллен, один из студентов Ратцеля, швед по национальности, став ученым-политологом в университетах Упсалы и Гётеборга, и сформулировал знаменитый термин «геополитика». Кьеллен, будучи ярким шведским националистом, боялся российского экспансионизма и стремления Российской империи усилить свое влияние в сравнительно теплых водах Балтийского моря и хотел, чтобы экспансионистские кампании Швеции и Финляндии нарушили планы России. Хотя Кьеллен и нашел поддержку среди аристократов, а также представителей верхушки среднего класса, которые испытывали ностальгию по былому величию Швеции во времена правления таких королей, как Густав Адольф и Карл XII, в конечном счете его взгляды не нашли широкого одобрения в шведском обществе. Уже к концу XIX – началу XX в. у Скандинавии не было никакого желания предпринимать какие-либо значительные шаги в этом направлении. Надежды Кьеллена тогда обратились в сторону Германии, которая могла бы выступить против России и Англии, а именно к этим двум странам он питал особенную неприязнь. Германская империя будущего в видении Кьеллена включала в себя всю Европу, а также порты, расположенные на французских берегах Ла-Манша, прибалтийские провинции России, Украину, Малую Азию и Месопотамию (соединенную с Берлином железной дорогой). Используя идеи Ратцеля, Кьеллен разделил человеческие сообщества по расовым и биологическим принципам, представляя государство посредством идеи под названием *Volk*. Суть этой идеи заключается в том, что тот народ, который является достаточно зрелым и динамичным, требует значительного жизненного пространства. Именно выпренность и пустословие, характерные для идей Ратцеля и Кьеллена, позволили будущему поколению нацистских убийц использовать их для оправдания своих деяний. Все идеи имеют значение, к счастью или к несчастью. Но вот неясные идеи всегда представляют собой немалую опасность. В то время как «разумная» география показывает нам, с какими трудностями мы сталкиваемся по всему миру, география Ратцеля и Кьеллена – «неразумна», она уничтожает человеческую личность и заменяет ее широкими национальными массами.

Все сказанное – всего лишь пролог к жизни Карла Хаусхофера, нацистского геополитика и верного поклонника идей Маккиндера. То, какие трагические последствия имело искажение Хаусхофером теории Маккиндера, а также опасность нацистской концепции геополитики изящно изложены в большей частью забытой, но считающейся классической работе по политологии Роберта Штраус-Хупе «Geopolitics: The Struggle for Space and Power» («Геополитика: Борьба за пространство и власть»), опубликованной в 1942 г. Штраус-Хупе, эмигрировавший из Австрии в США, работал в Университете Пенсильвании, а в годы холодной войны был послом США в четырех странах. В 1955 г. в Филадельфии он основал Институт внешнеполитических исследований, с которым я уже 20 лет поддерживаю тесные контакты. Книга Штраус-Хупе, написанная до того, как в ходе войны случился перелом в пользу союзников, совершенно очевидно была попыткой не только объяснить опасность нацистской геополитической теории гражданам его новой родины, но и объяснить, что такое геополитика вообще и почему она так важна. Он создал эту книгу, чтобы силы добра могли пользоваться теорией геополитики совершенно отличным от нацистов образом. Таким способом Штраус-Хупе удалось спасти и доброе имя Маккиндера, и саму науку о геополитике, сделав таким образом свой личный интеллектуальный вклад в победу во Второй мировой войне.

Генерал-майор, профессор, доктор наук Хаусхофер родился в 1869 г. в Мюнхене. Его дед,

дядя и отец писали о картографии и путешествиях, и это наложило свою печать на его жизнь. В юности Хаусхофер вступил в баварский офицерский корпус, и в 1909 г. получил назначение на должность инструктора по артиллерийской подготовке в японской армии и был поражен развитием военной мощи Японии, которую считал лучшим возможным союзником для Германии. Хаусхофер участвовал в Первой мировой войне в качестве командира бригады, а адъютантом его был Рудольф Гесс, которому он позже посвятил несколько своих книг. После войны Хаусхофер стал преподавать географию и военное дело в Мюнхенском университете, куда Гесс последовал за ним в качестве ученика. Именно через Гесса Хаусхофер познакомился с «пропагандистом» Адольфом Гитлером, к которому в будущем навещался и давал краткие консультации по геополитике во времена его тюремного заточения в Ландсбергской крепости, которое последовало после неудачного «пивного путча» в 1923 г. В то время Гитлер писал «Mein Kampf», и, не имея достаточного образования, нуждался в более широких знаниях об окружающем мире, несмотря на свою хваленую интуицию, а этот университетский профессор мог бы заполнить некоторые пробелы в его знаниях. Отдельные главы второй части «Mein Kampf», которая определяет нацистскую внешнюю политику и нацистский идеал «жизненного пространства», возможно, писались под влиянием взглядов Хаусхофера, которые, в свою очередь, были сформированы под влиянием идей Ратцеля, Кьеллена и в особенности Маккиндера, а последний писал, что мировая история всегда вершилась усилиями народов, со всех сторон окруженных сушей и проживающих в районе Восточной Европы и «Хартленда» Евразии. Такие народы были просто вынуждены вершить мировую историю, чтобы вырваться из своего окружения.^[158]

Роберт Штраус-Хупе предлагает нам проследить ход мысли, который привел Хаусхофера к безоговорочному приятию идей его современника, Маккиндера. Хотя Маккиндер и был одержим идеей господства на суше, он на самом деле никогда не преуменьшал важности военно-морской мощи. Просто он не видел возможности для Британского военно-морского флота предотвратить нападение на «Хартленд» сухопутных войск Германии. Овладев же «Хартлендом», Германия могла построить огромный флот, который помог бы ей завоевать «мировой остров». В XX в. Маккиндер объяснял, что господство на море как никогда требовало широкого доступа в глубь континента для того, чтобы воспользоваться достижениями индустриализации. Эпоха индустриализации обозначила мир больших государств, где слабым не было места. Как пишет Штраус-Хупе, Хаусхофер решил посмотреть на теорию Маккиндера «с противоположной, немецкой точки зрения» и сделал вывод, что путь к господству Германии в мире лежит в том направлении, которое пугало англичан, то есть через объединение «прилегающих территорий» России и Германии. По словам Штраус-Хупе, идеи Хаусхофера полны мистицизма, неясны и туманны, особенно когда он описывает маккиндеровский «Хартленд». Это «колыбель завоевателей мира», гигантская цитадель, простирающаяся от «Эльбы до Амура», то есть от Центральной Германии до Маньчжурии и российского Дальнего Востока, в сердце которой Германия может сконцентрировать свои важнейшие военные производственные мощности, в то время как ее армия и флот могут наносить удары по всем направлениям.^[159]

В то время как Маккиндер под влиянием «вильсонизма», а также в условиях необходимости сохранить баланс сил в Евразии рекомендовал в 1919 г. создание буферной зоны из восточноевропейских независимых государств, Хаусхофер, вывернув наизнанку тезис Маккиндера, несколько лет спустя призывает к «искоренению таких государств». Хаусхофер, как говорит Штраус-Хупе, называет их «фрагментами, осколками государств», граждане которых думают только в рамках «узкого пространства», что для Хаусхофера, как объясняет Штраус-Хупе, «является безошибочным признаком упадничества». Далее Штраус-Хупе

излагает «изящную логику» Хаусхофера относительно распада Британской империи и необходимости разбить Советский Союз на его составные этнические части, которые будут зависеть от Великой Германии, являвшейся, по мнению Хаусхофера, единственным государством, имеющим право на самоопределение. По словам самого Хаусхофера, «треть немецкого народа живет под чужой властью за пределами Рейха». Немецкая геополитическая концепция, предупреждает Штраус-Хупе, – это «акробатические трюки на трапеции идеологии», где делаются выводы «абсолютной простоты». Немецкий новый мировой порядок предполагает, что в регионе Большой Восточной Азии доминирует Япония, «в Америке доминируют США, а евразийский «Хартленд» находится под контролем Германии с «теневой властью Италии в Средиземноморско-североафриканском регионе». Но для Хаусхофера это только промежуточный шаг: при всем уважении к Маккиндеру «Хартленд» должен господствовать над «мировым островом» и соответственно над миром.^[160]

Роберт Штраус-Хупе говорит, что маккиндеровское понятие «Хартленда» несет на себе отпечаток «личного мнения англичанина с эдвардианскими взглядами». Для поколения Маккиндера Россия была противником Великобритании на протяжении почти целого столетия, вследствие чего британские государственные деятели жили в страхе, что Россия в один прекрасный день установит контроль над Дарданеллами, поглотит Османскую империю и затем вторгнется в Индию. Таким образом, Маккиндер был целиком поглощен идеей буферного пояса независимых государств между Россией и морской Европой. Он считал, что с их помощью Великобритания сможет достичь своих стратегических целей, хотя и определил «Хартленд» внутри самой России. Как пишет Штраус-Хупе, «видение Маккиндера хорошо сочеталось только с нездоровой философией “или власть над миром, или ничего”, которая во многом объясняет отклонения в развитии немецкого национализма. В теории Маккиндера есть завершенность, к которой так стремится вагнеровский менталитет». И все же Штраус-Хупе в конечном итоге реабилитирует Маккиндера:

«Книга Маккиндера, написанная в то время, когда армии все еще сражались на полях брани, отличается спокойной беспристрастностью и никогда не выпускает из виду широту исторических взглядов. Именно его веры в человека, к огромному сожалению, лишен его немецкий поклонник. Ведь хотя Хаусхофер любит делать акцент на определяющей роли героизма в истории, он имеет в виду скорее коллективные потери на поле боя, а не безымянные жертвы простых людей».^[161]

И Штраус-Хупе, и Маккиндер верят в человеческий фактор, в священную роль, как они говорят, одного человека, а приверженцы немецкой геополитической школы – нет.

В то время как концепция «Хартленда», с точки зрения Маккиндера, – это способ объяснить концепцию геополитики, привлечь внимание людей, у Хаусхофера она превращается в безумную и оторванную от реальности идеологию. Тем не менее Штраус-Хупе относится к его теориям со всей серьезностью, заставляя так же отнестись к ним своих соотечественников. «Нацистам, – пишет Штраус-Хупе, – Хаусхофер сумел передать связную и логичную идею построения будущей империи, которую туманные измышления Гитлера были, однако, не в состоянии донести до народа». Маккиндер в будущем желал видеть такой баланс сил в мире, который бы служил гарантией свободы, тогда как Хаусхофер был настроен совершить переворот в этом отношении. Таким образом, его видение геополитики было искаженным. Более того, точно так же, как Хаусхофер перевернул с ног на голову идеи Маккиндера, он поступил и с идеями лорда Джорджа Керзона. В 1907 г. Керзон прочитал лекцию по поводу границ. Хаусхофер, вдохновленный Керзоном, написал книгу под

названием «Frontiers» («Границы»), которая, в сущности, повествовала о том, как эти границы разрушить. По мнению Хаусхофера, только государства, находящиеся в стадии упадка, стремятся к стабильности своих границ, и потому только они стараются защитить свои границы с помощью крупных фортификационных укреплений, но ведь границы – живые. Сильные, развитые государства вместо этого строят дороги. Границы для Хаусхофера были всего лишь временными преградами на пути господствующих стран. Немецкое понимание геополитики предполагает постоянную войну за «пространство», а значит, оно родственно нигилизму. Штраус-Хупе добавляет:

«Тем не менее не стоит предполагать, что это искаженное применение, деструктивное по отношению к миру на планете, обязательно делает несостоятельными все геополитические теории; антропология ведь не перестала быть наукой оттого, что послужила инструментом для расизма».^[162]

Карл Хаусхофер даже в рамках своего жесткого видения мира, однако, имел такие научные принципы, которые он с легкостью готов был поменять при первом удобном случае. На 50-летний юбилей Гитлера он отличился тем, что описал фюрера как «государственного деятеля», который совместил в себе «горячую кровь Клаузевица и понимание почвы и пространства Ратцеля».^[163] Хаусхофер с большим энтузиазмом воспринял пакт 1939 г. между Россией и Германией, подчеркивая необходимость для Германии объединить свою сухопутную мощь с мощью России. Однако после того, как Гитлер вторгся в Россию в 1941 г., он писал уже совсем другое. В опубликованной им статье Хаусхофер всячески поддерживал германское вторжение в СССР как способ захватить «Хартленд». Конечно, никто не осмеливался критиковать решение Гитлера. Есть серьезные аргументы, свидетельствующие о том, что особые связи между Хаусхофером и Гитлером сильно преувеличены, хотя Хаусхофер тем не менее в конечном итоге представлял типично нацистскую точку зрения на стратегию.^[164] Когда дела на фронте пошли не очень хорошо, Хаусхофер впал у фюрера в немилость и в 1944 г. был отправлен в концентрационный лагерь Дахау. В том же году сын Хаусхофера, Альбрехт, который также занимался геополитикой, был казнен за участие в заговоре против Гитлера. Это случилось после того, как Хаусхофера и его семью отправили в тюремное заключение почти на три года. Также сыграл свою роль тот факт, что жена Хаусхофера была частично еврейского происхождения. Прежде от нацистских расовых законов пару защищал Гесс, но в 1941 г., после одиночного перелета с целью проведения переговоров о сепаратном мире, он был заключен в Великобритании в тюрьму. Должно быть, противоречия в жизни Хаусхофера стали невыносимыми, когда он постепенно осознал, какую роль сыграл в кровавой бойне и разрушениях Второй мировой войны. Жизнь Хаусхофера наглядно показывает, с какими опасностями могут столкнуться умные и талантливые люди, которые отчаянно стремятся снискать расположение власть имущих. Вскоре после поражения Германии и расследования его участия в военных преступлениях нацистов Карл Хаусхофер и его жена покончили с собой.

Труд Штраус-Хупе – не просто попытка дискредитировать Хаусхофера и спасти репутацию Маккиндера, а обращение к американцам воспринимать геополитику серьезно, потому что, если этого не сделают они, сделают другие – не со столь благими намерениями, а в процессе захватят и сами Соединенные Штаты. Вот как он высказывает свою мысль в конце книги:

«Нацистская военная машина – это инструмент захвата, а немецкая геополитическая концепция – это общий план, разработанный с целью показать тем, в чьих руках находится инструмент захвата, что именно завоевывать и как. Хотя многие ошибки уже сделаны, еще не слишком поздно извлечь урок из ошибок немецкой геополитической концепции».^[165]

Роберт Штраус-Хупе – реалист до мозга костей. Разоблачения некоторых философских оснований программы захвата новых территорий тоталитарным государством для него недостаточно, да и к тому же слишком просто. Он знает неудобную, тревожную правду о том, что так же, как логика Маккиндера имеет существенные недостатки, так и логика Хаусхофера имеет реальные основания. Так что цель Штраус-Хупе – вселить в американцев, живущих в счастливой изоляции за двумя океанами, большее уважение к географической науке, чтобы после войны США могли взять на себя роль стабилизирующей силы и защитника равновесия сил в Евразии, которое нацисты при помощи Хаусхофера пытались нарушить.

Что касается самой идеи «Хартленда», то Штраус-Хупе, который вообще к этой идее относится крайне скептически, говорит, что сильные военно-воздушные силы, а также экономическая и военная мощь могут полностью свести ее значение на нет. Тем не менее он все же полагает, что технические достижения индустриальной эпохи сыграли на руку большим государствам. Воспользоваться преимуществами больших заводов, разветвленных сетей железных дорог, а также эффективно применять авианосцы и танки удобнее всего крупным государствам с обширными территориями. «Современная история, кажется, отражает гнетущую неотвратимость появления империй и супердержав, предсказанных ратцелями, шпенглерами и маккиндерами».^[166] Конечно, постиндустриальная эпоха с ее акцентом на компактности и портативности – например, в микрочипах, мобильных телефонах, пластиковой взрывчатке – наделила властью не только большие государства, но и отдельные личности и группы людей, не имеющих гражданства, усложняя и без того сложные и напряженные геополитические отношения. Но Штраус-Хупе предвидит часть из этих тенденций в своем обсуждении вопроса границ, которое он предпринимает на основании неправильного толкования Хаусхофером идей Керзона.

Роберт Штраус-Хупе не принимается тут же разоблачать Хаусхофера, несмотря на нигилизм последнего. Сам факт существования границ говорит о мире, разделенном на зоны политического и военного влияния. «Суверенное государство является, хотя бы по своим истокам, организованной силой. Его история начинается с войны. Отсюда его границы – “хорошие” или “плохие” – представляют собой стратегические рубежи», – пишет Штраус-Хупе. В качестве весьма убедительного аргумента он приводит слова Керзона, где тот отмечает, что войн из-за государственных границ будет все больше и они будут все напряженнее, поскольку «территорий для заселения все меньше» и «амбиции одного государства пересекаются и входят в острый и непримиримый конфликт с амбициями другого».^[167] Иными словами, нельзя сказать, что Хаусхофер категорически не прав в своем допущении о вечном конфликте. Даже после войны передышка между трагическими событиями в истории человечества будет недолгой. Само стремительное увеличение населения планеты за последние десятилетия, подкрепленное развитием военных технологий, которое свело на нет значение времени и расстояния, означает, что в будущем мир охватит кризис, связанный с нехваткой «места» на карте.^[168] Этот пространственный кризис мы рассмотрим позже, поскольку он следует из идеи Маккиндера о «замкнутой системе». Пока что мы всего лишь заметим, что он добавляет актуальности призыву Штраус-Хупе к Америке, которая в его глазах представляет собой источник чистого блага в мире великих держав и

которая, по его мнению, не может себе позволить отказаться от геополитической теории. Ведь геополитика и соперничество за «пространство» никогда не прекращаются, и, скорее всего, обстановка в этой области еще более накалится в предстоящие десятилетия. Либеральным государствам придется серьезно подготовиться, чтобы не потерпеть поражение в борьбе с такими идейными мыслителями, как Карл Хаусхофер.

Роберт Штраус-Хупе был не единственным натурализованным американцем, который во время Второй мировой войны предупреждал своих соотечественников о необходимости вырвать геополитику из рук нацистов, восстановить ее репутацию и использовать эту науку во благо США. Аналогичную позицию занимал и Николас Спайкмен, который родился в 1893 г. в Амстердаме. Во время Первой мировой войны Нидерланды сохраняли нейтралитет, и Спайкмен много путешествовал в качестве иностранного корреспондента на Ближнем Востоке (1913–1919 гг.) и на Дальнем Востоке (1919–1920 гг.). После войны он получил степени бакалавра и магистра в Калифорнийском университете в Беркли, где также преподавал, а потом перешел в Йельский университет, при котором в 1935 г. основал Институт международных исследований.^[169] Он учил своих студентов использовать знание географии для оценки опасностей и возможностей, с которыми приходилось сталкиваться его второй родине. В 1943 г., в возрасте 49 лет, Спайкмен скончался от рака, но за год до этого он успел опубликовать книгу «America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power» («Американская стратегия в мировой политике: Соединенные Штаты и баланс сил»), которая дает даже больше, чем работа Маккиндера, теоретических оснований для понимания мира в период после холодной войны. Спайкмен, живший позже Маккиндера, в определенном смысле обновляет теорию последнего.

В духе Штраус-Хупе, Моргентау, Киссинджера и других европейских эмигрантов середины XX в. Спайкмен не позволял себе идеализма и сентиментальности, характерных для американских философов. Иммигранты привезли реализм в страну, которая предоставила им убежище и которая, как они считали, с опасной наивностью смотрела на происходящее за ее пределами. География – это все, утверждает он. Соединенные Штаты стали великой державой не столько из-за своих идей, сколько из-за прямого доступа к Атлантическому и Тихому океанам. США были «наиболее привилегированным государством в мире с точки зрения географического положения».^[170] По Спайкмену, карта беспощадна и бессердечна, из-за чего и возникает непрекращающаяся борьба за территорию. Он пишет, что «международное сообщество – это общество без централизованной власти, которая бы поддерживала закон и порядок». Другими словами, оно находится в состоянии анархии. Таким образом, все государства должны бороться за самосохранение. Государственные деятели могут стремиться к универсальным ценностям справедливости, честности и толерантности, но только до тех пор, пока те не мешают им добиваться власти, что для них синонимично выживанию. «Стремление к власти не помогает развивать моральные ценности; а вот моральные ценности используются для достижения власти». Такое утверждение вполне могло бы принадлежать Карлу Хаусхоферу, и это понимание трагично. Но это не должно помешать нам увидеть фундаментальную разницу между этими двумя людьми. Спайкмен, как Маккиндер и Штраус-Хупе, верит в «безопасность баланса сил», а не в господство. А из этой разницы вытекает и все остальное. «Баланс сил», как предусмотрительно говорит Спайкмен, соответствует «законам природы и христианской этики», потому что служит поддержанию мира.^[171]

В то время как Штраус-Хупе фокусируется на узком вопросе нацистской геополитической теории и в процессе защищает Маккиндера, Спайкмен смотрит шире, охватывая взглядом карту всего мира, чтобы оценить перспективы нацистского доминирования, а также очертить соотношение сил в послевоенном мире, который ему не

суждено было увидеть. Начинает он с географического объяснения того, как США стали великой державой.

«История, – утверждает Спайкмен, – вершится в умеренных широтах, где преобладает умеренный климат, и, поскольку очень небольшое количество суши в Южном полушарии находится в этой зоне, история вершится в умеренных широтах Северного полушария». Не то чтобы регион к югу от Сахары и южная часть Южной Америки не важны, ведь они сегодня имеют гораздо большее значение, чем в прошлом, благодаря развитию транспорта и технологиям в сфере коммуникаций, которые обеспечили связь между регионами. Просто они имеют меньшее влияние в сегодняшнем мире, нежели территории, расположенные в Северном полушарии, и в особенности в северной среднеширотной умеренной зоне. Фейргрив, живший приблизительно в одно время с Маккиндером, поясняет, что из-за меньшего по сравнению с тропиками количества солнечной энергии люди, живущие в зонах с умеренным климатом, должны прилагать больше усилий для деятельности при разных погодных условиях и с сезонными различиями, определяющими время для посева и сбора урожая. Таким образом, именно в умеренных зонах человечество «развивается и укрепляет свои позиции». В то время как на Южном полюсе расположен огромный континент, окруженный со всех сторон океаном, на Северном полюсе, наоборот, океан почти со всех сторон окружен сушей – землей, где труд людей был наиболее плодотворным. Штраус-Хупе выражает эту мысль даже более конкретно, утверждая, что история вершится «на участке между 20 и 60° северной широты». Сюда входят Северная Америка, Европа, Большой Ближний Восток и Северная Африка, большая часть России, Китай и солидный кусок Индии. «Пояс пустынь и пустошей», по Маккиндеру, приблизительно совпадает с таким разделением, охватывая центральную часть и примыкающие к ней зоны Евразии. Важнейшим фактом, касающимся США, согласно этой логике, является то, что эта страна, будучи расположенной ниже Канадской арктической зоны, занимает последний большой и относительно свободный участок умеренной зоны, который был заселен урбанистической цивилизацией лишь с наступлением эпохи Просвещения в Европе. Более того, как пишет Спайкмен, процветание Америки было на начальном этапе связано с тем, что восточное побережье, неровное и испещренное устьями рек, оказалось «очень удобным для создания огромного количества гаваней».^[172] В конечном итоге в соответствии с этой точкой зрения география с самого начала способствовала американской свободе.

Америка является великой державой, поскольку США – региональный гегемон в Западном полушарии, который, по словам Спайкмена, «может использовать свою власть и за пределами Нового Света», так что Америка может влиять на соотношение сил в Восточном полушарии.^[173] Это немалое достижение, и США не должны воспринимать его как должное, поскольку особенности географии Латинской Америки играют здесь ключевую роль. Ни одно другое государство – ни Китай, ни Россия – не могут похвастаться доминированием в целом полушарии. Объясняя, как сложилась эта ситуация, Спайкмен говорит о Южной Америке – которой Маккиндер по большей части не уделяет особого внимания – в геополитическом контексте. Из-за особого внимания к Евразии, и в особенности ее центральной части, точка зрения Маккиндера имеет первостепенное значение для понимания географии холодной войны. В то же время концепция Спайкмена более органична применительно ко всему миру, и поэтому в эпоху, когда все регионы связаны между собой и оказывают влияние друг на друга, она более актуальна, чем идеи Маккиндера.

Стратегическим и географическим центром Нового Света является Карибское море, которое Спайкмен называет «американским Средиземным морем». Как Афины добились

контроля над греческими островными территориями, установив господство над Эгейским морем, а Рим воцарился над западным миром, подчинив себе европейскую часть Средиземноморья, Америка, как объясняет Спайкмен, стала мировой державой, в конце концов сумев установить безоговорочный контроль над «срединным», или Карибским, морем в испано-американской войне 1898 г. Это позволило вскоре построить Панамский канал. «Никакой серьезной угрозы положению США в регионе возникнуть не может, – говорит он о бассейне Карибского моря и продолжает: – Острова небольшие, и топография Центральной Америки, как и на Балканском полуострове, способствует созданию небольших политических формирований. Даже такие большие страны, как Мексика, Колумбия и Венесуэла, не могут развить значительную военно-морскую мощь из-за топографии, климата и отсутствия стратегически важных запасов сырья». Военно-морской флот США может установить блокаду на восточной границе Карибского моря и отрезать эти государства от мировых рынков, так что в конечном итоге они все зависят от США.

Сильной стороной Спайкмена, а также других теоретиков, которых я упоминаю, является умение анализировать события и обнаруживать основные законы. А основным географическим законом Западного полушария, как замечает Спайкмен, является то, что разделение в нем проходит не между Северной и Южной Америкой, а между зоной к северу от экваториальных амазонских джунглей и к югу от них. Следовательно, Колумбия и Венесуэла, а также Гвиана, хотя и находятся на Северном побережье Южной Америки, функционально являются частью Северной Америки и «американского Средиземноморья». Их геополитический мир – это Карибское море, и они мало похожи на страны к югу от амазонских джунглей, хотя и расположены на одном континенте. Как и европейское Средиземное море, «американское Средиземное море» не разделяет, а объединяет. Как Северная Африка является частью средиземноморского мира, но отделена от собственно Африки пустыней Сахара, так северное побережье Южной Америки является частью «Карибского мира», а география отделяет ее от основной части Южной Америки. Спайкмен объясняет:

«Горные хребты, протянувшиеся к востоку от Анд, отделяют бассейн Амазонки от долин рек Магдалена и Ориноко и формируют южные границы гвианских территорий. За пределами этой области находятся непроходимые джунгли и тропические леса долины Амазонки. Река с ее притоками является превосходной системой сообщения с запада на восток, но не предлагает маршрутов для передвижения с севера на юг».^[174]

Что касается южной половины Южной Америки, география способствует некой «маргинализации» ее геополитического значения, поясняет Спайкмен. Западное побережье Южной Америки зажато между Тихим океаном и Андами, самой высокой горной цепью в мире после Гималаев, Каракорума и Памира, которые в тесном соседстве отделяют Китай от Индостана. По сравнению с долинами в Аппалачах, позволяющими с Восточного побережья Америки продвинуться на запад, таких долин в Андах мало, и они достаточно узкие. Реки не судоходные, так что такие страны, как Чили и Перу, отделенные почти 13 000 километров Тихого океана от Восточной Азии и тысячами километров от любого из побережий США, находятся далеко от основных каналов коммуникаций и исторической миграции и потому не могут сформировать большой флот. Только центральная и южная части Чили находятся в умеренной зоне; если верить молве, Киссинджер однажды назвал Чили «кинжалом, вонзившимся в Антарктику». Что касается Восточного побережья Южной Америки, оно

также отдалено и изолировано. Поскольку Южная Америка располагается не строго под Северной Америкой, а немного восточнее, густонаселенные части Атлантического побережья Южной Америки, от Рио-де-Жанейро до Буэнос-Айреса, находятся далеко на юге, за лесистыми берегами Амазонки. И от них до Нью-Йорка так же далеко, как до Лиссабона. Господствуя в «американском Средиземноморье» и будучи отделенными от сердца Южной Америки огромным расстоянием и широкой зоной тропических лесов, США вряд ли имеют достойных соперников в своем полушарии. Как пишет Спайкмен, южная часть Южной Америки для Соединенных Штатов скорее «дальняя заграница», чем «соседний континент».

[175]

Но есть и обратная сторона медали. Да, бассейн Карибского моря скорее объединяет, чем разделяет, и маршруты поставок кокаина и марихуаны из Колумбии через Центральную Америку и Мексику в США наглядно это показывают. Так называемые нарковойны, создающие угрозу для США в их родном полушарии, – это еще один наглядный урок географии. То же касается и популистского, антиамериканского радикализма венесуэльского лидера Уго Чавеса, который бьет по глобальным интересам США не просто из-за союза с Россией и Ираном, а из-за того, что этот союз он заключил, будучи под боком у Соединенных Штатов, в бассейне Карибского моря. Угроза была бы не такой явной, если бы Венесуэла располагалась за амазонскими лесами, в южной части континента. Глобализация – век информации, век сокращения расстояний, резкого увеличения трудовой миграции из демографически молодых стран в демографически стареющие – вынудила США сблизиться со странами нестабильной Латинской Америки, расположенными вокруг Карибского моря. Если раньше Карибское море было зоной господства военно-морского флота США, но в остальных отношениях практически изолированной от американского общества, сейчас жизнь Соединенных Штатов неотъемлемо связана с этим регионом. Мысли Спайкмена предвосхищают эти изменения, хотя он и не мог предвидеть подобных особенностей.

Поскольку Спайкмен, как и Штраус-Хупе, написал свои основные труды в разгар Второй мировой войны, еще до того, как в войне произошел перелом в пользу союзников, всемирная угроза, которую представляли на то время нацисты, беспокоила его больше всего. В результате он видел значительную географическую необходимость в отделении США от южной части Южной Америки. То, что Соединенным Штатам не нужно было завоевывать этот регион как бассейн Карибского моря, стало стратегическим преимуществом. В то же время отсутствие особого географического преимущества перед лицом угрозы со стороны противника из Европы делало США уязвимыми. А в южной части континента, к югу от Рио-де-Жанейро, расположена зона, которую Спайкмен называет «эквидистантной», равноудаленной. В ней находились наиболее плодородные сельскохозяйственные регионы, три четверти населения континента и главные города двух наиболее важных южноамериканских республик того времени – Бразилии и Аргентины. Пусть эта область имеет меньшее географическое значение, чем Евразия, но Спайкмен боялся, что южная часть Южной Америки станет частью стратегии окружения со стороны неприятеля. Как география американских континентов позволила США занять господствующее положение в полушарии, разделение на свободный север и контролирующийся «осью Берлин—Рим—Токио» юг ознаменовало бы потерю этого преимущества. Как он пишет, «многие изоляционисты приняли политику обороны полушария, потому что она казалась способом избежать конфликта с Германией, но они упустили из виду тот факт, что, даже если бы США смогли избежать войны с Германией за Европу, возможно, борьбы за доминирование над Южной Америкой избежать не удалось бы».

[176]

Хотя странам «оси» суждено было потерпеть поражение, предупреждение Спайкмена

остается в определенном смысле актуальным и сегодня. Европа, Япония и Китай активно посягают на торговлю с «эквидистантной зоной» Спайкмена. Сегодня нет никакой гарантии, что США останутся доминирующей внешней силой в этом регионе, где торговый оборот с Соединенными Штатами составляет уже менее 20 % от общего объема торговых операций, а полет от Нью-Йорка до Буэнос-Айреса длится 11 часов – столько же, сколько от США до Ближнего Востока. Хотя главной заботой Спайкмена была победа во Второй мировой войне, его четкий акцент на географии показал нам мир, в котором мы живем сегодня.

Николас Спайкмен был представителем поколения, пришедшего на смену поколению Маккиндера, и труды английского географа служили для него источником идей и вдохновения. Хотя Спайкмен интересовался в основном Евразией, как и Маккиндер, Латинская Америка имеет точки соприкосновения с его взглядами. Труды Маккиндера говорят о борьбе между континентальной и морской мощью, причем преимущество на стороне первой. Здесь Спайкмен, по сути, признает духовное влияние Маккиндера – пусть даже они по-разному оценивали важность соотношения морской и континентальной мощи:

«Двести лет, со времен Петра Великого, Россия пыталась пробиться через кольцо пограничных государств и выйти к океану. География и морская мощь постоянно ей мешали».^[177]

Николас Спайкмен описывает центральную часть «Хартленда» как более или менее совпадающую с территорией СССР. На севере она ограничена ледяными арктическими морями между Норвегией и российским Дальним Востоком, а на юге заключена в кольцо гор, от Карпат в Румынии до плоскогорий Анатолии, Ирана и Афганистана, Памира, Алтайских гор, Монгольского плато на северо-востоке и далее до Маньчжурии и Кореи. Для него это была ключевая географическая зона, за которую всегда будет идти борьба. К северу от этого пояса гор и плоскогорий расположен «Хартленд», а к югу от него находятся демографические гиганты Европы, Южной Азии, Юго-Восточной Азии, Китая и Японии, а также богатый нефтью Ближний Восток. Эти приграничные территории Евразии, в особенности их береговые зоны, Спайкмен называет «Римлендом». Спайкмен считал, что именно «Римленд» является ключом к мировому господству, а вовсе не маккиндеровский «Хартленд», потому что «Римленд» с его морскими приоритетами имел первостепенное значение не только для доминирования над Евразией, но и для поддержания контактов с внешним миром.^[178]

Конечно, оба они говорят об одном и том же. По Маккинтеру, тот, кто контролирует «Хартленд», имеет наилучшие перспективы для установления контроля над «Римлендом», что является ключом к мировому господству посредством использования морской мощи. Маккиндер пишет: «Если говорить о долгосрочной перспективе, можем ли мы игнорировать возможность того, что большая часть великого континента однажды может оказаться под властью одной политической силы и что на ее основе может возникнуть непобедимая морская держава?».^[179]

Тем не менее теория Спайкмена с акцентом на «Римленде» имеет несколько больше преимуществ. С учетом современного состояния мира, с политической нестабильностью и беспорядками на территориях «Римленда» на Большом Ближнем Востоке и напряженными отношениями между странами в Южной и Юго-Восточной Азии, а также на Корейском полуострове идеи Спайкмена, с его более сложным видением геополитики и основным вниманием к «Римленду», носят почти современный характер. Теории Маккиндера появились

на рубеже XIX и XX столетий, накануне Первой мировой войны. В то время как Спайкмен черпает свои аргументы из суровой реальности более поздней войны, при которой «Хартленд» был в руках одного из союзников, СССР, и поэтому об этой части и говорить было нечего, а вот «Римленд» находился в опасности из-за сил «оси».

Хотя гитлеровская «ось» и проиграла войну, соперничество из-за «Римленда» продолжилось и в период холодной войны. Советский Союз представлял собой мощную силу, действующую из «Хартленда», которая угрожала «Римленду» в Европе, на Ближнем Востоке, Корейском полуострове и в других регионах. Противостояла же СССР морская мощь Запада. Следовательно, «сдерживание», стратегия времен холодной войны против Советского Союза, изложенная в 1946 г. дипломатом и экспертом по России Джорджем Кеннаном в его «Длинной телеграмме»,^[180] могла трактоваться и с позиций Спайкмена, и с позиций Маккиндера. Таким «сдерживанием» морские державы, действующие на периферии, обозначали то, что силы «Хартленда» называли «окружением».^[181] Оборонные шаги Западной Европы, Израиля, умеренных арабских государств, шахского Ирана, а также войны в Афганистане и Вьетнаме предпринимались с тем, чтобы не дать советской империи распространить свой контроль с «Хартленда» на «Римленд». В своей знаковой работе под названием «Nuclear Weapons and Foreign Policy» («Ядерное оружие и внешняя политика»), опубликованной в 1957 г., молодой Генри Киссинджер пишет: «Ограниченные боевые действия являются единственным способом без больших потерь предотвратить захват периферийных территорий Евразии советским блоком. Особенно потому, что Советский Союз как континентальная держава обладает “внутренними линиями сообщения”, позволяющими ему собрать значительные силы “в любой точке его периферии”».^[182] Польша, Иран, Афганистан, Вьетнам в разное время были ареной боевых действий холодной войны, и все они расположены на периферии советской и китайской держав, шедших путем социализма. Это был мир Маккиндера, но воспринимаемый через призму взглядов Спайкмена.

С тревогой вглядываясь в будущее, которое должно было наступить после Второй мировой войны, Спайкмен уже в 1942 г. предвидит возможности географической науки. При том что на тот момент времени союзники, казалось, проигрывают войну, а разгром гитлеровской военной машины является для всех демократических сил в мире приоритетом, Спайкмен выражает открытое беспокойство относительно последствий демилитаризации Германии после ее поражения в войне. «Советское государство от Урала до Северного моря, – объясняет он, – является едва ли лучшей перспективой, чем немецкое государство от Северного моря до Урала». Советские аэродромы рядом с Ла-Маншем для безопасности Великобритании представляли бы не меньшую опасность, чем немецкие. Так что после разгрома Гитлера обязательно должна быть создана сильная Германия. Точно так же США, которым еще предстоят три года ожесточенной борьбы с японскими империалистами, Спайкмен рекомендует после войны заключить союз с Японией, чтобы противостоять континентальной мощи России и в особенности быстро развивающегося Китая. Япония вынуждена импортировать большую часть своего продовольствия, а также имеет очень слабую нефтяную и угольную промышленность, но обладает мощным флотом. Все эти факторы делают ее одновременно уязвимой и полезной. Будучи большим островным государством у побережья Юго-Восточной Азии, Япония могла бы выполнять такую же функцию на Дальнем Востоке, какую Великобритания выполняет в Европе. Спайкмен предвидел необходимость и важность союза с Японией против мощи Китая, хотя в начале 1940-х гг. Китай был крайне слабым государством, к тому же опустошенным вторжением японской армии:

«Современный, обновленный и милитаризированный Китай... будет угрозой не только для Японии, но и для положения западных держав в “азиатском Средиземноморье”. Китай станет огромной континентальной державой, контролирующей большую часть побережья этого моря. Его географическое положение будет схожим с положением Соединенных Штатов по отношению к “американскому Средиземноморью”. Когда Китай окрепнет, его экономическое влияние в регионе, несомненно, приобретет политический подтекст. Вполне возможно представить себе тот день, когда это водное пространство будет контролироваться не британскими, американскими или японскими военно-морскими силами, а военно-воздушными силами Китая».^[183]

Однако, пожалуй, самое поразительное умозаключение Спайкмена касается Европы. Точно так же, как он выступает против доминирования Германии или России в Европе, он категорически против объединенной Европы при любых обстоятельствах. С его точки зрения, политическое равновесие между странами в Европе для Соединенных Штатов Америки более выгодно, нежели Европейская федерация, даже если создание такой федерации было бы мирным и соответствовало демократическим принципам. Он пишет: «Федеративная Европа обладала бы мощностью, которая полностью изменила бы нашу значимость в качестве Атлантической державы и значительно ослабила бы наше положение в Западном полушарии». Поскольку на данный момент времени Европейский союз все еще пребывает на промежуточной стадии своего развития, при которой руководители государств придерживаются скоординированной, но все же совершенно независимой внешней политики, несмотря на создание единой валютной зоны, пока рано делать выводы о справедливости прогноза Спайкмена. Тем не менее уже сейчас становится очевидно, что чем больше объединяется Европа, тем больше растет напряжение в отношениях между ней и США. Настоящая европейская супердержава с едиными вооруженными силами и единой внешней политикой стала бы не только постоянным соперником США на международной арене, но, возможно, и господствующей внешней силой в «эквидистантной зоне» южной части Южной Америки.^[184]

В этом взгляды Спайкмена явно отличаются от идей Маккиндера и политики сдерживания времен холодной войны,^[185] которая поощряла идею объединенной Европы в качестве бастиона в борьбе против Советского Союза, базировалась на либеральных идеях свободного общества и на геополитике. Из этого следовало, что демократические европейские государства, которые разделяли общие взгляды, следовало подтолкнуть к созданию политического и экономического союза. Спайкмен тем не менее еще более хладнокровен, чем Кеннан, который и сам был трезвым реалистом. Спайкмен в своем анализе просто не принимает во внимание любые другие факты, кроме географических. В отличие от Хаусхофера, он не то чтобы не верит в демократию и свободное общество, а скорее, не считает, что их существование представляет интерес для геополитического анализа. Спайкмен видит свою задачу не в том, чтобы сделать мир лучше, а в описании того, что, по его мнению, в нем происходит. Именно эта способность не позволять своим эмоциям затуманить взгляд, дает ему возможность видеть больше Кеннана и спрогнозировать, что будет после холодной войны. Так что его слова, написанные в 1942 г., и сегодня звучат очень современно:

«Только те государственные деятели, которые могут в политическом и стратегическом ключе продумать варианты военных действий на всей планете и со

всех возможных точек зрения, могут не дать сопернику захватить преимущество на отдаленных территориях. Авиация дополняет военно-морские силы, мобильность в современном мире становится главным принципом военных действий, и ни один уголок земли нельзя сегодня назвать слишком удаленным, чтобы он не имел стратегического значения, или слишком незначительным, чтобы списывать его со счетов в силовой политике». [\[186\]](#)

Иначе говоря, благодаря военно-воздушным силам и экспедиционной возможности, в частности, американской армии, быстро разворачивать действия в любой точке мира, вся планета становится частью игры. Это касается не только нас, но каждого, кто является элементом маккиндеровской «замкнутой системы», благодаря развитию технологий в транспортной сфере, частью которой стала и авиация. Тем не менее наша планета представляет собой слишком большую систему, чтобы в ней был один гегемон, так что, как пишет Спайкмен, уместно говорить о «региональной децентрализации власти», при которой одна большая территория оказывает влияние на другую. Он предвидит мир, где господствует не один гегемон. По сути, это схоже с теорией многополярности, о которой сейчас немало говорят и которая уже существует в экономическом и политическом смысле, но еще не сформировалась в военном ее понимании. Причина в том, что между вооруженными силами США и армиями других государств все еще существует большая разница. Но в формирующемся мире региональных гигантов – США, Евросоюза, Китая, Индии и России, – в котором роль средних держав выполняют Турция, Иран, Индонезия, Вьетнам и Бразилия, наблюдения Спайкмена находят все больше подтверждений. [\[187\]](#)

Какой будет динамика такого мира? Спайкмен делает попытки предсказать будущее, рассматривая карты под разными углами. Его наиболее интересные наблюдения навеяны картой северной полярной области: «Четко выделяются две важные черты – концентрация участков суши в Северном полушарии и то, что они расположены в виде звезды, стремясь от центра, в котором расположен Северный полюс, к Африке и мысу Доброй Надежды, Южной Америке и мысу Горн, а также к Австралии...» Глядя на такую проекцию, почти везде видишь сушу; в то же время, если посмотреть на карту южной полярной области, куда ни глянь, всюду вода. Карта северной полярной области показывает, что северные континенты расположены относительно близко друг к другу, а южные разнесены на достаточно большое расстояние. Конечно, в этой проекции расстояние между южными континентами преувеличено, хотя карта все же дает представление о том, как далеко Австралия от Южной Америки, а Южная Америка – от Африки. Таким образом, географически близкие отношения между Северной Америкой и Евразией динамичны и составляют «основной фундамент мировой политики», в то время как отношения между южными континентами не так важны для судеб человечества. Он так же говорит, что «не Южная Америка и Африка несущественны сами по себе, а их отношения между собой». Южная Америка и Африка приобретают значение в геополитике только в ключе их отношений с северными континентами. Но главной идеей этой карты полярной области является естественная связь между Северной Америкой и Евразией. Мы думаем о необъятности Тихого океана, отделяющего Западное побережье Северной Америки от Восточной Азии. Но маршрут, проложенный через полярную область, показывает, что нужно всего лишь полететь на север, на Аляску, а затем на юг через российский Дальний Восток, чтобы достичь умеренной зоны Японии, Кореи и Китая. В следующие десятилетия Арктика, особенно если она немного оттаит, придаст новое значение морским и особенно военно-воздушным силам. Сверхзвуковой транспорт может на две трети сократить расстояние между западным

побережьем США и городами в Азии. Более активное использование полярных маршрутов еще сильнее свяжет США, Россию и Китай. Став более доступной, география, как это ни странно, приобретет еще большую важность.^[188] Под глобализацией мы понимаем устранение барьеров, которое повлечет за собой более частые и более тесные контакты, увеличивая при этом вероятность возникновения конфликтов.

Хэлфорд Маккиндер утверждает, что, когда мир станет «замкнутой политической системой, предельная реальность географии станет еще более ощутимой».^[189] Под этим он имеет в виду признание «мирового острова» единым целым в геополитике, а Северной Америки – наиболее значимым континентальным сателлитом в окружающих его морях. Здесь Маккиндер говорит о Северном полушарии, поскольку вся материковая часть Евразии и достаточно большая часть Африки – составляющих частей «мирового острова» – расположены именно там. Идея Спайкмена о «Римленде» аккуратно вписывается в этот сценарий, а периферийные зоны Европы, Ближнего Востока, Индостана и Дальнего Востока определяют соотношение сил в морских зонах вокруг Евразии, в Индийском и Тихом океанах. Их положение укрепляется достаточно большим населением, быстрым экономическим развитием, а также крупными залежами нефти и газа. Вместе они сдерживают континентальную мощь России, пусть даже она и контролирует постепенно нагревающиеся воды у своего северного арктического побережья.^[190] Когда Арктика станет центром авиационного и морского сообщения между Северной Америкой и северными зонами «мирового острова», бассейн Индийского океана станет сетью морских торговых и военных магистралей, соединяющих Африку и Ближний Восток с Юго-Восточной Азией.

Тем не менее периферия Евразии не объединится в чисто политическом смысле. В сегодняшнем мире множества региональных гегемонов нет ни единого намека на опасность, о которой говорили и Маккиндер, и Спайкмен, а именно на угрозу господства единой силы над всей Евразией или контроля одной морской державы над евразийским «Римлендом». На это не способны даже китайцы, несмотря на их растущую военно-морскую мощь, поскольку их будут сдерживать вооруженные силы Америки, Индии, Японии, Австралии и других держав в регионе. Тем не менее, как мы увидим, в мире, где расстановка сил определяется искусностью политической игры и где торговля и экономика ценятся куда больше, чем грубая военная сила, геополитика все равно будет подчинена в первую очередь географии, особенно в океанах, где свободного места будет как никогда мало. Чтобы лучше познать этот мир морского центра сил, мы обратимся к работам еще одного мыслителя конца XIX – начала XX в.

Хотя Маккиндер уделял основное внимание господству на суше вследствие развития технического прогресса в сфере дорожного сообщения и железнодорожного транспорта, все та же промышленная революция заставила капитана военно-морского флота США Альфреда Мэхэна, который был чуть старше Маккиндера, сделаться поборником господства на море. Мэхэн считал военно-морскую мощь не только более важной в борьбе за власть, чем сухопутную, но и представляющей меньшую угрозу для международной стабильности. Мэхэн отмечал, что именно «ограниченная способность военно-морского флота применять силу на территориях, удаленных от берега» позволяет утверждать, что он не представляет опасности для свободы. Мэхэн считал, что не евразийский «Хартленд» был географической осью империй, а наоборот, Индийский и Тихий океаны вершили судьбу геополитики. Эти океаны позволили бы морской державе контролировать евразийский «Римленд», оказывая влияние на развитие политических тенденций – благодаря все тем же системам дорожного и железнодорожного сообщения – далеко в глубь территории Центральной Азии. Взгляды Николаса Спайкмена, который и сам придавал большое значение «Римленду» вокруг Индийского и Тихого океанов, были в равной мере сформированы под влиянием Мэхэна и Маккиндера.

Хэлфорд Маккиндер испытывал благоговейный страх перед мощью России, учитывая ее контроль над «Хартлендом». Однако Мэхэн, чья книга «The Problem of Asia and Its Effect Upon International Policies» («Проблема Азии и ее влияние на международную политику») вышла за четыре года до статьи Маккиндера «Ось», нашел слабость России в слишком большом расстоянии, отделяющем ее от теплых вод Индийского океана. «Безнадежная удаленность от открытого моря, характеризующая Россию, лишила ее удобного положения для накопления материальных благ», и, как продолжает Мэхэн, «по этой причине совершенно естественно и понятно, что она испытывает недовольство, которое легко переходит в агрессию...». Таким образом, Мэхэн обнаруживает глубокие психологические тенденции – основанные в действительности на географии – русского национального характера. Мэхэн называет государства, расположенные к югу от России и к северу от Индийского океана, «спорной территорией» Азии, «зоной конфликта между Россией, господствующей на суше, и США, господствующими на море» (спустя 40 лет Спайкмен назовет этот регион «Римлендом»). Говоря об этой спорной территории, Мэхэн подчеркивает важность Китая, Афганистана, Ирана и Турции. Совсем не случайно, что в 1900 г. он сумел назвать государства, которые наиболее важны с точки зрения геополитики и в наше время, – ведь география неизменна.

География помогла разработать стратегию сдерживания Советского Союза при помощи евразийских государств, расположенных к югу от него, во времена холодной войны, в которой участвовали все страны «Римленда». География также помогает определить роль Китая как государства и цивилизации, простирающейся от евразийского «Хартленда» до теплых вод Тихоокеанского бассейна, в то время как география позволяет определить Афганистан и Иран как два государства «Хартленда», имеющих первостепенное значение для судьбы Ближнего Востока. Именно Мэхэн в 1902 г., описывая регион между Аравией и Индией, имеющий стратегическое значение для флота, впервые использовал термин *Middle East* («Средний Восток» – Ближний Восток вместе с Ираном и Афганистаном именуется как Большой Ближний Восток). Индия, как он отмечает, занимающая середину береговой линии Индийского океана и защищенная с севера Гималаями, является важнейшим регионом для

вторжения с моря как на Средний Восток, так и в Китай. Военно-морские силы, как следует из этого, предоставляют средства, разработанные Мэхэном, при помощи которых Соединенные Штаты, расположенные на огромном расстоянии, могут оказывать влияние на Евразию в «замкнутой системе» Маккиндера.^[191]

«Океаноцентрические» взгляды Мэхэна имеют, однако, свои недостатки. Штраус-Хупе объясняет в своей «Геополитике»: «В том, как Британия и США придерживались доктрины Мэхэна, они [Хаусхофер и другие приверженцы немецкой геополитической школы] видели блестящую возможность для Германии. Пока англосаксонские державы использовали доктрину [Мэхэна] – такую привлекательную, поскольку она обещала им как безопасность, так и бизнес в обычном понимании – в качестве фундамента для своей обороны, Германия могла спокойно рассчитывать на то пространство, которое ей было необходимо для начала тотальной войны».^[192] Иными словами, доктрина Мэхэна о морском господстве, фокусируясь на всеобщей евразийской безопасности, не принимала во внимание возможность того, что может существовать такая сухопутная военная мощь, которая благодаря своей агрессивности сумеет проложить дорогу по Европе от Пиренейского полуострова до Урала.

Тем не менее Мэхэн сумел замести следы. Он писал: «Должное использование и контроль над морем – всего лишь часть механизма, при помощи которого накапливаются материальные блага».^[193] Тем не менее его ход мыслей больше подходил для морской экспансии США по всему миру, нежели для поддержания равновесия сил в Европе. По словам Штраус-Хупе, в доктрине Мэхэна просматривались явно «империалистические амбиции». Дело заключалось в том, что конечной целью американского государства было не просто предначертанное судьбой господство на территории «от моря до моря» («от Атлантики до Тихоокеанского побережья»), но и господство в Карибском и Тихоокеанском регионах, что сделало бы США самой влиятельной державой в мире. Мэхэн считал, что государство должно либо расширяться, либо погибнуть – поскольку для державы было невозможно удерживать свои позиции, «стоя на месте». Как тактик он часто также не очень вдавался в детали, веря в то, что господства на море можно достичь, постоянно наращивая военно-морские силы: «многочисленный флот линейных кораблей».^[194]

Тем не менее Мэхэна, который начиная с 1883 г. за 20 лет опубликовал 19 книг, сложно поймать на слове: ему свойственны не только империалистические амбиции. Он также был демократом, который, несмотря на его высказывание, что демократические государства не очень поощряют издержки на военные нужды, открыто предпочитал демократическую форму правления монархическому варианту. Он вовсе не считал, что многочисленный флот был абсолютно необходим для США, которые, по его мнению, должны были сотрудничать с Великобританией, поскольку господство на море возможно лишь в коалиции. Он считал войну неестественным состоянием для государств, к которой тем не менее, как это ни трагично, нужно быть готовым. Он также предвидел систему многонациональных морских союзов, которая должна была стоять на страже всеобщего блага. Так что важно не исказить его взгляды.^[195]

Альфред Мэхэн изложил основные положения своей теории в первом, и самом важном, труде «The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783» («Влияние морской силы на историю, 1660–1783 гг.»), опубликованном в 1890 г. Эта работа повлияла на взгляды президентов Уильяма МакКинли и Теодора Рузвельта – как и на кайзера Германии Вильгельма II – и способствовала наращиванию морской мощи перед Первой мировой войной. Мэхэн указывал, что, поскольку море является «великой дорогой» и «общим достоянием» цивилизации, военно-морская сила, способная защитить торговые суда, всегда была

определяющим фактором в глобальных политических конфликтах, особенно поскольку «путешествия и перемещение по воде всегда были легче и дешевле, чем по суше». Сильной стороной его аргументов была их оригинальность и широта взглядов.^[196]

Альфред Мэхэн начинает свою серию мыслей о «морской мощи» с утверждения, что «мирные, стремящиеся к достижению своих целей нации не всегда дальновидны и предусмотрительны, а предусмотрительность необходима для того, чтобы должным образом подготовиться к военным действиям, особенно в наши дни». Мэхэн не был ни милитаристом, ни приверженцем деспотизма. На самом деле, как он отмечает, именно из-за деспотизма и «безудержной жадности» ни Испания, ни Португалия, хотя и обладали значительными военно-морскими силами, так и не стали в конечном итоге великими державами. Тем не менее «проявит ли демократическое правительство дальновидность и способность быстро среагировать на положение страны», необходимые для противостояния неприятелю, – «это вопрос открытый». Потому что, по его словам, дружественные иностранные порты в разных точках мира не всегда будут оставаться дружественными. Дело не столько в том, что мирные народы вообще не имеют представления, как важно развивать способность предвидеть угрозу, сколько в том, что историки меньше всего представляют себе, что такое море, что такое необъятные просторы нашей планеты и какое значение они имеют для безопасности и процветания живущих на суше людей. Так что крайне важно, предупреждает он, писать об истории военных действий на море, в особенности потому, что принципы ведения такой войны всегда были неизменными, несмотря на развитие технологий от весельных галер до пароходов (ядерных субмарин и авианосцев в наши дни). Мэхэн иллюстрирует это, проводя аналогию с сухопутными войсками:

«Когда на смену пешим маршам пришли повозки для переброски войск, когда их, в свою очередь, сменили железные дороги, масштабы и дальность действий сухопутных армий увеличились, или, если угодно, временные рамки сократились. Но основные стратегические принципы ведения военных кампаний, которые диктовали, на каком этапе должны быть сконцентрированы главные силы, в каком направлении им двигаться, где атаковать врага, как выстроить защиту линий снабжения, – все это оставалось неизменным».^[197]

Книга Мэхэна покрывает период с 1660 г., когда, собственно, началась эра парусного мореходства с ее отличительными чертами, до 1783 г. – конца Американской революции. Мэхэн отмечает, что Джордж Вашингтон частично связывал победу Америки в войне за независимость с контролем Франции на море – хотя за несколько десятилетий до этого Франция проиграла Семилетнюю войну частично из-за того, что пренебрегла развитием своего флота. И все же обширные комментарии Мэхэна на тему военно-морской тактики, а также его примеры, подтверждающие важность морских просторов в истории человечества, значительным образом касаются гораздо более ранних времен. Именно контроль Рима над морем заставил Ганнибала выступить «в долгий и опасный поход через Галлию, в котором он потерял более половины своих опытных войск... На протяжении этой войны, [римские] легионы перемещались по воде, в безопасности и без особых потерь, между Испанией, в которой размещался Ганнибал, и Италией...». Мэхэн отмечает, что во Второй Пунической войне не было крупных морских сражений, потому что господство Рима в Средиземном море было решающим фактором в победе над Карфагеном. Если бы Средиземное море было равнинной пустыней, как пишет Мэхэн, а там, где начинается суша, располагались горы, господствующий флот можно представить как силу, способную перемещаться в разных

направлениях по пустыне от одного горного хребта до другого по своему желанию. Именно так обстояло дело с Римом. Но поскольку вода – стихия странная и загадочная, а моряки «с незапамятных времен были странным и загадочным народом», мы недостаточно высоко ценим военно-морские силы. «Флот – это, по сути, легкий корпус, – продолжает Мэхэн, – который поддерживает сообщение между собственными портами; блокирует порты противника; но бороздит море в интересах суши и контролирует пустыню, чтобы люди могли жить и процветать на обитаемых землях».^[198]

Итак, как подчеркивает Мэхэн, первостепенную важность имеет «не захват отдельных кораблей или конвоев», а скорее, «подавляющее превосходство на море, изгоняющее с его поверхности неприятельский флаг и позволяющее появление последнего лишь как беглеца». И, «если нации не приходится ни защищаться, ни стремиться к расширению своей территории на суше уже благодаря тому, что все ее цели и стремления лежат в море, она находится в более благоприятном положении, чем народ, хотя бы с одной стороны ограниченный континентальной границей».^[199]

Англия и Америка расположены таким образом, что обе эти страны за свою историю долгое время обладали мировой властью. Но географическое положение Америки имеет свои недостатки, как намекает Мэхэн. Да, Америка – это фактически остров, массивный и щедро одаренный, расположенный в умеренной зоне и не зависящий от изматывающих сражений за власть, продолжающихся в Евразии, но в то же время Америка находится на огромном расстоянии от евразийских портов, особенно тихоокеанских, и это ограничивает возможность США распространять свое влияние на эти порты. Сооружение Панамского канала, которое он предвидит в своей книге, увеличит контакты американского торгового и военного флотов с обоими концами Евразии. Но расстояние все равно будет огромным, и это станет «причиной огромных расходов». Хотя реальным следствием строительства Панамского канала станет превращение Карибского моря из «конечной остановки» и «станции с местным сообщением» в «одну из величайших магистралей мира», поскольку не только американские корабли, но и суда европейских государств проходят по каналу на пути в Тихий океан. В таких условиях, говорит он, для США «будет не так просто, как раньше, оставаться в стороне от международных проблем».^[200]

География, без которой канала на Панамском перешейке вообще не было бы, также обусловила более близкие связи между США и их центральноамериканскими и карибскими соседями в целях защиты канала и контроля морей поблизости от него. Сближая Америку как с Азией, так и с Европой посредством судоходного сообщения, Панамский канал мог бы помочь ослабить изоляционизм и, соответственно, укрепить либеральный интернационализм в коридорах власти в Вашингтоне. Но это определенно не было велением судьбы, несмотря на главенствующую роль географии. Панамский канал был результатом нескольких процессов, и все они были связаны с человеческим фактором: испано-американская война; великодержавная политика, отмечающая любое участие Европы в проекте; закулисные политические игры, из-за которых выбор пал на Панаму, а не на Никарагуа; победа над болезнями, распространенными в центральноамериканских тропиках, и прежде всего огромный труд и мастерство. Опять же география – это контекст, в котором все определяет человеческий выбор.

Альфред Мэхэн, несомненно, стремился повлиять на этот выбор. В его огромном труде он ратовал за глобальное использование военно-морских сил. По благоприятному стечению обстоятельств работа Мэхэна была опубликована в том же году, когда армия США окончательно объединила большую часть территории Американского континента под властью Вашингтона, одержав фактически финальную (хотя и отвратительную) победу в

войнах против индейцев. Размышления Мэхэна о важности военно-морской мощи также появились всего за несколько лет до того, как США отвоевали у Испании ее колониальную империю в западной части Тихого океана, а также добились господства в Карибском море. Мэхэн не столько географ, сколько историк и тактик. Он является сторонником империалистического мировосприятия, которое несет в себе очевидные последствия для географии. Это объясняет, почему его так высоко ценит Спайкмен. Не то чтобы последний был большим поклонником завоеваний; он просто интуитивно понимал, как и Мэхэн, что у США не останется другого выхода, кроме как принять участие во всемирной борьбе за зоны влияния. Это будет происходить из-за их собственного выгодного положения в Западном полушарии, которое также обеспечивало им и большое влияние в Восточном полушарии.

У Мэхэна, как и следовало ожидать, были враги. Так, сэр Норман Энджелл в опубликованном им в 1909 г. труде «The Great Illusion» («Великая иллюзия»), который стал пламенным манифестом в защиту пацифизма, осуждает работы Мэхэна как «весьма вредные фантазии». Этот британский журналист и политик, которого, к его чести, ненавидел Хаусхофер, осуждает утверждение Мэхэна о том, что «установление государственной власти над иностранными сообществами» может быть достойным предприятием, поскольку «люди, государства и империи, помимо физических тел, имеют душу». Мэхэн, по мнению Энджелла, совершенно абсурдным образом отвергает вполне материальную реальность отдельно взятого человека и заменяет ее почти непостижимой реальностью государства. «Приходит ли кому-нибудь в голову, – рассуждает Энджелл, – отнестись почтительно к некоему человеку только потому, что он проживает на территории одной из самых больших империй в мире или, наоборот, отнестись с презрением к любому другому только на том основании, что он родом из небольшого государства?». ^[201] Иначе говоря, Мэхэн и косвенным образом Спайкмен, Маккиндер и другие географы и геополитики являются детерминистами и сторонниками эссенциализма. Их склонность к воинственности, как сетовал Берлин, произрастает из видения государств и империй как более реальных сущностей, чем люди, которые их окружают. К тому же мы можем привести в их защиту только пример Хаусхофера: если бы Мэхэн и остальные не занялись того рода детерминизмом, который так осуждает Энджелл, они бы уступили поле глобальных стратегий тем, кто действительно выступает на стороне зла. Увы, мы нуждаемся в моральном несовершенстве таких исследователей, как Мэхэн.

В действительности труду Энджелла о том, почему война и соперничество за власть между великими державами нелогичны, не повезло в том, что он был напечатан всего за несколько лет до начала Первой мировой войны, с которой началось столетие беспрецедентных войн и конфликтов в Европе. Энджелл совершенно незаслуженно стал во многих кругах посмешищем. Я говорю «незаслуженно», потому что сама по себе его книга читается на одном дыхании и в ней приводятся блестящие аргументы. Его книга могла бы стать книгой провидца, будь человеческая натура чуть менее низкой. Именно из-за недостатков человеческой природы, масштаб которым придают географические границы, идеи таких авторов, как Мэхэн, долгие десятилетия казались более живучими, чем идеи таких, как Энджелл.

На фоне того, что динамика могущества в мире сегодня стремительно меняется, индийские и китайские стратеги жадно читают Мэхэна. Они строят флот, предназначенный для крупных сражений на море, тогда как европейские адмиралы в наше время рассматривают военно-морские силы исключительно в качестве морских полицейских. «Очень многие ученые на симпозиуме в Пекине в 2004 г. цитировали Мэхэна... подтверждая влияние его идей, – пишут профессора Военно-морского колледжа Джеймс Р. Холмс и Тоши Йошихара. –

И практически все без исключения они цитировали самые воинственные из наставлений Мэхэна, приравнивая контроль над морем к подавляющей силе, которая перекрывает неприятелю путь к общим морским просторам».^[202] В последнее время, по мере того как китайские ВМС увеличиваются в размерах и становятся все более профессиональными, уклон в сторону идей Мэхэна в Пекине только усилился, особенно с наращиванием морской мощи Индией, чего опасаются китайцы. Индийцы, в свою очередь, рассматривают китайцев с позиций того же Мэхэна. А вот военно-морской флот США между тем вооружился теориями другого специалиста. Позвольте объяснить.

Джулиан Корбетт, британский историк того же периода, не столько противоречил Мэхэну, сколько предложил более тонкий подход к военно-морской стратегии, делая акцент на большем количестве действий в море при меньшем количестве кораблей. Корбетт утверждает, что, если одна нация утратила контроль над морем, это не обязательно означает, что другая его тут же захватила, как считал Мэхэн. Коалиция нескольких флотов, хотя и может показаться слабой и рассредоточенной, если ее организовать должным образом, может оказаться «реальной и грозной силой». Корбетт называет это «жизнеспособным флотом» – группой кораблей, которая может, когда это необходимо, быстро объединиться в один флот. «Жизнеспособному флоту» нет необходимости господствовать на море или топить флот противника. Он может добиться куда большего эффекта, захватывая важные военно-морские базы и контролируя уязвимые точки на географической карте. Такой флот, как утверждал Корбетт, должен действовать «активно и энергично», предоставляя ограниченную степень защиты.^[203] Книга Корбетта вышла после Второй мировой войны, когда Британский королевский флот ослабил свое присутствие в мире, используя, однако, с выгодой для себя растущую военно-морскую мощь своих союзников – Японии и США.

Сейчас США в таком же положении, как Великобритания 100 лет назад. Американский военно-морской флот постепенно уменьшался с примерно 600 кораблей во времена холодной войны до 350 единиц в 1990-х и 280 – в теперешнем его состоянии. Более того, существует вероятность (из-за бюджетных сокращений и перерасхода средств), что флот в ближайшие годы сократится до 250 единиц. Но сейчас, по существу, он включает в себя силы таких военно-морских союзников США, как Индия, Япония, Австралия и Сингапур. В октябре 2007 г. военно-морское ведомство США опубликовало документ под названием «A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower» («Совместная военно-морская стратегия XXI в.»), который составлен больше в духе работ Корбетта, с его акцентом на взаимодействии, чем Мэхэна, с его акцентом на доминировании. «Интересам нашего государства, – говорится в документе, – служит содействие развитию мирной глобальной системы, состоящей из сети взаимосвязанных торговых, финансовых, информационных, правовых, общественных и управленческих систем». С точки зрения военно-морского флота США части нашего мира становятся все более взаимосвязанными, а население мира концентрируется в демографических узлах возле морей, которые подвергнутся огромным разрушениям в случае асимметричных атак или природных катастроф. Даже крупные силовые конфликты, говорится в документе, малозаметны и асимметричны. Речь практически больше не идет о традиционных морских и сухопутных сражениях. Растущая военно-морская мощь Китая даже не упоминается. Духом «коллективной безопасности» пропитано все. «Ни у одного государства нет достаточных ресурсов, чтобы обеспечить безопасность... на всех морских просторах планеты». И на этих морских просторах, как утверждается в документе, западный сектор Тихого океана и весь Индийский океан будут первыми среди равных по своему стратегическому значению.^[204]

Итак, похоже, что «Римленд» Евразии и большая часть побережья «мирового острова»,

используя язык Спайкмена и Маккиндера, имеют два реальных варианта развития событий в военной сфере. С одной стороны, будут военно-морские силы США с сокращающимся, но все еще сохраняющим доминирующие позиции флотом, который будет осуществлять патрулирование в тесном взаимодействии со своими местными союзниками от Африки до Юго-Восточной Азии для поддержания безопасности на море и беспрепятственного осуществления торговли, что вполне в духе Корбетта. С другой стороны, будут активно развиваться военно-морские силы как Китая, так и Индии, и каждая возьмет на вооружение идеи Мэхэна. Именно потому, что китайцы «на ура» восприняли эту американскую икону империалистических амбиций, ВМС США не смогут полностью отказаться от этих идей. «Утверждение, что экспансия по своей природе ошибочна, – пишет политолог Чикагского университета Джон Миршаймер, – означает, что за последние 350 лет все великие державы так и не поняли международную систему отношений. Так что, очевидно, этот аргумент неправдоподобен». И как продолжает Миршаймер, «поскольку господство обеспечивает безопасность» в анархической системе, где нет одного господствующего в мире государства, «сильные державы неизменно будут испытывать соблазн последовать примеру США и установить господство в своем регионе».^[205] Так что, возможно, звездный час Мэхэна все еще впереди.

По мере того как вдоль побережья Евразии собирается все больше военных кораблей, необходимых для реализации амбиций Китая, Индии и других стран, включая США, а удобный полярный маршрут сокращает расстояние между Евразией и Северной Америкой, случаи борьбы за доминирование по всему миру будут становиться лишь напряженнее и стремительнее в своем течении. Таким образом, сейчас нам необходимо рассмотреть характерные черты замкнутой географической системы.

Глава 8

«Кризис пространства»

Несколько лет назад в качестве приглашенного профессора в Военно-морской академии США в Аннаполисе я читал курс о возможных грядущих проблемах национальной безопасности Соединенных Штатов. Семестр я начал, предложив курсантам ознакомиться с книгой «Fire in the East: The Rise of Asian Military Power and the Second Nuclear Age» («Пожар на Востоке. Подъем азиатской военной мощи и второй ядерный век») Пола Брэкена, профессора политологии Йельского университета. Это лаконичное и прозорливое произведение, опубликованное в 1999 г., не пользовалось спросом у читателей. Книга была написана в духе Маккиндера и Спайкмена, хотя ссылок на них в тексте автор не делает. Брэкен, будучи консультантом американского правительства, в период после холодной войны рисует концептуальную карту Евразии, которая характеризуется ослаблением влияния времени и расстояний, а также заполнением свободных мест, о которых впервые поведал нам Мак-Нил в заключительных главах своей грандиозной «истории человечества». Но ввиду того, что Брэкен писал книгу в более драматичные моменты развития истории, он провозгласил «кризис пространства». Брэкен ссылается на концепцию американского математика, венгра по национальности Джона фон Неймана, который утверждал, что в прошлом малонаселенные территории служили защитным механизмом от военной и технологической экспансии. Но Нейман также и уверял, что география сдает позиции. Без сомнения, конечность размеров земного шара представляет собой проблему, порождая нестабильность, так как развитие военной техники уменьшает расстояние на геополитической карте. Брэкен предупреждает: «Изменения легко пропустить ввиду их перманентного характера».^[206]

Позвольте мне в двух словах поведать об идеях Брэкена, так как это имеет определяющее значение для развития моей собственной концепции.

В то время когда европейцы и американцы говорят о глобализации, в странах Азии растут националистические настроения и военный потенциал. Испытания ракет, биологического оружия, работа по производству химического оружия – вот «результат деятельности процветающих либеральных режимов в Азии», как отмечает Брэкен. Запад не может понять, что война идет рука об руку с накоплением богатств. Экономическое процветание Азии привело к развитию военной мощи в регионе. В начале холодной войны азиатская военная машина находилась на довольно низком уровне развития. Армия, организованная на принципах времен Второй мировой войны, имела целью в первую очередь консолидацию нации, хоть не всегда и признавая это. «Армия – инструмент объединения масс, громадная школа, где главным учебным предметом было патриотическое воспитание», – писал Брэкен. Солдаты чаще собирали урожай, чем оттачивали военное мастерство. Таким образом, армии были ориентированы на внутригосударственные проблемы, а между вооруженными силами разных стран простирались необъятные территории. Но затем с ростом национального богатства и компьютерной революцией вооруженные силы стран Азии, от богатых нефтью государств Большого Ближнего Востока до «экономических тигров» на тихоокеанском побережье, стали развивать полноценные военно-гражданские постиндустриальные комплексы с ракетами, волоконной оптикой и мобильными телефонами. В то же время евразийские государства обзаводились все более мощным, сплоченным бюрократическим аппаратом, позволяющим военным ведомствам и лидерам государств сосредоточить внимание на происходящем по ту сторону границы,

совершенствуясь в области международной политики. Теперь при угрозе извне они уже не побегут в глубь страны, как это было ранее. Теперь электронные приборы обнаружения контролируют границы и армии, на вооружении которых есть оружие массового поражения, готовы противостоять внешнему врагу. География из буфера, амортизатора, превратилась в тюрьму, откуда не убежать.^[207]

«Целый ряд стран, растянувшихся поясом от Израиля до Северной Кореи (включая Сирию, Иран, Пакистан, Индию, Китай), накопили арсеналы оружия массового поражения – либо ядерного, либо химического – и разрабатывают средства его доставки – баллистические ракеты. Многополярное равновесие сил устрашения простирается на десятки тысяч километров», разрезает военные и политические театры и регионы, на которые Запад поделил Азию. Грядет «смерть расстояний», предупреждает нас Брэкен. Возьмем Японию, которая, несмотря на свое островное положение, после запуска Северной Кореей в 1998 г. ракеты, упавшей в Тихом океане, больше не является неприкосновенной зоной, а включена в военное пространство материковой Азии. На протяжении столетий понятие Азии создавали западные морские державы, начиная с португальцев на заре XVI в. В эпоху холодной войны ее расчленили – возникло несколько подконтрольных центров, но в 1970-х, когда в Юго-Восточной Азии наблюдался значительный экономический рост, в акватории Тихого океана образовался огромный новый регион – «Тихоокеанский бассейн», который представляет собой основу для цельной карты Азии. Этот экономический успех стал возможен благодаря отсутствию военной угрозы, что, в свою очередь, стало возможным благодаря наличию в регионе гегемона – США, которые обеспечили стабильность и мир. Теперь же, когда Азия обратилась к превращению в единое органичное целое, влияние США постепенно уменьшается и в то же время военная мощь стран региона – Китая, Индии и прочих – возрастает. Азия укрупняется за счет распада региональных блоков, но в то же время нарастает чувство обеспокоенности и неуверенности из-за увеличения численности как населения, так и вооружения. Нестабильность усиливается ввиду дальнейшего накопления оружия и отсутствия сдерживающих сил в виде локальных альянсов.^[208]

Как поясняет Брэкен, из-за огромных территорий в истории Азии альянсы не играли заметной роли, так как между армиями были слишком большие расстояния, чтобы вовремя прийти на помощь союзникам. В Европе ситуация противоположна, государства на маленьком полуострове объединялись в борьбе с соседями. Но ситуация меняется, и теперь в Евразии производятся ракеты и оружие массового поражения. Акцент делается не на пехоту. Военно-морские силы – корабли, напичканные техникой, – уходят далеко от портов приписки в Индийском океане и западно-тихоокеанском регионе. Китай, Япония, Индия, Израиль и прочие страны развивают коммуникационные сети, используя спутники и подводные прослушивающие устройства. Индия, которая во все времена и эпохи не рассматривала Китай в качестве возможного противника, так как эти страны разделяет самый высокий в мире горный массив, сейчас имеет спутники и разведывательные самолеты, с помощью которых отслеживает перемещения китайских войск в Тибете. В то же время индийские ВМС создали в 1200 км от индийского берега на Андаманских островах Дальнее восточное командование, призванное усилить позиции индийского флота в Бенгальском заливе, в котором в последние годы наблюдается стремительное усиление активности ВМС Китая. В то время как «промышленная мощь Азии сравнивается с ее военной мощью, пишет Брэкен, на континенте, который фактически становится «уменьшающейся евразийской шахматной доской», буквально не осталось места для ошибок и просчетов.^[209]

В дополнение к «уменьшающейся шахматной доске» Брэкен приводит еще один дестабилизирующий фактор – «подрывной характер технологий», которые, скорее, не

помогают поддерживать лидерство и существующую структуру властных отношений, «а расшатывают их, подрывая статус-кво». Такие технологии включают компьютерные вирусы, оружие массового поражения, в особенности ядерное и биологическое. Брэкен отмечает:

«Подрывной характер технологий меняет условия игры. Нивелируя существующие преимущества, стимулируются новые возможности, новые стратегии. В итоге неуверенность устраивает встряску существующему порядку, меняет стандарты, которыми измеряется лидерство».^[210]

Действительно, такие технологии да плюс религиозный фанатизм приблизили Иранское нагорье к географическим границам Палестины, хотя Иран и Израиль разделяют более 1500 км. Таким образом, старые арабо-израильские проблемы теперь рассматриваются в новом контексте иранской ядерной угрозы. Как я уже упоминал, такие страны, как Китай, Северная Корея, Индия, Пакистан и многие другие, характеризуют не так закупки самого современного оружия, как развитие технологий. Когда бывшие страны третьего мира обзаводятся тактическим ядерным оружием, то крупные военные базы США в передовых зонах, как, например, те, которые были созданы в Саудовской Аравии и Кувейте перед двумя войнами в Персидском заливе, с этого момента становятся потенциальным объектом нападения противника. Такое развитие событий угрожает сдерживанием американского влияния на евразийский «Римленд» и открывает дорогу к более нестабильной многополярной расстановке сил. Американское военное превосходство сохранялось только благодаря возможности дислоцировать войска в ключевых точках по всему миру, но ядерное и химико-биологическое оружие способно нивелировать это превосходство хотя бы на время. Сохранение такой асимметрии, по словам Брэкена, «посредством того, что самая крупная военная сила в Азии не является азиатской [но США], зависит именно от контроля над вооружениями» – нечто такого, что становится все более и более проблематичным, поскольку страны бывшего третьего мира наращивают свою военную мощь. На протяжении многих десятилетий США и СССР использовали ядерное оружие, не взрывая его, «для политических маневров, открытых угроз, устрашения, сдерживания, передачи сигналов, демонстрации пределов возможного и прочих форм психологического давления». Сегодня большее количество стран способно действовать подобным образом, но при этом одними странами будет двигать ярость, причина которой кроется в бедности, а в некоторых других будут отсутствовать механизмы бюрократического надзора, чтобы ответственно осуществлять должный контроль над применением такого арсенала. Во времена холодной войны обе сверхдержавы исключительно осторожно и ответственно подходили к вопросам, связанным с ядерным оружием. Такого уже может не быть в период, который Брэкен окрестил «Второй ядерной эпохой», когда в Евразии существует целая группа перенаселенных бедных государств, часть из которых имеет ядерное оружие.^[211]

«Распространение оружия массового поражения и баллистических ракет в Азии сродни распространению кольта на Диком Западе», – пишет Брэкен. Дешевый и скорострельный, этот шестизарядный револьвер «уравнивал» силы мужчин, ибо теперь физическая сила и рост в условиях, где единственный закон – кулак, потеряли свое первостепенное значение. Точно так же как кольт уравнивал соотношение сил среди мужчин на Диком Западе, так химическое и биологическое оружие и прочие опустошительные технологии меняют баланс сил в мире. Такие страны, как США, вдруг вынуждены считаться с Ираном почти как с ровней.^[212]

Распространение ядерного оружия в Азии «делает мир все менее евроцентристским», способствуя при этом процессам глобализации.^[213] Вскоре география Евразии будет столь же

тесной, как география Европы, с огромным количеством постоянно воюющих мощных держав, ограниченных узкими территориальными рамками, в некоторых мирные отношения устанавливаются в результате поиска баланса власти. Там не будет действовать стратегия сдерживания посредством накопления атомных боеголовок, как это было в период холодной войны. Жертвы столкновений, учитывая тот факт, что население мегаполисов исчисляется многими миллионами, будут огромны, но это не остановит никого. Чтобы не допустить массового насилия и кровопролития, потребуются знающие государственные деятели масштаба Меттерниха, которые, как и он, будут убеждены в необходимости подчинения интересов любого отдельного государства интересам сообщества государств в целом.

Мы, возможно, входим в эпоху многомерного балансирования на грани войны и мира. Кризис «жизненного пространства», когда некогда пустые территории заполнятся множеством людей, дорог, трубопроводов, кораблей и ракетных установок, не только стирает регионы, искусственно появившиеся в результате холодной войны, но и придает немаловажное значение концепции Маккиндера и Спайкмена об «особой оси» и примыкающем «Римленде», так как современные технологии изменяют конфигурацию Евразии, превращая ее в единое органичное целое. К примеру, военная помощь Китая и Северной Кореи Ирану может вынудить Израиль, находящийся по другую сторону Евразии, прибегнуть к определенным военным действиям. Телевизионная картинка, показывающая бомбежки сектора Газа, может сейчас спровоцировать массовые протесты в Индонезии. ВВС США могут наносить удары по Афганистану, находящемуся в самом центре материка, с базы на острове Диего-Гарсия в Индийском океане. В былые времена «местные» вооруженные силы ограничивали свое внимание своими регионами. В наше же время, к примеру, военно-морские силы Китая и Индии все больше превращаются в крайне влиятельный фактор, действующий вдоль всего судоходного побережья «Римленда», от Аденского залива до Южно-Китайского и Японского морей. Можно привести еще много похожих примеров того, как ситуация с одной стороны Евразии оказывает влияние на ее другие удаленные регионы. Это никак не отрицает влияние географии, но делает необходимым учет и других факторов. Единовластие географии ушло в прошлое.

Беспокойство Маккиндера и Спайкмена усугубляется не только наличием разрушительных технологий, на которых концентрируется Брэкен, но и самим ростом городского населения, отчего кризис «жизненного пространства» в Евразии усугубляется. В 1990-е гг., во время первого интеллектуального цикла после холодной войны, в бурный период после развала «коммунистической» империи, термины «реалист» и «детерминист» считались ругательными. Тогда идеи британского философа конца XVIII в. Томаса Мальтуса высмеивались многими учеными, считавшими их слишком фаталистичными и мрачными: Мальтус представляет человечество как вид, который реагирует на проблемы, связанные с окружающей средой, а не с группой индивидуумов, обладающих волей и руководствующихся определенными убеждениями. Конечно, теория Мальтуса о том, что население растет в геометрической прогрессии, а количество продовольствия – в арифметической, была неверной. Но с течением времени идеи Мальтуса, первого мыслителя, который заинтересовался демографией и политическим эффектом качества жизни бедняков, получили признание. Это произошло на фоне значительных колебаний мировых цен на продовольствие и энергоносители, а также в результате появления большого числа озлобленных деклассированных, глубоко религиозных людей, часто молодых и фанатично настроенных, которые обречены на жизнь в нищих кварталах с высокой уличной

преступностью таких городов, как Карачи, Газа и другие. Ведь сегодня половина населения Западного берега реки Иордан и сектора Газа еще не достигла 15 лет. Действительно, в течение следующих 20 лет население Среднего Востока вырастет с 854 млн человек до 1,2 млрд жителей, а число арабов в мире увеличится вдвое – притом что запасы воды сократятся, особенно в таких регионах, как Йемен. Это повлечет за собой побочные эффекты в виде социального взрыва, а слово «мальтузианский» будет звучать все чаще.

Хотя доказывать правоту Мальтуса довольно бесполезное занятие, его жизнепонимание во многом схоже с концепцией Брэжена о сокращении пространства в Евразии. Перенаселенные мегаполисы, ужасные условия жизни, периодический рост цен на товары, нехватка воды, неэффективные муниципальные службы – все это благодатная почва как для демократических преобразований, так и для радикализма, и это притом что реакционные режимы будут непрестанно наращивать арсеналы баллистических ракет и современные внешне ориентированные армии.

В географии XXI в. мегаполис будет ключевым образованием. Уже сейчас на нашей планете существуют 25 городов с населением свыше 10 млн человек, а к 2015 г. таких городов будет 40, и все, кроме двух из них, – в странах бывшего третьего мира. Большой Токио – первый в списке – уже достигает 35 млн жителей; Лагос – последний из списка – 12 млн человек населения. 13 из 25 мегаполисов находятся в Юго-Восточной Азии. Карачи, Тегеран, Стамбул и Каир – это мегаполисы на Большом Ближнем Востоке. Ключевым фактором здесь является то, что существует множество городов в странах бывшего третьего мира, которые попросту не были включены в этот список. А ведь по статистике свыше половины человечества сегодня проживает в городах, и к 2025 г. эта цифра дойдет до двух третей от общего количества. 468 городов по всему миру сейчас имеют население более 1 млн человек. Дальнейшая урбанизация в основном будет проходить в развивающихся странах, если быть точнее – в Азии и Африке. Мы входим в эпоху, когда значительная доля бедного населения проживает в трущобах. А вот во времена Маккиндера, в начале XX в., всего лишь 14 % населения Земли жили в городах.

Как я отмечал, Ибн Хальдун писал в своем «Введении» в мировую историю, что пустынные племена кочевников в поисках прелестей оседлой жизни создали все предпосылки для процесса роста городов, которые в дальнейшем захватывались могущественными правителями и династиями. Обеспечивая безопасность в городах, династии позволили этим населенным пунктам развиваться и процветать. Но власть требует чрезмерной роскоши, что влечет за собой упадок отдельных слоев населения, так как групповая солидарность пропадает, а отдельные личности, накапливая богатства, ослабляют исполнительную власть. Система становится хрупкой и фрагментарной, уступая место другим формациям.^[214] Впервые в истории такой процесс приобрел глобальный характер. Города и мегаполисы стали образовываться в Африке, Евразии, Южной Америке, когда крестьяне из малоразвитой сельской местности потянулись в более развитые города. В итоге центральная власть в таких огромных мегаполисах слабеет, в пригородах образуются местные общины с развитой системой взаимопомощи, чьи лидеры вдохновляются отнюдь не местными идеалами, но идеологиями, которые привносятся извне. Так, появление радикального ислама можно считать частью процесса урбанизации, который последние полвека мы наблюдаем в Северной Африке, на Ближнем и Дальнем Востоке. Кроме того, здесь же в трущобах многомиллионных городов просматривается и влияние различных популяризаторов идей демократии, которые участвовали в свержении арабских режимов в 2011 г. Забудьте образ араба как кочевника или жителя оазиса в пустыне. Сегодня в большинстве случаев это – горожанин, житель перенаселенного бедного города, для которого толпа – это дом родной.

Обезличенное чувство толпы приводит человека к религии. Некогда в деревне религия была для арабов дополнением к ежедневной хозяйственной деятельности, но сейчас, с миграцией в городские трущобы, ислам все больше выполняет функцию идеологии, которая позволяет держать арабские семьи вместе, не давая молодежи скатиться в мир преступности. При таких условиях государство слабеет, уступая часть власти экстремистским видам национализма и религиозным течениям. Так новые общины перекраивают традиционную географию, хоть делают это интуитивно, по своему шаблону. Величайшие перемены в истории могут оставаться незаметными. [\[215\]](#)

Городские агломерации Евразии и Северной Африки при наличии арсеналов баллистических ракет и глобальных СМИ, падких на сенсации, будут представлять собой сборища постоянно разъяренных людей, подкармливаемых слухами и полуправдой, передаваемыми со скоростью света по спутниковым каналам через «Римленд» и «Хартленд» из одного города третьего мира в другой. Таким же образом толпа под влиянием социальных сетей сможет узнавать и правду, которую будут стараться скрыть власть имущие. В новую эпоху, когда географическая карта будет пестреть огромным количеством мегаполисов, толпа станет основной решающей силой. Под толпой тут понимается большая группа людей, утративших индивидуальность, в угоду некоему одурманившему сознание коллективному символу. Элиас Канетти, немецкоязычный писатель и философ еврейского происхождения, родившийся в Болгарии, нобелевский лауреат в области литературы, был настолько потрясен необузданной яростью уличных беспорядков, которые вспыхнули во Франкфурте и Вене в период между двумя мировыми войнами, что посвятил много лет изучению проявления стадного инстинкта во всех его проявлениях. Самым поразительным откровением в его книге «Crowds and Power» («Народы и власть») стало понимание того, что человеку свойственно спасаться от опасностей и одиночества в толпе. Национализм, экстремизм, поиск демократии – все это «плоды» массовых объединений людей, которые таким образом пытаются спрятаться или избавиться от одиночества. Именно чувство одиночества ведет к свержению традиционной власти и построению новой.

Состояние одиночества особенно характерно для города, где очень много незнакомцев и мало друзей и родственников. Таким образом, новая география бывших стран третьего мира в XXI в. будет представлять собой «географию одиночества». Действительно, Джордж Оруэлл видит причину тирании в человеческом свойстве отдать личные свободы за возможность более тесной связи с окружающими, за чувство защищенности. «Всегда ори с толпой – мое правило. Только так ты в безопасности», – заявляет один из персонажей Оруэлла в романе «1984». [\[216\]](#) Интернет, как поясняет романист Томас Пинчон, дает защиту виртуальной толпы, «обещая возможность социального контроля, о котором диктаторы XX в. могли только мечтать». [\[217\]](#) Тем временем средства массовой информации усиливают эффект присутствия «здесь и сейчас» – ярость, экстаз, достоинство – что бы там ни было, к добру и не к добру. Иными словами, через призму средств массовой информации политика будет представляться нам гораздо более напряженной и эмоционально насыщенной, чем что-либо испытанное нами доселе, потому что прошлое и будущее будут стерты в памяти.

Психология толпы, дополненная различными политтехнологиями, использовалась и в предвыборной кампании Барака Обамы, и в нагнетании паники на Уолл-стрит в 2008 г. Использовалась она также и во время Гуджаратского погрома – серии межрелигиозных столкновений между индусами и мусульманами в индийском штате Гуджарат, произошедшими в феврале—марте 2002 г. То же самое произошло во время демонстраций, прокатившихся по Европе против вторжения США в Ирак в 2003 г.; и на митингах в поддержку и против действующего режима в Иране в 2009 и 2010 гг.; и во время

антиправительственных митингов в Бангкоке; и в акциях протеста в Газе и на Западном берегу реки Иордан. Психология толпы использовалась, безусловно, и на Ближнем Востоке в период революций 2011 г., несмотря на то что «арабская весна» провозгласила незыблемость общечеловеческих ценностей и свергла власть диктаторов, которые лишали человека права на чувство собственного достоинства.

Именно в мегаполисах Евразии психология толпы будет наиболее значима в геополитическом плане. Идеи имеют немаловажное значение, как заявляют либералы-гуманисты и антидетерминисты. А сжатие пространства, в свою очередь, даст толчок как для новых опасных идеологий, так и в равной степени для здоровой демократии. Система образования, выводящая в свет большое количество малообразованных, но освобожденных от фатализма людей, будет способствовать нестабильности. Ключевым фактором станет недостаток пространства. Национальная идентичность формируется в городах, а не в идеализированной сельской местности прошлого, хотя толпы горожан время от времени, основываясь на своих представлениях о пространстве, будут требовать от своих правительств экстремистских мер в сфере международной политики.

Определяющую роль в этих процессах предстоит сыграть средствам массовой информации. «Ни одному дрессировщику не удавалось так приручить животное, как это удалось сделать СМИ», – пишет О. Шпенглер в «The Decline of the West» («Закате Европы»). И далее продолжает:

«Дай волю читающей публике, и она заполнит улицы на пути к обозначенной цели... Более подходящей карикатуры на свободу и представить сложно. Ранее человек не решался думать свободно. Теперь он исполнен решимости, но не может. Его воля к свободомыслию оборачивается лишь желанием не идти против течения, и это мыслится им как свобода».^[218]

Освальд Шпенглер слишком пессимистичен и циничен. Тем не менее давайте вспомним, как на заре эры коммуникационных технологий обоюдная ненависть США и СССР была абстрактна, не имела под собой национальной базы, разделенной океанами и арктической тундрой. Но гигантские плоские экраны цифрового телевидения в настоящем и будущем (как, например, телепрограмма канала CNN в аэропорту, который невозможно выключить!) делают все близким и субъективным. Вновь обратимся к Брэкену:

«На Западе с трудом могут понять всю гамму чувств азиатов [и жителей Ближнего Востока], которую те привносят в религиозные и этнические споры. Внутренние беспорядки могут вмиг стать региональной проблемой; раздуваемые средствами массовой информации, они пересекают границы, становясь выгодной внешней причиной для объяснения проблем внутри других стран. А местные национальные лидеры могут оказаться загнанными в угол, что становится опасным, учитывая наличие в их распоряжении атомного оружия».^[219]

Брэкен утверждает, что западные обозреватели серьезно недооценивают национализм, считая его анахронизмом, который уйдет со сцены с развитием экономики и социальным прогрессом. «Самое важное в XXI в. – это понимание того, как национализм будет совмещаться с разрушительными технологиями, которые появляются в Азии». Как я уже говорил, население в новых ядерных державах будет либо бедным, либо принадлежать к нижним слоям среднего класса, что, в свою очередь, начнет способствовать образованию все

отрицающего резкого национализма в век, когда символом военной мощи является не сухопутная армия, но баллистические ракеты и ядерное оружие – новые тотемы для толпы. [220]

Однако наличие в арсенале ракет значительно повышает самооценку, увеличивает проявления национализма и, как следствие, усиливает влияние некоторых государств. В таких государствах значительно крепнут патриотические настроения, массовая психология при помощи СМИ объединяет этнические, религиозные и сектантские группировки, равно как и группы, настроенные демократически, что будет ослаблять влияние других государств. В то же время некоторые страны будут медленно, но уверенно проигрывать битву против глобализации, так как их бюрократический аппарат ослаблен постоянными войнами, миграциями беженцев и управлением обширных городов со слабой инфраструктурой. В итоге, по мере того как с развитием технологий и ростом населения карта Евразии будет уплотняться, искусственные границы начнут постепенно стираться.

Понимание карты XXI в. означает готовность понять и принять серьезные противоречия. Потому что, пока некоторые страны становятся сильнее в военном плане, имея оружие массового поражения, другие, особенно страны Большого Ближнего Востока, ослабевают. Появляются региональные армии, которые действуют в определенных географических условиях, соблюдая местные культурные и религиозные традиции. Эти отряды сражаются эффективнее, чем общенациональные армии государства. «Хезболла» в Южном Ливане, «Тигры освобождения Тамил Илама» в Шри-Ланке, маоисты-наксалиты в Восточной и Центральной Индии, различные проталибанские или пуштунские племенные группировки в северо-западной части Пакистана, собственно «Талибан» в Афганистане, масса военизированных формирований в Ираке, особенно времен гражданской войны 2006–2007 гг., – вот примеры таких региональных военизированных формирований негосударственного уровня. В эру сверхточного оружия, которое может уничтожать цели за многие сотни километров с точностью до 1 м, небольшие военные группировки людей в тюрбанах, перемещаясь по горам, могут доставить множество хлопот любой сверхдержаве. В последнем случае очевидна месть географии, но в первом случае ракету необходимо откуда-то запустить, для чего требуется база. И тут мы вновь возвращаемся к географии, хоть и в более традиционном понимании. Индоокеанский «Римленд» Спайкмена является ключевым местом для размещения американских военных кораблей с ракетами, нацеленными на Иран и Афганистан, на два государства «Хартленда», последнее из которых сотрясают племенные войны, как и тысячи лет назад, при Александре Македонском. Концепции начала XX в., предложенные Маккиндером и Спайкменом, сосуществуют с конструктами Античности, оставаясь актуальными и значимыми и в наши дни.

Трудности, связанные с контролем обширных территорий с малым количеством городов, сделали процесс управления государством еще более тягостным и затруднительным, чем когда-либо за всю историю цивилизации. В этом заключается причина развала диктаторских режимов, равно как и слабость молодых демократий. Государства типа Пакистана обладают ядерным оружием и в то же время не могут должным образом обеспечить население нормальными коммунальными услугами и защитить его от атак террористов-смертников. Государства типа Нигерии, Йемена, Сомали и ряда других едва справляются со своими функциями, но в них в изобилии присутствуют локальные военизированные формирования. Палестинцы, особенно в секторе Газа, втянуты в непрерывную волну насилия, протестуя против своего нынешнего положения, но никак не идут на компромиссы между различными группировками своего протестного движения, хотя это необходимо для создания независимого и жизнеспособного палестинского государства. То же с «Хезболлой» в Ливане

– военизированной шиитской организацией, которая запросто может смести правительство в Бейруте, но по какой-то причине этого не делает. Государство должно жить по определенным законам и правилам, что, в свою очередь, делает его довольно легкой мишенью. Стало быть, в век мегаполисов и массмедиа мы сталкиваемся с новым феноменом: властью «безгражданства». «Государство – это тяжелое бремя, – пишет Григиел, доцент Университета Джонса Хопкинса, – поэтому эти полугосударственные группировки ищут власти, избегая, однако, ответственности управления». Современные средства коммуникаций и военные технологии позволяют таким группировкам организовываться, искать помощи за рубежом, вооружаться, да так, что государство теряет монополию на применение силы. Как я уже упоминал, в случае с промышленной революцией мы имеем дело с большими размерами: самолеты, танки, авианосцы, железнодорожный транспорт, фабрики и прочее. А вот в случае с постиндустриальной революцией мы имеем дело с уменьшением масштабов – маленькие бомбы, пластид, которые не требуют от государства значительных территорий для размещения. Небольшие неправительственные группировки расцветают именно за счет подобных технологий. На самом деле появляется все больше причин отказаться от государства. Григиел пишет:

«Чем больше вероятность того, что государства будут уничтожать друг друга, в особенности если речь идет о сверхдержавах, тем небезопаснее быть частью такого государства, особенно для группировок, которые бросают вызов существующим режимам».^[221]

Государство является неподходящей формой, продолжает он, для тех, чьи абсолютистские цели, подогреваемые религиозным фанатизмом или идеологическим экстремизмом, недостижимы ни в одной из существующих форм государственного правления. Массовый исход из сельской местности в трущобы способствует радикализации взглядов на территориях вдоль южного побережья «Римленда». Средства массовой информации, к которым у этих группировок есть доступ, публикуют их манифесты, привлекая тем самым к ним внимание. У группировок появляются массы сторонников, которых отнюдь не характеризует преданность государству. В общем и целом, если мы на минуту отстранимся и обдумаем сложившуюся ситуацию, то увидим, что карта Евразии представляет собой огромный единый массив, не раздробленный на более мелкие фрагменты отдельных регионов, к которым мы привыкли в период холодной войны. Карта перегружена узлами связи, которые едва ли существовали ранее. В дополнение к разросшимся городам, перекрещивающимся траекториям ракет и различным идеологиям, которые находят отражение в средствах массовой информации, мы получим новые дороги, порты и магистральные трубопроводы, соединяющие Ближний Восток и Центральную Азию с остальной территорией Евразии, от России до Индийского океана и Китая. Когда мы видим на одной территории слишком тесное нагромождение совершенно разных цивилизаций, притом что СМИ выражают как их взаимные оскорбления, так и давление со стороны угнетенных народных масс, нужда в тихой, закулисной дипломатии становится настолько огромной, как никогда прежде. Один кризис будет сменяться другим, и крайне важно, *чтобы все сохраняли спокойствие*. Из-за связей и сужения карты понятия «Хартленда», «Римленда» и «пограничных зон», которые подразумевают горизонтальные деления на большие части, с одной стороны, частично потеряют свою актуальность. Но, с другой стороны, такое деление чревато последствиями ввиду постоянного взаимодействия между структурными частями. Часы или компьютерный чип в данном контексте ничем не сложнее, так как, чтобы понять,

как работает весь механизм, нужно разобраться, как та или иная его составная часть влияет на соседнюю. Авиация, интернет, концентрация политических фигур в городах, которые становятся все более похожими друг на друга, рано или поздно нивелируют важность географической карты. Использование языка в презентации информации в интернете сводит любые баталии к столкновению идей (вот почему мы все будем вынуждены ссылаться постоянно на гуманистические идеи Берлина). Но по мере того как сами государства, несмотря на все вооружение, ослабевают в зависимости от того, насколько внутригосударственные и наднациональные силы освоили и демократию и киберпространство, на первый план будут выходить все меньшие образования, как это было в Средние века, после развала Римской империи.

Сейчас, когда мы живем в «закрытой политической системе» Маккиндера, которая, как замечает Брэкен, в XX в. стала еще более закрытой, карта живет по законам энтропии: спокойствие воцарится, лишь когда поселения людей, включая не только мегаполисы, но и всякие другие поселения, будут выглядеть и функционировать абсолютно одинаково. А результатом, согласно профессору политологии из Университета Огайо Рэндаллу Швеллеру, будет «некая глобальная апатия», следствие чрезмерного раздражения, «смешанная с тревожно высоким уровнем индивидуального экстремизма и диктаторской политики государств».^[222] Иначе говоря, жизнь станет скучнее и опаснее, чем раньше.

Но прежде чем в мире окончательно воцарится скука, мы будем свидетелями восстаний, смены власти и естественных геополитических изменений, которые стоит описывать, прибегая к географической карте.

Наконец настало время более детально изучить разные районы земного шара (уделяя, впрочем, особое внимание Евразии), принимая во внимание знания, полученные из рук историков, геополитиков и представителей других областей знаний. В дальнейших главах я постараюсь придерживаться их здравомыслия, равно как и их теорий. Я напишу о Европе, которая граничит с маккиндеровским «Хартлендом» и находится под его влиянием; о России – собственно маккиндеровском «Хартленде», о Китае, который в последующие десятилетия может занять доминирующее положение на территории «Хартленда» и части «Римленда» Спайкмена. Мы поговорим об Индостане, сердце «Римленда»; об Иране, где, собственно, соединяются «Хартленд» и «Римленд»; о турецком и арабском Ближнем Востоке, который напоминает «Ойкумену» Ходжсона; и, наконец, о Северной Америке, крупнейшем континентальном сателлите, по теории Маккиндера, который способен бросить вызов Евразии и «мировому острову». Со своей стороны постараюсь воздержаться от предсказаний, описав, как география влияет на исторические процессы, что, в свою очередь, позволит нам заглянуть в будущее.

Часть II
Карта начала XXI в

Глава 9

География Европы

Когда речь заходит о современной геополитике с ее частыми сдвигами и эволюционными процессами, чаще всего имеется в виду африкано-азиатский регион, от Ближнего Востока и до Китая. Европу, как правило, в эту формулу не вносят, но это неправильно. Население Европейского союза составляет 500 млн человек. ЕС является третьим по численности жителей регионом в мире после Китая и Индии. Экономика Евросоюза оценивается в 16 трлн долл., что больше, чем у США. Западная оконечность Европы обращена к центральной части Северной Америки на противоположном берегу Атлантического океана. Она вместе с Соединенными Штатами находится на одинаковом расстоянии от крайней южной точки Южной Америки. С востока Европа выходит на африкано-евразийские пространства. Европа находится в самом центре Восточного, или «Сухопутного», полушария, будучи равноудаленной от Дальнего Востока Российской Федерации и Южной Африки.^[223] На самом деле наши объяснения мировой политики с точки зрения географии должны начинаться именно с Европы. Предсказания Маккиндера, Спайкмена, Моргентау и прочих мыслителей, о которых уже шла речь, в основном касаются Европы. И чтобы увидеть, как изменился мир начиная с их времен, необходимо начать оттуда, откуда начинали они. Хотя Ходжсон, очевидно, прав относительно приоритета ближневосточной «Ойкумены»: этот регион является опорным в нашем путешествии, поэтому начать мы должны не с него. Нет необходимости беспокоиться, так как изучение Европы органично приведет к пониманию геополитических особенностей России, Китая, Индостана и Большого Ближнего Востока. Для понимания геополитики XXI в., необходимо начинать с XX в., а это значит – с Европы.

Европа, как мы читали у Маккиндера, формировалась под влиянием постоянных вторжений азиатских племен. И в XXI в. Европа продолжает кардинальным образом зависеть от ее отношений с Востоком, особенно с Россией. Ныне Европу, находящуюся в поисках более глубокого единения, терзают внутренние противоречия, которые, как может показаться на первый взгляд, имеют чисто экономический характер (вспомним отказ Германии выручить греков в период кризиса), но на самом деле корнями уходят в географию. Судите сами, насколько разными являются модели экономического развития, к примеру, Германии на севере Европы и Греции в средиземноморско-балканской ее части. Европа в значительной степени, ввиду наличия технологий, которые способствуют мобильности, несомненно, увидит, как течение событий в ней все больше будет переплетаться с течениями событий к югу – в Африке – и к востоку – в Азии. Однако вместе с тем Европа и впредь не лишится внутреннего разнообразия. Другими словами, не имея сейчас внешнего врага, Европа может пасть жертвой самолюбования маленьких разнородных групп внутри себя. И это, в свою очередь, могло бы сделать беспокойство Спайкмена относительно того, сможет ли Европа бросить вызов доминированию США, несколько преждевременным.

Именно восхитительное географическое богатство Европы, с обилием морей, полуостровов, речных долин, горных массивов, которое привело к формированию различных языковых групп и национальных государств, и далее будет оказывать сильнейшее влияние на политическую и экономическую разрозненность, несмотря на все панъевропейские структуры, имеющие целью сплотить континент. Согласно карте, у Европы большие

перспективы запестреть в сенсационных газетных заголовках.

Европа, по словам археолога из Оксфорда Баррингтона Канлиффа, является «западным наростом» на теле Азии, огромным полуостровом, который доминирует в мировой политике на протяжении всего II тысячелетия н. э. Канлифф разрабатывает далее этот тезис Мак-Нила. Европа расположена в благоприятных климатических условиях: между пустынями Африки и льдами Арктики, ее климат делают умеренным теплые воды Гольфстрима. Европа изобиловала природными ресурсами: древесиной, камнем, металлами, мехом. Еще один важнейший фактор – испещренная бухтами извилистая береговая линия, равно как и наличие множества островов и полуостровов. Эта береговая линия имеет протяженность 35 000 км – грандиозная длина, соразмерная с земной окружностью. У Европы самый высокий процент отношения продолжительности береговой линии к общей территории по сравнению с любым другим континентом или субконтинентом.^[224] Берега Европы омываются четырьмя внутренними и полузакрытыми морями, которые ужимают субконтинент, так сказать, в относительно узкий полуостров – это Средиземное, Черное, Балтийское и Северное моря. И в то же время Европа имеет разветвленную систему рек, ведь ее пересекают такие водные артерии, как Рейн, Эльба и прежде всего Дунай. Последний, как оригинально выразился поклонник Центральной Европы, итальянец Магрис, «тянет за собой немецкую культуру вместе с ее мечтой об одиссее духа, о возвращении домой, на восток, к смешению с другими культурами, к самым фантастическим метаморфозам».^[225] Также достойны упоминания Моравские Ворота,^[226] перевал Бреннер,^[227] широкая равнина, ведущая к долине реки Рона, которые служат коридором из одной части Европы в другую.

Такая изрезанная граница между сушей и морем, а также тот факт, что Европа защищена от буйства океанских волн, но тем не менее имеет выход к океану, решительно повлияли на «морской» динамизм и мобильность среди европейцев, а также на формирование весьма разнообразных ландшафтов в самой Европе. Последнее обстоятельство, в свою очередь, послужило причиной образования поразительно различных общностей людей, что в конечном счете привело к политике, основанной на военной мощи. Отсюда и множество войн в Европе. Войны между ахейцами, спартанцами, римлянами, иберийцами, финикийцами, скифами и другими варварскими племенами – в древности; конфликты между Францией, Германией и Россией, между Пруссией, Габсбургами и Оттоманской империей – в новое время. И все же, несмотря на все эти различия, коридор, проходящий по равнинным территориям и соединяющий Атлантику с Черным морем, позволял путешественникам на протяжении многих веков относительно удобно пересекать Европу, что способствовало связям между различными ее частями и возникновению более широкого чувства осознания себя европейцами, как это талантливо демонстрирует проза Магриса.^[228] Более того, небольшие расстояния внутри самой Европы также выступают объединяющим фактором – от Лиссабона до Варшавы всего 2250 км.

Таким образом, география помогла определить, что существует некое *понятие*, называемое «Европой», географическое выражение либерального гуманизма путем объединения суверенитетов в период после Второй мировой войны. Это стремление к установлению мира, так же как и протест против разрушительных военных конфликтов во все исторические эпохи, является результатом многовекового материального и духовного прогресса. Тем не менее существует «несколько Европ», временами конфликтующих между собой, так как экономическое неравенство, которое мы наблюдаем сегодня в форме кризиса суверенного долга в ряде европейских стран, в действительности уходит корнями в историю

и географию.

В годы непосредственно перед падением Берлинской стены и после этого события, как мы уже отмечали в предыдущей главе, интеллигенция с восхищением заговорила о понятии «Центральная Европа» – этакой путеводной звезде мультиэтнической толерантности и исторического либерализма, к которым могут и должны в дальнейшем стремиться соседние Балканы и более отдаленные страны третьего мира. Но на самом деле политическое ядро Европы XXI в. находится несколько к северо-западу от «Центральной Европы». Начинается оно в странах Бенилюкса и далее, извиваясь, тянется на юг вдоль франко-германской границы к отрогам Альп. Именно в тех местах располагаются Европейская комиссия и ее чиновничий аппарат – в Брюсселе, Европейский суд и Европарламент – в Страсбурге, третейский суд – в Гааге и так далее. Кстати, там же находится и город, в котором, собственно, заключалось соглашение об объединении – Маастрихт. На самом деле все эти места расположены поперек линии, которая ведет к югу от Северного моря и которая в свое время представляла «основу и важнейший путь сообщения государства Каролингов в IX в.»^[229] отмечает выдающийся специалист по новейшей истории Европы, к сожалению ныне уже покойный Тони Джадт. Тот факт, что многообещающая европейская сверхдержава уже нашей эпохи находится на той территории, которая являлась ядром Европы в Средние века, со столицей Карла Великого – Ахеном^[230] (фр. Aix-la-Chapelle), расположенном все еще в самом центре, не является случайным, так как нигде на континенте нет более глубокого и разнообразного взаимодействия суши с морем, чем вдоль этого «позвоночного столба» цивилизаций старого мира. Страны Бенилюкса открыты Мировому океану, пусть даже вход в Ла-Манш и группа островов у берегов Голландии формируют полезный защитный барьер, придавая этим небольшим странам преимущество, несоизмеримое с их размерами. Территория, примыкающая к побережью Северного моря, покрыта густой сетью спокойных и полноводных рек, защищенных от неожиданного вторжения волн моря, и внутренних водных путей, причем все они способствуют торговле и судоходству, а следовательно, и политическому развитию. Почва на северо-западе Европы плодородна, а леса представляют естественную защиту от эрозии. Наконец, холодный климат в регионе от Северного моря до Альп в гораздо большей мере, чем теплый климат к югу от гор, побуждал начиная с бронзового века к экспансии. Так, во времена поздней Античности в Галлии, предгорье Альп, в прибрежных низинах поселились франки, алеманны, фризы, саксы. Тут, в свою очередь, в IX столетии на месте империи Карла Великого были образованы Франкское королевство и Священная Римская империя, состоявшая из Бургундии, Лотарингии, Брабанта, Фрисландии, а также городов-государств Трира и Льежа – впоследствии все они пришли на смену Риму и превратились в отдельные государства, на которые опирается сегодня современный Европейский союз.

Конечно, до них был Рим, а до Рима – Древняя Греция. Эти две цивилизации, по словам Мак-Нила, были «прихожей» еще более древней цивилизации, которая началась в Египте и Месопотамии, распространившись оттуда через Крит минойской культуры и Анатолию в северную часть Средиземноморья. Цивилизации, как мы знаем, зарождались в теплых, защищенных околоречных пространствах, таких как долина Нила или долина междуречья Тигра и Евфрата (Месопотамия). Затем они распространялись в зоны с относительно мягким климатом – в Северную Африку, Левант (страны Восточного Средиземноморья), Грецию, на Апеннины, где можно было жить, используя только самые элементарные технологии.

Хотя европейская цивилизация первоначально распространялась по теплему Средиземноморью, но по мере развития новых технологий и роста мобильности она начала продвижение на север, во все более холодные климатические зоны. Так, за несколько

десятилетий до нашей эры Римская империя уже простиралась от Карпат на юго-востоке до Атлантического океана на северо-западе – через значительную часть «Центральной Европы» и до земель у Северного моря и Ла-Манша, впервые установив на этих территориях государственный порядок и обеспечив внутреннюю безопасность. По всей этой территории черноземного центра Европы, покрытого лесами, реками, с исключительно плодородными землями, выросли крупные поселения, называемые Юлием Цезарем *oppida*, на месте которых и образовались средневековые и современные города.^[231]

Экспансия Рима привнесла стабильность на земли так называемых варварских племен Северной Европы, а вот распад Римской империи привел к тому, что постепенно начали формироваться народы и национальные государства, которые знакомы нам сейчас и которые на основе концепции государственного суверенитета положили начало новому порядку в Европе, закреплённому на бумаге по итогам Тридцатилетней войны в Вестфальском мирном договоре 1648 г. Как отмечает американский историк Уильям Хэй: «Давление кочевых племен на степи и европейскую периферию запустило цепную реакцию, что привело к тому, что другие группы, принадлежащие к оседлым культурам, после развала Римской империи оказались в вакууме».^[232] То есть ослабление и распад Западной Римской империи наряду с вторжением на запад степных народов оказались ключевыми факторами в возникновении новых народов и государств в центральной и северо-западной частях Европы.

Античность прежде всего определялась географическим местоположением у

Средиземного моря, но с ослаблением Рима и утратой им земель в северной части Европы и на Ближнем Востоке настали Средние века.^[233] Средиземноморское единство закончилось вторжением арабов в Северную Африку.^[234] Уже к XI в. карта Европы приобрела современные очертания. Причем Франция и Польша оказались практически в современных границах. Священная Римская империя представляла собой сегодняшнюю территорию единой Германии, а Богемия, с центром в Праге, предзнаменовала Чешскую Республику. Таким образом, история действительно шагала на север.

Средиземноморские общества вопреки политическим инновациям – греческой демократии и римской республике – в основном, как писал французский историк и географ Фернан Бродель, характеризовались «консерватизмом и закостенелостью». Плохая по своим качествам средиземноморская почва благоприятствовала крупному землевладению, ввиду чего, в силу сложившихся обстоятельств, земля начала скапливаться у богатых. Это, в свою очередь, способствовало образованию жесткого общественного строя. В то же время, очищая от лесов земли на севере Европы (земли, без сомнения, более богатые), вырастали более свободные цивилизации, связанные менее регулируемые властными феодальными отношениями, которые были более способны к выгодному использованию изобретений механизмов и прочим дальнейшим открытиям.^[235]

Насколько детерминистскими ни казались бы соображения Броделя, но они способны пояснить скрытые тенденции европейского прошлого. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов человеческий фактор, сложно переоценить влияние таких личностей, как Ян Гус, Мартин Лютер, Жан Кальвин, на протестантскую Реформацию, а в дальнейшем и на Просвещение, что позволило Европе динамично развиваться и вырасти в ведущую силу в истории современного мира. Тем не менее ничего бы не произошло из вышеназванного без выхода к морю, без больших рек, без лессовых плодородных земель, богатых такими природными ископаемыми, как уголь и железная руда, которые послужили предпосылкой для развития индивидуализма и промышленного роста. Конечно, в Средиземноморье в Средние века существовали великие, эклектичные и блестящие империи, и тут стоит упомянуть прежде всего Королевство Сицилия Рожера I, объединившего владения норманнов в Сицилии и Южной Италии в XII в., как и не следует забывать о том, что Возрождение впервые расцвело во Флоренции позднего Средневековья и что именно там творили Микеланджело и основатель политической науки и светского реализма Макиавелли. Но именно продвижение к более холодной Атлантике, которая открыла мировые морские пути, в конечном счете привело к тому, что центр европейской экономики переместился из Средиземноморья в Западную Европу. И если Португалия и Испания первыми получили выгоду от морской торговли в Атлантике ввиду географического расположения их выдающегося в океан полуострова, то далее, ближе к эпохе Просвещения, ослабленные близостью мусульманской Северной Африки, завоеванной в начале XVI в. турками, это свое преимущество в Атлантике данные страны потеряли. Оно перешло к голландцам, французам и англичанам. Таким образом, так же как франкская «Римская империя» Карла Великого стала преемником Римской империи, так и в Новое время северная Европа становится преемницей Европы южной, причем богатое полезными ископаемыми ядро державы Каролингов добивается успеха в виде Европейского союза во многом благодаря географическому расположению.

В Средние века само Средиземноморье было поделено между франками – на западе – и византийцами – на востоке. Но не только разделение на север и юг характеризует и беспокоит Европу сегодня, но также и разделение на запад и восток и, как мы увидим, на северо-запад и центр. Посмотрите на пути миграции от долины реки Дунай, которые простираются на восток за Среднедунайскую равнину, Балканы, Черное море и дальше по Понтийско-

Каспийской (Причерноморской) степи и степям Казахстана в Монголию и Китай.^[236] Этот географический факт наряду с тем, что равнины дальше на север открывали доступ к России, стал причиной многочисленных набегов преимущественно славянских и тюркских племен с востока, о чем детально пишет Маккиндер в своей статье «Ось». Как известно, это значительно повлияло на политическую судьбу Европы. Таким образом, как существуют Европа Каролингов и Средиземноморская Европа, точно так же существуют, часто в результате этих набегов с востока, и Византийско-Оттоманская Европа, и Прусская Европа, и Европа Габсбургов. Каждая из них представляет собой обособленный регион в географическом плане, равно как и живет сегодня по несколько отличной модели экономического развития, и эти различия одним только введением единой валюты не стереть.

К примеру, в IV в. н. э. Римская империя оказалась поделенной на западную и восточную части. Рим остался столицей Западной империи, в то время как Константинополь – Восточной. Западная Римская империя уступила место королевству Карла Великого, дальше на севере, и Ватикану, то есть фактически Западной Европе. Восточная Римская империя – Византия – была населена преимущественно говорившими на греческом языке православными христианами, а позже, когда турки-оттоманы, мигрируя с востока, захватили в 1453 г. Константинополь, – мусульманами. Граница между Восточной и Западной империями проходила посередине той территории, которая после Первой мировой войны стала многонациональным государством Югославия. Когда это государство в 1991 г. в ходе гражданской войны развалилось, то, по крайней мере, изначально границы разрыва пролегли там же, где и 16 столетий назад между восточной и западной частями Римской империи. Словенцы и хорваты, на западе, были римскими католиками, наследниками традиций, которые уходят корнями от Австро-Венгрии до Рима, сербы же, на востоке, были православными и наследниками оттоманского и византийского прошлого. Карпатские горы, расположенные к северо-востоку от Югославии и разделившие Румынию пополам, отчасти укрепили эту «разделительную линию» между Римом и Византией, а позже – между Габсбургами в Вене и турецкими султанами в Константинополе.^[237] Через эти труднопреодолимые горы проходили перевалы и, соответственно, торговые пути, обеспечивая возможность проникновения культурного наследия «Центральной Европы» на византийские и оттоманские Балканы. И даже пусть Карпаты не были таким труднопроходимым рубежом, как Альпы, тем не менее они являются границей между двумя Европами. Юго-Восточная Европа будет бедной не только в сравнении с Северо-Западной, но и с Северо-Восточной Европой, которая основывается на прусской традиции. Иначе говоря, Балканы беднее не только по сравнению со странами Бенилюкса, но и сравнительно с Польшей и Венгрией.

Падение Берлинской стены акцентировало эти различия с новой силой. Страны Варшавского договора, называемые собирательно Восточной Европой, составляли систему взаимоотношений, во главе которой стоял СССР. В то же время в Западной Европе начинал складываться Европейский союз, сначала в виде франко-немецкого Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), затем в форме Общего рынка, и наконец оформился в то, что мы можем видеть сегодня – Европейский союз (ЕС). В его основу легли государства, расположенные на территории бывшей империи Каролингов: Франция, Германия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург, окруженные Италией и Великобританией, а позже – Грецией и государствами Иберийского полуострова. Ввиду рывка на старте в своем развитии во времена холодной войны Европа Каролингов внутри НАТО на данный момент оказалась более сильной экономически, чем прусская Северо-Восточная Европа или ее дунайская часть.

Весь этот поворот событий, даже если он подтверждает тезис Маккиндера об азиатских нашествиях как формирующих судьбу Европы, был вызван вступлением армии Советского Союза на территорию стран центральной части Европы на завершающем этапе Второй мировой войны. Конечно же, не стоит в такой предопределенности заходить слишком далеко, ведь без действий одного человека, Адольфа Гитлера, вообще не было бы Второй мировой, как и не было бы освобождения Европы Советской армией.

Но Гитлер действительно существовал, и теперь мы имеем то, что имеем: Европа Карла Великого сейчас находится на главенствующих ролях, однако с восстановлением единой Германии баланс сил в Европе может сместиться к востоку – к стыку Пруссии и центральной части Европы, и при этом экономическая мощь Германии придаст дополнительный потенциал Польше, государствам Балтии и территориям верхнего Дуная. Страны Средиземноморья и «византийско-оттоманские» Балканы серьезно отстают в экономическом развитии. Гористая и полуостровная Греция, находясь на перекрестке Балкан и Средиземноморского мира, наследница и пасынок византийского самодержавия, а затем турецкого деспотизма, экономически и социально остается одним из самых нестабильных государств – членом Евросоюза. Расположившаяся на северо-западной границе ближневосточной «Ойкумены» Ходжсона Греция успешно пользовалась своим географическим положением в эпоху Античности. На ее территориях облагораживались, смягчались жесткие, безжалостные культуры Древнего Египта, Персии и Месопотамии – что, по сути, и привело к появлению западной культуры. Приблизительно три четверти предприятий Греции находятся в семейной собственности и полагаются на труд членов семьи, таким образом, это приводит к тому, что закон о минимальной зарплате не работает, а карьерный рост становится невозможным без семейных связей.^[238] Это явление глубоко укоренилось в культуре и, стало быть, в истории и географии страны.

Действительно, география может много что объяснить. Как уже упоминалось в предыдущей главе, после развала Организации Варшавского договора страны, бывшие в социалистическом лагере, стали развиваться в экономическом и политическом плане почти сообразно своему географическому положению: наилучшие показатели были у Польши, стран Балтии, Богемского края бывшей Чехословакии, а Балканские страны к югу страдали от бедности и политических беспорядков. Несмотря на все превратности XX в., наследство от владычества Пруссии, Габсбургов, Византии, Османской империи все еще очень существенно и сейчас. Эти империи в первую очередь и прежде всего возникли благодаря географическим факторам, а также под влиянием, так сказать, маккиндеровских схем миграции с азиатского Востока.

Итак, давайте вновь обратимся к карте Европы XI в., в центре которой – Священная Римская империя. Давайте теперь посмотрим на те регионы Европы, что процветают в XXI в. больше всего. Это будут в основном территории Европы Каролингов: земля Баден-Вюртемберг на юго-западе Германии, Рона-Альпы, регион на юго-востоке Франции, Ломбардия, регион на севере Италии, Каталония, регион на северо-востоке Испании. Все эти люди, как напоминает нам Джадт, в основной своей массе северяне, которые искоса поглядывают на «отстающий, разленившийся, дотационный» средиземноморский юг и с ужасом смотрят на вступление балканских стран – Румынии и Болгарии – в ЕС.^[239] Здесь центр противопоставлен периферии, которая, за редким исключением, находится в своем развитии позади, а территориально расположена ближе к Ближнему Востоку и Северной Африке. Но именно благодаря тому, что европейское надгосударственное образование со штаб-квартирой в Брюсселе сработало так хорошо для северных регионов, таких как Баден-Вюртемберг и Каталония, они в значительной степени освободились от собственных

безразмерных центральных правительств и в результате этого преуспели, заняв свои обусловленные исторически экономическую, политическую и культурную ниши.

Кроме недовольства европейскими «неудачниками» с периферии, среди богатых северных держав назревает обеспокоенность расслоением собственного населения. Количество работоспособных граждан, рассматриваемых с точки зрения экономики в качестве трудового ресурса, в Европе не увеличивается. Европа стареет. К 2050 г. число работающих по сравнению с сегодняшним днем сократится на 24 %, а количество людей старше 60 лет увеличится на 47 %. Скорее всего, за этим, чтобы поддержать стареющие европейские «государства всеобщего благоденствия», последует миграция молодежи из стран третьего мира. На сегодняшний день сообщения о доминировании мусульман в главных европейских государствах преувеличены, однако к середине века количество мусульман в них возрастет: 3 % сегодня превратятся в 10 % завтра. В то время как в 1913 г. в Европе проживало больше людей, чем в Китае, к 2050 г. совокупная численность людей, проживающих в Европе, США и Канаде, будет представлять собой всего лишь 12 % мирового количества по сравнению с 33 % народонаселения после Первой мировой войны. [240] Доля жителей Европы от мирового числа действительно уменьшается за счет роста доли населения Азии и Африки, в то время как само европейское население становится все более «африканским» и «ближневосточным».

На самом деле «физиономия» Европы готова стать более «южной», а ее карта – вновь охватить Средиземноморский мир, как это было во времена не только Рима, но и Византии и Оттоманской империи. На протяжении многих лет из-за авторитарных режимов, которые тормозили экономическое и социальное развитие в своих странах и в то же время способствовали экстремизму во всем мире, Северная Африка была, в сущности, отрезанной от северной части Средиземноморья. Северная Африка давала Европе мало что, кроме экономических мигрантов. Однако по мере того, как государства Северной Африки будут превращаться в новые демократии, степень экономических и политических связей с соседней Европой будет со временем возрастать (и некоторые арабские мигранты, возможно, даже захотят возвратиться на родину и воспользоваться новыми возможностями, которые представятся после реформ). Средиземноморский регион будет служить скорее связующим звеном, чем разделяющей границей, как это было и есть на протяжении всей постколониальной эпохи.

Подобно тому как Европа подвинулась на восток, охватив после ряда «цветных» революций 1989 г. бывшие государства – сателлиты Советского Союза, сейчас расширение европейского пространства будет развиваться в южном направлении, к государствам – новым демократиям в Африке. Тунис и Египет не станут частью Европейского союза в ближайшее время, но они решительно пойдут по пути углубления сотрудничества с Европой, что, в свою очередь, расширит перспективы для ЕС. Вновь Маккиндер оказывается прав: именно Южная Сахара является границей Европы, отделяя ее от Экваториальной Африки. [241]

Тем не менее Европейский союз, несмотря на внутренние различия, тревоги и накапливающиеся проблемы, по-прежнему будет оставаться одним из основных постиндустриальных центров мира. А следовательно, перемещение центров влияния к Востоку – из Брюсселя и Страсбурга в Берлин, из Европейского союза – в Германию – будет основным, важнейшим явлением для мирового политического процесса. Я беру на себя смелость утверждать, что именно Германия, Россия и, да, Греция с ее 11-миллионным населением являются как раз теми странами, которые будут определять судьбу Европы.

Уже сам факт существования объединенной Германии свидетельствует о снижении

влияния Европейского союза по сравнению с периодом, когда Германия была поделена на Западную и Восточную, учитывая то, что у Германии наблюдается географический, демографический и экономический перевес в самом сердце Европы. Население этого государства на сегодняшний день составляет 82 млн человек по сравнению с 62 млн жителей Франции и около 60 млн населения Италии. ВВП Германии составляет 3,65 трлн долл. по сравнению с 2,85 трлн долл. ВВП Франции и 2,29 трлн долл. ВВП Италии. Следующим ключевым фактором является то, что экономическое влияние Франции распространяется на страны Западной Европы периода холодной войны, а Германия влияет как на Западную Европу, так и на бывшие страны Варшавского договора – результат географического положения в центре Европы и торговых связей как с Востоком, так и с Западом.^[242]

Кроме географического положения, вследствие которого Германия принадлежит и к морской Европе и к сухопутной «Центральной Европе», немцам присуще особое отношение к торговле. Как сказал мне когда-то давно Норберт Вальтер, главный экономист Deutsche Bank: «Немцы скорее заинтересованы в контроле над реальными экономическими процессами, а не в исключительно финансовой деятельности. Мы дорожим клиентами, выясняем их потребности, разрабатываем подходы и поддерживаем отношения с ними на протяжении многих десятилетий». Такая политика подкрепляется исключительной инициативностью. Как объяснял мне философ и политолог Петер Козловски: «Ввиду того что многие немцы начинали после Второй мировой войны с нуля, они вызывающе современны. Современные веяния и культура среднего класса поднялись до уровня национального мировоззрения». Кроме того, объединенная Германия, благодаря своему географическому положению, будет наслаждаться плодами расцвета Северной Европы. Поскольку основой немецкого федерализма служат традиционно небольшие независимые государства, вышедшие на арену еще во времена Тридцатилетней войны XVII в., в Германии нет жесткого централизованного управления жизнью страны из единого центра, расположенного в столице. Скорее, существует целый ряд более мелких региональных центров, которые способны выстоять даже в период возрождения управления из Берлина. Гамбург – центр средств массовой информации и производства аудиовизуальной и мультимедийной продукции, Мюнхен – центр моды, Франкфурт – финансовый центр. Все они соединены с периферией развитой сетью железных дорог. Так как к вопросу объединения в Германии обратились довольно поздно – во второй половине XIX в., то между землями сохранились глубокие региональные различия. Такое разнообразие исключительно ценно в Европе. Наконец, падение Берлинской стены, которое произошло сравнительно недавно в исторической перспективе (а на формирование новых направлений развития уходит несколько десятилетий), заново объединило Германию с центральной частью Европы, тихо и незаметно воссоздав Первый и Второй рейх XII и XIX вв.: нечто вроде Священной Римской империи.

Еще одним фактором, укрепившим геополитическое положение Германии, стало примирение с Польшей, которое произошло в середине 1990-х. Как пишет Збигнев Бжезинский: «Через Польшу влияние Германии может распространиться на север – на республики Балтии – и на восток – на Украину и Беларусь». Другими словами, влияние Германии усиливается как со стороны Европы в целом, так и в частности – со стороны центральной части Европы, которая постепенно оформляется в единое целое.^[243]

Критическим фактором для эволюции станет уровень квазипацифизма, который европейцы, а точнее, немцы будут поддерживать в будущем. Как отмечает британский стратег Колин Грей: «Поверженные... на Сомме, при Вердене и Готтердаммерунге в 1945 г., европейские страны определенно оказались в невыгодном положении».^[244] Но не только свежая память о войнах и страх перед разрушениями заставляют Европу с отвращением

думать о военном решении проблем (миротворческие и гуманитарные операции в расчет мы не берем). Во время холодной войны обеспечением безопасности на Европейском континенте занимались США – сверхдержава, а сегодня безопасности европейских стран ничего серьезно не угрожает. «Угроза Европе исходит не от солдат с винтовками, а от армий беженцев», – утверждает американский ученый и журналист немецкого происхождения Йозеф Йоффе.^[245] Но что, если все действительно обстоит, как это описывал Маккиндер: что, если судьба Европы по-прежнему зависит от азиатской истории, а конкретнее – от возрождающейся России?^[246] Вот тут-то и кроется угроза. Те же мотивы, которыми руководствовался Советский Союз, выстраивая империю в конце Второй мировой, остаются актуальными и по сей день. Память об опустошительных вторжениях в Россию литовцев, поляков, шведов, французов и немцев способствовала выстраиванию кордонов из государств-сателлитов между Россией и центральной частью Европы. Несомненно, русские не станут применять наземные войска, чтобы вновь оккупировать Восточную Европу ради восстановления буферной зоны, но в последующие годы будут оказывать политическое и экономическое давление (частично пользуясь зависимостью этих стран от российских энергоресурсов) на соседей. Ведь Российская Федерация поставляет около четверти потребляемого в Европе газа, покрывая 40 % потребностей Германии, 100 % – Финляндии и государств Балтии.^[247]

Поддастся ли Германия, исключая в принципе возможность решения какого-либо конфликта военными средствами, частично такому влиянию России, что может послужить толчком для развития «Центральной Европы» по модели Финляндии и даже выхолащивания сути НАТО? Или же Германия предпочтет искусно противиться этому влиянию путем политических и экономических средств, несмотря на то что общество все еще не отошло от мощного пацифизма? В случае развития событий по первому сценарию опасения Маккиндера и других географов подтвердятся: с точки зрения географии не существует «Центральной Европы», есть только морская Европа и Европа континентальная, а посередине расположена зона столкновения. С другой стороны, согласно второму сценарию, Европу, по сути, ждет единая судьба. Впервые со времен Первой мировой войны Европа возродится. Страны на территории между Германией и Россией также ожидает расцвет, как и надеялся Маккиндер. Европа будет жить в мире, хотя отвращение к развертыванию войск в Европе с точки зрения геополитики «неудобно» США. По этому сценарию Россия смирится с тем, что такие страны, как Украина и Грузия, присоединятся к Европе. Таким образом, идея Европы как географическое выражение давнишней концепции либерализма наконец реализуется. В Средние века, после падения Римской империи, Европа на протяжении целых столетий переживала период политической перестройки. В поисках этой же идеи либерализма Европа продолжит перестройку, начавшуюся после «Великой европейской войны» в период с 1914 по 1989 г.

Действительно, с точки зрения географии в истории Европы было много интересного. Результатом века географических открытий стало движение Европы на запад, так как торговые пути пересекли Атлантику, сделав такие города, как Квебек, Филадельфия, Гавана, ближе в экономическом плане к Западной Европе, чем такие центры, как Краков и Львов в Восточной Европе. Становление Османской империи и продвижение турецкой армии к Вене в конце XVII в. отрезали Балканы от большей части Европейского субконтинента. Конечно, сегодня Европа больше движется в восточном направлении, принимая бывшие страны социалистического лагеря в состав ЕС. Также заметно движение и на юг благодаря особому вниманию к стабилизации экономической ситуации в районе южного Средиземноморья и Северной Африки.

При всех перестановках индикатором успешности Европейского проекта будет служить Греция. Она единственная из Балканских стран имеет выход в Средиземное море с нескольких сторон, объединяя, таким образом, «две Европы». Греция равноудалена от Москвы и Брюсселя как в плане географического расстояния, так и в плане духовности – благодаря православию – наследству Византийской империи. Греция в современности настрадалась, будучи политически развивающимся государством. В то время как европейские революции середины XIX в. делались средним классом и целью было получение гражданских свобод, то движение за независимость Греции носило ярко выраженный этнический характер с религиозными корнями. Так, жители страны горячо поддерживали сербов во время конфликта в Косове в 1999 г., хотя официальная позиция греческого правительства была гораздо более сдержанной. Греция – наиболее экономически нестабильное европейское государство, которое, однако, не являлось частью лагеря социалистических стран в период холодной войны. Греция с античных времен являлась регионом, где Европа (а значит, и весь Запад) зарождалась и где она заканчивается. Война, которую Геродот называл греко-персидской, положила начало противостоянию между Западом и Востоком, собственно породив дихотомию «Восток—Запад».^[248] Греция чуть было не попала под контроль СССР, но в результате переговоров Черчилля и Сталина все-таки удалось отстоять Пелопоннес для НАТО. По словам Маккиндера, Греция расположена за пределами евразийского «Хартленда» и соответственно легко достижима для морских держав. Однако контроль над Грецией со стороны сухопутных держав (в частности, России) «будет иметь решающее значение для контроля над “мировым островом”».^[249] Конечно же в обозримом будущем России едва ли удастся заполучить контроль над Грецией. Но интересно было бы проследить за развитием событий, случись так, что переговоры между Черчиллем и Сталиным пошли бы иначе, и насколько усилились бы стратегические позиции России, если бы Греция была членом социалистического блока. Экономический кризис в Греции весьма показателен с точки зрения ее политического развития. В начале 2010 г. он чуть было не потопил евро. А если посмотреть на раздор между севером и югом Европы, который вызвал этот кризис, то можно смело утверждать, что это самая серьезная проблема для сообщества европейских государств со времен войны в Югославии. Как ярко продемонстрировал пример Греции, Европа по-прежнему остается незавершенным и чрезвычайно честолюбивым «проектом», на который и далее будут оказывать влияние новые веяния и потрясения на юге и востоке в мире, который из-за пространственного кризиса постоянно трясет.

Глава 10

Россия и независимый «Хартленд»

Александр Солженицын начинает свой роман о Первой мировой войне «Август четырнадцатого» с восторженного описания Кавказского хребта: «...при первом солнце весь Хребет, ярко-белый и в синих углубинах, стоял доступно близкий, видный каждым своим изрезом... Высился он такой большой в мире малых людских вещей, такой нерукотворный в мире сделанных вещей. За тысячи лет все люди, сколько жили, доотказным раствором рук неси сюда и пухлыми грудями складывай все сработанное ими или даже задуманное, – не поставили бы такого сверхмыслимого Хребта». В том же духе Солженицын и продолжает, описывая «снеговые пространства», «оголенные скальные выступы», «рубцы и ребра», «разорванные части, неотличимые от истых облаков».^[250]

Кавказ на протяжении всей истории играл не последнюю роль в становлении и укреплении Российского государства. Здесь, между Черным и Каспийским морями, расположился 700-километровый перешеек, где Европа исподволь посреди горной цепи высотой в 5500 м заканчивается. Красота гор очаровывает, особенно после уныло-плоских многокилометровых степей на севере. Вот где находится российский «Дикий Запад», хоть горы эти и расположены на юг от Москвы и Санкт-Петербурга. С XVII в. российские войска защищали границы государства в столкновениях с горцами. Тут православие напрямую столкнулось с исламом, как с умеренным, так и с непримиримым. Неоднозначная реакция россиян на парадоксальность Кавказа, который и манит, и таит угрозу, позволяет лучше понять историю России.

Россия – величайшая в мире сухопутная держава, раскинувшаяся на 170° долготы – почти на полглобуса. Главный выход России к морю находится на севере страны, но многие месяцы в году он загражден арктическими льдами. Как отмечает Мэхэн, сухопутные державы постоянно находятся под угрозой. Без моря, которое бы их защищало, такие государства всегда испытывают тревогу и беспокойство и должны постоянно расширять свои границы, дабы кто-то извне не напал на их собственную территорию. Особенно это справедливо в отношении России, с ее бескрайними степями и равнинами, которые не предоставляют естественных границ и не могут серьезно защитить от вражеского вторжения. Страх России перед вторжением с суши у Маккиндера является главной темой. Россия значительно продвинулась в глубь Европы с ее восточной части, чтобы противостоять Франции в XIX в. и Германии – в XX в. Россия была заинтересована в Афганистане с целью остановить британцев в Индии и получить выход к теплему Индийскому океану. Покорение Дальнего Востока имело целью заблокировать продвижение Китая. Что же касается Кавказа, то эти горы представляют собою барьер, где Россия должна доминировать, чтобы оградить себя от политических и религиозных взрывов на Большом Ближнем Востоке.

Еще один фактор из области географии относительно России – сильный холод. Самая северная часть США расположена на 49-й параллели северной широты; там начинается Канада. Однако значительная часть территории России расположена за 50-й параллелью: россияне живут в более суровых климатических условиях, чем даже канадцы, которые в основной своей массе проживают вдоль границы с США. «Ввиду высокой широты,

удаленности от открытых морей, горных барьеров и континентального климата, – пишет географ Коэн, – климат на значительной территории России слишком холоден и слишком сух, чтоб способствовать развитию масштабных постоянных поселений».^[251] Однако Кавказ и регион Дальнего Востока, который расположен недалеко от границ Северной Кореи, являются исключениями. Следовательно, еще одной привлекательной чертой Кавказского региона является относительно мягкий климат и расположение в районе 43-й параллели.^[252] Действительно, и климат, и рельеф России довольно трудны для жизни, что в некоторой мере является ключом к пониманию как истории страны в целом, так и национального характера россиян.

Сильный холод, как представляется, развил у россиян «способность выносить разнообразные неурядицы, определенное чувство общности, способность к жертвенности ради общего дела», – пишет историк, занимавшийся вопросами России, Филип Лонгуэрт.^[253] Он поясняет, что краткий период, пригодный для выращивания сельскохозяйственных культур в северных широтах, требует «взаимопомощи среди крестьян», равно как и «сверхчеловеческих усилий, когда целыми семьями люди сутками остаются в поле», так как и посевная, и сбор урожая могут проходить в непростых погодных условиях. Северная зона России между Северным полярным кругом и Северным Ледовитым океаном – это замерзшая голая тундра, покрытая мхами и лишайниками. Когда летом земля в тундре оттаивает, местность заболачивается, что позволяет развиваться большому количеству кровососущих насекомых. К югу от тундры расположилась тайга – самый большой хвойный лес в мире, раскинувшийся от Балтийского моря до Тихого океана. Примерно 40 % этих областей в Сибири и на Дальнем Востоке находятся в зоне вечной мерзлоты. И наконец, в южной части России раскинулась степь, самая обширная в мире, которая тянется от Среднедунайской равнины через Украину до Северного Кавказа и Маньчжурии в Центральной Азии. «Великий зеленый путь», как назвал ее Брюс Линкольн, изучавший Россию.^[254] Как пишет Маккиндер, изначально славяне предпочитали лесные пространства для жизни, но ввиду внешней угрозы были вынуждены выйти в степь и завоевать себе право на жизнь – на протяжении периода от позднего Средневековья и до раннего Нового времени – в сражениях с азиатскими кочевыми племенами, которые приходили из степей, лежащих к югу и востоку. Особенно длительным и унижительным было для восточных славян 300-летнее владычество над ними монголо-татар – Золотой Орды, от которой Московское государство находилось в зависимости, и Синей Орды в Центральной Азии. Монголо-татары сыграли определенную роль в том, что на территории России не было эпохи Возрождения, и в том, что православные восточные славяне получили врага, против которого смогли объединиться во имя общей цели – вырваться из-под монголо-татарского ига и в последующие столетия самим захватить огромные пространства.

«Желание обнаружить как первопричину, так и поддержку в истории произошло отчасти из суровости восточной равнины», – пишет директор библиотеки Конгресса США Джеймс Биллингтон в работе, посвященной российской культуре, «The Icon and the Axe» («Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры»), и далее поясняет:

«Издавна не история, а география заботила обитателей евразийских степей. Резко континентальный климат, малочисленность и отдаленность друг от друга рек, скудость осадков и разбросанность плодородных почв обуславливали жизнь обыкновенного сельского жителя; а приливы и отливы кочевников-завоевателей казались не более чем бессмысленным движением предметов на поверхности неизменного и враждебного моря».^[255]

Славяне, в своей массе укрывавшиеся в лесах от врагов, затаившихся в степи, искали прибежище как в анимистическом восприятии природы, так и христианской культуре, гармонически их сочетая. Праздник весны – православная Пасха – «вызывал особое воодушевление на русском Севере», как пишет Биллингтон. Традиционным пасхальным поздравлением здесь было не вежливое пожелание «Счастливой Пасхи!», как на католическом Западе, а непосредственное утверждение главного события священной истории: «Христос воскрес!» И казалось, что привычный ответ: «Воистину воскрес!» – относился не только к воскресению Христа, но и к пробуждению природы, ибо праздник Воскресения приходился на конец долгой и мрачной зимы; деревья избавлялись от снега и покрывались листвой. В православных традициях разных народов сохранилось большое количество элементов языческих верований. Совокупность религии и принципа общинной организации у славян, другими словами, служили откликом на чувство незащищенности в лесах рядом со степью, что, в свою очередь, вселяло в них желание покорять новые земли. Однако ввиду того, что территория была равнинной и неразрывно связана в своей необъятности с Азией и Большим Ближним Востоком, Россия оказывалась завоеванной сама. В то время как другие империи возникали, расширялись, рушились – и о них никогда больше не слышали, – Российская империя расширялась, и разваливалась, и возрождалась уже неоднократно.^[256] География и история показывают, что Россию никогда нельзя сбрасывать со счетов. Возрождение России после развала СССР – всего лишь часть исторического процесса, уходящего корнями в глубокую древность.

Первая великая империя на территории нынешней России, первое огромное государство в Восточной Европе – это Киевская Русь, которая возникла в середине IX в. с центром в Киеве, самом южном по течению Днепра из исторических городов. Такое географическое расположение позволило Киевской Руси поддерживать постоянные связи с Византийской империей и способствовало обращению Руси в православие, которое, как известно, будет обогащено особой глубиной, которую ему придали на Руси. Географическое положение также повлияло на то, что население Киевской Руси кроме местных славян будет включать и варягов, пришедших по рекам из Скандинавии. Необходимо было покорить огромные пространства для того, чтобы получить достаточные запасы продовольствия. Так начала формироваться империя, – империя, которая свела две мощнейшие динамичные региональные силы – варягов и византийцев. В результате возникло новое географическое и культурное образование – Русь.

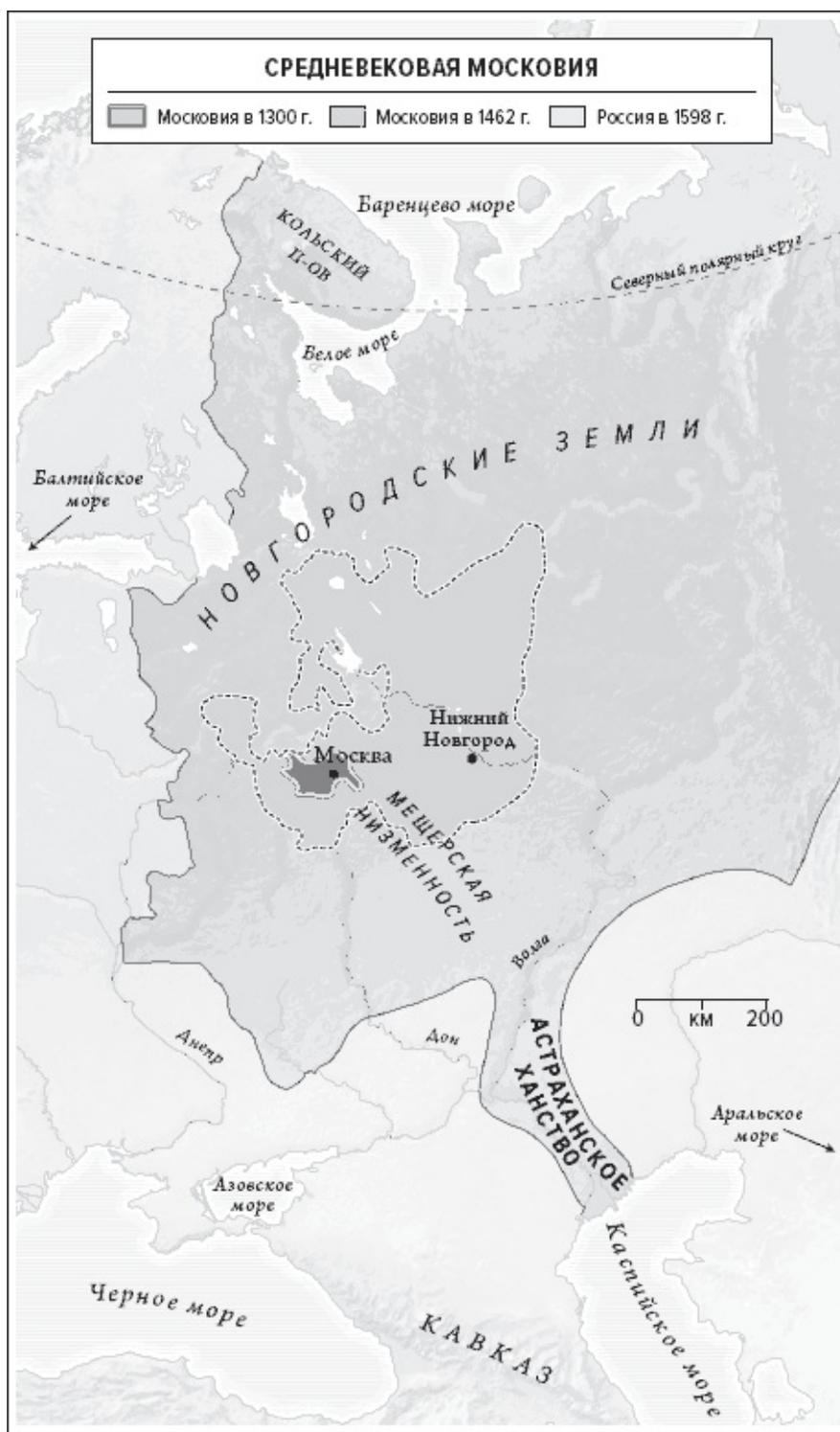
Киевская Русь постоянно страдала не только от набегов степных кочевых племен, но, вероятно, в большей степени от княжеских междоусобиц, постоянно деливших страну на части после смерти Ярослава Мудрого, и в середине XIII в. это государство окончательно распалось, а Киев был разрушен монголо-татарами под предводительством внука Чингисхана, Батыя. Засухи в течение ряда лет в традиционных местах выпаса скота заставили монголов двинуться на запад в поисках новых пастбищ для лошадей, которые являлись для них и источником еды, и средством передвижения. Так захлебнулась первая попытка экспансии России на евразийском «Хартленде».

Самым главным следствием монгольского продвижения по евразийской степи в XIII в. стало для Руси то, что политический центр, не без влияния человеческого фактора, постепенно переместился на север, в такие города, как Смоленск, Новгород, Владимир и Москва. Возвышению Москвы способствовало ее удачное расположение на пересечении торговых путей между реками в бассейне Средней и Верхней Волги. Брюс Линкольн отмечал:

«Москва располагалась в центре возвышенности у истоков великих рек европейской части России. Она оказалась узлом, из которого, словно искривленные спицы из ступицы кривобокого колеса, в разные стороны расходятся речные пути».^[257] Средневековое Московское царство практически со всех сторон оказалось окружено сушей. К востоку – тайга, степи и монголо-татары; на юге – монголы и турки, закрывшие доступ к Черному морю. К западу и северо-западу – шведы, поляки, литовцы, закрывшие доступ к Балтийскому морю. Так, московский царь Иван IV Грозный (1553–1584) только далеко на севере имел доступ к одному-единственному морю, к Белому, которое 6–7 месяцев в году покрыто льдом и относится к Северному Ледовитому океану. Находясь под постоянным давлением извне, окруженные равнинами, русские не имели другого выхода, кроме как попытаться вырваться, что и было сделано при Иване IV.

Иван Грозный – неоднозначная историческая фигура. Он – и «бессердечное чудовище», и «народный герой», чье прозвище «Грозный»,^[258] данное ему за жестокое наказание «виновных», по-английски неверно передано как *the Terrible* («ужасный»). Царь наглядно продемонстрировал, что в то время и в том месте единственным средством против полного хаоса была абсолютная власть. Грозный был первым на Руси великим строителем империи, роль, на которую в известной степени его толкали история и география. Вследствие того что в 1453 г. греческая Византийская империя была завоевана турками, греческие беженцы спасались бегством из Константинополя на север, в Московское царство, принося с собой бесценный опыт в сфере политики, военного дела и управления государством, что оказалось необходимым для создания империи. Иван Васильевич после венчания на царство завоевал Казанское ханство, что открыло ему доступ на Урал; а позже во время своего царствования он предпринял крупный шаг к покорению обширных пространств Сибири, разбив Сибирское ханство на Иртыше, к северо-западу от сегодняшней Монголии. Скорость разрастания Российского государства на этих обширных пространствах была такой, что уже менее чем через 60 лет, в начале XVII в., русские люди вышли к Охотскому морю Тихого океана.

Иван Грозный также пристально поглядывал на юг и юго-восток, особенно на татарское Астраханское ханство, возникшее в Нижнем Поволжье в результате распада Золотой Орды, покорение которого позволило бы добиться контроля над всем бассейном Волги и получить прямой выход на Кавказ, в Персию и Центральную Азию. Тут, в междуречье Волги и Урала, находились земли Ногайской Орды, кочевого государства тюркских племен, говоривших на одном из кыпчакских языков. Хотя ногайцы и не были союзниками Московского великого княжества, с русскими они торговали и привлекали казаков Грозного для охраны главных торговых путей. Бесконечные травяные степи стали местом, где монголы и татары иногда воевали, а иногда торговали с русскими. Но какой бы сложной ни была жизнь на равнинах, Кавказский хребет привлекал к себе славянские народы.

Иван Грозный был неутомим и неумен. Практически параллельно с войной на юге велись боевые действия на территории современных Эстонии и Латвии, дабы обеспечить выход к Балтийскому морю. Однако тут он потерпел поражение от объединенных войск Ганзейского союза и германского Ливонского ордена, что решительно отрезало Россию от Запада, невзирая на рост ее влияния благодаря новоприобретенным землям на Среднем Востоке и в Азии.

Превращение России в континентальную империю в конце XVI – начале XVII в. утвердило репутацию казаков, которых Российское царство нанимало, чтобы укрепить свои позиции на Кавказе. Хотя и слово «казак» («козак») изначально использовалось в качестве названия вольного татарского воина, обычно под этим названием понимается русский, литовец или поляк, который ввиду тяжкого положения на родине ушел в украинскую степь. Тут, среди хаоса бывшего порубежья орды, они жили разбоем, торговлей, землепашеством,

службой по найму, зачастую объединяясь в ватаги и подрываясь на службу в войско Грозного, ведь стоили их услуги недорого, а воевали они хорошо. Поселения казаков возникали в долинах рек, главным образом Дона и Днепра.^[259] Кстати, в классической повести Николая Гоголя «Тарас Бульба», впервые опубликованной в 1835 г., но окончательная версия которой увидела свет лишь десятилетие спустя, рассказывается о запорожских (днепровских) казаках, живущих в бесконечных и вольных степях, не имеющих естественных границ и орошаемых небольшим количеством судоходных рек. В сущности, сама природа закалила характер местного населения, сделав людей настоящими воинами. И хотя Гоголь использовал слова «русский», «украинец», «казак», чтоб разграничить национальную принадлежность, он признавал, что эти названия пересекаются (как это встречается и сейчас).^[260] Повесть Гоголя мрачна и полна насилия. В то время как бесчеловечность, изображенная на ее страницах, является результатом ужасающих решений отдельных персонажей, очевидным является и тот факт, что в некоторой степени насилие в повести является выражением географических особенностей степей России и Украины, где сглаженность рельефа, континентальный климат и миграционные пути приводили к конфликтам и стремительному изменению обстоятельств.

Империя Грозного продолжала расширяться и во времена Бориса Годунова (1598–1605), особенно в юго-восточном направлении в сторону Царицына (современный Волгоград), Уральских гор, казахских степей. Но далее в средневековом Московском царстве, как когда-то и в Киевской Руси, наступил период политической нестабильности и внутреннего раздора, когда шведы, поляки, литовцы и казаки отщипывали куски российской территории. Средневековая Москва перед этим позиционировала себя в качестве «Третьего Рима», правопреемницы и наследницы как самого Рима, так и Константинополя. Поэтому тяжелейший политический, экономический, государственный и социальный кризис, известный как Смутное время, являясь результатом междоусобицы в столице, на практике выглядел как конец света и цивилизации. Но Россия все же уцелела, что бы на тот момент ни казалось. Через несколько лет, в 1613 г., царем был выбран Михаил Федорович Романов, и приход новой династии ознаменовал начало новой главы в истории России.

Именно Романовы во многом определили облик сегодняшней России. С приходом к власти этой династии российский империализм приобрел более развитую организационную систему, которая сменила несколько романтический, временами откровенно разбойничий характер средневековой Московии. За триста лет правления Романовых Россия завоевала Польшу и Литву, разбила шведов, наполеоновскую Францию, вернула себе Украину, расширила свою территорию до Крыма включительно и Балкан за счет Османской империи, подчинила своей власти Кавказ, Центральную Азию и Сибирь, захватив земли вплоть до Китая и Тихого океана. Россия смогла восстановиться после неудач в Крымской (1853–1856) и Русско-японской (1904–1905) войнах. И в соответствии с этой великой темой российской истории, темой весомых расширений или столь же весомых потерь на фоне огромной территории, Романовы теряли Польшу и западную часть империи в войне с Наполеоном, но возвратили себе все, полностью разбив в 1812 г. «Великую армию» Бонапарта и изгнав ее остатки из России.

Петр I Великий, правивший Россией в конце XVII – начале XVIII в., стал для династии Романовых тем, кем был для средневековой Московии Грозный: экстраординарной личностью, чьи действия наглядно показали, что география только «часть дела». Конечно, больше всего Петр I известен тем, что на берегу Балтийского моря построил Санкт-Петербург. Строительство началось в 1703 г., шла война со шведами: последние вторглись через Мазурские болота на территорию Беларуси, россияне отступили, сжигая урожай – тактика выжженной земли, которая потом будет использована против Наполеона и Гитлера.

Но все же попытка достичь главного – объединить земли в Прибалтике, построив новую столицу, обращенную в сторону Европы, чтобы сменить политическую и культурную идентичность, в конечном счете, провалилась. Ведь с ходом завоеваний в других направлениях Россия оставалась преимущественно евразийским государством, возможно, изначально евразийским, хоть и пыталась выглядеть по-европейски, пусть даже география и история завоеваний по примеру монголов не позволяли ей считаться истинно европейским государством. А. И. Герцен, русский публицист, писатель и философ XIX в., отмечал:

«Мы до сих пор смотрим на европейцев и Европу в том роде, как провинциалы смотрят на столичных жителей, – с подобострастием и чувством собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая...».^[261]

Очевидно, что русским нечего стыдиться, так как они могут быть только теми, кем они есть, – народом, который построил империю в жутких условиях континентального ландшафта и климата, и в результате они стучались в ворота Леванта и Индии, угрожая, таким образом, Британской и Французской империям. Как раз в то время, когда Герцен писал вышеприведенные слова, русские брали Ташкент и Самарканд – города на древнем Шелковом пути в Китай, рядом с границами Индийского субконтинента.

В то время как такие морские державы, как Франция и Британская империя, сталкивались со своими врагами за морями, Россия встречалась с врагом на своей собственной территории. Таким образом, русские люди очень рано научились относиться ко всему с подозрением и не терять бдительности. Это нация, которая все время, так или иначе, находилась в состоянии войны.

И вновь Кавказ служит наглядным тому примером в лице мусульман с Северного Кавказа, против которых в конце XVIII в. сражались армии Екатерины II и продолжали сражаться армии следующих царей на протяжении всего XIX в., не говоря уже о конфликтах в наше время. Это происходило гораздо позже того, как более податливые, мирные районы южного Кавказа, такие как, например, православная Грузия, сами присоединились к Российской империи. Воинственность кавказских горцев-мусульман коренится в сложных условиях жизни в горах, где нет плодородной почвы, в необходимости носить оружие, чтоб защитить овец и коз от диких хищных животных. А поскольку через Кавказ проходили многие торговые маршруты, то кавказские горцы были и проводниками, и грабителями.^[262] Хотя горцы, исповедуя ислам, являются сторонниками суфизма – наиболее веротерпимого течения в исламе, они все же с яростью защищали свою отчизну от православных славян. «На Кавказе, – пишет географ Дэнис Шоу, – российские, украинские и казацкие переселенцы встречали решительный отпор со стороны горцев. Большинство горцев, за исключением значительной части осетин, по своей вере мусульмане, что укрепляет их решимость сражаться с незваными гостями». Кавказ весьма поспособствовал тому, что имидж Российской империи подпорчен. Такова, как мы уже упоминали, судьба любой континентальной державы, судьба государства-завоевателя.

Россия действовала весьма активно. Именно этот факт и подтолкнул Маккиндера на создание его теории «оси». Маккиндер обратил внимание на необычайный подъем в строительстве железных дорог в России во второй половине XIX в. Так, в промежутке между 1857 и 1882 гг. было построено 24 000 км железных дорог, в результате чего Москва была связана железнодорожным сообщением с Пруссией – на западе, с Нижним Новгородом – на востоке, с Крымом – на юге. Более того, в 1879–1886 гг. российские инженеры построили

железнодорожную ветку из Красноводска, на восточном берегу Каспия, до Мерва (сейчас Мары), на границе с Персией и Афганистаном, более чем 800 км на восток. К 1888 г. эта ветка была продлена еще на 500 км до Самарканда, а подъездной путь из Мерва был проложен до границы с Афганистаном. Строительство этих новых железнодорожных артерий империи следовало за военными походами России в пустыни Каракум и Кызылкум, на юг от среднеазиатских степей, на территории современных Туркменистана и Узбекистана. Ввиду близости Индийского субконтинента, где в то время власть Британской империи достигла зенита, такая активность России ввергла ее в «Большую игру» – соперничество с Британской империей за господство в Азии. В то же время была построена железная дорога, которая соединяла Баку, на западном побережье Каспийского моря, с Батуми, на побережье Черного моря, то есть проходила через весь Кавказ. А в 1891 г. было начато строительство Транссибирской железнодорожной магистрали – путей от Урала до Тихого океана – протяженностью около 7000 км, соединившей европейскую часть России с Сибирью и Дальним Востоком. Почти на всем протяжении трасса прокладывалась по малозаселенной местности в непроходимой тайге. Она пересекала могучие сибирские реки, многочисленные озера, горы и скалы, районы повышенной заболоченности и вечной мерзлоты.

К 1904 г. по территории России было протянуто более 70 000 км железных дорог. Санкт-Петербург был связан железнодорожным сообщением с 11 часовыми поясами, до самого Берингова пролива, разделяющего Россию и Аляску. Мотивом для такой новой российской версии «предопределения Судьбы»,^[263] как и прежде, было чувство незащищенности: незащищенности любой сухопутной державы, которая вынуждена нападать сама, разрастаясь во всех направлениях, чтобы не исчезнуть.

Глядя на физическую географическую карту Евразии, сразу замечаешь один факт, который и объясняет российскую историю. От Карпатских гор, что на западе, и до Среднесибирского плоскогорья, что на востоке, находятся одни равнины. И только лишь невысокие Уральские горы, расположенные между ними, несколько возвышаются над этим плоским ландшафтом размером с добрый континент. Эта равнина, которая включает маккиндеровский «Хартленд», простирается от Белого и Карского морей Северного Ледовитого океана до Кавказа и горных массивов Гиндукуш и Загрос в Афганистане и Иране. На протяжении XVII—XX вв. россияне – казаки, торговцы, охотники за пушниной – смело переселялись за Енисей, с Западной Сибири в Восточную Сибирь и на Дальний Восток, обширное холодное пространство протяженностью 4500 км, с разнообразными ландшафтами и семью высокими горными хребтами, где минусовая температура может держаться 9 месяцев в году. Таким образом в Сибири создалась совершенно новая «северная речная империя».^[264] Как отмечает Брюс Линкольн в своей известной книге «The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians» («Завоевание континента: Сибирь и россияне»), «завоевания, которые определили ее [России] могущество, произошли в Азии», а не в Европе.^[265] Драма, разыгравшаяся в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, подытожила исторический опыт россиян в чрезвычайно жесткой форме. Лонгуэрт пишет:

«Суровость климата сделала их жесткими и выносливыми; огромные территории, низкая плотность населения, краткость сезона вызревания урожая способствовали кооперации и углублению межличностных связей, так как людям, населяющим эти места, необходима была большая степень организации, чем любому другому народу, просто чтоб выжить... В прошлом такая необходимость выражалась в централизованной и авторитарной формах управления, отрицающих

вовлеченность народа в управление». [\[266\]](#)

Енисей – река довольно широкая – до 5 км в ширину. По длине Енисей занимает 6-е место в мире – длина его водного пути (а он течет с юга на север) составляет 5075 км, от Монголии до Арктики. Река эта в гораздо большей степени, чем Уральские горы, имеет основания называться природной границей между «двумя Россиями» – между Западной и Восточной Сибирью, с тысячами километров равнин на левом, западном, берегу и тысячами километров плоскогорья и заснеженных гор – с восточной стороны. Английский путешественник Колин Таброн пишет, что «этот речной поток течет из ниоткуда и несет с собой запах вечности, словно нечто одновременно спокойное и довольно страшное, от чего внутри у меня все сжимается». Находясь уже в другой точке, севернее, за Полярным кругом, он продолжает: «Земля в этих краях делается совершенно плоской. Береговая линия тонет в морских водах. Кажется, что за все века тут вообще ничего не происходило. Так история... становится геологией». [\[267\]](#)

Людей в эти ледяные пустыни вначале привлекла пушнина. Позже это будут природные ресурсы: нефть, газ, уголь, железная руда, золото, медь, графит, алюминий и многие другие полезные ископаемые, равно как и электроэнергия, вырабатываемая гидроэлектростанциями на могучих сибирских реках. Ведь как Енисей делит Сибирь на западную и восточную, так величаяя Лена отделяет Восточную Сибирь от российского Дальнего Востока. Более того, в то время как главные сибирские реки текут с юга на север, их притоки тянутся на восток и на запад, «подобно ветвям гигантского дерева», создавая великую транспортную систему. [\[268\]](#)

Внезапное появление России в начале XVIII в. среди великих европейских держав было связано с большими поставками найденной в уральских лесах железной руды, пригодной для производства пушек и мушкетов, так необходимых для ведения войн того времени. Схожим образом открытие в Северо-Западной Сибири в середине 1960-х гг. огромных запасов нефти и газа сделает из России энергетическую сверхдержаву в XXI в.. [\[269\]](#) Покорением Сибири Россия добилась также и следующего: она включилась в геополитическую игру в Тихоокеанском регионе, вступив в противостояние с Японией и Китаем. Именно конфликт России с Китаем лежал в основе динамики холодной войны, да и в XXI в. этот конфликт будет центральным для стратегии Америки в отношениях с обеими державами.

В отличие от великих сибирских рек Иртыша, Енисея, Оби и Лены Амур течет не с юга на север, а с запада на восток и вместе с правым притоком Усури образует сегодня границу между российским Дальним Востоком и китайской Маньчжурией. Этот пограничный регион, известный как Амурский край – к северу от границ с Китаем – и как Уссурийский край – к востоку, – был предметом споров и военных столкновений между царской Россией и империей Цин начиная с середины XVII в., когда в этом регионе обосновались российские вольные казаки. Вслед за казаками пришли московские солдаты, а далее, когда маньчжуры воевали с восставшими в континентальном Китае и на Тайване, появились дипломаты. Процесс достиг кульминационной точки, когда в 1860 г. ослабевший Китай с затухающей династией был вынужден отписать около 900 000 кв. км собственной территории в пользу России. Это привело к установлению границ, которые сохраняются по сей день. [\[270\]](#) Конечно, сегодня, когда Китай стал сильнее, эта граница вновь оказалась под давлением китайских переселенцев и корпораций, которые стремятся проникнуть на север, дабы воспользоваться природными ресурсами края: нефтью, газом, древесиной и т. д. На что указывает география и о чем обычно забывают: Россия в течение длительного времени в прошлом оказывала большое влияние на баланс сил в Юго-Восточной Азии. Русско-японская война 1904–1905 гг. стала частично результатом требований Японии признать китайский суверенитет в

Маньчжурии (как и право Японии вторгнуться в Корею), чему Россия противилась. Окончание войны, в дополнение к унижению царской России, было еще более унижительным для Циньской (маньчжурской) династии Китая, ведь они сражались за земли, которые маньчжуры считали своей вотчиной. То есть поражение России никак не сказалось на ее контроле над Амурским и Уссурийским краями, которые так жаждали получить маньчжуры.

Гораздо более серьезные последствия для России, чем Русско-японская война, в результате которой Россия потеряла часть Сахалина и юг Маньчжурии (который по логике географии так или иначе должен был принадлежать Китаю), имела революция 1917 г. и хаос, воцарившийся после нее. Вот когда Россия могла полностью потерять контроль над Дальним Востоком! Китай, Япония, США (новая дальневосточная держава сама по себе) захватили контроль над районами вдоль Транссиба между Байкалом и Владивостоком, в то время как сам Владивосток был оккупирован Японией в 1918–1922 гг., тогда же 80-тысячная японская армия оккупировала Амурский край.

Однако Красная армия смогла изменить ход гражданской войны против «белых» контрреволюционеров в свою пользу. В результате новое советское государство смогло вернуть территории на своих окраинах, в особенности в тюркоязычных районах среднеазиатских пустынь, где была опасность в виде уязвимости перед нападением британцев из Индии через Афганистан. Российские руководители всегда были реалистами, когда сталкивались с «вековой» проблемой сухопутной империи – угрозой нападения на ее окраины, – кто бы ни руководил Россией, ему приходилось сталкиваться с проблемой равнины, которая простиралась сразу в нескольких направлениях. Исходя из логики географии, столица СССР была перенесена восточнее – из Санкт-Петербурга на Балтике в Москву. На месте потерявшего актуальность уклада, дарованного Петром Великим, который управлял Россией из ее балтийского «окна в Европу», возникло государство, управляемое из Кремля, исторической резиденции правителей средневековой Московии.^[271] Новый Советский Союз состоял из трех союзных республик – России, Украины и Беларуси^[272] – и 11 автономных республик и областей. Но, как показали дальнейшие события, Россия не была в безопасности. География по-прежнему имела в этом деле решающий голос. В результате гитлеровского вторжения в 1941 г. на равнины европейской части СССР немецко-фашистские войска дошли до окраин Москвы и затем оказались поблизости от Каспийского моря, пока не были остановлены под Сталинградом в начале 1943 г. В конце войны Советский Союз взял реванш за долгие столетия опасного географического положения, восходящего еще к монголо-татарским опустошениям Киевской Руси.

Вслед за падением фашистской Германии и милитаристской Японии СССР практически завладел всей восточной половиной Европы, создав систему социалистического блока из государств-сателлитов, лояльность которых в большинстве случаев обеспечивалась присутствием на их территории освободивших эти страны от фашизма советских войск. Тех самых войск, которые перед этим, по плоской равнине форсировав Днепр, Вислу и Дунай, прошагали в годы войны на запад, в то время как снабжение и работа тыла гитлеровской военной машины на обширных пространствах Европейской России потерпели полный крах. Точно такая же судьба во многом за столетие до этого постигла и армию Наполеона. Новая советская восточно-европейская империя теперь простиралась гораздо глубже в сердце «Центральной Европы», чем Российская империя Романовых (1613–1917) в прежние времена, вобрав в себя все территории, которые отошли Советскому Союзу по пакту Молотова—Риббентропа. Спустя 5 лет после окончания Второй мировой войны на Корейском полуострове великая сухопутная держава Советский Союз вместе с Китаем, другой великой сухопутной державой, столкнулись в опосредованной войне с великой морской державой,

США, которые оказывали помощь Южной Корее. Глобальным итогом Второй мировой войны было становление маккиндеровской державы «Хартленда» в виде Советского Союза, который противостоял великой морской державе Спайкмена и Мэхэна – США. Судьбы и Европы и Китая будут зависеть от распространения советской власти в «Хартленде». В это же время Большой Ближний Восток и Юго-Восточная Азия на евразийском «Римленде» будут ощущать давление Соединенных Штатов с моря и с воздуха. Таковой была отправная географическая подоплека холодной войны, которую тщательно скрывали идеологи обеих сторон.

Однако холодная война, которая для меня и моих ровесников, выросших в то время, казалась вечной, на самом деле оказалась всего лишь очередным этапом истории России, который закончился в соответствии с диктатом российской географии. Попытка реформировать советскую систему, предпринятая М. С. Горбачевым в 1980-е, вскрыла все недостатки этой системы. Когда сам Горбачев, по существу, объявил, что идеологические принципы, на которых держалась империя, глубоко ущербны, то вся система стала рушиться. При этом приграничные территории откололись от российского центра во многом точно так же, как это произошло в середине XIII в. в Киевской Руси, в начале XVII в. – в Московском царстве и в начале XX в. – в Российской империи Романовых. В 1991 г., когда СССР официально прекратил свое существование, Россия уменьшилась до уже давно забытых границ доекатерининских времен. Отсоединилась даже Украина, первоначальный центр Киевской Руси. Однако, несмотря на потерю Украины, прибалтийских государств, Кавказа, Средней Азии, несмотря на нестабильность в Чечне, Дагестане и Татарстане, территория России и по сей день остается наибольшей на планете. Она занимает около трети всей территории Азии, простираясь через практически половину имеющихся часовых поясов от Финского залива до Берингова пролива. Вероятно, никогда до этого в мирное время Россия не была настолько уязвима в географическом плане. На территории всей Сибири и Дальнего Востока проживает сегодня всего 27 млн человек.^[273] Российским лидерам не нужно было много времени, чтобы оценить весь масштаб проблемы. Менее чем через месяц после распада СССР министр иностранных дел Российской Федерации Андрей Козырев в своем интервью «Российской газете» отметил: «Мы быстро осознали, что геополитика сегодня заменяет идеологию».^[274] «Геополитика, которую недооценивали в СССР, – пишет заслуженный профессор Эдинбургского университета в отставке Джон Эриксон, – преследует и мстит постсоветской России». В России была реабилитирована не только геополитика, но вместе с ней и Маккиндер, и Мэхэн, и Хаусхофер. В «неожиданно неомаккиндеровском стиле» лидер КПРФ из «старой гвардии» Геннадий Зюганов заявил, что Россия должна восстановить свое влияние и контроль над «Хартлендом».^[275] Нужно учитывать все те взлеты и падения, которые пережила Россия за всю свою историю, а также новые проблемы, с которыми ей приходится сталкиваться в наши дни. Российскому государству не остается ничего иного, кроме как следовать стратегии возрождения былой мощи, начиная с восстановления влияния на Украине, в Беларуси, Молдове, Кавказском регионе и Средней Азии, где все еще проживают 26 млн этнических русских. В 1990-х, когда Россия, находясь на грани экономического коллапса, была слаба и унижена, зарождался новый этап, новый цикл экспансии. Экстравагантный российский политик В. В. Жириновский выразил желание «взять под крыло России юг Кавказа, Турцию, Иран и Афганистан», хотя экстремизм Жириновского большинство граждан России явно не разделяли, он был недалек от истины. Конечно же Советский Союз уже не возродить никогда. Но более гибкая форма объединения территорий вплоть до Большого Ближнего Востока и Индийского

субконтинента все еще возможна. Но что за идея, что за лозунг способен сделать это? Под каким соусом его подать? Чем оправдать новый виток экспансии? В начале 1990-х Збигнев Бжезинский в своей книге «Большая шахматная доска» писал, что Россия начала возрождать доктрину родом из XIX в. о евразийском пространстве как альтернативе коммунизму, чтоб вновь собрать разные народы в один союз.^[276] Евразийская концепция очень подходит под историю и географию России. Растянувшись от Европы до Дальнего Востока Россия сама по себе, как никакая другая страна, является моделью Евразии. Более того, закрытость географии вместе с кризисом пространства в XXI в., который стирает границы, установленные историками периода холодной войны, и делает идею Евразии как единого континентального органичного целого довольно рациональной. И хотя само понятие может пригодиться ученым географам и геополитикам в ближайшие годы, вряд ли этнически обособленные народы вроде армян, узбеков, грузин, учитывая их исторический багаж, станут вдруг называть себя евразийцами. Кавказ – это Кавказ, во многом благодаря своей этнической обособленности и постоянным межэтническим конфликтам. Местные народности вслед за развалом наднациональных союзов после окончания холодной войны имеют возможность дальнейшего развития. То же в основном касается и Средней Азии. Даже если русские и, скажем, казахи смогут подавить этническое соперничество ради некоего «евразийского союза», евразийская концепция не станет той идеей, ради которой люди готовы идти на смерть или при упоминании которой по спине побегут мурашки. Особенно это касается украинцев, молдаван, грузин, которые тоскуют по Европе. Но если идея единого евразийского пространства может разрешить разногласия, пусть даже незначительно, в некоторых регионах бывшего СССР, тем самым помогая стабилизировать ситуацию в целом, разве она не имеет в таком случае права на существование?

Однако география не объясняет все на свете, да и не найти в ней универсального решения всех проблем. Она всего лишь фон, на котором разворачивается битва идеологий. И даже когда география выступает объединяющим началом, как в случае с Америкой или Великобританией, Индией или Израилем, идеалы демократии, свободы или сионизма (с его элементом духовности) тем не менее служат основой для национальной идентичности. А когда у людей нет ничего общего, кроме географии, как, например, в Египте под управлением Хосни Мубарака или в Японии во времена Либерально-демократической партии, тогда страна страдает неизлечимой болезнью: она может быть стабильной благодаря географической специфике, но не более того. Так и Россия, без царя и коммунистической идеологии, должна выработать объединяющее начало вне географии, если хочет привлечь бывшие союзные государства. Наверняка апелляции просто к географии – чем, по сути, является идея Евразийского пространства или СНГ – не приведут, скорее всего, к возрождению империи, подобной Киевской Руси, Московского царства Средних веков, Российской империи Романовых или СССР.

Дмитрий Тренин, директор Московского центра Карнеги, утверждает, что в XXI в. «сила притяжения важнее силы принуждения», а следовательно, «гибкость должна стать основной отличительной чертой российской внешней политики». Другими словами, сильная, реформированная Россия будет представлять большой интерес и как следствие, иметь большее влияние на соседей. Ведь русский язык понимают все, от Прибалтики до Средней Азии, а российская культура «от Пушкина до поп-музыки» все еще востребована. Российское телевидение могло бы в случае интеллектуальной реорганизации стать «Аль-Джазирой для людей, говорящих на русском языке». При таком образе мышления единственным способом, который позволил бы воплотить то, что россияне считают своим историческим долгом, является становление либерально-демократического режима.^[277] Эта идея соотносится с

высказыванием Солженицына в 1991 г., который утверждал: «Надо теперь жестко выбрать: между Империей, губящей прежде всего нас самих, – и духовным и телесным спасением нашего же народа».^[278]

На самом деле в анализе Тренина есть и географическая подоплека. Он утверждает, что следует уделять больше внимания внешнему окружению – Европе и Тихоокеанскому региону, – чем, собственно, евразийскому «Хартленду». Кооперация с Европой продвинет Россию к Западу. Если посмотреть на демографическую карту, то можно увидеть, что, несмотря на то что Россия занимает 11 часовых поясов, большая часть населения проживает в ее европейской части. Таким образом, экономическая и политическая реформы сделают из России полноценное европейское государство. Что касается Тихоокеанского региона, то «России стоит подумать о Владивостоке как о столице в XXI в.», – пишет Тренин. Владивосток – многонациональный порт, расположенный относительно недалеко от Пекина, Гонконга, Сеула, Шанхая и Токио, в наиболее стремительно экономически развивающемся регионе.^[279] Пекин дал 10 млрд долл. займа странам Средней Азии, помог Беларуси преодолеть финансовый кризис, дал 1 млрд долл. в помощь Молдове на другом конце континента и развивает центры влияния на российском Дальнем Востоке. Ответом России могла бы стать привязка к Европе в политическом плане, а в плане экономическом – к странам Восточной Азии. Так Россия решила бы свои проблемы на Кавказе и в Средней Азии – став действительно привлекательной для бывших республик СССР, чье население жаждет тех свобод и стандартов жизни, которыми наслаждаются на западной и восточной окраинах Евразии.

Россия может похвастаться наибольшими в мире запасами природного газа, вторыми в мире запасами угля. Российская Федерация занимает 8-е место в мире по запасам нефти. Большинство природных ископаемых, однако, находятся в Западной Сибири – между Уралом и Среднесибирским плоскогорьем. Необходимо также упомянуть об огромных резервах рек, озер и гор Восточной Сибири во времена, когда нехватка пресной воды актуальна для многих регионов, особенно для Китая. Ввиду географических особенностей у России, как я уже отмечал, нет четко очерченных природных границ, разве только в Арктике и Тихоокеанском регионе. Россияне с пониманием относятся к милитаризации общества и «бесконечному поиску безопасности путем выстраивания империи» – то, что нынешние российские руководители благодаря продаже природных ископаемых, дали народу.^[280] В то же время руководство России не отказывалось полностью от европейского вектора. Как раз наоборот, его внимание к Украине является частью глобального плана по восстановлению сферы влияния на ближнее зарубежье, что свидетельствует о желании приблизить Россию к Европе.

Украина упирается в Черное море на юге, а на западе граничит с бывшими восточноевропейскими государствами, в прошлом союзниками СССР. Сам факт независимости Украины в определенной степени отгораживает Россию от Европы. Именно населенная приверженцами грекокатолической и Римско-католической церкви Западная Украина, а не православный восток страны является источником украинского национализма, в то время как восточные области больше склоняются в сторону России. Иначе говоря, религиозный ландшафт Украины делает из нее буферную зону между центральной и восточной частью Европы. Збигнев Бжезинский пишет, что без Украины Россия может оставаться империей, но империей «азиатской», ввязываясь в конфликты на Кавказе и в Средней Азии, но с возвращением Украины под свой протекторат Россия добавляет к собственному населению еще 46 млн ориентированных на Европу граждан, таким образом бросая ей вызов. В таком случае, по мнению Бжезинского, роль осевого государства, определяющего судьбу центральной и восточной части Европы, а если обобщить, то и ЕС в

целом, ложится на плечи Польши.

Противостояние между Россией и Европой, а если быть более точным, то между Россией и франко-германским союзом, продолжается, как и во времена Наполеоновских войн. Коммунизм, может, и давно закончился, а вот потребность европейцев в газе – нисколько, и 80 % процентов природного газа из России в Европу идет через Украину.^[281] После распада СССР Украина согласилась продлить базирование кораблей Черноморского флота ВМФ России в Севастополе в обмен на более низкие цены на газ. Одновременно с этим Кремль тщательно следит за тем, что происходит в украинской газотранспортной системе. Немаловажным фактором является и то, что значительная часть украинского экспорта идет в Россию. Но не все газотранспортные системы в Евразии работают во благо России. Есть трубопроводы, которые качают углеводороды из Средней Азии в Китай. Нефтепроводы доставляют азербайджанскую нефть из Каспия в Грузию, к Черному морю, а далее в Турцию, к морю Средиземному, то есть в обход территории России. Кроме того, существует план проложить трубопровод от Каспийского моря через южные регионы Кавказа и Турцию на Балканы, в центральную часть Европы, что также позволит обойти Россию. В то же время и Россия планирует проложить свой трубопровод по дну Черного моря до берегов Турции, а другой – таким же образом до побережья Болгарии. Туркменистан, по другую сторону Каспия, транспортирует свой газ через Россию. Так, даже имея разнообразные источники поставки энергоносителей, Восточная Европа и Балканы все равно во многом зависят в этом вопросе от Российской Федерации. Будущее Европы, как и в прошлом, напрямую связано с событиями на Востоке.

Во многих из этих мест – от Чечни на Северном Кавказе до Таджикистана в непосредственной близости от Китая – России приходится сталкиваться с исламом вдоль всей южной границы – региона, который некогда был частью персидского культурного мира. Таким образом, для восстановления влияния России на бывшие республики после распада Советского Союза необходимы дружественные отношения с Ираном, который не претендовал бы на влияние в тех землях и не экспортировал бы исламский радикализм. Соответственно, учитывая географическую специфику, Россия не может оказать широкомасштабную помощь США в антииранской кампании.

Однако, несмотря на все благоприятные факторы, история не повторится в смысле появления на заре XXI в. новой Российской империи. Это объясняется специфическими историко-географическими реалиями развития азиатских стран.

В начале XIX в. Россия начала укреплять свое влияние в центральной части Азии (Средней Азии и Казахстане), где значительно оживилась торговля империи: даже в казахской степи, где царила абсолютная анархия и на протяжении столетий не было другой власти, кроме власти местных кланов.^[282] В начале XX в. советская власть создала отдельные республики по всей среднеазиатской степи. Эти государственные объединения не отвечали реальным этническим регионам, и, если кому-то вздумалось бы выйти из состава СССР, осуществить это на практике оказывалось нереально и неизбежно вело бы к войнам на этнической почве. Советская власть опасалась пантюркизма, паниранизма, панисламизма. Частичным выходом было дробление этносов на части. Но такой подход порождал огромное количество аномалий. Так, долина реки Сырдарья начинается в населенной узбеками части Киргизии, далее проходит по Узбекистану, затем – по Таджикистану и вновь по Узбекистану, заканчиваясь в Казахстане. Магистральная дорога, соединяющая столицу Узбекистана Ташкент и узбекскую Ферганскую область, проходит по территории Таджикистана. Чтобы добраться из Душанбе, столицы Таджикистана, до Худжанда и Хорога, населенных

этническими таджиками, необходимо проехать через Узбекистан и Киргизию. Город Шымкент неподалеку от границы с Узбекистаном населен преимущественно узбеками, но территориально расположен в Казахстане, а заселенный таджиками Самарканд – в Узбекистане и т. д. Выходит, то, что возникло в Центральной Азии (Средней Азии и Казахстане), было не столько этническим национализмом, сколько «советизмом», который является превосходной техникой контроля и власти. Однако в то время как «советизм» остается актуальным даже после развала Советского Союза, положение этнических русских в регионе ухудшается: они оказываются в изоляции, а в ряде мест со стороны коренного населения существует даже открытая враждебность. В то же время ориентация на Турцию или Иран практически отсутствует. Иран с XVI в. – преимущественно шиитский, в то время как таджики и прочие мусульмане Средней Азии – в основном сунниты. Что касается тюрков, то Турция лишь недавно стала стремиться к тому, чтобы стать центром мусульманского мира.^[283]

Интересно, что такой «советизм» и отсутствие полного тождества отдельно взятого государства с единой этнической группой, как ни парадоксально, способствовали относительному спокойствию в Центральной Азии (Средней Азии и Казахстане), если не считать отдельных вспышек насилия, как, например, в Ферганской долине. Благоприятными для такого развития стали и природные богатства, которыми можно было торговать с главными евразийскими странами – Россией и Китаем, воспользовавшись конкуренцией между ними. Так, России нужен центральноазиатский газ, чтобы его транспортировать на европейские рынки, что дает России рычаги для давления на Европу; но с Россией может соперничать Китай, которому газ нужен в равной степени.^[284] Богатства Центральной Азии колоссальны. Только в нефтегазовом месторождении Тенгиз в Атырауской области Казахстана находится нефти в два раза больше, чем в месторождении Норт-Слоуп на Аляске.^[285] Туркменистан находится на 3-м месте в мире по объемам ежегодной добычи газа. Киргизия в СССР занимала 1-е место по добыче ртути и сурьмы, а сегодняшний Кыргызстан имеет огромные запасы золота, платины, палладия и серебра.^[286] Таким образом, России будет сложно сохранять влияние на соседние страны, и она будет оставаться заложницей колебаний мировых цен на энергоносители, если принимать во внимание, насколько существенно собственная экономика России зависит от природных ресурсов, как, впрочем, и сами страны Центральной Азии. Российская новая империя, очевидно, если и возродится, то ее роль будет ограничена, причем не только неуступчивостью стран Центральной Азии, но и возрастающим влиянием Китая, а также, пусть и в меньшей мере, Индии и Ирана. Китай уже инвестировал в Центральную Азию свыше 25 млрд долл. Скажем, за китайские деньги на территории Казахстана полным ходом ведется строительство 3000-километрового участка автомагистрали, которая свяжет Западный Китай с Западной Европой. Между казахским городом Алматы и китайским Урумчи налажено ежедневное воздушное сообщение, а китайские товары наводнили центральноазиатские рынки.^[287]

Казахстан может служить последней надеждой России в Евразии. Это бурно развивающееся государство размером с Западную Европу имеет средний уровень доходов на душу населения и размер ВВП, превышающие суммарный показатель всех остальных стран Центральной Азии. Новая столица Казахстана, Астана, находится на севере страны, в регионе, где в составе населения преобладают русские. (На тот момент вдоль 5500-километровой границы с Россией в 8 из 9 областей на севере Казахстана 90 % населения не были этническими казахами.^[288]) Церемониальные здания Астаны, построенные по проекту сэра Нормана Фостера, служат казахским упреком российским амбициям относительно этой

страны. Возведение новой столицы обошлось Казахстану в 10 млрд долл. С южными областями она соединена сверхскоростной железной дорогой.^[289] Казахстан действительно становится полноценным независимым государством. Казахстан с привлечением крупных инвестиций западных мультинациональных корпораций разрабатывает три гигантских нефтегазовых месторождения, два из которых – на Каспийском море. В скором времени будет закончено строительство нового нефтепровода от Каспия в Китай. Казахстан вот-вот станет мировым лидером по добыче урановой руды. По запасам хрома, свинца и цинка эта страна находится на 2-м месте в мире, по запасам марганцевой руды – на 3-м, по запасам медной руды – на 5-м, а по запасам угля, железной руды и золота – среди первых 10 стран.

Казахстан и есть тот самый маккиндеровский «Хартленд»! Государство изобилует стратегическими ресурсами и занимает центральное положение в Евразии. Оно частично захватывает Западную Сибирь и Центральную Азию, простираясь на 3500 км от Каспия на западе до Монголии на востоке, от южных оконечностей Уральских гор на севере до Тянь-Шаньской горной системы на юго-востоке. Климат в Казахстане резко континентальный: после захода солнца зимой в Астане температура может опускаться до -40°C .

Маккиндер верил, что «Хартленд» будет контролировать некая сверхдержава. Но в наше время «Хартленд» находится в руках его коренных жителей, а великие державы – Россия и Китай – ведут борьбу за пользование его ресурсами. Россия может влиять на Казахстан и даже оказывать определенное давление. Еще одним сдерживающим фактором для России в Центральной Азии является Китай, чье влияние в регионе растет и с которым у России протяженная граница на Дальнем Востоке. А достаточно хорошие отношения между Российской Федерацией и Китаем будут способствовать укреплению Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), региональной международной организации, членом которой является Казахстан. Эта организация призвана объединить евразийские страны, в основном с авторитарным строем, чтобы снизить влияние США. Платой же за российско-китайскую вражду может стать усиление влияния США и Европы в Евразии. Таким образом, Российская Федерация будет дисциплинированно следовать избранному курсу на толерантное поведение в Центральной Азии и откажется от любых попыток силового захвата маккиндеровского «Хартленда».

Дмитрий Тренин из Московского центра Карнеги может вполне оказаться прав: Россия должна пойти по пути либерализации своей экономики и политики, чтобы стать привлекательной для Казахстана и остальных бывших советских республик Центральной Азии. Ибо в эпоху глобализма, после развала советской империи, «Хартленд» стал самодостаточной силой, и Казахстан, который по размеру вдвое превосходит все остальные государства Центральной Азии вместе взятые, это демонстрирует. Маккиндер, опасаясь горизонтального деления мира на классы и идеологии, верил, что наряду с равновесием сил именно провинциализм – вертикальное деление мира на маленькие группы и государства – гарантирует свободу.^[290]

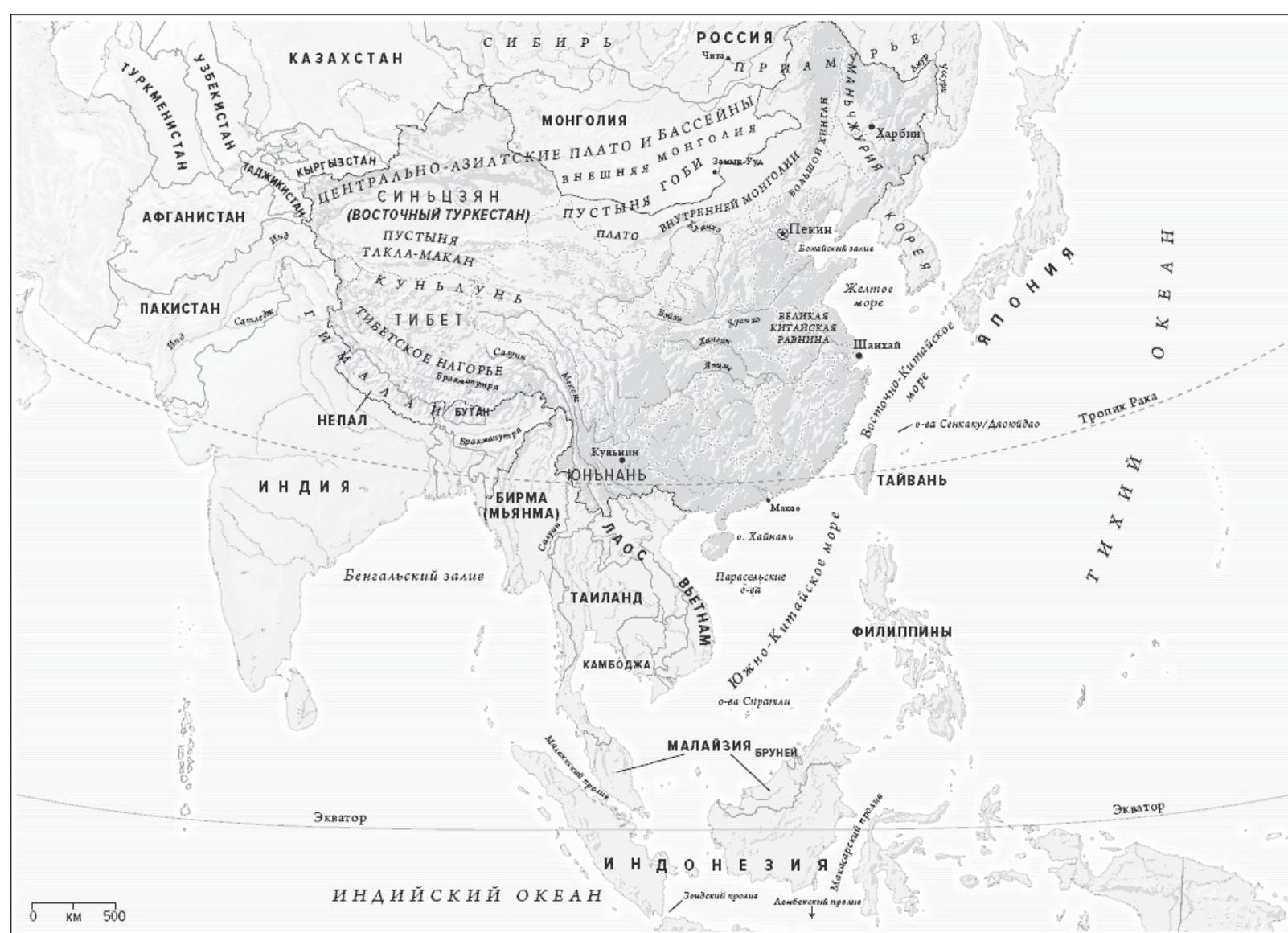
Глава 11

География китайской мощи

В конце своей знаменитой статьи «Географическая ось истории» Маккиндер выражает особое беспокойство по поводу Китая. Пояснив, почему внутренняя часть Евразии образует силовой геостратегический центр мира, он утверждает, что китайцы «могут стать желтой угрозой для мировой свободы хотя бы потому, что, помимо ресурсов огромного континента, у них в распоряжении еще и протяженная океанская граница, и это преимущество, которого лишена Россия в данном осевом регионе».^[291] Вынесем за скобки свойственный той эпохе налет расизма, а также истерическую реакцию, которую всегда вызывает на Западе появление могучей внешней силы, и сконцентрируемся на анализе, который проводит Маккиндер. Согласно этому анализу, в то время как Россия – это сухопутная держава, чей единственный океанический берег в основном заблокирован арктическими льдами, Китай – это также держава континентальных размеров, но сочетающая в себе признаки державы и сухопутной, и морской. Фактически зона влияния Китая распространяется не только на важнейшие центральные регионы Средней Азии, бывшие ранее в составе Советского Союза и богатые запасами полезных ископаемых и углеводородного сырья, но и на основные морские пути Тихого океана почти в 5000 км от них. Ведь береговая линия Китая протянулась на 14 500 км, изобилует удобными естественными гаванями и пролегает в зоне умеренного климата. (Маккиндер даже предупреждал, что Китай однажды завоюет Россию.) Более того, как писал Маккиндер в 1919 г. в книге «Democratic Ideals and Reality» («Демократические идеалы и реальность»), если Евразия вместе с Африкой когда-либо образуют «мировой остров», ведь они являются самым сердцем суши нашей планеты размеры которой в 4 раза больше Северной Америки, а население больше в 8 раз, то Китай, наибольшее континентальное государство Евразии с береговой линией, будет обладать наиболее выгодным географическим положением на Земле как в тропической, так и умеренной зоне. В заключение труда «Демократические идеалы и реальность» Маккиндер предсказывает, что наряду с США и Великобританией Китай в конечном итоге будет определять направление развития для всего мира, «построив для четверти всего человечества новую цивилизацию, которую нельзя будет назвать ни полностью восточной, ни полностью западной».^[292] Оставаясь патриотом-империалистом до мозга костей, Маккиндер, конечно, включил Великобританию в число избранных. Тем не менее, основываясь всего лишь на географических и демографических критериях, он сумел сделать насчет Китая такое предсказание, которое до сих пор оказывалось довольно точным.

Выгодное географическое положение Китая до такой степени самоочевидно, что, говоря о стремительном экономическом развитии страны и уверенности китайцев в своих силах, о нем нередко не упоминают. Так что логичным шагом представляется взглянуть на карту через призму китайской истории.

В то время как Россия расположена к северу от отметки в 50° северной широты, Китай расположен к югу от нее, приблизительно в тех же умеренных широтах, что и США, со всем разнообразием климатических условий и преимуществами, с которыми это связано.^[293] ^[294] Харбин, главный город Маньчжурии, расположен на отметке 45° северной широты, как и штат Мэн. Пекин находится примерно в 40° северной широты – там же, где и Нью-Йорк. Шанхай в устье реки Янцзы расположен в 30° северной широты – как и Новый Орлеан. Тропик Рака пересекает крайнюю южную часть Китая и проходит лишь немного южнее

Китай лишь немногим уступает США в праве претендовать на то, чтобы сравниться по своему статусу с континентом. Америке, омываемой двумя океанами и граничащей с Канадской Арктикой, может угрожать только такой демографический гигант, как Мексика, которая расположена к югу от Соединенных Штатов. Опасность для Китая на протяжении тысячелетий в основном исходила из евразийских степей на севере и северо-западе страны – тех самых степей, которые таили угрозу и для России, только эта угроза исходила с противоположного направления. Так что взаимодействие между коренными китайцами и маньчжурами, монголами и тюркскими народами с пустынных возвышенностей стало одним из центральных мотивов китайской истории. Вот поэтому города-столицы ранних китайских династий часто строились на реке Вэйхэ, выше по течению от места, где она впадает в Хуанхэ. Там выпадало достаточно дождей для оседлого земледелия, и эти места были защищены от кочевых племен плоскогорья Внутренней Монголии на севере.

Соединенным Штатам досталась удобная география, которую характеризует «аккуратное» чередование лесов, прерий, пустыни, гор и побережья океана, с реками Миссисипи и Миссури, текущими с севера на юг и расположенными посередине. В Китае же география не такая удобная. Великие реки – Вэйхэ, Ханьшуй, Хуанхэ и Янцзы – текут с запада на восток, с высоких и засушливых возвышенностей внутренней части Евразии к более влажным сельскохозяйственным землям вблизи Тихого океана. [\[295\]](#) Эти земли, в свою очередь,

поделены между относительно сухой частью Северного Китая, где выращивают пшеницу и просо, а сам посевной сезон достаточно короткий (что очень схоже с условиями северной части американского Среднего Запада), и плодородными южными регионами с влажным климатом, где дважды в год собирают урожай риса. В 605–611 гг. н. э. в Китае построили Великий канал, который соединил реки Янцзы и Хуанхэ. Таким образом удалось соединить север страны с его бедными урожаями и благополучный юг, часто имеющий избыток риса. По словам британского историка Джона Кея, для Китая это событие «имело примерно такое же огромное значение, как строительство первых трансконтинентальных железных дорог для США».^[296] Великий канал стал ключом к единению страны. Он облегчил северу завоевание юга во времена средневековых династий Тан и Сун, что в свою очередь помогло укрепить географическую основу аграрного Китая. И вновь на этом примере мы видим, как отдельные действия людей – в данном случае строительство канала – оказываются более важными для истории, чем география. А ведь учитывая резкие различия между Северным и Южным Китаем, разделение этих двух частей страны в эпоху раннего Средневековья, длившееся свыше 200 лет, могло приобрести постоянный характер, как это случилось с восточной и западной частями Римской империи.^[297]

Но, как пишет профессор Гарвардского университета Джон Фэрбэнк, «различия между Северным и Южным Китаем не так велики в сравнении с различиями между кочевым образом жизни на пастбищах плоскогорий Внутренней Азии и оседлым образом жизни деревень, основанном на интенсивном земледелии Китая». Под Внутренней Азией Фэрбэнк понимает достаточно широкий регион: «Широкая дуга, протянувшаяся от Маньчжурии через Монголию и Туркестан до Тибета». Взгляды китайцев на окружающий их мир и местоположение своей страны, – продолжает он, – основаны на культурных различиях, которые существуют между этим кольцом пустынь, окружающих страну, и возделанными и засеянными землями самого Китая, то есть между пастушеским и земледельческим. Этническая география Китая отражает эту «структуру, состоящую из ядра и периферии». Ядром является земледельческая «центральная равнина» (*чжунюань*), или «внутренний Китай» (*neidi*), а периферией – скотоводческие «приграничные земли, рубежи» (*бяньцзын*), или «внешний Китай» (*waidi*).^[298]

Именно с этой целью в конечном счете и была построена Великая Китайская стена. Она, как пишет политолог Григгел, «служила средством для укрепления “экологического” разделения, которое перетекло в политические различия».^[299]^[300] В самом деле, для ранних китайцев земледелие и означало саму цивилизацию. Ее называли Центральное, или Срединное, царство, *Чжунго*, и оно ничем не было обязано соседним народам с пастбищ. Из этого следовала определенная культурная уверенность, схожая с уверенностью христианского мира на Западе.^[301] Со времен поздней династии Чжоу, в III в. до н. э., земледельческий Китай стал впитывать в себя элементы варварской и полуварварской культуры.^[302] Позже, начиная с династии Хань во II в. до н. э., китайцы, бывало, сталкивались с другими культурами: римской, византийской, персидской и арабской. Сопоставление этих культур способствовало развитию *регионального* чувства пространства.^[303] Тот факт, что сегодня в состав Китая входит как пустыня, так и пахотные земли в континентальном масштабе, не меньше, является результатом долгого и увенчанного в итоге успехом исторического процесса, который, в свою очередь, является географическим основанием для китайской мощи.

Процесс расширения начался с «колыбели» китайской цивилизации, области вокруг реки Вэйхэ и низовьев реки Хуанхэ в северной части сельскохозяйственной зоны (южнее

Маньчжурии и Внутренней Монголии), которая процветала в период Западной Чжоу 3000 лет назад.^[304] Поскольку скотоводческая Внутренняя Азия с ее пастбищами не имела зерноводства, ее многочисленное население, составляющее примерно 1/16 часть от населения изначальной территории «колыбели», не могло выжить без доступа к ней.^[305] Таким образом, Китай рос и расширялся по направлению от реки Вэйхэ и низовьев реки Хуанхэ, хотя недавние археологические раскопки явно свидетельствуют о развитии цивилизации в это же время и в Юго-Восточном Китае и Северном Вьетнаме.^[306] В период Сражающихся царств (403–221 гг. до н. э.), *Чжаньго*, когда большие царства покоряли малые и количество государств резко уменьшилось со 170 до 7 образований, китайская цивилизация продвинулась дальше на юг в регионы, пригодные для выращивания риса и чая, включая район современного Шанхая. При всем этом политическая власть по-прежнему была сконцентрирована на севере, включая район современного Пекина^[307].^[308] Победителем в войне Сражающихся Царств вышла династия Цинь, благодаря которой, согласно некоторым этимологическим исследованиям, Китай получил свое название. К I в. до н. э., в период правления династии Хань, сменившей династию Цинь у власти, Китай включал в себя все пригодные для земледелия центральные земли, расположенные от верховьев рек Янцзы и Хуанхэ до побережья Тихого океана и от залива Бохайвань в Желтом море возле Корейского полуострова до Южно-Китайского моря. Ряд дипломатических соглашений и военных кампаний позволил императорам династии Хань установить власть над кочевым народом хунну во Внешней Монголии и восточном Туркестане (Синьцзяне), а также в Южной Маньчжурии и северной части Кореи.

Сложилась определенная модель поведения. Земледельческой цивилизации Китая при ее оседлом образе жизни приходилось постоянно создавать защитное буферное пространство, которое отделяло бы ее от кочевых народов с более засушливых возвышенностей, окружающих ее с трех сторон, от Маньчжурии до Тибета [\[309\]](#) [\[310\]](#) С такой же исторической проблемой столкнулась и Россия, ведь ей тоже нужна была такая буферная зона. Но в то время как Россия распростерлась на 11 часовых поясов, имея относительно низкую плотность населения, Китай с древних времен был гораздо более компактно и густо населен. Поскольку поводов бояться вражеских вторжений у Китая было меньше, он стал более миролюбивым государством. Тем не менее в Поднебесной зарождались династии, отличавшиеся энергичностью и агрессивностью. При династии Тан, периоде наивысшего могущества страны, в VIII в., военное ремесло прогрессировало и развивалось наравне с литературой и искусством. Армии династии Тан воевали по всему пространству между

Монголией и Тибетом, установив контроль над территориями всей Центральной Азии до самого Хорасана на северо-востоке Ирана. Наступил золотой век для Шелкового пути. Наряду с этим императоры Тан вели войны с тибетцами на юго-западе с помощью тюрков-уйгур с северо-запада. Основным принципом всегда было не сражение со всеми противниками сразу, а маневрирование между этими народами степей. На самом деле военные были всего лишь одним из инструментов Танского государства. «Конфуцианская доктрина, – пишет британский историк Джон Кей, – сформировавшаяся в эпоху Сражающихся царств и частично являющаяся реакцией на нее, предполагала твердый контроль гражданских в военных вопросах».^[311] Среди «предметов гордости старого Китая», по словам Фэрбэнка, был «обоснованный пацифизм», поскольку одной из конфуцианских идей государства являлось «правление при помощи добродетели».^[312] Этот пацифизм, как говорят историки, иногда считают причиной того, почему, как только Китай вторгнулся в районы пастбищ и плоскогорий, кочевники тут же, в свою очередь, отвечали тем же – вторгались на территорию Китая. В 763 г. тибетская армия фактически разграбила столицу Танского Китая Чанъань (Сиань). Но что более важно, династии Цзинь, Ляо и Юань – каждая из которых родом с северных пастбищ – на протяжении всего Средневековья олицетворяли военную агрессию против Поднебесной со стороны Внутренней Азии. Наряду с этим коренные династии Сун и Мин, при всей революционности их военных технологий, не сумели вернуть под свой контроль степные территории. Внутренняя Азия, простирающаяся от Тибета и Восточного Туркестана через всю Монголию до дальневосточной границы с Россией, была отвоевана только при маньчжурской династии Цин, уже в XVII–XVIII вв. (Именно в этот период были сформированы границы многонациональной территории, которую сегодня контролирует китайское государство, равно как и представления о них; Тайвань был присоединен в 1683 г.^[313]) Одним словом, Китай приобрел континентальные масштабы благодаря своим постоянным контактам с центральной частью Азии, которая частично входит в маккиндеровский «Хартленд», что и определяет политические реалии современного Китая.

В самом деле, вопрос теперь состоит в том, смогут ли ханьцы, крупнейшая на сегодняшний день этническая группа КНР, составляющая более 90 % населения и расселенная в основном на территории пахотных земель «внутреннего Китая», постоянно поддерживать максимально стабильный контроль над живущими на периферии тибетцами, тюрками-уйгурами и жителями Внутренней Монголии.

Между тем КНР сейчас достигла пика своей континентальной мощи, хотя раны, нанесенные ей территориальными притязаниями Европы, России и Японии, по историческим меркам Китая, еще очень свежие. В XIX в., когда Китай династии Цин переживал экономические трудности, страна потеряла значительную часть своей территории – зависимые южные территории Непала и Бирмы отошли к Великобритании, Индокитай – к Франции, Тайвань и зависимые территории Кореи и Сахалина – к Японии, а Монголия, Амурский край и Уссурийский край – к России.^[314]^[315] В XX в. Япония захватила полуостров Шаньдун и Маньчжурию в самом сердце Китая. И все это случилось вдобавок к унижительным соглашениям об экстратерриториальности, навязанным Поднебесной в XIX–XX вв., согласно которым западные государства устанавливали контроль над частью крупных городов Китая.

А теперь мы переместимся в 1950-е гг., когда в средних школах КНР стали появляться карты Большого Китая, включавшего все эти потерянные территории, а также Восточный Казахстан и Кыргызстан. Мао Цзэдун, который впервые со времен расцвета династии Цин

сумел объединить континентальный Китай, очевидно, ратовал за полное возвращение в состав его государства земель, исторически к нему относящихся, но находящихся под контролем другого государства. Он как личную трагедию воспринимал раны страны, бывшей когда-то огромной империей и существовавшей веками, – раны, нанесенные унижениями, которые ей довелось познать в недавнем прошлом.^[316] Учитывая те потрясения и тяжелые испытания, с которыми Поднебесная столкнулась в своей истории, это – один из тех недостатков в рассуждениях Мао, который мы, вероятно, могли бы простить ему. И пусть правители Китая во втором десятилетии XXI в., может, и не так бессердечны в своих взглядах, как Мао, но они всегда помнят китайскую историю. Современные государственные границы включают Маньчжурию, Внутреннюю Монголию, Восточный Туркестан и Тибет – то есть все прилегающие плоскогорья и пастбища. Но, несмотря на это, правительство страны сегодня предпринимает целый ряд стратегических шагов, которые демонстрируют миру такое представление о Китае, которое выходит далеко за пределы территории Поднебесной даже при династии Тан в VIII в. и при династии Цин во времена самого мощного расцвета страны в XVIII в. Китай – это государство с самым большим населением и наиболее динамично развивающейся экономикой в мире, которое распространяет свое территориальное влияние в основном посредством торговли. При правлении последней из великих китайских династий – окрестившей себя коммунистической, хотя и являющейся на самом деле капиталистической и авторитарной – Китай, по сути, чрезвычайно настойчиво стремился к еще одному золотому веку империализма. И есть в этом определенная ирония, ведь китайские правители считают себя великодушными, терпимыми и заслуживающими свою власть благодаря, используя термин династии Хань, небесному предопределению – «Небесному Мандату».^[317]

Географическая специфика Китая указывает на то, что путь этой страны к превращению в ведущую мировую державу будет непростым. Ведь ежегодный прирост ВВП более 10 %, который наблюдался в стране последние 30 лет, едва ли будет продолжаться и дальше такими темпами. Но, несмотря на это, даже в условиях перестройки КНР всегда будет находиться в центре геополитических отношений мира. Китай никогда больше не скатится до полного хаоса. Поднебесная, как и говорил Маккиндер, сочетает в себе элементы предельно модернизированной экономики западного образца с унаследованной от Древнего Востока «гидравлической цивилизацией»^{[318] [319]}. Понятие «гидравлической цивилизации» подразумевает, что режим, управляемый из единого центра, способен вербовать миллионные трудовые армии на строительство крупнейших гидротехнических сооружений и объектов инфраструктуры. Это и обуславливает возможность Китая неуклонно поступательно развиваться с темпами, которыми не всегда могут похвалиться демократические государства, привыкшие в поисках компромиссов неторопливо согласовывать интересы своих граждан. Несмотря на то что китайские лидеры формально считаются коммунистами, они – фактические преемники примерно 25 императорских династий, которые сменяли друг друга на протяжении 4000 лет в деле освоения западных технологий и опыта, что происходило, однако, строго в контексте сложной культурной системы самой Поднебесной, которая среди прочего может похвастаться уникальным опытом в навязывании вассальных отношений другим государствам. «Китайцы, – говорил мне один чиновник из Сингапура, – очаровывают вас, когда хотят вас очаровать, и шантажируют вас, когда им это нужно, и делают это систематически».

Внутреннее развитие Китая, при всех связанных с ним общественных тревогах, питает его внешнеполитические амбиции. Империи редко строятся сознательно, по готовому заранее

проекту. Скорее, когда государства становятся сильнее, у них возникают определенные потребности и, как ни парадоксально, неуверенность в собственной безопасности, которая совершенно естественно заставляет их расширяться. Взять, например, США. Там, под руководством ничем не примечательных президентов – Резерфорда Хейса, Джеймса Гарфилда, Честера Артура, Бенджамина Гаррисона и др. – экономика устойчиво развивалась при высоком уровне ежегодного роста в период между окончанием Гражданской войны и испано-американской войной 1898 г. Как следствие, по мере того как торговля Соединенных Штатов с внешним миром расширялась, у страны возникали разносторонние экономические и стратегические интересы в самых отдаленных уголках света, что приводило к военному вмешательству, в частности к высадке морской пехоты США в Южной Америке и отправке военно-морского флота в Тихий океан. Это происходило, несмотря на все социальные беды США того времени, которые, в свою очередь, и были результатом такого динамического развития. Еще одним фактором, заставившим Соединенные Штаты обратить пристальный взгляд за пределы своих границ, было то, что внутри страны положение являлось прочным, ведь последнее крупное сражение с индейцами на территории страны произошло в 1890 г.

КНР также укрепляет сухопутные границы и начинает проявлять свою активность вовне. В отличие от США, Китай во внешней политике не практикует миссионерский подход. Он не рвется распространить на другие страны свою идеологию или форму правления. Этический прогресс в международной политике – это цель США, а не Китая. Однако КНР не является неким консервативным государством, старающимся сохранить существующее положение дел в мире. Внешнеполитическая активность страны в основном продиктована потребностью в поставках энергоносителей, металлов и другого стратегического сырья, необходимых для поддержания постоянно растущего уровня жизни населения, которое составляет сегодня, грубо говоря, 1/5 часть населения нашей планеты. В самом деле, Китай в состоянии прокормить 23 % населения планеты, имея в своем распоряжении всего 7 % пахотных земель, причем, как пишет Фэрбэнкс, «на каждый квадратный километр возделываемых земель в долинах и на равнинах приходится около 800 человек»^[320]^[321] Теперь от страны ждут, что ей удастся обеспечить большинству городского населения возможность наслаждаться комфортом жизни среднего класса.

Для решения всех этих задач Китай установил выгодные для себя сырьевые отношения и с соседними, и с далекими странами, обладающими теми ресурсами, в которых он нуждается для обеспечения своего роста и развития. Поскольку мотивы активной внешнеполитической деятельности страны обусловлены фундаментальными национальными интересами – экономическим выживанием и развитием, то Китай можно охарактеризовать как сверхреалистичную державу. Вот почему КНР стремится упрочить свое присутствие в различных частях Африки к югу от пустыни Сахара, где находятся большие запасы нефти и других полезных ископаемых. Также ему необходимо обезопасить транспортные пути и порты в Южно-Китайском море и в соседнем Индийском океане, через которые страна имеет доступ в богатый нефтью и газом арабско-персидский мир. Не имея особого выбора в своих действиях на международной арене, Пекин мало беспокоится о том, с какими режимами ему приходится иметь дело, ведь в партнерах ему нужна стабильность, а не добродетели, какими их представляют себе на Западе. Некоторые из них, как, к примеру, Мьянма, Казахстан, Иран, Судан и Зимбабве, являются по сути или отсталыми, или авторитарными, или зачастую и теми и другими одновременно. В этом случае поиск поставщиков сырьевых ресурсов, которых Китай ищет по всему миру, приводит к конфликтам с США с их миссионерскими намерениями свободы и демократии, а также к трениям с Индией и Россией, на чьи сферы влияния иногда замахивается КНР. Часто из поля зрения при этом, однако, ускользает тот

факт, что эти страны, как и некоторые другие, расположенные в Юго-Восточной и Центральной Азии и на Большом Ближнем Востоке, уже оказывались под властью или влиянием той или иной китайской династии в прошлом. Даже Судан расположен недалеко от того региона Красного моря, в котором бывал адмирал Чжэн Хэ во времена династии Мин в начале XV в. До известной степени Китай всего лишь восстанавливает свои имперские территориальные владения.

Поднебесная при этом никак не угрожает существованию этих государств. Вероятность войны между США и Китаем очень незначительна. Военная угроза со стороны КНР представляет для Соединенных Штатов лишь непрямую опасность. Речь здесь идет главным образом о проблемах географического характера, однако при этом также сохраняются и принципиальные расхождения по вопросам внешнего долга, торговли и глобального потепления. Находящаяся в процессе своего формирования зона влияния Китая в Евразии и Африке – на маккиндеровском «мировом острове» – расширяется, но не в империалистическом понимании, как это было присуще XIX в., а на более тонком уровне, который соответствует эпохе глобализации. Просто преследуя цель надежного удовлетворения своих экономических потребностей, Китай смещает политическое равновесие в мире в сторону Восточного полушария, а это самым серьезным образом затрагивает интересы США. Влияние Пекина, которому весьма и весьма способствует благоприятное расположение Китая на карте, расширяется везде и повсюду: на суше и на море, от Центральной Азии до российского Дальнего Востока, от Южно-Китайского моря до Индийского океана. Китай – это страна, которая стремительно превращается в мощную континентальную державу, и, в соответствии со знаменитым изречением Наполеона, ключ к политике таких государств лежит в их географии.

Положение Китая на карте Юго-Восточной Азии, как я уже говорил, является весьма благоприятным. Но во многих отношениях форма границ КНР в XXI в. лишена целостности, что крайне небезопасно. Примером может служить Монголия (географическая Внутренняя Монголия), расположенная к северу. Этот громадный кусок территории, который выглядит словно клочок, выданный из Китая, граничит с Поднебесной на юге, западе и востоке. Сегодня Монголия, у которой плотность населения одна из самых низких в мире, находится под серьезной демографической угрозой самого последнего в истории массового переселения в Евразии – миграции городской китайской цивилизации на север. Это уже прочувствовал на себе собственный автономный регион КНР – Внутренняя Монголия, которую буквально наводнили ханьцы из других регионов Китая. Так что жители Внешней Монголии беспокоятся, что скоро последует наплыв ханьцев и на их территорию. Завоевав некогда Внешнюю Монголию и получив тогда доступ к ее сельскохозяйственным землям, сейчас Китай намерен снова покорить Монголию, но уже по-новому, через процессы глобализации. КНР намерен поставить себе на службу запасы нефти, угля, урана и других стратегически важных минералов, а также богатейшие пастбища на территориях, которые уже были под властью Китая во времена маньчжурской династии Цинь^[322]^[323]. Строительство дорог, дающих Китаю доступ в Монголию, нужно рассматривать именно с такой точки зрения. Поскольку ничем не сдерживаемые индустриализация и урбанизация превратили Китай в крупнейшего мирового потребителя алюминиевой, медной, свинцовой, никелевой, цинковой, оловянной и железной руд, а запасов всех этих полезных ископаемых в Монголии в избытке, притом что доля Китая в мировом потреблении металлов с конца 1990-х подскочила с 10 до 25 %, то китайские горнодобывающие компании открыто делают ставку на разработку недр соседней страны. А если учесть, что Китай уже поглотил Тибет, Макао и

Гонконг, то отношения с Монголией являются индикатором того, насколько широко простираются империалистические планы КНР. На самом деле граница между Монголией и Китаем, когда я был там неподалеку от города Замын-Ууд в 2003 г., представляла собой всего лишь искусственную межу, протянувшуюся по равнинному и постепенно нисходящему ландшафту пустыни Гоби. Китайский пограничный пост представлял собой ярко освещенную и хорошо спроектированную арочную конструкцию, символизирующую густонаселенный и промышленно развитый монолит, раскинувшийся на юге, вторгающийся во владения безлюдных монгольских степей с их войлочными юртами и хибарами-временками, собранными из металлолома. Однако не стоит забывать, что такие демографические и экономические преимущества могут стать обоюдоострым мечом в случае этнических волнений в китайской Внутренней Монголии. Сама степень влияния Китая может пострадать из-за попытки объять такую обширную пастбищно-скотоводческую периферию и способна обнажить слабость, свойственную многоэтничным государствам. Более того, другим фактором, который может внести разлад в планы Китая, является собственное стремительное экономическое развитие Монголии в последнее время, благодаря чему страна привлекает огромное количество инвесторов со всего мира, что, таким образом, ограничивает влияние Пекина.

К северу от Монголии и трех китайских провинций Маньчжурии простирается российский Дальний Восток с его бесконечными березовыми лесами на всей территории между озером Байкал и Владивостоком. Этот обширнейший край, по площади примерно равный двум Европам, имеет малочисленное население – всего 6,7 млн человек, и численность его уже в ближайшее время может сократиться до 4,5 млн жителей. Российская империя, как мы видели, окончательно включила эти земли в свой состав в XIX – начале XX в., то есть тогда, когда Китай был еще крайне слаб. Но сейчас Китай окреп. К тому же по ту сторону границы, в Маньчжурии, проживает 100 млн китайцев, и плотность населения там в 62 раза выше, чем в Восточной Сибири. Через эту границу на российскую сторону постоянно просачиваются китайские мигранты. Например, в сибирском городе Чита, к северу от Монголии, уже есть достаточно большая китайская диаспора, которая продолжает расти. Доступ к ресурсам – это основная цель китайской внешней политики, а малонаселенный российский Дальний Восток обладает большими запасами природного газа, нефти, древесины, алмазов и золота. «Россия и Китай могли бы объединиться и создать тактический союз, но между ними уже сложились напряженные отношения из-за Дальнего Востока, – пишет Дэвид Блэр, корреспондент лондонской газеты Daily Telegraph. – Москву настораживают хлынувшие в этот регион потоки многочисленных китайских поселенцев, следом за которыми идут лесозаготовительные и горнодобывающие компании».^[324] Здесь, как и в случае с Монголией, никто не опасается, что китайская армия когда-нибудь завоюет или формально аннексирует российский Дальний Восток. Опасения вызывает другое: все более заметное ползучее установление демографического и экономического контроля Китая над регионом, значительные части которого уже находились под властью Поднебесной в эпохи династий Мин и Цин.

Во время холодной войны приграничные споры между СССР и КНР спровоцировали военные столкновения между двумя странами, вследствие чего в прилегающих районах Сибири и Дальнего Востока, у рек Амур и Уссури, в 1969 г. были размещены сотни тысяч солдат и офицеров – 53 дивизии Советской армии. Китай Мао Цзэдуна отреагировал тем, что со своей стороны границы дислоцировал миллионную армию и построил в крупных городах бомбоубежища. Для того чтобы разрядить обстановку на западном фланге и получить возможность сконцентрировать свои усилия на Дальнем Востоке, советский лидер Л. И.

Брежнев обратился к политике разрядки напряженности с США. Со своей стороны Китай считал себя практически окруженным Советским Союзом, советским государством-сателлитом Монголией, просоветским Северным Вьетнамом с зависимым от него Лаосом и просоветской Индией. Эта напряженность в отношениях между двумя странами привела к китайско-советскому расколу, которым сумела воспользоваться администрация президента США Никсона, положив в 1971–1972 гг. начало новым отношениям с Китаем.

Может ли география однажды снова развести Россию и Китай, между которыми сейчас заключен союз, по большей части тактический? И возможно ли, чтобы выгоду от этого, как это уже случилось в прошлом, получили США? Хотя сейчас, когда Китай стал более мощной державой, США, возможно, могли бы вступить в стратегический альянс с Россией, с целью уравновесить влияние Срединного царства и, таким образом, отвлечь его внимание от «островов первой цепи»^[325] в Тихом океане, заставив сконцентрироваться на своих сухопутных границах. В самом деле, способность замедлить рост военно-морского присутствия Китая возле Японии, Южной Кореи и Тайваня потребует давления со стороны американских баз в Средней Азии поблизости от китайской границы, а также дружественных отношений с Россией. Давление со стороны суши может помочь США расстроить планы Китая на море.

Тем не менее может сработать и другой сценарий, гораздо более оптимистичный и выгодный собственно для обитателей Северной Маньчжурии и российского Дальнего Востока. В таком варианте, который восходит к историческому периоду до 1917 г., китайское торговое и демографическое внедрение в Амурский и Уссурийский край ведет к экономическому возрождению на российском Дальнем Востоке, которое используется более либеральным правительством России для дальнейшего позиционирования порта Владивосток как важнейшего узла в Северо-Восточной Азии. Разрабатывая этот сценарий дальше, я мог бы предположить, что в Северной Корее возникнет лучший режим, который приведет к формированию динамичного Северо-Восточного азиатского региона с открытыми границами, сконцентрированного вокруг Японского моря.

Границы КНР с бывшими советскими республиками Центральной Азии не столько незавершенные, сколько произвольные и, как следствие, до определенной степени антиисторические. Китай довольно далеко простирается в самое сердце Евразии и одновременно все же недостаточно далеко. Синьцзян (Уйгурский автономный округ), самая западная провинция КНР, означает в переводе с китайского «новые рубежи», а историческим названием этих новых рубежей Китая является Восточный Туркестан. Синьцзян – это регион, отделенный от центральных районов КНР пустыней Гоби. Хотя государственность в Поднебесной в той или иной форме существует уже 3000 лет, Синьцзян стал частью страны только в середине XVIII в., когда маньчжурский император династии Цин Айсиньгеро Хунли, правивший под девизом Цяньлун, завоевал огромные территории на западе, удвоив размер Китая и установив «твердую западную границу» с Россией.^[326] С тех пор, как пишет британский дипломат и писатель-путешественник сэр Фицрой Маклин, история провинции была историей «постоянных волнений».^[327] Синьцзян то и дело восставал, временами добиваясь полной независимости. И так было до самых 1940-х г. Однако в 1949 г. коммунистические войска Мао Цзэдуна вторглись в Синьцзян и силой присоединили провинцию к остальной территории Китая. Но в не таком далеком прошлом, в 1990 г., а затем вновь в 2009 г., тюркское население провинции – уйгуры, потомки тюркских племен, правивших Монголией в 745–840 гг. н. э., когда киргизы оттеснили их в Восточный Туркестан, – восставало против китайской власти. Численность уйгуров составляет всего лишь около 8 млн человек, то есть менее 1 % от общей численности населения Китая, хотя в

Синьцзяне – самой большой провинции Китая, в 2 раза превосходящей по площади Техас, – их доля достигает 45 %.

В самом деле, население КНР значительным образом сконцентрировано в прибрежных зонах Тихого океана, а также в плодородных низменных регионах в центре страны. Более засушливые плоскогорья на широких просторах запада и юго-запада страны, часто достигающие высоты 3500 м над уровнем моря, относительно мало заселены, и проживают там настроенные против Китая уйгурские и тибетские меньшинства. Изначальный Китай, как уже было сказано, зародился в долинах рек Хуанхэ и особенно Вэйхэ, где человечество, возможно, существовало с доисторических времен и откуда китайская цивилизация стала распространяться вдоль великих рек, которые для китайцев выполняли ту же роль, что дороги – для римлян. Здесь, в этом очаге китайской цивилизации, земля была испещрена «бессчетными реками, каналами, оросительными потоками, которые питали пышные сады и луга»; здесь «сезонные паводки возвращали необходимые питательные элементы в почву».^[328] Сейчас территория КНР простирается не только на эти срединные земли на берегах рек, но и на тюркскую Центральную Азию и историческую область Тибет. И именно это является основной проблемой Пекина с географической точки зрения, хотя если исходить из истории имперского Китая, то ее решение видится предсказуемым. В представлении Пекина альтернативы контролю Китая на смежных с ним плоскогорьях нет. Как напоминает нам американский китаевед Оуэн Лагтимор, «река Хуанхэ наполняется водой за счет снегов Тибета», и «на определенном участке своего течения она проходит рядом с монгольскими степями».^[329] Тибет, откуда начинаются реки Хуанхэ, Янцзы, Меконг, Салуин, Брахмапутра, Инд и Сатледж, возможно, является самым большим источником пресной воды в мире, хотя ожидается, что к 2030 г. Китай будет испытывать 25 %-ную нехватку запасов воды для удовлетворения своих потребностей.^[330] Стремясь сохранить контроль над этими землями, в недрах которых скрыты миллиарды тонн нефти, природного газа и меди, Пекин на протяжении нескольких десятилетий целенаправленно переселял туда ханьцев из центральных областей государства. Что же касается провинции Синьцзян, то Китай усердно заигрывает с независимыми тюркскими республиками Средней Азии с целью добиться их расположения, чтобы мятежные синьцзянские уйгуры никогда не получили поддержки с тыла, которая позволила бы им оспорить власть Пекина.

В Центральной Азии, как и в Восточной Сибири, КНР серьезно конкурирует с Россией за сферу влияния. Так, объем торговли между Китаем и бывшей советской Средней Азией возрос с 527 млн долл. в 1992 г. до 25,9 млрд долл. в 2009 г..^[331] Но главными средствами влияния Пекина в регионе на данный момент могут стать два крупных трубопровода: один из них проходит через Казахстан и предназначен для снабжения Синьцзяна нефтью, добываемой в Каспийском море; по другому, проходящему через Казахстан и Узбекистан, в Синьцзян будет поступать природный газ из Туркменистана. Таким образом, нет никакой необходимости в использовании каких-либо войск для продвижения Китая в евразийский «Хартленд». Это результат неутолимой потребности в энергии и ощущение внутренней опасности, которую представляют для Китая его собственные этнические меньшинства.

При всем этом нельзя сказать, что Китай совсем уж не пускается в рискованные предприятия. К примеру, КНР уже предпринимает шаги по добыче меди в истерзанном войной Афганистане, немного южнее Кабула, и давно приглядывается к последним нетронутым запасам меди, железа, золота, урана и драгоценных камней в мире. При этом Китай рассматривает Афганистан (а также Пакистан) как надежную транзитную зону с дорогами и трубопроводами, по которым природные ресурсы будут доставляться из

Среднеазиатского региона, где он утверждает свое господство, в порты Индийского океана. Не случайно Китай «чрезвычайно активно» строит дороги, соединяющие Синьцзян с Кыргызстаном, Таджикистаном и Афганистаном. В самом Афганистане, к примеру, китайская фирма, занимающаяся строительством железных дорог, China Railway Shistiju Group, «бросает вызов возможной опасности», начав строительство дороги в провинции Вардак. КНР сейчас также улучшает систему железных дорог, которые ведут к Афганистану с нескольких направлений.^[332] Таким образом, шаги США, направленные на то, чтобы нанести поражение «Аль-Каиде» и радикальному «Талибану», только улучшат геополитическое положение Китая. Военные операции начинаются и заканчиваются, а вот дороги, железнодорожные узлы и трубопроводы остаются фактически навсегда.

Как и пустыня Такла-Макан в провинции Синьцзян, огромное скалистое Тибетское нагорье, богатое медной и железной рудой, занимает значительную часть Китая, и это объясняет, почему Пекин испытывает все большую тревогу в связи с возможностью автономии Тибета, не говоря уже о его полной независимости. Без Тибета Китай существенно уменьшился бы в размерах, а Индия в этом случае резко усилилась бы на субконтиненте – и это объясняет те темпы, с которыми Пекин строит через тибетский массив автомобильные и железные дороги.

Многие считают Пакистан, где в настоящее время с помощью КНР осуществляются долгосрочные инфраструктурные проекты, например по строительству дорог и портов в Индийском океане, потенциальным регионом «Великого Китая». В эту же категорию можно поместить и относительно слабые государства Юго-Восточной Азии, особенно Мьянму (бывшую Бирму). В таком случае можно рассматривать Индию с ее населением, превышающим миллиард человек, в качестве некоего тупого географического клина, «рассекающего» такую широкую сферу влияния Китая. Это особенно хорошо заметно на карте «Великого Китая», приведенной в книге «Великая шахматная доска» Бжезинского.^[333] В самом деле, Индия и Китай – с их огромным населением, а также богатым вековым и очень разным культурным опытом, географической близостью и территориальными спорами, – несмотря на их взаимовыгодные торговые отношения, в силу своей географии неизбежно должны быть в определенной степени соперниками. А тибетский вопрос только подливает масла в огонь. Так, в Индии, в Дармсале, находится правительство далай-ламы в изгнании, благодаря чему оно может продолжать защищать права Тибета перед судом мирового сообщества. Дэн Твайнинг, старший научный сотрудник вашингтонского фонда Маршалла, занимающийся вопросами Азии, писал, что недавнюю напряженность на границе между Индией и Китаем «можно связать с беспокойством Пекина по поводу преемника далай-ламы». Ведь велика возможность того, что следующий далай-лама может быть назван за пределами Китая (но в тибетском культурном поясе, который проходит также через Северную Индию, Непал и Бутан^[334]). Этот пояс включает в себя индийский штат Аруначал-Прадеш, на который притязает и Китай, поскольку этот штат является частью Тибетского нагорья и, следовательно, лежит за пределами низменности, которая определяет географию полуострова Индостан. Военное влияние Китая также распространяется на нестабильное буферное государство Непал в Гималаях, находящееся под контролем маоистов. Индия противодействует этому процессу, поскольку у нее самой есть соглашение о военном сотрудничестве с Непалом. Китай и Индия будут вести свои игры «по-крупному» не только здесь, но и в Бангладеш и Шри-Ланке. Давление, оказываемое Китаем на Индию с севера, сыгравшее не последнюю роль в разжигании пограничного конфликта между Индией и Китаем в 1962 г., должно оставаться значительным, поскольку выступает средством усиления позиции Китая в Тибете, а это предполагает, что в мировой информационной среде, которую

все больше лихорадит, романические устремления тибетского национализма не рассыплются в прах, а может, даже станут еще крепче.

Конечно, можно доказывать, что такое количество границ с проблемными странами будет сдерживать потенциальную мощь Китая. Следовательно, география ограничивает возможности державы. Но, если принять во внимание экономическую и демографическую экспансию, которую в последнее время осуществляет Китай, а также перспективы дальнейшего развития (хоть и не стоит отрицать некоторые довольно серьезные кризисные моменты), протяженность сухопутных границ Китая сработает в его пользу. Ведь малопомалу именно Китай захватывает территории соседних малонаселенных и не так динамично развивающихся государств, а не наоборот. Некоторые утверждают, что наличие по соседству государств-изгоев – Афганистана и Пакистана – представляет собой опасность для Пекина. Я был на этих границах. Это отдаленные районы высоко в горах. Проживает там ничтожное количество людей. Пакистан хоть под землю может провалиться, а по ту сторону границы, в Китае, этого могут и не заметить. Границы Китая не представляют собой проблемы. Вопрос тут в обществе, которое, становясь богаче, ввиду замедления темпов экономического роста может все более открыто высказывать недовольство. Серьезные же социальные катаклизмы сделают уязвимыми периферию.

Наиболее перспективным направлением для реализации имперских амбиций Китая является относительно слабо развитый регион Юго-Восточной Азии. Здесь, в свою очередь, проявляются некоторые уязвимости географического положения Китая. Вьетнам в I в. н. э. попадал под китайское владычество, а в конце XIII в. китайская армия династии Юань (потомков монголов) вторглась в Бирму, Сиам и Вьетнам. Глубоко в прошлое уходит корнями и переселение ханьцев из Китая в Таиланд. Отсутствие Великой Китайской стены с юго-востока обусловлено не только наличием труднопроходимых лесов и крутых гор на границе с Бирмой, но и в значительной степени активной экспансией китайцев по всей границе от Бирмы на западе до Вьетнама на востоке. Экспансией более активной, чем с северной стороны, по мнению Латтимора.^[335] С большой долей вероятности центром сферы влияния процветающего района вдоль реки Меконг, объединяющего все страны Индокитая через сеть транспортных связей по рекам и автомагистралям, может стать город Куньмин в китайской провинции Юньнань. Местные дамбы обеспечивают электричеством Таиланд и другие государства в этом макрорегионе «демографической весны», то есть высокого естественного прироста населения. Потому что именно здесь, в Юго-Восточной Азии, где проживает 568 млн человек при 1,3 млрд китайцев и 1,5 млрд жителей Индийского субконтинента, находится «демографический пуп» нашей планеты.

Самая большая страна материковой части Юго-Восточной Азии – это Мьянма, государство слабое, но богатое природными ископаемыми, углеводородами и прочими ресурсами, которые так необходимы Китаю. Расстояние от бирманского побережья Индийского океана, где Китай борется с Индией за право заняться освоением территорий, до китайской провинции Юньнань менее 800 км. Вновь речь может идти о будущем газопроводе из Китая к месторождениям на шельфе Бенгальского залива, что выведет сферу влияния Китая за рамки ее государственных границ до природных географических и исторических кордонов. Все это происходит на фоне утраты Таиландом прежнего значения регионального лидера в Юго-Восточной Азии и естественного противовеса Китаю ввиду очевидных сложностей во внутривнутриполитической ситуации в этом в недавнем прошлом весьма сильном государстве. Королевская семья, и в частности дряхлеющий король, уже не в состоянии стабилизировать ситуацию, а тайские военные поражены внутренними раздорами. Гражданское население политически расколото на городской средний класс и активных

сельских жителей. Китай при этом, имея финансовые возможности, активно выстраивает двусторонние военные отношения как с Таиландом, так и с остальными странами региона. Даже несмотря на присутствие американцев, чему примером могут стать ежегодные учения вроде «Золотой Кобры», США все же уделяют не так много, как прежде, внимания военно-стратегическому положению этого региона, так как свои главные усилия им приходится сосредоточивать на военных действиях в Афганистане и Ираке.

Расположенные дальше к югу от Таиланда Малайзия и Сингапур находятся в переходном периоде к демократической форме правления после ухода с арены их прежних лидеров, политических тяжеловесов, перестроивших свои государства, Махатхира Мохамеда и Ли Куан Ю. Поскольку все этнические малайцы – мусульмане, то ислам в Малайзии приобретает этнические признаки, в результате чего происходит разделение на малайскую, китайскую и индийскую общины. При этом этнические китайцы чувствуют постоянную угрозу со стороны мусульманского большинства. Так, ползучая исламизация послужила причиной того, что за последние 20 лет Малайзию покинули 70 000 китайцев. И это при том, что в экономическом плане эта страна все больше втягивается в сферу влияния Китая и большая часть импорта идет из Поднебесной. Самых китайцев могут сколько угодно недолюбливать в Малайзии, но КНР уж очень большая страна, чтобы противостоять ей. Молчаливая боязнь Китая наиболее ярко проявилась в действиях Сингапура, города-государства, имеющего выгодное стратегически расположение в наиболее узком месте Малаккского пролива. Населенный преимущественно этническими китайцами, которые превосходят по численности этнических малайцев (соответственно 77 и 14 % населения), Сингапур отчаянно боится оказаться в вассальной зависимости от гигантского соседа, вследствие чего его правительство завязало в последние годы тесные отношения с Тайванем, проводя с ним совместные военные учения. Недавно подавший в отставку Ли Куан Ю, под чьим руководством Сингапур из бедной страны третьего мира превратился в одно из самых богатых государств мира, публично призвал США не уходить из региона, оказывая ему, как и прежде, военную и дипломатическую поддержку. Степень, в которой Сингапуру удастся отстоять свою вызывающую независимость, будет, если посмотреть на развитие аналогичной ситуации в Монголии, свидетельствовать о том, насколько сильным является влияние Китая в этом регионе.

Что касается Индонезии, то страна находится в сложном положении, так сказать между двух огней. С одной стороны, она нуждается в военном присутствии США в регионе, которое бы сдерживало Китай, с другой – боится быть заподозренной остальным исламским миром в союзнических отношениях с США.

Соглашение о зоне свободной торговли, заключенное между Китаем и странами АСЕАН (Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии), наглядно показывает характер неравных отношений, которые складываются между Китаем и его южными соседями. Согласно китайской стратегии «Разделяй и властвуй», Поднебесная всегда с каждым государством – членом АСЕАН проводит сепаратные переговоры, никогда не вступая в контакты с этим блоком как единым целым. Китай видит в АСЕАН рынок для сбыта своей промышленной продукции с высокой степенью добавленной стоимости, покупая в странах Юго-Восточной Азии главным образом дешевые продукты сельскохозяйственного производства: типичные отношения метрополии и колонии.^[336] Это в итоге приводит к неизменному активному сальдо торгового баланса Китая, тогда как страны АСЕАН становятся просто свалкой китайских промышленных товаров, произведенных достаточно дешевой рабочей силой китайских городов. Так, за 1-е десятилетие XXI в. дефицит торгового баланса между Поднебесной и странами АСЕАН вырос в 5 раз. Посмотрим теперь на новейшую историю. В

1998–2001 гг. малайский и индонезийский экспорт в Китай «возрос почти в 2 раза». То же произошло с экспортом из Филиппин в 2003–2004 гг. Общий экспорт из всех стран АСЕАН в Китай в 2002–2003 гг. вырос на 51,7 %, а к 2004 г. «Китай стал региональным лидером-партнером в торговых отношениях, превзойдя США».^[337] Но доминирование Китая в экономической сфере имело также и благоприятный эффект. Эта страна служит в Юго-Восточной Азии двигателем модернизации. Единственной страной в регионе, с кем КНР имеет холодно-нейтральные отношения, является Вьетнам. Исторический соперник Китая, имеющий большую армию и стратегически удобно расположенные базы ВМФ, мог бы в случае необходимости стать наряду с Индией и Японией потенциальной силой сдерживания для Китая. Но даже Вьетнам со всеми своими страхами относительно более могущественного северного соседа не имеет другого выбора, как поддерживать с ним партнерские отношения. Китай все еще находится на ранних этапах экспансии на континенте, так что его хватка на периферии пока недостаточно сильна. Ключевым на несколько следующих десятилетий становится вопрос о том, как же КНР будет действовать в сложившейся обстановке. И если Китаю все же удастся одержать верх, как он будет справляться с тяжелой ношей гегемона региона?

Монголия, российский Дальний Восток, Центральная и Юго-Восточная Азия – все это естественные зоны влияния и экспансии для Китая, хотя политические границы этих зон в будущем вряд ли изменятся. Принципиально иной выглядит ситуация на Корейском полуострове, где карта Китая предстает в урезанном виде и политические границы еще вполне могут сдвигаться, если согласиться с тем, что в эпоху информационных технологий целиком и полностью отгородившийся от мира северокорейский режим в корне неустойчив. Это превращает КНДР в осевое государство Юго-Восточной Азии, и его крушение может предопределить судьбу региона на десятилетия. Выпирая из Маньчжурии и являясь ее естественным географическим продолжением, Корейский полуостров занимает такое положение, которое позволяет полностью контролировать морские торговые пути в Северо-Восточный Китай, и если быть еще более точным, то «за пазухой» у полуострова находится Бохайский залив – район, где расположены крупнейшие шельфовые запасы нефти, принадлежащие Китаю. В древности королевство Когурё контролировало обширную территорию на севере Корейского полуострова и большую часть Маньчжурии. Оно платило дань династии Вэй в Китае, хоть впоследствии между ними и вспыхнула война. Часть Кореи, особенно северные земли, попадала во владение китайских династий Хань (в древности) и Цин (в новое время). Впрочем, Китай едва ли будет пытаться аннексировать какую-либо часть Кореи, хотя ее суверенитет и раздражает правителей Поднебесной. КНР поддерживал тоталитарный режим Ким Чен Ира и ныне его преемника Ким Чен Ына, но в то же время жажда заполучить географические преимущества, связанные с месторасположением полуострова (дополнительный выход на Тихий океан вблизи России), настолько велика, что планы строятся гораздо дальше поддержки «Великого Вождя» и его сына, которые не перестают доставлять Пекину неприятности. КНР очень хотелось бы отправить тысячи перебежчиков из Северной Кореи, нашедших убежище в Китае, назад, чтоб создать с их помощью лояльный к Поднебесной режим, который бы способствовал формированию подходящей основы для постепенного экономического освоения региона в бассейне реки Тумыньцзян (Туманная). Там КНР соседствует с КНДР и Российской Федерацией, и существуют благоприятные условия для развития морской торговли с Японией и Тихоокеанским регионом в целом. Но на месте КНДР Китай хотел бы видеть более современное государство авторитарного типа вроде СССР времен Горбачева – буферную зону между собой и динамичным демократическим южнокорейским государством, опирающимся

на средний класс.

Но даже Китай не в состоянии контролировать события в Северной Корее. Сценарии, по которым происходило объединение других разделенных в прошлом государств (Вьетнама, Германии, Йемена), завершались успехом. Объединение никогда не было результатом исключительно преднамеренного процесса, а носило скорее все же характер неожиданности, без учета интересов всех заинтересованных сторон. Тем не менее похоже, что Китай все-таки скорее выиграет от возможного объединения двух корейских государств. Объединенное государство Корея будет, так или иначе, находиться под управлением Сеула, а Китай – крупнейший торговый партнер Южной Кореи. Объединенная Корея будет, скорее всего, националистическим образованием, исподлобья поглядывающим на своих более крупных соседей, Китай и Японию, которые в прошлом пытались ее оккупировать. Однако стоит отметить, что корейская неприязнь к Японии значительно сильнее, чем к Китаю, ведь Япония еще совсем недавно, в 1910–1945 гг., оккупировала полуостров. К тому же между Сеулом и Токио существуют споры относительно островов Лианкур (*англ.* Liancourt Rocks) в Восточном, согласно корейским географам, или же Японском, согласно японским картам, море. Тесная дружба именно с Китаем, а не с Японией может дать еще более мощный толчок для экономического развития новой страны. Объединенная Корея, склоняющаяся в сторону КНР и, напротив, не приемлет Японию, не будет видеть смысла в том, чтобы и дальше сохранять на своей территории войска США, что, в свою очередь, повлечет перевооружение Японии. Иначе говоря, легче верится в будущее Кореи в составе «Великого Китая», даже если военное присутствие США в Азии станет сокращаться.

Так, движение Китая в центральноазиатский «Хартленд» Маккиндера влияет на «Римленд» Спайкмена, частями которого являются Юго-Восточная Азия и Корея.

На сухопутных границах КНР, конечно, можно ожидать скорее благоприятного для страны развития событий, нежели появления каких-либо угроз. Это воскрешает в памяти комментарий политолога Миршаймера из «The Tragedy of Great Power Politics» («Трагедии политики великих держав»): «Наиболее опасными государствами на международной арене являются сухопутные державы с большими армиями».^[338] Однако Китай лишь частично подпадает под эту категорию. Конечно, КНР находится на этапе расширяющейся сухопутной державы, а личный состав Народно-освободительной армии Китая (НОАК) насчитывает почти 1,6 млн человек. И на сегодня это – самая большая армия в мире. Но, как я уже отмечал, за исключением Индийского субконтинента и Корейского полуострова, Китай скорее заполняет области силового вакуума, чем противостоит конкретным государствам. Более того, как показали события 2008–2009 гг., у Китая нет современных экспедиционных войск, которые могли бы выполнять боевые задачи за пределами родины. В эти годы армия проявила себя во время землетрясения в Сычуани, в недавних этнических беспорядках в Тибете и Синьцзяне, а также в обеспечении особых мер безопасности на Олимпийских играх в Пекине. Но что же показали эти «учения по переброске войск из одного региона страны в другой» (как сами китайцы назвали происходящее)? По словам Эбрахама Денмарка, сотрудника Центра разработки новой стратегии национальной безопасности США, эти маневры показали всего лишь способность НОАК перебрасывать свои войска из одной части материкового Китая в другую. Именно войска, а не тяжелую технику и другое военное оборудование. Конечно, единственной мыслимой причиной, по которой НОАК будут пересекать границы Китая, может быть либо очередной военный конфликт с Индией, либо необходимость заполнить внезапно возникшие пустоты на карте Северной Кореи в случае падения тамошнего режима. Однако подобная ситуация также привлечет на территорию КНДР, которая по праву считается центром чрезвычайных ситуаций в регионе, и войска США,

и армию Южной Кореи. Население Северной Кореи беднее иракцев и имеет более короткую историю ответственного самоуправления. Тот факт, что Китай способен заполнить возможные области силового вакуума вблизи любого участка своих протяженных границ с помощью такого оружия, как демографическое и экономическое давление, без необходимости опираться на действительно мощную экспедиционную армию, демонстрирует то, что он ощущает себя сейчас гораздо увереннее на суше, чем десятилетия и столетия до этого.

На протяжении последних лет китайские дипломаты приложили немало стараний, чтобы урегулировать существующие пограничные споры со странами Азии и другими соседями (среди которых Индия представляется бросающимся в глаза исключением^[339]). Ввиду того что соглашения могут приниматься и не на условиях КНР, сам факт такого взвешенного подхода может свидетельствовать о высокоразвитом стратегическом мышлении. Китай подписал военные договоры с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. «Стабилизация китайских границ, возможно, важнейшее достижение геополитики последних десятилетий в Азии», – считает политолог Григил.^[340] Больше нет конфликтов между Россией и Маньчжурией, как во времена холодной войны, когда из-за этой постоянной угрозы Мао Цзэдун был вынужден расходовать львиную долю оборонного бюджета на сухопутные войска и пренебрегать военно-морскими силами. Важность этой перемены нельзя недооценивать. С древнейших времен Китай так или иначе целиком концентрировался на военных действиях на суше. Великая Китайская стена была построена в III в. до н. э. главным образом для того, чтоб противостоять набегам тюркских племен. Нашествие монголов с севера положило конец морским экспедициям в Индийском океане во времена династии Мин в XV в. Следовательно, благоприятная (на сегодняшний день) обстановка на суше позволила Китаю заняться строительством большого флота и восстанавливать свои позиции в Тихом и, возможно, даже в Индийском океане.

В то время как для приморских городов-государств и островных стран, больших и малых, стремление наращивать военно-морскую мощь представляется чем-то самоочевидным, для таких государств, как Китай, которые на протяжении истории были замкнуты сушей, это, скорее, выглядит как роскошь: этакий признак неких имперских амбиций. В прошлом китайцы, чувствуя себя в безопасности на плодородных землях в долинах рек, не имели большой необходимости выходить в море, подобно, к примеру, норвежцам, которые жили в холодных климатических условиях на бесплодных землях. Тихий океан мало что мог предложить Китаю, а во многом это вообще был путь в никуда. Что же делает ситуацию не похожей на ту, что сложилась в Средиземном и Эгейском морях с их многочисленными населенными островами в закрытом морском пространстве? В начале XIX в. немецкий философ Георг Гегель объяснил, что китайцы, в отличие от европейцев, не обладают достаточной смелостью для исследования морских просторов ввиду того, что эта нация связана с сельскохозяйственными циклами своих равнин.^[341] Китайцы вплоть до XIII в., возможно, никогда и не слышали о Формозе (Тайване), а заселили его только к XVII в., лишь после того, как там основали свои поселения португальцы и голландцы.^[342] Так что, активизируясь на море, Китай демонстрирует уверенность в своем положении на материке, в сердце Азии.

В Юго-Восточной Азии сейчас состязаются сухопутная держава Китай и морская держава США, а в качестве плацдармов для такого рода состязаний избраны Тайвань и Корейский полуостров. На протяжении десятилетий КНР концентрировала все свое внимание

на суше, куда Америка, особенно после неудачи во Вьетнаме, особо и не стремилась. США и по сей день не слишком горят желанием вмешиваться в происходящее в Азии, особенно после непростых испытаний в Ираке и Афганистане. Китай же находится на пути становления как могущественное материковое государство и как морская сила. А это – значительные изменения для региона в целом.

В плане географии природа щедро наделила Китай как протяженной береговой линией, так и плодородными и богатыми минералами землями внутренних территорий. КНР занимает господствующее положение на тихоокеанском побережье Юго-Восточной Азии в зоне умеренного и тропического климата. С юга Китай достаточно близко подходит к Индийскому океану, и в будущем эти территории можно связать с его побережьем. На сухопутных границах ситуация благополучная, на море же Китай сталкивается с гораздо более враждебным окружением. Проблемной зоной для китайского военно-морского флота является «первая островная цепь», которая протянулась с севера на юг и включает в себя Японию, острова Рюкю, Корейский полуостров, Тайвань, Филиппины, Индонезию и Австралию. Любая из этих территорий, за исключением Австралии, в будущем может стать горячей точкой. Среди возможных сценариев: развал Северной Кореи или война между КНДР и Южной Кореей; возможный спор Китая и США относительно Тайваня, а также случаи пиратства и терроризма, которые предположительно будут направлены против китайского торгового флота в Малаккском или каком-то другом индонезийском проливе. Кроме того, КНР уже сейчас втянута в территориальные споры о принадлежности различных богатых энергоносителями участков дна в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Так, в Восточно-Китайском море предметом спора между КНР и Японией являются острова Дяоюйдао (яп. Сенкаку), а в Южно-Китайском КНР оспаривает с Вьетнамом, Тайванем и Филиппинами острова Спратли, а с Вьетнамом еще и Парасельские острова. (У КНР также имеются серьезные территориальные конфликты в Южно-Китайском море с Малайзией и Брунеем.) Особенно в случае с архипелагом Дяоюйдао споры помогают Пекину, когда ему это выгодно, подогревать националистические настроения внутри страны. Но во всем остальном китайским военно-морским стратегам от этого не легче: положение дел на театре потенциального противоборства видится им в мрачном свете.

Находясь лицом к лицу с «первой островной цепью», Китай, по словам сотрудников Колледжа ВМФ США профессоров Джеймса Холмса и Тоши Йошихары, получает в Тихом океане нечто вроде «Великой Китайской стены, только против Китая». Это хорошо организованная оборонительная линия, состоящая из союзников Соединенных Штатов, что-то наподобие сторожевых башен, растянувшихся от Японии до Австралии, которые позволяют наблюдать за Китаем и воспрепятствовать его доступу к океанским просторам. Китайские стратеги при виде этой карты впадают в ярость, вспоминая собственный флот и ситуацию, при которой он оказался загнанным в глухой угол. [\[343\]](#)

На такую «осаду» Китай реагирует довольно-таки агрессивно. Это может вызвать некоторое удивление, так как зачастую можно утверждать, что морская мощь обычно проявляется не в такой степени жестко, как сухопутная. Ведь ограниченность военно-морских сил состоит в том, что, несмотря на все свое высокоточное оружие, сами по себе они не могут занять значительную территорию на суше, а следовательно, как утверждается, угрозу свободе не несут. К тому же предназначение флота состоит не только в том, чтобы сражаться. Его самой важной задачей является защита торговых морских путей. И упор на морской мощи делается странами, не приемлющими больших жертв, которые бывают в войне на суше. Китай же, который в XXI в. будет оказывать значительное влияние на мировую политику преимущественно посредством военно-морского флота, должен проповедовать те

же ценности, что и прочие морские империи в истории, такие как Венеция, Великобритания и США, а именно заботиться в первую очередь о сохранении мира на морях и свободе торговли. Но Китай этой стадии уверенности в себе еще не достиг. Вот почему, не ощущая полной защищенности на море, Поднебесная пока использует применительно к Мировому океану чисто территориальный подход. Тут КНР действует подобно неуверенной в своих силах сухопутной державе, которая старается увеличивать территорию по концентрическим окружностям, как это предлагал Спайкмен. Собственно, сами используемые термины «первая островная цепь» и «вторая островная цепь» подразумевают, что для китайцев эти архипелаги не что иное, как продолжение территории материкового Китая. Китайцы принимают на вооружение агрессивную философию «контроля над морями» военно-морского стратега Мэхэна, хотя в настоящее время еще не располагают достаточно мощными военно-морскими силами для решения этих задач в открытом океане, для контроля над ним. Так, в ноябре 2006 г. китайская подлодка скрытно преследовала американский авианосец Kitty Hawk и провокационно всплыла на поверхность вблизи от него, на расстоянии торпедного залпа. В ноябре 2007 г. китайцы отказали ударной группе вместе с Kitty Hawk во вхождении в гавань Гонконга, несмотря на шторм (авианосец все-таки попал в порт Гонконга в начале 2010 г.). В марте 2009 г. сразу несколько китайских кораблей помешали работе исследовательского корабля США дальнего гидроакустического наблюдения Impressable, курсировавшего в нейтральных водах за пределами 12-мильной зоны территориальных вод Китая в Южно-Китайском море. Китайцы заблокировали проход кораблю и совершали угрожающие маневры, как если бы намеревались его таранить, вынудив американцев ответить «залпом» из пожарных шлангов. Это не действия серьезной силы, уверенной в себе, имеющей дружеские отношения с другими флотами мира. Все эти нелепые инциденты говорят скорее о недостаточной развитости китайского флота, о незрелости его военной мощи, которая все еще страдает от унижения территориальных потерь в XIX–XX вв.

Китай старается развивать асимметричные возможности по перекрытию доступа флоту США в Южно-Китайское море и в китайские прибрежные воды. Но относительно значимости изложенного выше аналитики разошлись во мнениях. Так, Роберт Росс из Бостонского колледжа считает, что «пока Китай не разовьет умение правильно оценивать ситуацию и давать отпор контрразведывательным технологиям США, то в его доступе находится лишь часть возможного арсенала действий по недопущению ВМФ США». Эндрю Крепиневич из Центра стратегических и бюджетных оценок считает, что, какие бы сиюминутные технические трудности ни встречал Китай, он идет по пути «финляндизации» Юго-Восточной Азии.^[344] Так, модернизируя собственные эсминцы, вынашивая планы насчет авианосца^[345] или двух, Китай не покупает корабли без разбора, с мира по нитке. Действуя выборочно, Пекин строит четыре новых класса атомных и дизельных подводных лодок, вооруженных баллистическими или крылатыми ракетами морского базирования. По мнению Сета Кропси, бывшего помощника заместителя командующего ВМФ США, Китай в скором будущем может обладать подводным флотом бóльшим, чем в США. Китайские ВМС, по заверениям Кропси, планируют ввести в действие систему наведения противокорабельных баллистических ракет. Эта система, в которой используются загоризонтные радиолокаторы, космические спутники, донные гидролокационные сети и оборудование для компьютерных войн, вместе с растущим подводным флотом будут в силах помешать беспрепятственному доступу ВМС США в наиболее значимые области западной части Тихоокеанского региона. К тому же Пекин, стремясь полностью контролировать прибрежную зону, совершенствует свои минно-тральные силы и приобрел у России истребители 4-го поколения Су 27 и Су 30, а также 1500 ракет класса «земля – воздух», развернутых теперь вдоль всего побережья. Более того,

даже тот факт, что системы подземных оптико-волоконных кабелей китайцы прокладывают далеко на западе страны, вдали от зоны поражения ракетами с моря, свидетельствует о том, что в КНР исходят из агрессивной стратегии, предполагающей уничтожение символа американской мощи – авианосцев. В период же между 2018–2020 гг. КНР получит истребитель 5-го поколения, в то время как США прекратят производство F 22.^[346] Стратегическая география Западно-Тихоокеанского региона меняется благодаря тому, что Китай активно закупает вооружение.

Конечно же у Поднебесной нет в обозримом будущем намерений атаковать американские авианосцы. Пока Китай не в состоянии прямо угрожать США. Целью тут является сдерживание и устрашение: чтобы перед лицом такой мощи, как оборонительной, так и наступательной, США дважды, а то и трижды подумали, прежде чем направить флот в воды между «первой островной цепью» и КНР. В этом заключается суть политики любой державы: повлиять на поведение противника. Так происходит становление Поднебесной как морской державы. КНР через флот, военно-воздушные силы и ракетные войска демонстрирует планы строительства «Великого Китая». По моему мнению, отношения между США и Китаем будут определяться не только такими двусторонними и глобальными сферами, как торговля, займы, климатические изменения и права человека, но, что более важно, конкретной географией потенциальных сфер влияния Китая в Азии.

Главнейшим для этой сферы влияния представляется будущее Тайваня. Это государство является наглядной иллюстрацией базовых принципов международной политики: что вопросы морали, если присмотреться поближе, часто являются вопросами власти. Так что, с одной стороны, вопрос Тайваня обсуждается всеми сторонами с точки зрения нравственности, однако, с другой стороны, суверенитет этой страны или его отсутствие имеют важнейшие геополитические последствия для всего мира. Так, КНР, говоря о Тайване, настаивает на необходимости консолидации национального наследия и объединения Китая ради блага всех этнических китайцев, а вот США, когда говорит о Тайване, то радуется о сохранении образцово-показательной демократии. Но вот политические реалии – это нечто совсем другое, о чем обе стороны предпочитают умалчивать. По словам знаменитого американского генерала Дугласа Макартура, Тайвань – «это непотопляемый авианосец», который находится в исключительно выгодном положении, посередине выгнутой береговой линии Китая, откуда некая внешняя сила, такая как США, может «проецировать» мощное воздействие в сторону китайского побережья и прилегающих к нему регионов. Так, во всяком случае, считают Холмс и Йошихар.^[347] На самом деле ничто так не раздражает адмиралов Поднебесной, как независимость Тайваня. Среди всех «сторожевых башен морской Великой противокитайской стены», то есть «первой островной цепи», Тайвань в фигуральном смысле самая высокая и расположенная прямо по центру. Но если Тайвань вернется в лоно материкового Китая, то в два счета брешь в этой «морской Великой стене» будет пробита и морская «смирительная рубашка», которую она представляет, будет сброшена. Если Поднебесная сумеет объединиться с Тайванем, то китайский флот не только внезапно окажется в исключительно стратегически выгодной ситуации относительно «первой островной цепи», но и будет в состоянии без труда и в беспрецедентной степени проецировать свои усилия, особенно военную мощь, за пределы этой цепи. И хотя, когда говорят о мировом порядке, прилагательное «многополярный» употребляется сегодня довольно-таки часто, лишь присоединение Тайваня к материковому Китаю ознаменует возникновение действительно многополярного, в военном смысле, мира.

Согласно результатам исследования, проведенного Американским стратегическим исследовательским центром RAND в 2009 г., к 2020 г. США будут уже не в состоянии

защитить Тайвань в случае нападения Китая. Китай готов к компьютерному противостоянию в пространстве интернета; у него на вооружении имеются новые истребители 4-го поколения, атомные подводные крейсера с баллистическими ракетами и тысячи ракет на суше, нацеленных как на Тайвань, так и на самолеты Тайваня на земле. Китайцы, согласно результатам этого исследования, к этому времени будут в состоянии нанести США поражение в возможной войне. Причем вне зависимости от того, будут ли американцы иметь в своем распоряжении истребители 5-го поколения F 22 и военно-воздушную базу Кадена на японском острове Окинава и смогут ли использовать две авианосные ударные группы, имеющиеся в их распоряжении. В докладе RAND делает акцент на боях в воздухе, хотя Китай по-прежнему будет вынужден десантировать на Тайвань с моря десятки тысяч солдат, а корабли десанта будут уязвимы для американских подводных лодок. И все же при всех предостережениях, которые содержатся в докладе, главное место в нем отводится одной тревожной тенденции. КНР ведь находится всего в какой-то сотне миль от Тайваня, а США придется доставлять свои войска с другого конца нашей планеты, к тому же в условиях, когда после окончания холодной войны доступ к использованию иностранных баз становится все более ограниченным. Военно-морская стратегия Китая, направленная на то, чтобы, создавая препятствия на пути перемещения американских военных кораблей в определенных зонах, держать ВМС США подальше от китайских берегов, также рассчитана и на то, чтобы облегчить захват Тайваня весьма специфическим способом. Принимая во внимание, что США взяли на себя ответственность за мировой порядок, необходимо отметить тот факт, что Поднебесная в состоянии уделить гораздо больше внимания Тайваню, чем Америка. Вот почему тот факт, что американские войска застряли в Ираке и Афганистане, стало для Тайваня неутешительной новостью.

При этом Китай окружает Тайвань не только тесным военным кольцом, но и делает все возможное, чтобы оказывать на него давление в экономическом и социальном плане. Так, 30 % торгового оборота Тайваня приходится на КНР, причем в Поднебесную уходит 40 % всего экспорта страны. Между материковым Китаем и Тайванем еженедельно осуществляется до 270 коммерческих авиарейсов. За последние 5 лет две трети тайваньских компаний, то есть около 10 000 предприятий, инвестировали средства в китайскую экономику. Между КНР и Тайванем существует прямое почтовое сообщение; кроме того, государства совместно проводят операции по борьбе с преступностью. С материка на остров ежегодно приезжает до полумиллиона туристов, а 750 тыс. граждан Тайваня по полгода проживают в материковом Китае. В общем и целом за год пролив между КНР и Тайванем пересекает до 5 млн человек. Необходимость военного вторжения будет становиться все меньшей, по мере того как схожий результат будет давать экономическая экспансия. Соответственно, мы наблюдаем на Тайване спад сепаратистского движения.^[348] Ввиду очевидной возможности интеграции ключевым для политики великих держав остается вопрос, каким же образом страны будут осуществлять эту процедуру. Если Соединенные Штаты попросту отдадут Тайвань Пекину, то это может подорвать двусторонние отношения американцев с Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Австралией и другими союзниками в Тихоокеанском регионе, не говоря уже об Индии и некоторых странах Африки, которые начнут сомневаться в прочности союзнических обязательств США. Это способно подтолкнуть их ближе к Поднебесной, тогда воплотится в реальность идея «Великого Китая», соразмерного с целым полушарием. США и Тайвань должны искать асимметричные ответы на военную угрозу со стороны Китая. Вместо прямого военного столкновения в Тайваньском проливе стоит подумать, как сделать цену такого конфликта непомерной для Поднебесной, чтобы китайцы сохранили функциональную независимость Тайваня до того

момента, как сами не создадут либеральное общество, а США при этом смогли бы сберечь лицо в отношениях с союзниками. В этом отношении система противоракетной обороны Тайваня и 300 бомбоубежищ вместе с намерением администрации Обамы в начале 2010 г. продать Тайваню оружия на сумму 6,4 млрд долл. являются ключевыми факторами для оценки позиции США в Евразии в целом. Между прочим, цель провести демократические преобразования внутри самого Китая отнюдь не является несбыточной. Вспомните о миллионах китайских граждан, приезжающих на Тайвань как туристы. Они наблюдают за жаркими дискуссиями в студиях политических ток-шоу, покупают книги с провокационными названиями. Более открытый Китай предоставит больше возможностей, чем государство с раскрученной репрессивной машиной. В то же время демократический Китай станет еще более динамично развиваться не только в экономическом и культурном, но и в военном отношении.

За Тайванем начинается Южно-Китайское море, которое омывает берега демографического сердца Юго-Восточной Азии – Филиппин и Индонезии, а далее – и Австралии. Через регион проходит треть мирового объема поставляемых по морю товаров и половина объема транспортировки энергоносителей, потребляемых Азией. Южно-Китайское море служит для Поднебесной воротами в Индийский океан, где Китай уже принимает участие в развитии инфраструктуры нескольких портов. Через это море КНР получает доступ к мировым путям транспортировки энергоносителей. Поэтому если проект «Великого Китая» действительно будет реализовываться, то в Южно-Китайском море в некотором будущем должен доминировать военно-морской флот Поднебесной. Здесь основные проблемы для Китая создают пираты, радикальные исламисты и усиливающиеся индийские ВМС. Ситуация усугубляется еще и довольно узкими проливами – Малаккским, Зондским, Ломбокским и Макасарским, – где должны проходить танкеры с нефтью для Китая и собственно китайские торговые суда. Наличие в регионе существенных запасов нефти и газа, которые китайцы надеются использовать, делает Южно-Китайское море, по некоторым оценкам, своего рода «вторым Персидским заливом», как пишут ученые из Института ВМФ США Эндрю Эриксон и Лайл Голдштейн.^[349] Еще Спайкмен замечал, что на протяжении всей истории страны вовлекались в «периферическую наземную и морскую экспансию» с целью утвердить контроль над прилегающими морями: греки стремились подчинить себе Эгейское море, римляне – Средиземное, США – Карибское. Сейчас же, по этой логике, Китай пытается утвердить свой контроль в Южно-Китайском море.^[350] И действительно, Южно-Китайское море и Малаккский пролив открывают для Китая выход в Индийский океан, равно как контроль над Карибским бассейном открыл для США в период сооружения Панамского канала Тихий океан.^[351]^[352] Вслед за Спайкменом, который именовал Карибское море, дабы подчеркнуть его важность, «американским Средиземным морем», мы можем назвать Южно-Китайское море «азиатским Средиземным морем», так как этот регион окажется подлинным средоточием политической географии грядущих десятилетий.^[353] Китай будет искать способы заполучить контроль над этим морем, подобно тому как Америка контролировала Карибский бассейн; а США, теперь играя по другим правилам, будут искать возможность при поддержке союзников в лице Вьетнама или Филиппин оставить море полностью международным путем транспортных перевозок. Именно страх перед Китаем, а вовсе не горячая любовь к Америке толкает Вьетнам в объятия к Вашингтону. Учитывая Вьетнамскую войну, может показаться странным, что подобная дружба возникла между столь заклятыми врагами. Но победа над США сделала Вьетнам свободной страной, которая сама вправе решать, с кем, как и когда заключать договора. Так почему бы не вступить в неофициальный

Китай использует все формы влияния – политическое, дипломатическое, экономическое, торговое, военное и даже демографическое, – чтобы легально выйти за пределы существующих границ на море и на суше, с целью восстановить границы времен империи на пике ее расцвета. Но тут возникает некоторое противоречие. Позвольте, я объясню.

Как я уже упоминал, Китай полон решимости максимально осложнить доступ чужим кораблям в прибрежные моря. В самом деле, как утверждают Эриксон и Дэвид Янг, «существует вероятность того, что Китай получит все возможности» при помощи своих наземных ракетных установок поражать любую движущуюся цель на море, например американский авианосец, а также сможет планировать «специально афишируемые испытания ракет в обозримом будущем».^[354] Но запрет на такой доступ при невозможности защитить собственные морские коммуникации делает любое нападение на американский корабль бессмысленным. Ведь при открытом военном противостоянии американские ВМС, заблокировав выход китайских судов в Тихий и Индийский океаны, могут попросту отрезать Китай от поставок энергоносителей. Конечно, предпочтительным для Китая остается вариант с влиянием на американскую линию поведения, а никак не открытое противостояние со сверхдержавой. Но в таком случае зачем планировать запреты доступа, если на практике не собираешься осуществить задуманное? Как объясняет специалист по вопросам обороны Жаклин Ньюмайер из Кембриджа, штат Массачусетс, Пекин «намерен добиться столь благоприятного соотношения сил», что «на деле ему и не придется прибегать к оружию для защиты своих интересов».^[355] Таким образом, подобно тому как Тайвань выстраивает защиту, не имея намерений воевать с Китаем, последний поступает точно так же, но уже в отношении Соединенных Штатов. Все стороны пытаются изменить поведение других сторон и при этом избежать возможной конфронтации. Совсем неспроста Пекин постоянно проводит выставки новых систем вооружений (если, конечно, Эриксон и Янг правы). К тому же он строит портовые сооружения и оборудует станции подслушивания в Тихом и Индийском океанах, а также предоставляет большую военную помощь приморским государствам, находящимся между китайской территорией и Индийским океаном. Все это делается открыто, будучи преднамеренной демонстрацией военной мощи. При этом, однако, действия Пекина в Южно-Китайском море обнаруживают и более угрожающие аспекты. Например, в самом центре Южно-Китайского моря, на южной оконечности острова Хайнань, Китай строит огромную военно-морскую базу с подземными доками для 20 атомных и дизельных подводных лодок. Такая деятельность, несомненно, выходит за рамки влияния на поведение другой стороны, являясь скорее утверждением своего господства над близлежащими международными водами, как бы претворением китайцами на практике доктрины Монро. Казалось бы, китайцы изначально нацелены на строительство «Великого Китая» с центром в Южно-Китайском море и Юго-Восточной Азии, однако в то же время у них имеется и более долгосрочный план покорения океанских просторов. Этот план позволит защитить собственные морские пути через Индийский океан на Ближний Восток, сделав, таким образом, военный конфликт с США не столь уж неразумным, если рассуждать с точки зрения Китая. (У Поднебесной нет сейчас мотивов вступать в такой конфликт, но мотивация с течением времени может измениться, так что лучше заранее рассмотреть все возможные варианты.) В то же самое время, по мере того как Тайвань все теснее попадает в объятия Китая, возможен сценарий, при котором вооруженные силы КНР смогут переключить свое внимание на Индийский океан и на защиту морских путей в Восточном полушарии. Ведь дальнейшее экономическое развитие Китая тесно связано с бесперебойными поставками

сырья с противоположного конца Индийского океана, из стран Тропической Африки. Это и нефть из Судана, Анголы и Нигерии, и железная руда с месторождений Замбии и Габона, медь и кобальт – из Демократической Республики Конго. Все эти месторождения соединены автомобильными и железными дорогами, которые строят китайцы, с портами на берегу Атлантического и Индийского океанов.^[356] Несомненно, контроль над транспортными путями и доступ к ним сейчас гораздо важнее, чем был во времена Мэхэна. А американское господство над такими торговыми путями вечно длиться не будет.

Все это наталкивает на мысль, что решимость американцев защищать фактическую независимость государства Тайвань подразумевает наличие многого такого, что уходит далеко за простую защиту острова: ибо от будущего Тайваня и Северной Кореи зависит в целом баланс сил во всей Евразии.

Текущая ситуация с безопасностью в Азии выглядит сейчас гораздо более сложной, чем в первые десятилетия после Второй мировой войны, и, следовательно, более нестабильной. По мере того как однополярный мир с убывающей американской гегемонией будет прекращать свое существование, в то время когда мощь военно-морских сил США будет уменьшаться, а экономическое и военное могущество Китая крепнуть (пусть даже и не так быстро, как ранее), расклад сил в Азии все больше будет характеризоваться многополярностью. Вот китайцы и строят сейчас подземные доки для подлодок на острове Хайнань и разрабатывают противокорабельные ракеты. В свою очередь, американцы обеспечивают Тайвань противоракетными зенитными комплексами Patriot и сверхсовременными системами военной связи. Продолжают модернизировать тем временем свой флот Япония и Южная Корея, уделяя особое внимание при этом подводным лодкам. Мощные военно-морские силы создает Индия. Все это не что иное, как неприкрытые попытки сдвинуть баланс сил себе на пользу. Таким образом, в Азии идет полным ходом гонка вооружений. И Соединенные Штаты, как только существенно сократят свои войска в Афганистане и Ираке, неизбежно столкнутся с этой реальностью. Притом что государства Азии не имеют побудительных мотивов к войне, нельзя исключать и случайного просчета, риска столкновения на море или неверной оценки баланса сил, который все так стремятся нарушить. Вероятность такой ошибки со временем по мере накопления сухопутных и морских вооружений будет возрастать, в том числе и ввиду усложнения проблем, закладываемых военными. Напряженность на суше дополнится напряженностью на море. Ведь, как мы можем наблюдать, Китай заполняет зоны силового вакуума, что неизбежно приведет его к конфликту интересов с Россией или Индией. Некогда пустые пространства заселяются людьми. Там строятся дороги, трубопроводы, в водах появляются боевые корабли, не говоря уже о расставленных по периметру ракетах. Азия становится замкнутым континентом, на который надвигается кризис «жизненного пространства», как писал Брэкен еще в 1999 г. Процесс все еще продолжается, что означает дальнейшее возрастание напряженности.

Так как же США, оставаясь вовлеченными в военное противостояние, намереваются сохранить стабильность в Азии, защитить своих союзников в этой части света, не допустить возникновения «Великого Китая» и при этом избежать открытого конфликта с Пекином? Ведь КНР в случае продолжения экономического роста может накопить в себе потенциал такого размера, с которым США еще не приходилось сталкиваться на протяжении XX в., а опора в проведении своей политики только на превосходство Соединенных Штатов на море, как предлагают некоторые, может оказаться непрочной. Главные союзники США в Азии – Япония, Индия, Южная Корея и Сингапур – требуют, чтобы ВМФ и ВВС США координировали свои действия с вооруженными силами этих стран. Как сказал мне однажды

один высокопоставленный индийский чиновник: именно так Соединенные Штаты останутся неотъемлемой частью здешнего ландшафта и на суше, и на море, а не превратятся в угрозу, таящуюся где-то в засаде за горизонтом.

Но как же выглядят эти согласованные действия в открытом море и в пределах евразийского «Римленда» Спайкмена? Согласно одному из планов, который циркулировал в Пентагоне в 2010 г. и представлял собой наброски американской военно-морской стратегии в XXI в., в качестве цели определено «противодействие росту стратегической мощи Китая... без вступления в открытую конфронтацию». При этом флот США должен быть сокращен с 280 до 250 кораблей, а бюджет на военные нужды урезан на 15 %. Предложенный отставным полковником морской пехоты США Пэтом Гарретом план действительно стоит того, чтобы о нем рассказать, так как тут в уравнение, описывающее ситуацию в Евразии, вводится новая стратегическая величина – Океания, как раз в то самое время, когда американское военное присутствие на острове Гуам^[357] должно будет серьезно возрасти.

Гуам, Палау, Северные Марианские, Соломоновы, Маршалловы и Каролинские острова являются либо территориями США, либо связаны военными соглашениями с Вашингтоном и ассоциированы с США, либо независимы, но настолько бедны, что такой договор с радостью подписали бы. Влияние США в Океании обусловлено результатами испано-американской войны 1898 г. и закреплено ценой жизни морских пехотинцев, освобождавших этот район от японской армии в ходе Второй мировой войны. Значение Океании, несомненно, будет расти, так как она расположена в сравнительной близости к Юго-Восточной Азии. Плюс в то же самое время она находится вне той зоны, из которой Китай хотел бы вытеснить американский флот. Более того, Океания размещается вне досягаемости китайской баллистической ракеты DF 21, как и более современных версий противокорабельных ракет. Строительство же баз в Океании для США удобно, поскольку оно не будет восприниматься как провокация, в отличие от баз на территории Японии, Южной Кореи и Филиппин (до 1990-х гг.). В то же время от Гуама всего 4 часа лету до Северной Кореи и 2 дня хода по морю до Тайваня. И что исключительно важно, эти территории либо являются частью США, либо настолько зависимы от сверхдержавы, что можно смело инвестировать туда сколь угодно значительные суммы, не опасаясь, что тебя потом попросят с насиженного места.

Уже сейчас авиабаза США «Андерсен» на Гуаме является самой мощной стратегической авиабазой США в мире, так сказать, командной высотой, откуда Соединенные Штаты могут проецировать «жесткую силу» в различных направлениях. Здесь содержится 100 тыс. авиаснарядов и ракет, хранится 66 млн галлонов авиационного топлива, то есть это самая большая стратегическая база для дозаправки в мире. Взлетные полосы заполнены рядами транспортников C 17 Globemasters, истребителями F/A 18 Hornets и т. д. Также на Гуаме дислоцировано соединение американских подводных лодок, и здесь находится расширяющаяся военно-морская база. Гуам и близлежащие Северные Марианские острова, которые являются территорией США, находятся почти на равном расстоянии от Японии и Малаккского пролива.

Кроме того, ощутимый потенциал наблюдается и на юго-западных территориях Океании, имеющих выход к Индийскому океану и расположенных вблизи Индонезийского архипелага – мирового экономического центра в Индийском океане, через который происходят поставки газа и нефти с Ближнего Востока в развивающиеся страны Юго-Восточной Азии. Этот регион включает заморские территории Австралии – острова Ашмор и Картье, – равно как и близлежащую западную часть Австралии, от Дарвина до Перта. Согласно плану Гаррета, ВМФ и ВМС США могут использовать географическое положение и особенности Океании, чтобы поддерживать «региональную боеготовность»,

расположившись «как раз за горизонтом» относительно виртуальной границы «Великого Китая» и акватории главных торговых путей Евразии.^[358] «Региональная боеготовность» – вариация на тему предложенного 100 лет назад британским военным стратегом Джулианом Корбеттом «флота в боевой готовности» – рассредоточенных по военным базам кораблей, которые могли бы за достаточно короткий период собраться в один мощный кулак. В это же время фраза «как раз за горизонтом» отражает соединение равновесия сил на море и координирования США своих действий с вооруженными силами азиатских держав.^[359]

Концепция усиления американского присутствия в Океании отражает компромисс между противостоянием с «Великим Китаем» любой ценой и одновременно признанием будущей доминирующей роли Китая в зоне «первой островной цепи», делая в то же время цену конфликта с Тайванем для Поднебесной непомерно большой. Американское присутствие в акватории «первой островной цепи» будет постепенно сворачиваться, хотя американские корабли и самолеты все равно сохраняют возможность ее патрулирования. В то же время план Гаррета предусматривает рост присутствия ВМФ США в Индийском океане. Для достижения этого американцы не станут расширять имеющиеся базы, но будут внесены корректировки касательно «зон патрулирования». Расчет делается на военные соглашения с Сингапуром, Брунеем, Малайзией, а также с островными странами, разбросанными в Индийском океане, то есть Каморами, Сейшелами, Маврикием, Реюньоном, Мальдивами и Андаманскими островами. Частью этих островов управляют, прямо или косвенно, французы и индийцы, которые являются союзниками США. Это обеспечило бы свободу мореплавания и бесперебойность транспортировки энергоносителей в Евразии. По плану происходит смена акцентов: с существующих американских военных баз в Японии и Южной Корее на развитие баз в Океании, с целью уменьшения излишней нагрузки на Гуам, что позволит избежать скопления войск и техники в одном месте. В век уязвимых суверенитетов, на защите которых стоят вездесущие средства массовой информации, большие базы, которые подолгу находятся на чужих территориях, вызывают недовольство местного населения. Гуам, будучи территорией США, скорее является исключением, которое тем не менее подтверждает общее правило. Схожие трудности возникали у США при использовании военной базы в Турции во время войны в Ираке в 2003 г., а также (на непродолжительное время) при использовании военных баз в Японии в 2010 г. Военное присутствие в Южной Корее сейчас уже воспринимается более лояльно ввиду сокращения числа контингента военнослужащих с 38 000 до 25 000 человек. Американские военные также исчезли из центра Сеула, где у них на протяжении многих лет находилась военная база.

В любом случае крепкая хватка, которой американцы удерживают зону «первой островной цепи», начинает постепенно ослабевать. Местное население все нетерпимее относится к присутствию американских военных баз на своей территории, в то время как находящийся на подъеме Китай хоть во многом и пугает, все же является для большинства стран региона в экономическом плане крайне привлекательным. Все это может привести к осложнению двусторонних отношений США и их союзников в Тихом океане. Время для этого уже подошло. Так, в 2009–2010 гг. в отношениях между США и Японией разразился кризис, который усугубила неопытность нового японского правительства, стремившегося подписать соглашение между двумя странами на более выгодных для Токио условиях и одновременно с этим заявившего о начале более глубокого сотрудничества с Китаем. Этот кризис мог иметь место и гораздо раньше. Полное доминирование США в Тихом океане есть не что иное, как анахронизм, унаследованный от Второй мировой войны, из-за которой Китай, Япония и Филиппины пережили крах и опустошение. Еще одним анахронизмом можно считать мощное американское присутствие на Корейском полуострове, являющееся

последствием другой войны 60-летней давности, которое тоже не может сохраняться вечно.

В то же время на наших глазах возникает «Великий Китай», который, имея значительное военно-морское присутствие в Восточном и Южно-Китайском морях, начинает брать под свой контроль Юго-Восточную Азию и Западно-Тихоокеанский регион в политической и экономической сферах. При этом Пекин вкладывает огромные средства в развитие портовой инфраструктуры в бассейне Индийского океана, а также поставляет в этот регион большое количество оружия. Остановить этот процесс может только лишь небывалой силы внутренний политико-экономический катаклизм в КНР. Вдоль границ этого «Великого Китая» будут плавать корабли ВМС США, дислоцированные, по-видимому, преимущественно в Океании. И курсировать они будут вместе с кораблями союзных военно-морских сил Индии, Японии и других демократических государств, которые не могут противостоять Китаю самостоятельно, но в то же время вынуждены искать способы сохранять баланс сил. А с течением времени, когда Китай обретет должное доверие к остальному миру и его военная доктрина уже не будет носить исключительно территориальный подход, его флот, возможно, тоже станет частью этого широкого союза морских держав. Более того, по мнению политолога Роберта Росса, изложенного им в статье от 1999 г., которая и по сей день не утратила своей актуальности, отношения между Китаем и США ввиду географических особенностей Юго-Восточной Азии, останутся гораздо более стабильными, чем были отношения между США и СССР на протяжении большей части XX в. Но даже с учетом возможного появления слабо прокитайской Великой Кореи, размещение такого количества сухопутных войск на территории «Римленда» в Евразии не понадобится, а американский флот и в обозримом будущем останется мощнее китайского.^[360] Одновременно с этим количество сухопутных сил США в Японии уменьшается, да и направлены они не против Китая, а против Северной Кореи.

Как бы там ни было, а сам факт укрепления китайской экономической мощи – все более сопровождаемой ростом военного могущества – в ближайшие годы усилит напряженность в американо-китайских отношениях. Перефразируя тезис Миршаймера из его книги «The Tragedy of Great Power Politics» («Трагедии политики великих держав»), можно сказать, что «гегемон Западного полушария приложит все усилия, дабы не позволить Китаю сделаться региональным гегемоном большей части полушария Восточного».^[361] Это может стать самой потрясающей драмой нашей эпохи. Маккиндер бы не удивился.

Глава 12

Географическая дилемма Индии

В то время как великие державы США и Китай противостоят друг другу, геополитическая ситуация в Евразии XXI столетия определяется во многом тем, в какую сторону качнется Индия. Иными словами, Индия вырисовывается как последнее «осевое» государство. Следуя Спайкмену, это и есть истинный «Римленд». Мэхэн отмечал, что Индия, омываемая водами Индийского океана, играет ключевую роль в вопросе доступа к землям Ближнего Востока и Китая. Индийская политическая элита отлично осознаёт сложившуюся ситуацию. Они великолепно понимают интересы США в экономической и географической плоскости, в то время как американцы, в свою очередь, индийцев не очень-то и понимают. Если американцы не поймут, насколько сложны и нестабильны взаимоотношения Индии с Пакистаном, Афганистаном и Китаем, им никогда не удастся выстроить адекватные взаимоотношения. История и география Индии с древнейших времен заложили точку зрения, которой придерживается Нью-Дели относительно остального мира. Мне хотелось бы поподробнее рассмотреть Индийский субконтинент в контексте Евразии в целом.

Притом что Россия доминирует на огромных массивах суши в Евразии, пусть даже большая часть этой территории характеризуется малой плотностью населения, четыре самых

густонаселенных региона мира расположились по периферии суперконтинента: Европа, Индия, Юго-Восточная Азия и Китай. Китайская и европейская цивилизации, как писал в 1917 г. географ Джеймс Фейргрив, органично распространялись вширь: первая – от берегов реки Вэйхэ, а вторая – со средиземноморского побережья.^[362] Картина распространения цивилизации в Юго-Восточной Азии представляется более замысловатой. Такие народы, как моны^[363] и пью,^[364] а вслед за ними бирманцы, кхмеры, сиамцы, вьетнамцы, малайцы и другие под давлением, в свою очередь, миграции населения из Китая в южном направлении расселились вдоль речных долин Меконга и Иравади, а также на таких островах, как Ява и Суматра. Индия же – случай абсолютно иного порядка. Подобно Китаю, развитие Индии определяется логикой ее географического положения: между Аравийским морем – с запада и юго-запада, Бенгальским заливом – с востока и юго-востока, бирманскими горными джунглями – с востока и Гималаями, Каракорумом и Гиндукушем – с севера и северо-запада. Подобно Китаю, Индия имеет довольно обширную внутреннюю территорию, но в отличие от последнего лишена единого центра зарождения цивилизации, подобно долине реки Вэйхэ и долин в нижнем течении реки Хуанхэ, откуда зарождающееся государство могло развиваться во всех направлениях.

Даже долина Ганга не предоставляет достаточно возможностей для экспансии единого индийского государства в глубь субконтинента, на юг полуострова, так как речные системы, кроме Ганга, включающие Брахмапутру, Нармаду, Тунгабхадру, Кавери, Годавари и прочие реки и речушки, попросту делят территорию на отдельные части. Дельта Кавери – центр дравидской культуры, а долина Ганга – колыбель народностей, говорящих на хинди^[365].^[366] Более того, в Индии, как и в Юго-Восточной Азии, самый жаркий климат и ландшафт разнообразнее и богаче, чем в любом ином из евразийских центров, а, следовательно, населению, по словам Фейргрива, чуждо выстраивание политических структур для распределения ресурсов в том масштабе, в каком это происходит в зонах с умеренным климатом – в Европе и Китае. Последнее утверждение, конечно, носит довольно детерминистский, а может, даже несколько расистский в своей простоте характер, что в общем-то неудивительно, если вспомнить эпоху, когда творил Фейргрив. И все же, как и в случае с Маккиндером, который писал о «желтой опасности», потенциально угрожающей из Китая, большая часть глубокого анализа ситуации с Индией Фейргрива не утратила своей актуальности и сегодня.

Создавая свою уникальную цивилизацию, Индия по причинам, изложенным выше, на протяжении всей своей истории не имела такого политического единства, как Китай. И это несмотря на то, что ее территория подвергалась постоянным набегам с северо-запада – наименее защищенного приграничья государства, где Индия опасно близко приближается к центральноазиатской степи и Иранскому нагорью, где располагаются более «зрелые» цивилизации и зоны умеренного климата.^[367] Вторжения на протяжении веков провоцировались тем фактом, что почва в долине Пенджаб плодородна, дождей – как раз в меру, присутствуют водные артерии – Инд и его притоки, а Иранское нагорье как раз в этой области снижается до уровня субконтинента. Без сомнения, те самые ужасные набеги и вторжения с Западной и Центральной Азии препятствовали вплоть до сегодняшних времен становлению единого и стабильного государства на субконтиненте. Как говорил Маккиндер в одной из своих лекций: «В Британской империи лишь на одной границе необходимо в любой момент днем и ночью быть готовым к ведению военных действий – и это северо-западный пограничный район Индии».^[368]

Преимущества и недостатки Индии, которая так хочет стать сверхдержавой в XXI в.,

заложены в ее географическом положении. Как отмечал покойный историк Бертон Стайн: «В Средние века карта Индии захватывала центральные части Азии и Ирана, но в то же время связь между долиной Инда на северо-западе и югом полуострова у Ганга оставалась довольно условной».^[369] Так же как сегодняшний Китай представляет собой триумфальный венец взаимосвязи степей Азии и пойм китайского «Хартленда», Индия веками находилась под влиянием высокогорных регионов, в которых ей еще только предстоит оказывать господствующее влияние (что, собственно, и отличает ее от Китая), и это значительно ослабляет страну.

Связь между субконтинентальной Индией и Юго-Восточным Афганистаном очевидна ввиду их соседства. Столь же глубокие взаимоотношения связывают Индию и со степями центральной части Азии и Иранским нагорьем. И Индия, и Иран делили горькую участь, подвергаясь нападениям монголов из Центральной Азии, притом что развитие иранской культуры, которому способствовали вторжения со времен Ахеменидов (VI–IV вв. до н. э.), привело к тому, что персидский был официальным языком в Индии вплоть до 1835 г.^[370],^[371] так как падишахи империи Великих Моголов в Индии XVI–XVII вв., по словам индийского историка Кавалама Паниккара, «стали олицетворением персидской культуры». Они «традиционно праздновали Навруз (персидский Новый год) и популяризировали персидскую технику в искусстве», – продолжает он.^[372] В то же время урду – официальный язык в Пакистане, стране, занимающей северо-западную четверть Индостана, – испытал сильное влияние со стороны фарси (персидского), как и арабского. Да и письменность урду основана на арабско-персидской графике.^[373] Таким образом, Индия является одновременно и самостоятельным субконтинентом, и жизненно важным краем Большого Ближнего Востока. Вот где мы действительно вынуждены признать правоту Уильяма Мак-Нила о смешении и слиянии цивилизаций.

Таким образом, ключевым для понимания Индии является осознание того, что, хотя в качестве субконтинента Индия имеет выдающийся географический смысл, ее природные границы местами весьма слабы. Результатом этого было образование на протяжении истории целого ряда различных государств, которые никак не укладывались в наши пространственные представления об Индии, а даже выходили далеко за ее рамки. Фактически и сегодня Индия не укладывается в границы субконтинента, что является важнейшей проблемой. Ведь Пакистан, Бангладеш и в меньшей степени Непал также находятся в пределах субконтинента и представляют собой, с точки зрения безопасности, значительную угрозу Индии, лишая государство политической мощи, которая в противном случае могла бы проектироваться на большую часть Евразии.

Дело не в том, что поселения людей с древних времен не следовали логике географии субконтинента: скорее, сама география Индии не так очевидна, особенно что касается северо-запада, как на первый взгляд может показаться, если посмотреть на карту рельефа местности. Взглянув на нее, мы можем четко проследить границу между окрашенными в коричневый цвет горами и плоскогорьем, отделяющую прохладные пространства посередине Азии от зеленых равнин с тропическим климатом низких частей субконтинента вдоль нынешних границ Афганистана и Пакистана. Спуск по предгорьям Афганистана до долины Инда, который протекает по всей территории Пакистана, достаточно пологий, постепенный, поэтому на протяжении столетий высокогорные плато и долины рек населяли народы со схожими культурами: среди них Хараппская, или иначе Индская, цивилизация, Кушанское царство, тюркские культуры, Могольская, индо-персидская, индо-исламская или пуштунская культуры. И это мы еще не говорили о солончаковых пустынях Мекрана и Белуджистана,

которые соединяют Иран с субконтинентом, или о средневековом морском пути, который благодаря предсказуемым муссонам соединял Аравию и Индию. «Порубежье Аль-Хинда» – так специалист по Южной Азии Андре Винк называет всю территорию от Восточного Ирана до Западной Индии. Этот район на протяжении всей истории представлял собой подвижный, изменчивый культурный организм, так что четко определить государственные границы в нем весьма проблематично.^[374]

Карта Хараппской цивилизации, сложной сети управляемых из центра племенных поселений городского типа в конце IV – середине II в. до н. э., говорит сама за себя. Согласно археологическим раскопкам, двумя главными городами являлись Мохенджо-Даро и Хараппа. Оба города располагались на реке Инд в верхней части сегодняшней пакистанской провинции Синд. Следовательно, река Инд скорее была не границей, отделяющей субконтинент от внутренних территорий Азии, а центром цивилизации. Территория Хараппской цивилизации простиралась от Белуджистана на северо-восток до Кашмира, а затем на юго-восток – вплоть до Дели и Мумбая (Бомбея) на побережье, огибая пустыню Тар. Таким образом, в современных границах она вплотную подходила к границам Ирана и Афганистана, охватывая большую часть Пакистана, и простиралась по северо-западной и западной частям Индии. Это была сложная сеть поселений, которые привязывались к рельефу местности, то есть к тому ландшафту, к тем землям, где можно было строить оросительные системы, тем самым эта сеть поселений наглядно демонстрировала, как огромная территория субконтинента поделена на различные ландшафтные зоны.

Арии предположительно проникли с Иранского плато. Около 1000 г. до н. э. они вместе с коренными жителями субконтинента стали частью процесса, в результате которого объединились в государство долины Ганга в северной части Индии. Это привело к установлению в VIII–VI вв. до н. э. ряда монархий, самой известной из которых является империя Нанда, которая в IV в. до н. э. протянулась по северной части Индии и в долине Ганга – от Пенджаба до Бенгалии. В 321 г. до н. э. Чандрагупта Маурья сверг с престола Дхана Нанду и основал империю Маурьев, которая занимала значительную часть субконтинента, за исключением крайнего юга. Именно тогда впервые в истории появилась *концепция* Индии как единого политического образования, которое соответствовало географии южной части Азии. Бертон Стайн полагает, что слияние такого значительного количества городов-государств и племен в единую систему произошло, с одной стороны, благодаря «интенсивным торговым связям» между ними, а с другой – из-за реальной угрозы извне: Александр Македонский, вероятно, захватил бы долину Ганга, если бы не мятеж в его армии в 326 г. до н. э. Другим объединяющим началом служило возникновение новых пансубконтинентальных идеологий буддизма и джайнизма, которые «нашли приверженцев среди народов, специализирующихся в торговле», как отмечает Стайн.^[375]

Цари династии Маурья приняли буддизм и правили империей по греко-римскому имперскому обычаю, который распространился в тех землях через миграцию в зоны умеренного климата в Индии из бассейна Эгейского моря и Западной Азии. Тем не менее, чтобы удерживать империю Маурьев под контролем, правителям требовалась невероятная изобретательность. Советник Чандрагупты, по-видимому, некто Каутилья – автор классического политического трактата «Артхашастра», что в переводе с санскрита буквально означает «Наука о пользе», в котором показывается, как завоеватель может создать империю, используя себе на благо междоусобное противостояние среди своих противников – городов-государств. Любой город-государство, расположенный поблизости, следует считать врагом, поскольку в процессе строительства империи его придется подчинить себе. А далекий город-государство на границе с врагами можно считать дружественным. Удерживать такую

огромную субконтинентальную империю под контролем было весьма непросто предприятием. Поэтому Каутилья полагался на сложную систему союзов, а также на снисходительное и благожелательное отношение к побежденным. Их образ жизни победители не собирались менять.^[376] Империя Маурьев была децентрализованной в плане управления, стоит лишь отметить, что географически центр ее располагался в долине Ганга, а к периоду правления внука Чандрагупты, Ашоки, существовало уже четыре региональных административных центра: Таксила – на северо-западе, у Исламабада, нынешней столицы Пакистана; Удджайн – на плато Малва, к западу от центральной части Индии; Суварнагири – в южном штате Карнатака – и Калинга – у Бенгальского залива, к югу от Калькутты.

Становление такой империи было выдающимся достижением для тех времен, учитывая примитивные средства передвижения и имеющиеся пути сообщения, ведь империя занимала почти всю территорию субконтинента. В течение некоего периода времени династия Маурьев, руководствуясь в основном логикой географии, демонстрировала возможность создания единого государства на обширной территории. Увы, упадок империи Маурьев повлек за собой предсказуемые вторжения с северо-запада, в основном через Хайберский переход: во II в. до н. э. – греков, в I в. до н. э. – скифов. Это стало причиной передела субконтинента в угоду региональным правителям на отдельные царства: Шунга, Пандья, Куинда и т. д. В I в. н. э. в Бактрии, там, где Северный Афганистан граничит с Таджикистаном и Узбекистаном, возникло Кушанское царство, индоевропейские правители которого завоевали земли от Ферганской долины, в демографическом сердце Азии, до Бихара – на северо-востоке Индии. Сама карта Кушана поражает воображение современного человека. Царство простиралось на территории центральной части Азии, включало территории Афганистана и Пакистана, равно как и большую часть долины Ганга в Индии. Кушанское царство, с одной стороны, проходит по речным долинам, а с другой стороны, пересекает горные хребты, то есть и подчиняется географической логике, и противоречит ей. Это наглядно доказывает нам, что современные границы – еще далеко не последнее слово в политической организации азиатских стран.

Империя Гуптов (320–550 гг. н. э.) вновь ознаменовалась территориальным объединением субконтинента от Инда до Бенгалии на востоке и от Гималаев на севере с Деканским плато по центру, оставляя практически весь юг вне своего контроля. Правители из династии Гупта неоднократно страдали от набегов азиатских кочевников, когда неприятельская конница вторгалась с северо-запада, опустошая Раджастан и западную часть равнины Ганга. Более того, подобно империи Маурьев, государство Гуптов не было унитарным, а скорее, представляло собой ситуативный союз зависимых государств, которые объединялись ввиду торговых отношений и расположения в долине Ганга. Индуизм зародился к югу от империи Гуптов, на землях, которые эта империя не контролировала, а оттуда распространился уже на север, к долине Ганга. На юге полуострова преимущественно доминировала дравидийская группа языков, в то время как на севере говорили на санскрите. Юг был исключительно самобытным регионом, который отделяло от севера Деканское плоскогорье, и находился он под влиянием Ближнего Востока и Индокитая благодаря морской торговле. На протяжении шести веков после заката империи Гуптов, который ускорили вторжения гуннов из центральной части Азии, субконтинент представлял собой совокупность мелких государств, что свидетельствовало о значительном отличии Индии от Китая, учитывая стремление последнего к централизации и политическому единству. И действительно, по словам Стайна, после империи Гуптов наступил длительный период раздробленности, во время которого царства объединялись «по языковому и религиозному признаку, а не по административному».^[377]

«Начиная с VII и по XVI в., – пишет Фейргрив, – в Индию последовательно вторгались мусульмане. Арабы, вполне естественно, сначала пришли с суши, прошли по побережью, потом по морю вдоль берега. Но их присутствие не имело никаких постоянных последствий. Вслед за арабами пришли турки, – продолжает он, – приблизительно около 1000 г. н. э. Они пришли по Иранскому нагорью, через Афганистан. Спустя примерно столетие, в основном из-за постоянных распрей между местными индуистскими правителями, вся северная равнина оказалась мусульманской».^[378] На юге Белуджистан и Синд были частью того же «пояса пустынь», который простирался до самой Месопотамии.^[379] Индийский субконтинент стал частью Большого Ближнего Востока. Основные вехи истории: начало VIII в. – арабы из Ирака оккупируют Синд, Пенджаб, Раджастан, Гуджарат. В начале XI в. Махмуд Газневи, происходивший из знатного тюркского рода гвардейцев-гулямов, захватил власть в Восточном Афганистане, объединив в единую империю территории современных иракского Курдистана, Восточного Ирана, Афганистана, Пакистана и северо-западной части Индии до самого Дели и осуществив набег на Гуджарат, на юге у Аравийского моря. С XIII по начало XVI в. так называемый Делийский султанат, первое крупное мусульманское государство на территории современной Индии, установил свое владычество над севером страны, а при тюркской династии Туглакидов, афганской династии Лоди и некоторых других династиях из Центральной Азии власть султаната распространилась и на ее юг.

Выбор Дели в качестве столицы диктовался в том числе и географией. Как пишет Фейргрив: «Синд и долина Инда, включая Пенджаб... представляли собой вход в Индию, к которому ведет достаточно узкий, около 250 км, проход между Великой Индийской пустыней (Тар) и Гималаями. На выходе из этого прохода и находится Дели».^[380] Позади – исламский мир; впереди – индуистский. (Буддизм на тот момент практически исчез из Индии, своей колыбели, распространившись к востоку и северо-востоку.) На основании географических особенностей рельефа сложилось так, что на северо-западе у Индостана нет фиксированной границы, а лишь бесконечная череда перепадов высот, которые начинаются в Иране и Афганистане, а заканчиваются неподалеку от Дели, что в очередной раз доказывает справедливость идей Мак-Нила в его грандиозной истории человеческой цивилизации.

Империя Великих Моголов стала культурным и политическим выражением данного факта. Немногие империи в истории человечества могут похвастаться подобным культурным и религиозным эклектизмом в изобразительном искусстве и религии, как империя Моголов. Они энергично правили Индией и центральной частью Азии в 1526–1858 гг., после чего их империя быстро распалась. Слово «могол» – это арабская и персидская форма слова «монгол». Термин «могол» применялся населением в Индии для обозначения всех мусульман северной части Индии и центральной части Азии. Империя Великих Моголов была основана Захиром ад-дином Мухаммадом Бабуром, чагатайским тюрком, родившимся в 1483 г. в Ферганской долине, на территории современного Узбекистана, который свои молодые годы потратил на то, чтоб захватить Самарканд, старинную столицу Тамерлана (Тимура). Потерпев сокрушительное поражение от чингизида Мухаммада Шейбани-хана, Бабур и его последователи направились на юг и захватили Кабул. Уже оттуда, из Кабула, Бабур спустился со своей армией с высокогорий Афганистана в Пенджаб, а захватив его, он мог начать завоевание Индийского субконтинента. Империя Великих Моголов, или Тимуридов, которая окончательно оформилась при внуке Бабура, Акбаре Великом, имела среди своей знати представителей раджпутов,^[381] афганцев, арабов, персов, узбеков, чагатайских тюрков, индийских суннитов, шиитов и индусов, не говоря уже о более мелких группах. Это был этно-религиозный мир, который начинался с юга России, на северо-западе, и тянулся на запад

до Средиземноморья.^[382] Индия в значительной степени являлась сокровищницей культурных и политических направлений времени на соседнем Большом Ближнем Востоке.

Кабул и Кандагар были естественным продолжением владений этой династии с центром в Дели. А вот индуистский юг Индии, в районе современного Бангалора, технологической столицы современной Индии, таковым был в значительно меньшей мере. В частности, в конце XVII в. Аурангзеб, «повелитель мира», под чьей властью Могольская империя достигла своих максимальных размеров, каких не имела ни при его предшественниках, ни при его наследниках, весь конец своего долгого правления провел в бесконечных военных походах, подавляя постоянные мятежи. Так, ему было уже за восемьдесят, когда пришлось подавлять восстания маратхов в северо-западной части Декана, на юге и западе Индии. Умер Аурангзеб в 1707 г. в своем военном лагере на Деканском нагорье, все еще безуспешно пытаясь подавить мятеж. Декан, по словам Кавалама Паниккара, «всегда представлял собой великий центральный крепостной вал Индии», который не покорялся людям из долины Ганга. Более того, течение рек с запада на восток на субконтиненте, ориентированном с севера на юг, как показал опыт Аурангзеба, препятствовало контролю севера Индостана над югом вплоть до относительно недавних времен. Попросту говоря, между севером и югом Индии относительно мало географических связей.^[383] В сущности, именно длительное тлеющее противостояние на юге пошатнуло сплоченность и моральные устои северной элиты Могольской империи. То, что Аурангзеб был занят подавлением бунтующих маратхов, пренебрегая остальными частями империи, помогло голландцам, французам и британской Ост-Индской компании закрепиться на побережье, что впоследствии привело к британскому управлению в Индии.^[384]

Важно понимать, что Аурангзеб столкнулся с тем же, что и правители из Дели за сотни лет до этого, и даже более давние правители на субконтиненте вплоть до древнейших времен. То есть обширный регион, который включает в себя сегодняшние северную часть Индии, Пакистан, большую часть Афганистана, находился обычно в едином государстве, тогда как владычество над югом оставалось под вопросом. Так что для индийской элиты считать не только Пакистан, но и Афганистан своими сферами влияния является не только естественным, но и исторически оправданным. Ведь, к примеру, могила Бабура находится в Кабуле, а не в Дели. Это не значит, что Индия имеет территориальные претензии к Афганистану, но это означает, что ей не все равно, кто там при власти, и что она стремится к тому, чтобы власти Афганистана были дружественны по отношению к Нью-Дели.

Великобритания, в отличие от предыдущих правителей Индии, основывалась больше на силе морской, нежели сухопутной. И собственно с моря британцы смогли покорить Индию, как об этом свидетельствует история округов Бомбея, Мадраса, Калькутты, которым предстояло стать центрами британского правления. Следовательно, именно британцы вслед за двумя тысячелетиями миграций и вторжений с запада и северо-запада показали Индии ее субконтинентальную сущность, восстановив, таким образом, географическую справедливость. Карта Индии от 1901 г. прекрасно это демонстрирует. Мы видим изобилие железных дорог, которые, словно артерии, протянулись через весь Индостан от границы с Афганистаном до Полкского пролива у Шри-Ланки на юге, от Карачи в современном Пакистане на западе, до Читтагонга в современной Бангладеш на востоке. Благодаря современным технологиям внутренние районы субконтинента удалось наконец объединить в единое целое, не позволив разделить его между несколькими государствами или отдать под управление какой-нибудь слабой системы имперских альянсов.

Верно, что моголы (наряду с Маратхской конфедерацией, хотя и в меньшей степени)

стали предшественниками такого развития событий благодаря их способности умело управлять субконтинентом. Но правление моголов, каким бы замечательным оно ни было, оставалось, по сути, очередным вторжением мусульман с северо-запада, которое и по сей день проклиняется индусскими националистами. И все же Великобритания, морская держава, была в стороне от разборок между мусульманами и индуистами. Этот раскол лежит во многом в географической плоскости. Большинство индийских мусульман проживает на северо-западе, откуда почти всегда происходили набеги, а также – в Восточной Бенгалии, регионе с хорошо развитым сельским хозяйством на восточной окраине долины Ганга, куда ислам проник вместе с монголо-татарским вторжением в XIII в. и вырубкой лесов.^[385]

Возможно, британцы и сумели объединить субконтинент в конце XIX – начале XX в. путем создания современного бюрократического аппарата и сети железных дорог, но, покидая регион в спешке в 1947 г., они способствовали новому разделению, еще более глубокому и формализованному, чем предыдущее имперское разделение, так как в прошлом, когда индо-греческое царство межевало с империей Гуптов, а Могольская империя – с Маратхской конфедерацией, ни первые, ни вторые не ставили минные заграждения, не обматывали колючей проволокой границы, не проверяли паспорта – тогда еще не было этих «достижений» цивилизации. Сегодня разделение усугубляется в правовом и цивилизационном поле: и в меньшей мере зависит от географии, а в большей – от воли человека.

Если коротко, то Пакистан для Индии в историческом ракурсе не просто государство-соперник с ядерным оружием, не просто спонсор мирового терроризма, не просто огромная армия у границ. Пакистан, располагаясь с северо-запада от Индии, где горы спускаются к равнине, является символом вторжения мусульман в Индию, которое не прекращалось веками. И сейчас Пакистан опасно нависает над северо-западом Индии точно так же, как когда-то это делали несметные орды мусульманских завоевателей. «Пакистан, – пишет Джордж Фридман, основатель STRATFOR, компании, занимающейся прогнозированием по всему миру, – представляет собой современный остаточный след мусульманского господства над средневековой Индией», в то время как юго-запад Пакистана является субконтинентальным регионом, который был первым захвачен мусульманами-арабами, вторгнувшимися из Ирана и с юга Афганистана.^[386]

Конечно же индийские политики не имеют ничего против приверженцев ислама. В Индии проживает около 154 млн мусульман. Это третий показатель в мире после Индонезии и Пакистана. Индией руководили три президента-мусульманина. Но Индия – это светская демократическая страна в силу того факта, что стремится избежать религиозной политики, дабы нивелировать разделение на индусов и мусульман в преимущественно индуистской стране. Пакистан как исламская республика, не говоря уже о ее радикальных течениях, в некоторой степени противостоит самим либеральным основам, на которых зиждется Индия.

Тот факт, что Индия опасается Пакистана, а Пакистан – Индии, абсолютно реален и не должен никого удивлять. Конечно, Индия могла бы одолеть Пакистан в войне с применением традиционных вооружений. Но в ядерной перестрелке или террористических атаках Пакистан может с Индией вполне потягаться. Пойдем далее, ведь не только Пакистан некоторым образом несет угрозу нападения сродни могольского, в то же время оставаясь далеко не таким космополитичным, какой была империя Великих Моголов. Есть ведь еще Афганистан. Как мы знаем, граница, отделяющая Пакистан от Афганистана, это преимущественно мираж, как сегодня, так и на протяжении всей истории этих стран. Скалы и каньоны в Северо-Западной пограничной провинции Пакистана, официально именуемой Хайбер-Пахтунхва («Земля Пуштунов»), на границе с Афганистаном изобилуют пещерами. Каждый раз, когда

мне доводилось пересекать пакистано-афганскую границу, я делал это нелегально. Даже через официальный пограничный переход в Хайбере десятки тысяч этнических пуштунов переходят еженедельно без предъявления каких-либо документов, а сотни грузовиков проезжают без досмотра. Отсутствие должной процедуры – характерная черта не только племенных отношений по обе стороны границы, но и государств Афганистан и Пакистан в целом. Главной причиной тому служит отсутствие географической препоны в центре индо-исламского и индо-персидского континуума, через который практически невозможно проводить границы. Персидская держава Ахеменидов, Кушанское царство, Индо-греческое царство, Газневидское государство, государство Великих Моголов и многие другие империи включали в состав своих государств Пакистан и Афганистан. И все эти империи либо представляли для Индии угрозу, либо захватывали части ее территории. А ведь еще были и империя Тимуридов, и империя Афшаридов, иранской династии туркменского происхождения, основанной Надир-шахом, которые соответственно в 1398 и 1739 гг. завоевывали Дели, выступая из своих имперских бастионов, расположенных в современном Иране, Афганистане и Пакистане.

На западе эту богатую событиями историю практически не знают, а индийская элита пропитана ею насквозь, до мозга костей. Когда индийцы смотрят на карту субконтинента, они видят в Афганистане и Пакистане к северо-западу, в Непале, Бутане и Бангладеш к северо-востоку сферы своего влияния, а в Иране, Персидском заливе, странах бывшего СССР в Средней Азии, в Бирме – критические «теневые» зоны. Не замечать эти страны для Нью-Дели значит не учить уроки истории и географии.

Как показывает нам эта история угроз со стороны различных империй за последнее тысячелетие, сам Афганистан и военные действия на его территории – не просто всего лишь еще один вопрос, с которым Индии придется разобраться, чтобы обеспечить свою безопасность. Это с запада нам кажется, что Афганистан – страна, лежащая в центральной части Азии. Для индийцев – это часть субконтинента Индостан^[387].^[388] Географическое положение Афганистана делает его важным не только в качестве основного пути вторжения в Индию, сегодня для террористов, а в прошлом для армий мусульманских захватчиков, но и как стратегически важную тыловую базу для Пакистана, главного противника Индии.

В то время как логика географического расположения Индии не идеальна, Пакистан, расположенный под прямым углом к направлению вторжений прошлого, вообще лишен какой бы то ни было географической логики; мало ее и у Афганистана. Пакистан – искусственный элемент мозаики на границе Иранского нагорья и низин Индостана. Он охватывает западную часть Пенджаба,^[389] но не его восточную часть. Наряду с мощными горными цепями Каракорума (одной из высочайших горных систем в мире), находящимися на крайнем севере Пакистана, в стране также есть и пустыня Мекран, расположенная за тысячи километров от гор к югу у Аравийского моря.^[390] Хоть и логично было бы представить реку Инд в качестве границы государства, Пакистан в действительности находится на обоих его берегах. В стране проживают четыре крупные этнические группы, таящие враждебность друг к другу. Каждая из них преимущественно занимает определенный район: пенджабцы – в Пенджабе – на северо-востоке, синдхи – в Синде – на юго-востоке, белуджи – в Белуджистане – на юго-западе и пуштуны – в бывшей Северо-Западной пограничной провинции (теперь Хайбер-Пахтунхва). Ислам должен был склеить государство, но получилось иначе. Даже по мере радикализации исламских группировок в Пакистане белуджи и сидхи продолжали видеть в государстве чужака, управляемого пенджабцами, в то время как пуштуны на северо-западе были больше втянуты в проталибанские политические игры в приграничных с Афганистаном районах. Без сильной армии, в которой преобладают

пенджабцы, Пакистан мог бы и вовсе прекратить свое существование, уменьшившись до территории Пенджаба, с двумя полуанархическими регионами – Белуджистаном и Синдом, втянутым в зону влияния Индии.

Созданный в 1947 г. отцом-основателем национальной государственности Мухаммедом Али Джинна, сыном преуспевающего купца из народности гуджарат, лондонским и бомбейским интеллектуалом, Пакистан строился на идеологической предпосылке: он – родина для мусульман Индостана. И правда, большинство мусульман субконтинента проживали в Западном и Восточном Пакистане (который в 1971 г. стал государством Бангладеш). Но на территории собственно Индии остались десятки миллионов мусульман, так что географические противоречия Пакистана отражают его основной идеологический посыл крайне несовершенным образом. В самом деле, при создании Пакистана стали беженцами миллионы мусульман и индуистов. Проблема в том, что история субконтинента полна вторжений и миграций, в результате которых возникло феноменальное этническое, религиозное и сектантское смешение. Например, Индия – колыбель нескольких религий: индуизма, буддизма, джайнизма, сикхизма. Сотни и тысячи лет в Индии проживали зороастрийцы, иудеи, христиане. Философия Индийского государства принимает эту реальность. Философия Пакистана намного менее либеральна. Вот отчасти почему Индия стабильна, а Пакистан – нет.

Что касается Афганистана, который играл, как мы могли уже увидеть, весьма важную роль в геополитических судьбах Индии во все времена, то давайте рассмотрим ситуацию с этим государством более детально. Это страна, где продолжительность жизни едва превышает 44 года, грамотны всего 28 % населения (а у женщин уровень этот еще ниже), где всего 9 % девочек посещают школы и где лишь пятая часть населения имеет доступ к питьевой воде. Из 182 стран Афганистан на предпоследнем месте в рейтинге ООН по индексу развития человеческого потенциала. Ирак перед вторжением США в 2003 г. согласно этому показателю находился на 130-м месте с уровнем грамотности, достигавшим приемлемых 74 %. Уровень урбанизации в Ираке составляет 77 %, так что, снизив уровень насилия в Багдаде и его пригородах в 2007 г., удалось наладить ситуацию по всей стране. В Афганистане же уровень урбанизации составляет всего 30 %, и, таким образом, меры по подавлению мятежа в одной деревне или одном регионе никак не влияют на ситуацию в стране в целом.

В то время как Месопотамия, с большими агломерациями и плоским ландшафтом, великолепно подходит для проведения военных операций, Афганистан в понятиях географии вообще-то и страной назвать сложно. На его территории возвышаются высокие горные хребты, что позволяет герметизировать барьеры между пуштунами, таджиками и другими национальными меньшинствами, даже при условии, что не такие уж и большие природные преграды отделяют Афганистан от Пакистана и Ирана. Посмотрев на карту рельефа местности и зная, что половина из 42 млн пуштунов на Земле проживает в Пакистане, легко домыслить создание страны Пуштунистан, расположенной между Гиндукушем и Индом на части территорий Афганистана и Пакистана.

Как государство Афганистан возник лишь в середине XVIII в., когда Ахмад-хан, предводитель воинов Абдали, афганской части иранской армии Надир-шаха, создал на Индийском субконтиненте буферную зону между Персией и распадающейся империей Великих Моголов. Вновь созданной стране позже предстояло превратиться в буферную зону между царской Россией и Британской Индией. Так, становится возможным предположить, что с момента превращения в отдельные государства бывших республик СССР в Средней

Азии и постепенным ослаблением Пакистана Афганистан вследствие происходящих сейчас исторических преобразований может и вовсе исчезнуть с политической карты мира. В будущем вполне возможно, что Гиндукуш – реальная природная граница на северо-западе субконтинента – станет разделять Пуштунистан и Большой Таджикистан. «Талибан», расцвет идей национализма среди пуштунов, исламизация, приток денежных средств от продажи наркотиков, коррумпированные военачальники, ненависть к американской оккупации – все это, по словам специалиста по вопросам Азии Зелига Харрисона, может запустить механизм трансформаций, достаточно широких и масштабных. И трансформации эти никоим образом нельзя будет остановить с помощью военной операции иностранных вооруженных сил, предпринятой по приказу нетерпеливых чиновников из Вашингтона.

Но существует еще один немаловажный фактор. Фактор, который выходит за рамки такого детерминизма. Да, Афганистан больше Ирака, и население его рассеяно по большей территории, но это не важно, так как 65 % населения страны проживает в пределах 60 км вдоль основных дорог, которые остались еще со времен средневековых караванных торговых путей. Таким образом, ключевыми для контроля из центра являются 80 из 342 районов страны. Афганистан более или менее поддавался управлению из центра еще со времен Ахмад-хана. Кабул, хоть и не всегда был центром власти, все время оставался центром разрешения конфликтных ситуаций, особенно в период между началом 1930-х и началом 1970-х, когда Афганистан жил в условиях умеренного и конструктивного правления конституционной монархии Мухаммеда Захир-шаха, наследника Ахмад-хана. Главные города страны были соединены системой автомобильных дорог, по которым можно было передвигаться без опаски. Были осуществлены определенные программы в здравоохранении, которые помогли практически полностью побороть малярию в стране. Ближе к концу указанного периода я путешествовал по стране автостопом и на автобусах без боязни за свою жизнь, имел возможность по почте, которая нормально работала, отослать домой книги и личные вещи. У людей было ощущение национальной идентичности, отличное от национальной идентичности жителей Ирана, Пакистана или Советского Союза. Возможно, это была непрочная сеть племенных союзов, но государство не было просто буферной зоной (так, государство пуштунов, Пуштунистан, может стать реальностью, но лишь в случае возможности двойного гражданства). С точки зрения стратегии Афганистан, являясь географическим буфером между Иранским нагорьем, степями Центральной Азии и Индостаном, представляется исключительно важной территорией. Ввиду этого страна находится в сфере интересов не только России, но и США, и Ирана, и Пакистана, и даже индийских политиков.

Афганистан, если он подпадет под власть «Талибана», угрожает создать непрерывный ряд радикальных исламских обществ от пакистано-индийской границы до Центральной Азии. По сути, это поможет создать Большой Пакистан, дав возможность Пакистанской межведомственной разведке (Inter-Services Intelligence, ISI) образовать нелегальную империю, состоящую из таких антииндийских террористических группировок, как группировки Джалалуддина Хаккани, Гульбеддина Хекматияра и «Лашкаре-Тайба», подобные антиизраильским организациям «Хезболла» и ХАМАС. Напротив, мирный Афганистан под управлением более или менее либерального режима из Кабула даст возможность Нью-Дели переключить внимание со своих северо-западных границ, сосредоточив усилия на противостоянии с Пакистаном на западе и востоке.

Стабильный, умеренный в плане религии Афганистан становится действительно центром не только среднеазиатских стран, но и Евразии в целом. «Хартленд» Хэлфорда Маккиндера существует при условии «сближения» интересов России, Китая, Индии и Ирана в пользу

транспортных коридоров в Средней Азии. А наиболее мощными двигателями торговли в Евразии являются как раз экономики Китая и Индии. По оценкам экспертов, сухопутный экспорт Индии через Среднюю Азию на рынки стран Европы и Ближнего Востока способен возрасти в долларовом эквиваленте ежегодно на 100 млрд долл. И только по причине войны в Афганистане Индия не связана автомобильным, железнодорожным и транскаспийским морским транспортом со Стамбулом и Тбилиси; или автомобильным и железнодорожным – с Алматы и Ташкентом. Тем не менее Индия наряду с Ираном и Саудовской Аравией существенно способствовала строительству сети автомобильных дорог в Афганистане. Так, за счет Индии была построена автомобильная магистраль Заранж – Деларам, связавшая Афганистан с иранским портом Чах-Бахар на побережье Аравийского моря.^[391] Мир в Афганистане, несмотря даже на десятилетия войн, принесет огромную выгоду Индии, поскольку мирный Афганистан будет стимулировать строительство автомобильных и железных дорог, а также трубопроводов не только во всех направлениях по всему Афганистану, но и через Пакистан, а в этом как раз и лежит окончательное решение вопроса нестабильности в этой стране. От мира и спокойствия в данном регионе Индия выиграет больше всех, ведь ее экономика от здешней нестабильности теряет больше, нежели экономика любой другой страны, за исключением разве что Китая.

Но на данном этапе ситуация в корне иная, поскольку сейчас Большой Индийский субконтинент представляет собой одно из наиболее нестабильных мест в мире. Изложенный выше список империй и нашествий не потерял актуальности и по сей день ввиду его значения для глубоко укоренившихся политических проблем Индии и отсутствия безопасности во всем регионе. Хотя во многом Большая Индия сегодня похожа на карту Европы Нового времени, ситуация здесь все же хуже из-за ядерных вооружений. В Европе XVI–XVII вв. существовали конкурирующие этнические и национальные группы, которые находились в процессе образования бюрократически оформленных государств. При этом они вступали в сложные отношения политического равновесия, что время от времени по причине частого взаимодействия и просчетов выливалось в вооруженные столкновения. Современный национализм находился на начальной и весьма решительной фазе, как это сейчас можно наблюдать в странах Юго-Восточной Азии. Но в отличие от мультиполярности в Европе Нового времени Азия демонстрирует биполярную борьбу между Индией и Пакистаном, причем полем битвы стали Афганистан и спорный регион в Гималаях – Кашмир. Однако в отличие от биполярности сверхдержав в качестве конфликтующих сторон в этом противостоянии недостает спокойствия, сдержанности и демонстративности. Это не столкновение идеологий, в котором нет религиозной вражды или исторической обиды друг на друга, а расстояние между противниками – полушарие – через льды Арктики. Это противостояние светского индийского государства, с одной стороны, и мусульманского пакистанского государства – с другой. При этом обе страны находятся на пике расцвета национализма и разделены общей границей, проходящей в очень густонаселенном регионе. Недалеко от этой границы расположены и столицы обоих государств, и крупные мегаполисы. К тому же центральный район в Пакистане – низменность долины Инда – от центрального района Северной Индии – долины Ганга – отделяет всего лишь около 300 км,^[392] вдобавок к этим фактам географии данный регион закрыт, замкнут со всех сторон, что хорошо описано Полом Брэкеном в его размышлениях о новом ядерном веке.

Индия изо всех сил пытается избежать последствий своего географического расположения, а также проблем, заложенных историческим развитием. Само соперничество с Китаем и повышенное внимание к нему образуют элемент таких попыток избавления.

Соперничество Индии с Китаем имеет совсем иную природу, чем противостояние с Пакистаном. Оно более абстрактно, менее эмоционально и, что важнее всего, не так изменчиво. К тому же за этим соперничеством не стоит реально существующая история.

С Китаем Индия столкнулась в вооруженном конфликте за спорную территорию в Гималаях всего полвека назад. Спорными считались два участка. Один из них находится в северо-восточной части Кашмира, известной также как Аксай-Чин, то есть на северо-западе Индии, а второй спорный район расположен в северной части современного штата Аруначал-Прадеш, что возле Бутана, – на северо-востоке Индии. Причем в Аксай-Чин боестолкновения происходили высоко в горах на высоте 4000 км. Причиной этого приграничного конфликта в 1962 г., в котором было убито 2000 человек и ранено 2774, стало восстание в Тибете в 1959 г. и предоставление Индией политического убежища далай-ламе, который бежал из Тибета после захвата китайцами этой страны. За 9 лет до этого Китай вторгся в Тибет и аннексировал его. Независимый или автономный, настроенный в некоторой степени проиндийски Тибет вызывал у китайцев сильное раздражение. Учитывая напряженность тибетского кризиса, китайцы усмотрели в организации пограничных застав к северу от спорной территории формальный повод к началу боевых действий и всего за месяц осенью того же года смогли одержать сокрушительную победу над индийской армией. Но, что важно, ни одна из сторон конфликта не разворачивала свои военно-морские или военно-воздушные силы, а бои проходили в удаленных ненаселенных районах. В конфликте с Пакистаном все наоборот. Кроме пустынь и болот, боевые действия проходили в важном сельскохозяйственном регионе – Пенджабе, где проживают миллионы людей.

Граница Индии с Китаем все еще в некоторых районах является предметом споров. По территории всего Тибета Китай построил дороги и военные аэродромы, и Индия теперь находится в радиусе действия китайских бомбардировщиков. Это при том, что сами индийские ВВС – четвертые по количеству боевых самолетов в мире. В них насчитывается 1300 самолетов, дислоцированных на 60 авиабазах. Индийские военные спутники и разведывательные самолеты отслеживают передвижение китайских вооруженных сил в Тибете. Кроме этого, наблюдается интенсивное развитие ВМС в обеих странах.

О развитии китайского флота мы детально поговорили в предыдущей главе. Что касается Индии, то за неимением эквивалента Средиземного моря – внутренних морей вообще – и ввиду отсутствия групп островов, где можно было бы построить военно-морские базы и расселить моряков, хотя теплый климат и плодородная земля позволяют это сделать, до последнего времени флоту уделялось мало внимания. Индия была сухопутной державой, омываемой открытым океаном. Но по мере развития военных технологий, которые значительно сжали расстояния, а также с развитием экономики Индия получила возможность в полной мере финансировать строительство и приобретение кораблей. Еще один фактор, который обусловил поворот Индии к морю, – угроза со стороны Китая, так как амбиции соседей вышли далеко за рамки западного региона Тихого океана, распространившись и на Индийский океан.

Китай строит и модернизирует порты вокруг Индии: в Кьяукпью (Мьянма), в Читтагонге (Бангладеш), в Хамбантоте (Шри-Ланка), в Гвадаре (Пакистан). Всем этим странам Китай оказывает значительную военную и финансовую помощь, а также политическую поддержку. У китайцев, как мы уже знаем, имеется значительный торговый флот и стремление к созданию таких ВМС, которые будут защищать собственные интересы Китая и торговые морские пути на океанских просторах между богатым на углеводороды Ближним Востоком и собственным тихоокеанским побережьем. Это происходит в то же время, когда Индия в духе доктрины Монро стремится к присутствию по всему Индийскому океану – от южной

оконечности Африки и до Австралии. Такой конфликт интересов в военно-морской сфере усугубляет противостояние на границе в Гималаях, актуальное по сей день. Китай всего лишь стремится обезопасить торговые пути, выстраивая самые современные базы вдоль торговых маршрутов, тогда как Индия чувствует себя в окружении. Возможность организации в будущем пакистано-китайского центра управления военно-морскими операциями на входе в Персидский залив в Гвадаре стала причиной развития и роста индийского военно-морского порта Карвар на побережье Аравийского моря. В ответ на строительство порта в Кьяукпью, что в Мьянме, и трубопроводов к нему Индия стала строить собственный порт и энергетический комплекс в Ситтве, в 80 км к северу. Индия и Китай входят в фазу острой конкуренции за торговые пути и ресурсы в западной части Индокитая.

Но остается лишь еще раз повторить, что противостояние Индии и Китая не уходит корнями в историю. Связи в отдаленном прошлом между двумя странами были исключительно продуктивны: наиболее известным представляется распространение во II–IX вв. н. э. из Индии в Китай буддизма, который во времена династии Тан (618–907 гг.) стал в Поднебесной официальной религией. Несмотря на проблему Тибета, независимость или автономия которого в геополитических интересах Индии, но однозначно невыгодна для геополитических интересов Китая, высокая преграда в виде Гималаев существенным образом отделяет одну страну от другой. И только в последние десятилетия, когда Индия и Китай нарастили военно-воздушную, военно-морскую и ракетную мощь, новая география конфликта на евразийском пространстве стала заметно проявляться. Но натянутый характер отношений между Индией и Китаем определяют скорее сокращение расстояний, нежели цивилизационные различия. Однако за взаимоотношения с Китаем тревожится только индийский политикум, в то время как осложнение отношений с Пакистаном беспокоит всю страну, и особенно ее северную часть. Более того, взаимоотношения Индии и Китая подчас могут характеризоваться как наиболее динамичные и взаимодополняющие торговые отношения в мире. По-своему напряжение между Индией и Китаем наглядно демонстрирует проблему успешности, когда существенный экономический подъем Пекина и Нью-Дели конвертируется в военную мощь – строительство военно-воздушных и военно-морских сил. Очевидно, что такое новое соперничество между двумя странами только подтверждает слова профессора Йельского университета Брэкуна. Он заявляет, что рост национального богатства и развитие военных технологий идут рука об руку, а конечные размеры нашей планеты все больше превращаются в фактор нестабильности, так как усовершенствование военной техники и ее программного обеспечения неумолимо сокращает расстояния на геополитической карте.

Иными словами, на протяжении первых десятилетий после окончания холодной войны Индия и Китай имели относительно низкотехнологичные сухопутные войска, призванные охранять собственные границы и служить оплотом консолидации своих народов. Таким образом, друг другу они не угрожали. Но, когда были поставлены на вооружение новейшие корабли, самолеты, ракеты, а их вооруженные силы в большей мере приобрели экспедиционный характер, тогда они внезапно в новой зоне потенциальных конфликтов увидели друг друга с противоположной стороны. И это справедливо относительно не только Индии и Китая, но широкого круга других государств в Евразии: Израиля, Сирии, Ирана, Пакистана, Северной Кореи и т. д., любой из стран, до которой долетит ракета и которая в состоянии ответить.

Еще раз взглянем на Индийский субконтинент. Окруженный морями и горами, он тем не менее достаточно обширен внутри, а отсутствие естественного фундамента для

формирования политического единения и устройства в прошлом проявляется до сих пор, вследствие чего Китай на практике оказывается более организованным и лучше управляемым государством, несмотря на отсутствие демократии. Ежегодно Китай строит больше автомобильных дорог, чем существующее общее количество дорог в Индии. Индийские министерства по сравнению с аналогичными китайскими ведомствами имеют больше полномочий, но функционируют менее неэффективно. Китай могут сотрясать протесты, а Индию – сопровождаемые насилием восстания. Особенно стоит отметить деятельность накалистов – вооруженных маоистских группировок в центральных и восточных регионах страны. В этом отношении актуальным остается описание Индии Фейргрином как «менее развитой» цивилизации, чем те, что ее окружают.^[393]

Политики в Нью-Дели, имея под боком мусульманскую Азию, должны тем не менее беспокоиться о волнениях на нагорьях к северо-западу. США выведут свои войска из Афганистана. Индии придется примириться с этим и потому сохранить значительную вовлеченность в его проблемы. Индия сталкивается со сложной задачей. Статус сверхдержавы в новом тысячелетии будет подкрепляться политическим и военным противостоянием Индии и Китая, но в то же время Индия остается связанной общей границей со слаборазвитыми и полудееспособными государствами субконтинента. Мы уже говорили о Пакистане и Афганистане. Теперь кратко рассмотрим также ситуацию с Непалом и Бангладеш.

С падением монархии и приходом к власти бывших маоистских повстанцев непальское правительство едва ли может контролировать сельские районы, а ведь там проживает до 85 % населения страны. Непал, который никогда не был ничьей колонией, не унаследовал прочной британской бюрократической традиции. Несмотря на то что Непал мы прежде всего ассоциируем с Гималайскими горами, большинство населения страны проживает в долинах с влажным климатом на слабо контролируемой границе с Индией. Я был в этом районе. Во многом он очень схож с долиной Ганга. Если непальские маоисты не смогут упрочить роль государства, оно просто постепенно прекратит существование. Бангладеш даже в большей степени, чем Непал, лишен географической защиты, чтобы должным образом функционировать как полноценное государство. Такая же плоская равнина, рассеченная густой сетью рек, с рисовыми террасами и низкорослым кустарником по обе стороны границы с Индией. Пограничные посты, как я видел собственными глазами, ветхие и полуразрушенные. Этот искусственно созданный регион – поочередно Бенгалия, Восточная Бенгалия, Восточный Пакистан и Бангладеш – может в очередной раз преобразоваться, кардинально изменившись под влиянием бурной региональной политики, мусульманского религиозного экстремизма и климатических изменений. Подобно истории Пакистана, история Бангладеш представляет собой череду военных и гражданских переворотов, ни один из которых не был достаточно эффективен. Миллионы беженцев из Бангладеш нелегально пересекли границу с Индией. Правительство страны сегодня старается делать все возможное для улучшения ситуации. Бангладеш может иметь будущее в качестве торговой площадки и транзитера ресурсов через трубопроводы из Китая в Индию и свободную в будущем демократическую Мьянму (Бирму).

Субконтинент с самых давних времен был политически разделен, что ощущается и по сей день. Теперь давайте обратим взор на крайний север Индостана, туда, где Каракорум встречается с Гималаями. Тут, втиснувшись между Пакистаном, Афганистаном, Индией и Китаем, находится территория Кашмира. Северная часть Каракорума, включая город Гилгит, находится под контролем пакистанцев, но на этот район претендует Индия, как и на часть самопровозглашенного непризнанного государства Азад Кашмир («свободный Кашмир») – к

западу от него, который де-факто является частью Пакистана. Горная гряда Ладакх – в центре Кашмира с городами Сринагар и Дхамму – контролируется Индией, но оспаривается Пакистаном, как ледник Сиачен – к северу. Далее на север и северо-восток расположены долина Шаксгама и обширная высокогорная соляная пустыня Аксайчин, которые находятся под управлением Китая, но на которые притязает Индия. Более того, Дхамму и Кашмир – это индийский штат с мусульманским большинством (75 %), факт, который на протяжении десятилетий способствовал разжиганию исламско-фундаменталистских настроений и джихадистских экстремистских возмущений (в свое время Усама бен Ладен категорически выступал против власти индуистской Индии над мусульманским Кашмиром). И хотя большая часть Кашмира – малонаселенное высокогорье, тем не менее через эти земли не раз прокатывалась война и, похоже, прокатится еще не раз. Так, в 1962 г. Китай воевал с Индией, поскольку китайцы хотели построить дорогу из Синьцзяна в Тибет через восточный Кашмир. Индия воевала с Китаем, чтобы не допустить создания общей границы между Китаем и Пакистаном.

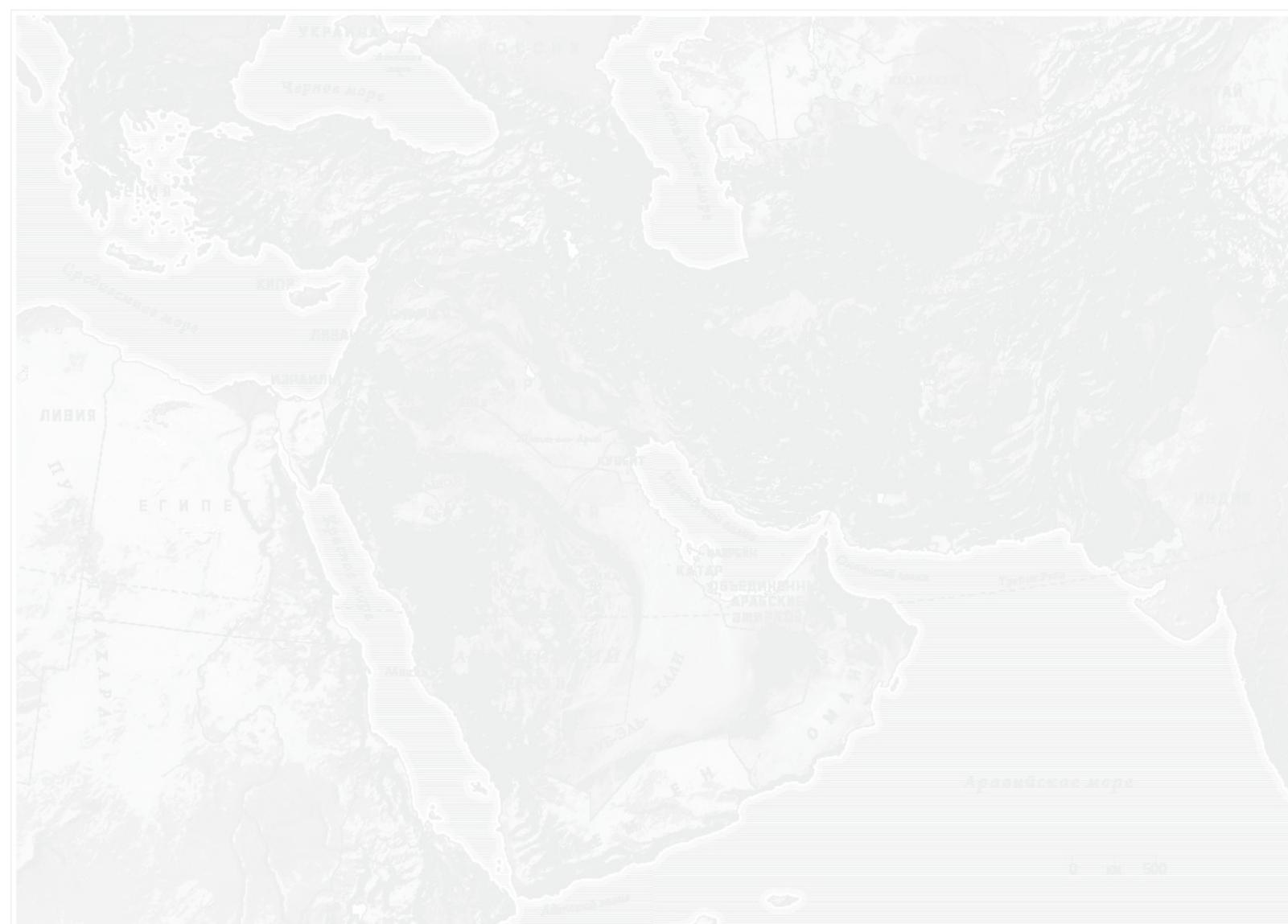
Кашмир, подобно Палестине, благодаря киберпространству и новейшим средствам массовой информации, способен вызывать ненависть у миллионов, отодвигая решение собственной проблемы на неопределенный срок. Технологии, которые могут нивелировать значение географии, способны в равной степени также подчеркивать ее значимость. Индийский субконтинент – неоспоримый географический факт, а вот определение его границ – задача на многие годы.

В то время как владения китайских династий прошлого почти полностью совпадают с современными границами Китая, в случае с Индией все, как мы видим, обстоит наоборот. Поэтому Индия смотрит на Афганистан и своих прочих соседей с гораздо большим беспокойством, нежели Китай – на своих. Индия сейчас является региональным лидером в той степени, которая определяется этой ее географией, но потенциально она может стать мировой сверхдержавой настолько, насколько сможет выйти за рамки своей географии.

Глава 13

Иранская «Ось»

Как говорил ученый из Чикагского университета Мак-Нил, Индия, Китай и Греция – все располагаются «на границах древнего цивилизованного мира», защищенные, так сказать, горами, пустынями и огромными расстояниями.^[394] Конечно, эта защита была лишь частичной, поскольку, как мы знаем, Грецию опустошали персы, Китай – монголы и тюркские степные народы, а Индию – полчища исламских завоевателей. Тем не менее географические условия предоставили достаточно естественных преград, чтобы зародились три великие и единственные в своем роде цивилизации. А огромное пространство между этими цивилизациями, как уже упоминалось, было названо Ходжсоном, коллегой Мак-Нила по Чикагскому университету, «Ойкуменой», древнегреческим термином, означающим «обитаемую часть» мира. Это мир Геродота, засушливо-умеренная зона афро-азиатского участка суши, простирающегося от Северной Африки до окраины Западного Китая, полосу, которую Ходжсон также называет регионом «от Нила до Окса».^[395]

От зоркого взгляда Ходжсона не ускользают несколько важнейших и в то же время противоречивых фактов. Например, то, что «Ойкумена» (Большой Ближний Восток) – это легко выделяемая на карте зона, лежащая между Грецией, Китаем и Индией, отчетливо

отделенная от всех трех. «Ойкумена» кардинальным образом повлияла на каждую из этих стран, так что отношения между ними исключительно органичны. И если Большой Ближний Восток объединен исламом и наследием племен, кочевавших на лошадях и верблюдах (в противоположность земледельческой традиции Китая и Индии), то внутри эта обширная территория разделена реками, оазисами и гористыми участками, и такое разделение имеет огромное влияние на политическую организацию стран региона вплоть до наших дней. Эти различия между Большим Ближним Востоком и, например, Китаем особенно показательны. Фэрбэнк, китаевед из Гарвардского университета, писал:

«Культурная однородность Древней Греции, подтвержденная археологическими данными, удивительно контрастирует с многочисленностью и разнообразием народов, государств и культур на Древнем Ближнем Востоке. Начиная примерно с 3000 г. до н. э. египтяне, шумеры, семиты, аккадийцы, амориты... ассирийцы, финикийцы, хетты, мидяне, персы и прочие сталкивались друг с другом в запутанном постоянном течении войн и политической борьбы. Тут речь идет о плюрализме наряду с взаимной враждой. Орошение способствовало развитию земледелия в нескольких центрах: долинах Нила, Тигра и Евфрата, Инда... Языки, системы письма и религии множились и распространялись».^[396]

Это классическое наследие размежевания оказывает свое влияние на протяжении тысячелетий и, таким образом, является крайне важным для непостоянной и изменчивой политики Большого Ближнего Востока сегодня. Хотя арабский язык объединил большую часть территорий в регионе, персидский и турецкий языки доминируют в северных нагорных участках, не говоря уже о многочисленных языках Средней Азии и Кавказа. Как демонстрирует Ходжсон, многие отдельные государства Ближнего Востока, хоть и являются порождениями произвольного определения границ во времена колониальной эры, также крепко уходят корнями в Античность, то есть в географию. Тем не менее само количество этих государств, как и религиозные, идеологические и демократизирующие силы, действующие в них, все больше конкретизировало их роль как части спорной территории Мэхэна. В самом деле, главным фактом мировой политики XXI в. является то, что географически самый центральный участок суши на планете является также самым нестабильным.

На Ближнем Востоке, выражаясь словами ученых Джеффри Кемпа и Роберта Гаркави, находится «большой четырехугольник», где сходятся Европа, Россия, Азия и Африка. На западе находятся Средиземное море и пустыня Сахара, на севере – Черное море, Кавказ, Каспийское море и среднеазиатские степные земли, на востоке – Гиндукуш и полуостров Индостан, а на юге – Индийский океан.^[397] В отличие от Китая или России этот четырехугольник не составляет одно крупное государство; его даже не контролирует какое-нибудь одно государство, как, например, Индия – полуостров Индостан, что гарантировало хотя бы некое подобие целостности. Кроме того, в отличие от Европы он не являет собой группу государств в составе жестко регламентированных союзных организаций (НАТО, Евросоюз). Для Ближнего Востока больше характерно беспорядочное и запутанное множество королевств, султанатов, теократических и демократических государств, а также военных автократий, чьи общие границы словно нарезаны чьей-то дрожащей рукой. Читателя вряд ли удивит, что весь этот регион, включающий в себя Северную Африку, «Африканский Рог», центральную часть Азии и в некоторой степени полуостров Индостан, составляет, по сути, одну густонаселенную «ось нестабильности», где сходятся континенты, исторические

сухопутные сети дорог и морские пути. Более того, в этом регионе сосредоточено 70 % обнаруженных мировых залежей нефти и 40 % мировых ресурсов природного газа.^[398] Также в этом регионе наблюдаются те патологические явления, о которых говорил профессор Йельского университета Брэкен: экстремистские идеологии, психология толпы, пересекающиеся зоны поражения ракет, а также средства массовой информации, стремящиеся к получению прибыли, которые так же яростно отстаивают свою точку зрения, как и Fox News^[399] – свою. На самом деле, за исключением Корейского полуострова, распространение ядерного оружия – более реальная угроза на Ближнем Востоке, чем где-либо еще.

Ближний Восток также находится в демографически молодом регионе, где 65 % населения младше 30 лет. В период 1995–2025 гг. население Ирака, Иордании, Кувейта, Омана, Сирии, Западного берега реки Иордан, сектора Газа и Йемена удвоится. Молодежь, как мы увидели на примере событий «арабской весны», наиболее склонна к насильственному свержению власти и радикальным переменам. Следующее поколение ближневосточных правителей, будь то в Иране или арабских государствах, не сможет насладиться таким же автократическим правлением, как их предшественники, хотя демократические эксперименты в регионе показывают, что пускать выборы провести не так и сложно, но на создание стабильного и либерального демократического строя могут уйти многие годы. На Ближнем Востоке преобладание молодежи в структуре населения и революция в сфере коммуникаций породили ряд беспорядочных сценариев в мексиканском стиле (замену государств с преимущественно однопартийной системой правления на более хаотичные, с несколькими фракциями или партиями, участвующими в борьбе за власть). Но все это происходит без характерного для Мексики уровня институционализации, который, каким бы низким он ни был, все же выше, чем у большинства стран на Ближнем Востоке. Иметь дело с подлинно демократической Мексикой для Соединенных Штатов сложнее, чем с Мексикой, в которой существует эффективное однопартийное политическое управление. Изобилующий современным вооружением, не говоря уже о средствах массового поражения, Ближний Восток на протяжении ближайших десятилетий будет крайне нестабильным. Настолько нестабильным, что недавняя эра арабско-израильских конфликтов покажется едва ли не романтической, окрашенной в тона старой черно-белой фотографии главой холодной войны и периода, последовавшего за ней, в которой соображения морали и стратегического преимущества были относительно понятными.

Регион «от Нила до Окса», описанный Ходжсоном, по сути, означает «от Египта до центральной части Азии», где Египет – это, условно говоря, вся Северная Африка. Эта терминология включает как южную, арабскую, часть Ближнего Востока с пустынями и равнинами, так и северную, неарабскую, часть – гористое плоскогорье, которое начинается возле Черного моря и заканчивается возле полуострова Индостан. Просторный северный плоскогорный регион также может быть назван «от Босфора до Инда». На этот регион огромное влияние оказывает миграция из стран Азии. То же самое можно сказать о регионе «от Нила до Окса» плюс оживленное движение по морским путям Средиземного моря, Красного моря и Индийского океана. Тот факт, что Ближний Восток – это регион, где сходятся континенты, с более сложной внутренней географией, чем где-либо, за исключением разве что Европы, но более обширный и охватывающий в два раза больше временных поясов, чем Европа, обуславливает необходимость разделить его на составляющие части для более детального изучения. Несомненно, в последнее время электронные коммуникации и воздушное сообщение позволяют преодолевать ограничения географии, так что кризисные ситуации определяются политическим взаимодействием во всем регионе. Например, когда

израильтяне перехватили флотилию, перевозящую грузы для оказания помощи в секторе Газа, то тотчас же волна недовольства прокатилась по Турции, Ирану и всему арабскому миру. Или еще пример: торговец фруктами в южно-центральной Тунисе совершает публичное саможжение, и демонстрации против диктатуры вспыхивают не только в Тунисе, но и в большей части всего арабского мира. И все же многое можно понять, изучая карту и изображенные там границы.

Посмотрев на карту Ближнего Востока, можно выделить три географические детали: Аравийский полуостров, Иранское нагорье и Анатолийский полуостров.

На Аравийском полуострове доминирует королевство Саудовская Аравия, хотя рядом с ним там располагаются и другие важные страны. На самом деле население Саудовской Аравии, насчитывающее всего 28,7 млн человек, составляет менее половины жителей полуострова. Но ежегодный прирост населения Саудовской Аравии – это почти 2 %. Если такая тенденция сохранится, то всего за несколько десятилетий население страны удвоится, что неизбежно приведет к огромному перерасходу ресурсов, учитывая, что большую часть территории Саудовской Аравии занимают пустыни и полупустыни. Около 40 % саудовцев не достигли возраста 15 лет, и 40 % молодых мужчин Саудовской Аравии – безработные. Политическое давление в вопросах трудоустройства и образования со стороны такого молодого населения будет огромным. Сила Саудовской Аравии не в количестве населения, которое на самом деле является источником неприятностей, но в том, что она является мировым лидером по разведанным запасам нефти (36 млрд т), а также занимает 4-е место в мире по запасам природного газа (6,339 трлн куб. м).

Географической «колыбелью» Саудовской Аравии, а также радикального суннитского религиозного движения, известного как ваххабизм, которое больше всего ассоциируется с Саудовской Аравией, является регион под названием Неджд. Эта засушливая местность в центре Аравийского полуострова расположена между крупной песчаной пустыней Большой Нефуд на севере и песчаными дюнами Руб-эль-Хали, или «Пустой четверти», на юге, прибрежной полосой Персидского залива на востоке и горами Хиджаз на западе. Слово «неджд» дословно означает «возвышенность». Уровень возвышенности варьируется от 1500 м над уровнем моря на западе до менее 800 м на востоке. Британский исследователь и арабист конца XIX в. Чарльз Даути так описывал Неджд:

«Возгласы суанов и шум льющейся воды – таким слышится печальный голос засушливых земель, где расположены все деревни Неджда. Ни днем ни ночью не прерывается эта работа воды. Волы не могут качать воду из колодцев глубиной свыше 5,5–7 м, и, если бы Бог не создал верблюда, Неджд, как говорят, был бы безлюден».^[400]

Неджд воистину является очагом того, что Ходжсон назвал кочевым типом хозяйства, которое основывается на верблюдах. Именно из бастиона Неджда в прошлом фанатики-ваххабиты отправлялись в набеги во всех направлениях. Хотя в Хиджазе, прилегающем к Красному морю, находятся священные города Мекка и Медина, ваххабиты из Неджда считали паломничество к различным святым местам (за исключением хаджа к Каабе в Мекке) формой язычества. Несмотря на то что священные города Мекка и Медина в представлениях людей на Западе ассоциируются с чрезмерной мусульманской религиозностью, истина отчасти является противоположной. Это как раз паломничество мусульман со всего исламского мира накладывает на эти священные города, как и на сам Хиджаз, в котором они расположены,

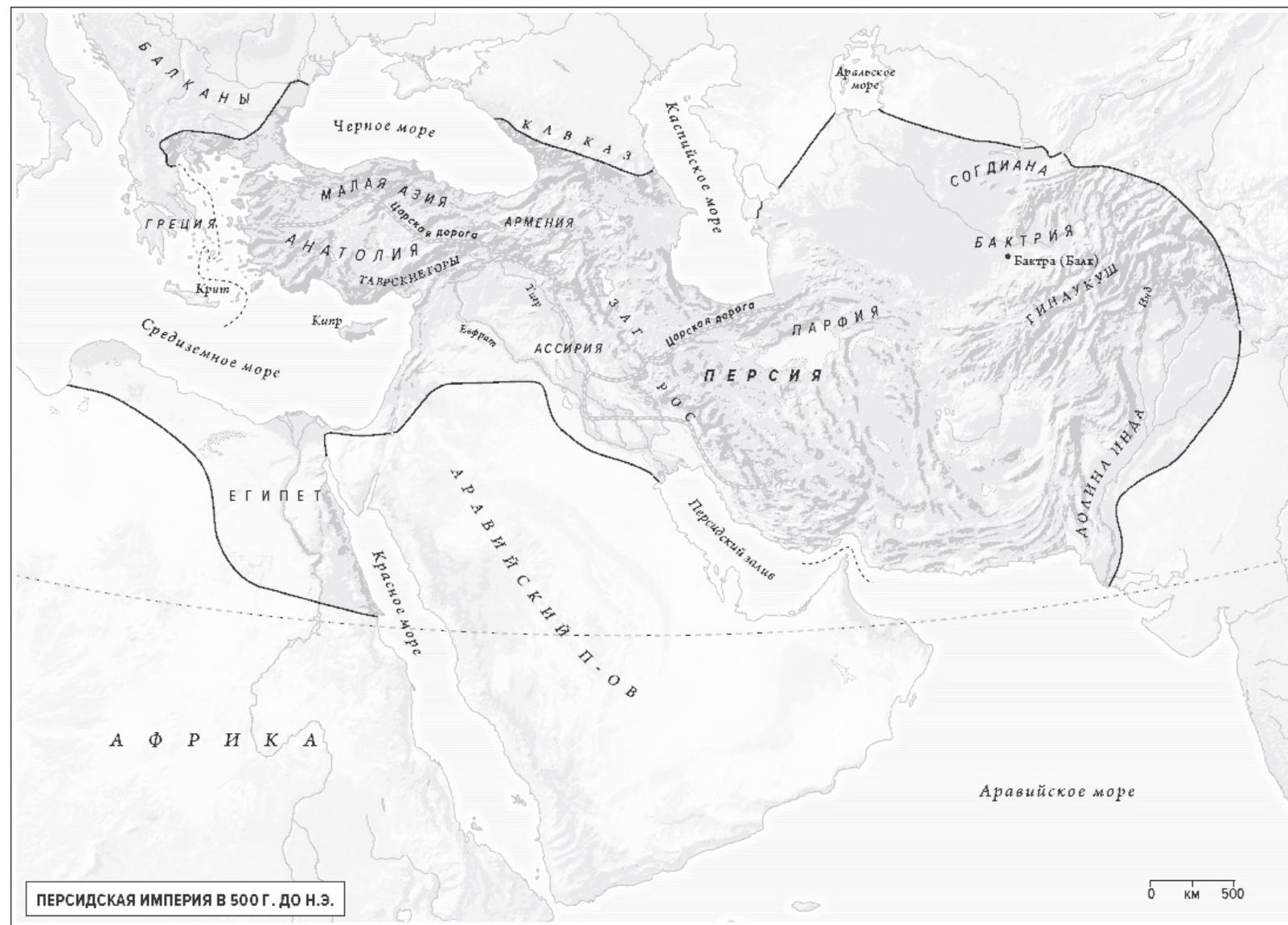
известную печать космополитизма. Хиджаз «с его молодым городским населением с разнообразными религиозными верованиями никогда полностью не подстраивался к обычаям Саудовской Аравии или ваххабитов», – пишет офицер ЦРУ Брюс Ридель.^[401] Жители Хиджаза тяготеют к культуре районов вокруг Красного моря, Египта и Сирии, а не к культуре суровой пустыни Неджда и обитающих в ней ваххабитов. Главным же обстоятельством в этом является то, что ваххабитам не удавалось постоянно удерживать периферийные зоны Аравийского полуострова, пусть даже их противникам было столь же сложно удерживать центральную часть Неджда. Существующая сегодня Саудовская Аравия, на которую в первой половине XX в. во многом повлияли взгляды и умелые действия одного человека, Абдула-Азиза ибн Сауда (выходца из Неджда, завоевавшего Хиджаз в 1925 г.), остается верной этому своему географическому устройству.^[402] Государство сосредоточено на Неджде и его столице, Эр-Рияде, и не присоединяет к себе ни прибрежные эмираты Персидского залива, ни Оман, ни Йемен.

Главную опасность для Саудовской Аравии, с центром в Неджде, представляет Йемен. Хотя территория Йемена в 4 раза меньше территории Саудовской Аравии, его население почти такое же большое. Так что важнейшее демографическое ядро Аравийского полуострова находится в его гористой юго-западной части, где широкие базальтовые плоскогорья, возвышающиеся как причудливые замки из песка и вулканического экструзивного бисмалита, обрамляют целую сеть оазисов, которые с древних времен густо населяют люди. Турки-османы и британцы никогда в действительности не контролировали Йемен. Так же как это произошло в Непале и Афганистане, в Йемене, поскольку он никогда не был колонизирован в полном смысле этого слова, так и не сложились сильные бюрократические институты. Когда я несколько лет назад находился в районе границы Йемена и Саудовской Аравии, то видел там множество пикапов, набитых вооруженными молодыми людьми, преданными тому или иному шейху, в то время как присутствие йеменских правительственных сил было едва заметным. Количество огнестрельного оружия в пределах границ страны достигает 80 млн единиц – почти по 3 штуки на каждого йеменца. Никогда не забуду, что американский военный эксперт сказал мне в столице Йемена Сане: «В Йемене более 20 млн агрессивных, хорошо вооруженных людей с коммерческим чутьем, которые еще к тому же очень трудолюбивы по сравнению со своими соседями из Саудовской Аравии. У него есть будущее, и оно до чертиков пугает правительство Эр-Рияда».

Саудовская Аравия нередко употребляется как синоним Аравийского полуострова, точно так же как Индия – полуострова Индостан. Но в то время как Индия имеет высокую плотность населения по всей территории страны, Саудовская Аравия с географической точки зрения представляет собой нечеткую сеть оазисов, разделенных широкими безводными пространствами. По этой причине автомобильные дороги и внутреннее воздушное сообщение крайне важны для единства регионов Саудовской Аравии. И в то время как Индия базируется на идее демократии и религиозного плюрализма, Саудовская Аравия зиждется на преданности большой королевской семье. Однако в то время как Индия практически окружена полудеспособными и неблагополучными странами, границы Саудовской Аравии на севере нечетко установлены в безобидной пустыне, а на востоке и юго-востоке защищены (за исключением разве что Бахрейна) крепкими, хорошо управляемыми автономными эмиратами и султанатами – государствами, которые, в свою очередь, сложились под влиянием истории и географии. Дело в том, что территории современного Кувейта, Бахрейна, Катара и Объединенных Арабских Эмиратов располагались вдоль торгового пути величайшей морской державы XIX в., Великобритании, в частности маршрута в Индию. Поэтому Великобритания вела переговоры и заключала сделки с шейхами, что привело к их

независимости после Второй мировой войны. Большие залежи нефти дополняют представление об этих «странах Эльдорадо», названных так британским арабистом Питером Мэнсфилдом.^[403]

В общем, на Аравийском полуострове остается лишь густонаселенный юго-запад, где Саудовская Аравия действительно уязвима, ведь именно оттуда через границу с Йеменом на территорию страны попадают оружие, взрывчатка и содержащие наркотик листья растения *кат*. И от того, как сложится будущее густонаселенного Йемена, где важную роль играет мощный племенной фактор, во многом зависит и будущее Саудовской Аравии. И географическое положение тут, возможно, значит намного больше, чем политические планы.

Иранское нагорье, с другой стороны, ассоциируется только с одной страной – Ираном. Население Ирана, составляющее 73 млн человек, в 2,5 раза больше, чем население Саудовской Аравии, и является наряду с населением Турции и Египта наибольшим на Ближнем Востоке. Более того, Иран достиг впечатляющих успехов в снижении уровня прироста населения, уменьшив его до менее 1 %, причем только 22 % населения страны моложе 15 лет. Таким образом, население Ирана – не обуза, как в случае с населением Саудовской Аравией, а преимущество. Можно утверждать, что, например, Турция обладает еще большим населением, аналогичным низким уровнем прироста населения и более высоким уровнем грамотности. Более того, Турция имеет стабильную аграрную экономику и более развитую, чем у Ирана, промышленность. Но о Турции речь пойдет позже. А пока отметим, что Турция

расположена к северо-западу от Ирана, ближе к Европе и значительно дальше от главных центров обитания арабов-суннитов. К тому же Турция занимает место в нижней части списка производителей нефти и газа. А вот Иран – третий в мире по запасам нефти (18 млрд т) и второй по запасам природного газа (27,5 трлн куб. м). Тем не менее именно преимущество в расположении Ирана, как раз к югу от маккиндеровского «Хартленда» и в спайкменовском «Римленде», гораздо более заслуживает наше внимание, чем любой другой фактор.

Практически все запасы нефти и природного газа Большого Ближнего Востока находятся в районе Персидского залива либо Каспийского моря. Подобно тому как расходятся лучами от Персидского залива морские пути, так и из Каспийского региона расходятся сейчас и будут расходиться в будущем к Средиземному и Черному морям, Китаю и Индийскому океану трассы трубопроводов. А единственная страна, которая охватывает обе эти богатые энергетическими ресурсами области, – это Иран, простирающийся от Каспийского моря до Персидского залива.^[404] В Персидском заливе сосредоточено 55 % запасов неочищенной нефти, а Иран господствует над большей частью залива, от реки Шатт-эль-Араб, на границе с Ираком, до Ормузского пролива за тысячу километров. Из-за маленьких заливов, небольших бухточек, больших бухт и островов – замечательных мест, где можно скрыть моторные лодки-камикадзе, таранящие танкеры, – береговая линия Ирана в Ормузском проливе составляет 2500 км. Следующая же по длине береговая линия ОАЭ составляет всего лишь неполные 1500 км. А еще территория Ирана омывается на протяжении почти 500 км Аравийским морем, на котором возле пакистанской границы находится порт Чахбехар. Это дает Ирану ключевую роль в обеспечении доступа по теплым морям к окруженным сушей среднеазиатским странам бывшего Советского Союза. Между тем побережье Каспийского моря на севере Ирана, обрамленное горами, густо поросшими лесами, простирается почти на 650 км от Астары на западе, на границе с Азербайджаном, до Бендер-Торкемана на востоке, на границе с Туркменистаном.

Есть еще кое-что, что можно увидеть, взглянув на карту рельефа Евразии. Вдоль западных границ с Турцией до Белуджистана на юго-востоке протянулись через весь Иран Загросские горы. К западу от Загросской горной цепи открыты все дороги в Месопотамию. Когда в 1934 г. британская путешественница Фрея Старк, ставшая автором более двух десятков книг о своих странствиях по Ближнему Востоку, исследовала Луристан в Загросских горах, отправной точкой для себя она, естественно, выбрала Багдад, а не Тегеран.^[405] На восток и северо-восток от этих гор открываются дороги в Хорасан и пустыни Каракум (Черный Песок) и Кызылкум (Красный Песок), расположенные в Туркменистане и Узбекистане соответственно. Точно так же, как Иран использует богатые залежи энергетических ресурсов Персидского залива и Каспийского моря, он контролирует территории, расположенные как на собственно Ближнем Востоке, так и в Средней Азии. Такой возможностью не обладает ни одна арабская страна (как ни одна арабская страна не имеет сразу два богатых энергетическими ресурсами участка на своей территории). На самом деле вторжение монголов в Иран, в ходе которого, по самым минимальным подсчетам, погибли сотни тысяч человек и была разрушена система орошения, *канат*,^[406] оказалось настолько опустошающим из-за планов Персии на Среднюю Азию. Иранское влияние в бывших советских республиках на Кавказе и в Средней Азии потенциально весьма велико, хотя эти же бывшие советские республики из-за наличия этнических соотечественников в Северном Иране теоретически могли бы дестабилизировать иранское государство. Тогда как в Азербайджане, граничащем с Ираном на северо-западе, проживают около 8 млн тюркоязычных азербайджанцев, в расположенных по соседству иранских провинциях Западный Азербайджан, Восточный Азербайджан и Тегеран количество азербайджанцев в два

раза больше. Азербайджанцы были «сооснователями» иранского государства. Первый шиитский шах Ирана (Исмаил, провозглашенный шахиншахом в 1501 г.) был азербайджанский тюрк. В Иране имеются влиятельные азербайджанские бизнесмены и аятоллы. Дело в том, что, тогда как влияние Ирана, распространяющееся в западном направлении на находящуюся поблизости Турцию и арабский мир, хорошо установленный факт, влияние Ирана на территории к северу и востоку от него так же сильно. И если в будущем в Иране и южных мусульманских регионах бывшего Советского Союза установятся более демократичные режимы, влияние Ирана может только усилиться по мере роста культурного и политического сотрудничества.

Иран, как нам известно из газет, имел, по крайней мере до недавнего времени, весьма завидное политическое положение в Средиземноморском регионе: в секторе Газа, контролируемом группировкой ХАМАС, в Южном Ливане, находящемся под контролем организации «Хезболла», и в баасистской Сирии. Тем не менее одна интерпретация течения истории и географии предполагает распространение влияния Ирана во всех направлениях. Во дворце правителей персидской империи VI в. Сасанидов в Ктесифоне, к югу от современного Багдада, у подножия шахского трона были свободные места для императоров Рима и Китая, а также лидера центральноазиатских кочевников, на случай если эти правители явятся просить о милости царя царей.^[407] Амбиции иранских правителей со временем не уменьшились, и в этом плане духовенство, в руках которого сегодня власть, очень похоже на покойного шаха. Кроме того, Иран – это не какое-то новообразование XX в., сочетающее в себе интересы семьи и религиозную идеологию и ограниченное к тому же произвольными границами, как, например, Саудовская Аравия. Территория Ирана как государства практически полностью совпадает с Иранским нагорьем – это, как выразился историк из Принстонского университета Питер Браун, своего рода «Ближневосточная Кастилия», развитие цивилизации которой распространяется далеко за ее географические пределы. Иран был первой супердержавой древнего мира. Персидская империя, даже во время осады Греции, «развернулась, как хвост дракона, до самого Окса, Афганистана и долины Инда», – пишет Браун.^[408] Мнение В. В. Бартольда, крупнейшего российского востоковеда, жившего на рубеже XIX и XX вв., подтверждает это. Говоря о Большом Иране как о территории между Евфратом и Индом, он называет курдов и афганцев исконно иранскими народами.^[409]

Из древних народов Ближнего Востока только у евреев и иранцев «есть тексты и культурные традиции, дожившие до современности», – пишет лингвист Николас Остлер.^[410] Персидский язык (фарси) в отличие от многих других не был вытеснен арабским и сейчас существует в том же виде, что и в XI в., хотя и перенял арабское письмо. Иран как национальное государство и развитая цивилизация имеет более древнюю историю, чем большинство регионов арабского мира и все страны Плодородного полумесяца, включая Месопотамию и Палестину. Иными словами, в Иране нет ничего искусственно созданного – само наличие соперничающих центров власти в рамках его клерикального режима говорит о более высоком уровне институционализации, чем где-либо еще в регионе, за исключением Израиля и Турции. Как Ближний Восток является четырехугольником, где сходятся Африка и Евразия, то есть «мировой остров», Иран – то самое ближневосточное место глобального соединения. «Ось» Хэлфорда Маккиндера нужно переместить с центральноазиатских степей к югу от них, на Иранское нагорье. Вовсе не удивительно, что Индия и Китай, чьи военно-морские силы в определенный момент XXI в. могут разделить господство над евразийскими морскими путями, вместе с ВМФ США всячески обхаживают Иран и стараются угодить ему. Хотя Иран значительно меньше по размеру и количеству населения, чем эти две державы, или

Россия, или Европа, если уж на то пошло, он из-за ключевого географического положения на Ближнем Востоке – как в плане расположения, так и населения и энергетических ресурсов – также имеет первостепенную важность для геополитики.

Существует также то, что британский историк Майкл Эксуэрсси называет «иранской идеей», которая, по его словам, в такой же мере относится к культуре и языку, как к нации и территории.^[411] Он имеет в виду, что Иран является цивилизационной точкой притяжения, какими были древние Греция и Китай, привлекающей народы и языки на свою лингвистическую орбиту, что, другими словами, является самой сутью идеи мягкой силы и так хорошо отражает концепцию Уильяма Мак-Нила о влиянии одной культуры и цивилизации на другую. Дари, таджикский, урду, хинди, бенгальский и иракский арабский языки либо являются вариантами персидского языка, либо сложились под значительным его влиянием. То есть можно проехать от Багдада до Калькутты и все равно остаться в пределах некой разновидности персидской культурной сферы. И лучше нам в этом разобраться поможет беглый взгляд на историю Ирана, с особым вниманием к старым картам.

Большой Иран зародился в конце VIII – начале VII вв. до н. э., когда ираноязычный народ мидийцы при содействии скифов основали в Северо-Западном Иране независимое государство. К концу VII в. до н. э. Мидийское царство уже простиралось от Центральной Анатолии до Гиндукуша (от Турции до Афганистана), а на юге оно доходило до Персидского залива. В 549 г. до н. э. Кир (Великий), царь из персидского рода Ахеменидов, захватил столицу Мидии Экбатану (Хамадан) в Западном Иране, подчинив впоследствии империи Ахеменидов всю Западную Азию от Средиземноморья и Анатолии до Сырдарьи. Карта империи Ахеменидов, управляемой из Персеполиса (возле Шираза) в Южном Иране, показывает древнюю Персию в период ее расцвета в VI–IV вв. до н. э. Страна простиралась от Фракии и Македонии на северо-западе и Ливии с Египтом на юго-западе до самого Пенджаба на востоке; и от Закавказья и Каспийского и Аральского морей на севере до Персидского залива и Аравийского моря на юге. Таким был регион «от Босфора до Инда», включая Нил. До этого подобной империи в истории человечества не существовало. Отношение Запада к Древнему Ирану определяется в основном войнами между Персией и Грецией в V в. до н. э., причем мы симпатизируем более прозападным грекам, а не азиатам-персам. Также верным является тот факт, что «Ойкумена», как отмечает Маршалл Ходжсон, в условиях относительного мира, терпимости и независимости Персии Ахеменидов и последующих империй, обеспечила прочное основание для появления и процветания великих религий и вероисповеданий.^[412]

«Парфяне, – пишет Майкл Эксуэрсси, – воплотили в себе самое лучшее, что было в иранском духе признание, приятие и терпимость по отношению к многообразию и сложности культур народов, которыми они правили».^[413] Проживавшие в северо-восточном иранском регионе Хорасан и примыкающей к нему пустыне Каракум ираноязычные парфяне правили в период между III в. до н. э. и III в. н. э., контролируя территорию от Сирии и Ирака до Центрального Афганистана и Пакистана, включая Армению и Туркменистан. Таким образом, скорее Парфянская империя, а не царство от Босфора до Инда или от Нила до Окса, как Персия Ахеменидов, представляет собой более реалистичную перспективу Большого Ирана в XXI в. И это не обязательно плохо. Ибо Парфянская империя была крайне децентрализована и представляла собой зону не прямого правления, а скорее, сильного влияния, которое значительным образом опиралось на искусство, архитектуру и административную практику, доставшиеся в наследство от греков. Что касается сегодняшнего Ирана, не секрет, что его клерикальный режим вызывает опасения, но демографические, экономические и политические силы в равной мере динамичны, а

основная масса населения довольно толерантна по отношению к другим народам.

Средневековая история региона и картографически, и лингвистически продолжает древнюю историю, хотя, возможно, и не так очевидно. В VIII в. политический центр арабского мира переместился на восток из Сирии в Месопотамию – то есть от халифов династии Омейядов к Аббасидам. Халифат Аббасидов на пике своего расцвета в середине IX в. простирался от Туниса до Пакистана и от Кавказа и Центральной Азии до Персидского залива. Столицей халифата был новый город Багдад, расположенный неподалеку от старой столицы Персии Сасанидов Ктесифона, а персидский бюрократический порядок, с целыми дополнительными уровнями в иерархии, поддерживал деятельность этой новой империи. Халифат Аббасидов стал скорее символом иранского деспотизма, чем страны, находящейся под властью арабского властелина. Некоторые историки приравнивают халифат Аббасидов к «культурной реконкисте» Ближнего Востока персами под видом арабских правителей.^[414] Аббасиды подчинились персидским порядкам, как Омейяды, чья столица Дамаск была ближе к Малой Азии, но перед этим подчинились византийским. «Персидские титулы, персидские вина и жены, персидские любовницы, персидские песни, а также персидские представления и образ мыслей взяли верх», – пишет историк Филип Хитти.^[415] Персы также сыграли свою роль в формировании монументальной кирпичной архитектуры Багдада и радиально-кольцевой планировки города.

«В западном представлении, – пишет Питер Браун из Принстона, – Исламская империя [Аббасидов] является воплощением восточного могущества. Ислам, однако, обязан за это не Мухаммеду и не воинственным завоевателям из VII в., а массивному возрождению восточных, персидских традиций в VIII–IX столетиях». «Арабскую военную машину остановил» не столько Карл Мартелл в битве при Туре в 732 г., сколько само основание Багдада в силу того, что во времена правления Аббасидов изменился характер верховной власти – из предводителя бедуинской конницы халиф превратился в главу имперского административного аппарата в расточительном персидском стиле.^[416]

И даже завоевание Багдада монголами в XIII в., разорившее Ирак и в особенности его систему орошения (как и в Иране) – разрушение, от которого Ирак никогда полностью не оправился, – не смогло прервать жизнестойкое персидское искусство и литературу. Поэзия Руми, Ираки, Саади и Хафиза родилась и расцвела после монгольского завоевания Ирана, Ирака и сопредельных стран ханом Хулагу. В результате этого завоевания Месопотамия превратилась в малярийное болото. Тоскуя по прошлому, по временам Сасанидов, которые правили империей более великой, чем империя их предшественников-парфян, и практически равной империи Ахеменидов, персидские художники и ученые стали украшением интеллектуальной и литературной деятельности цепочки следующих друг за другом неперсидских империй: империи Аббасидов, Газневидов, Сельджуков, Монгольской империи и империи Великих Моголов. Персидский язык был языком двора империи Великих Моголов, а также дипломатическим языком у османов. В Средневековье персы, может, и не правили напрямую от Босфора до Инда, как в древние времена, но они доминировали в литературной жизни в такой же мере. «Иранская интеллектуальная империя», как ее называет Эксуэрсис, была мощной *Идеей*, которая восхваляла завидное географическое положение Ирана, так что Большой Иран был исторически естественным явлением.^[417]

Что касается шиизма, он в значительной степени является компонентом этой Идеи – несмотря на мрачную с точки зрения культуры и гнетущую ауру, излучаемую правящим шиитским духовенством в наши смутные времена в Тегеране. Хотя приход Махди как «Сокрытого двенадцатого Имама» означает конец несправедливости, и это является

стимулом к радикальным мерам, мало что в шиизме, помимо этого, побуждает духовенство играть открыто политическую роль. Для шиизма даже характерны смирение и послушание властям, которые часто основаны на суфизме.^[418] Стоит посмотреть на пример главного духовного лица сегодняшнего Ирака, аятоллы Али Систани, который только в критические моменты призывает из-за кулис к политическому примирению. Именно из-за исторически сложившегося и основанного на географии симбиоза между Ираком и Ираном вполне возможным является то, что в постреволюционном Иране иранцы скорее будут обращаться за духовным наставлением в шиитские священные города Неджаф и Кербела в Ираке, а не в свой собственный священный город Кум. Или же Кум примет квиетизм Неджафа и Кербелы.

Французский востоковед-политолог Оливье Руа говорит нам, что шиизм исторически является арабским явлением, которое проникло в Иран довольно поздно, но которое в конечном итоге привело к установлению клерикальной иерархии, позволившей захватить власть. Шиизм в дальнейшем укреплялся традиционно сильным бюрократическим государственным строем, который в Иране существовал с древности и схож со строем государств арабского мира и который, как нам известно, частично является следствием пространственной целостности Иранского нагорья. Шиизм в Иран принесла в XVI в. династия Сефевидов. Их название происходит от их же собственного воинственного суфистского ордена «Сефевийе», который изначально был суннитским. Вокруг этого суфийского ордена консолидировались Сефевиды, или кызылбаши, одно из нескольких объединений кочевых племен конца XV в. смешанного турецкого, азербайджанского, грузинского и персидского происхождения, которые кочевали в гористом регионе между Черным и Каспийским морями, там, где сходятся восточная Анатолия, Кавказ и Северо-Западный Иран. Чтобы построить стабильное государство на Иранском нагорье, говорящем на фарси, эти новые правители смешанного языкового и географического происхождения утвердили иснашаритское направление шиитского ислама (двунадесятники) государственной религией в созданном ими государстве. В соответствии с этим направлением 12-й имам, прямой потомок Мухаммеда, вернется на землю, ибо он не умер, а был сокрыт.^[419] Такое развитие событий, конечно, не было predetermined историей или географией, а зависело в значительной мере от разных исторических личностей и обстоятельств. Если бы, например, правитель Олджейту из династии Ильханидов, потомок монгольских ханов, не принял шиизм в XIII в., развитие этого религиозного течения в северо-западном Иране могло бы пойти иначе, и кто знает, как бы все повернулось. В любом случае шиизм набирал силу среди различных тюркских племен в Северо-Западном Иране, подготавливая почву для появления сефевидского шаха Исмаила, который насаждал шиизм в завоеванных землях и приглашал арабских теологов с современного юга Ливана и Бахрейна, которые составили ядро духовенства в государстве.^[420]

Империя Сефевидов на пике своего процветания простиралась приблизительно от Анатолии и Сирии-Месопотамии до Центрального Афганистана и Пакистана – еще один вариант Большого Ирана, существовавший в истории. Шиизм стал фактором консолидации Ирана в современное национальное государство, хотя «иранизация» шиитских меньшинств неперсидского происхождения в XVI в. также сыграла свою роль.^[421] Может, Иран и был великой державой с древних времен, но Сефевиды, внедрив шиизм на Иранском нагорье, преобразовали страну, подготовив ее к современной эпохе.

В самом деле, революционный Иран конца XX – начала XXI в. является подходящим выражением этого могущественного и уникального наследия. Конечно, приход к власти аятолл стал мрачным событием в плане насилия, свершенного над такими – я не нахожу это преувеличением – роскошными, утонченными и интеллектуально побудительными

традициями иранского прошлого. «Персия – страна поэтов и роз!» – восклицает во вступительном послании к «Похождениям Хаджи-Бабы из Исфагана»^[422] его автор Джеймс Мориер, потомственный английский дипломат и знаток Востока.^[423] Но, как известно, серьезная наука всегда начинается со сравнения. По сравнению с переворотами и революциями в арабском мире в начале и середине холодной войны режим, правление которого началось с Иранской революции 1978–1979 гг., поражал активностью и современностью. Правда состоит в том, что все, что делалось и делается в Иране (и это напрямую восходит к древним Ахеменидам), делается хорошо. К примеру, создание крайне эффективных империй от Кира до Махмуда Ахмадинежада. Разве может кто-то отрицать недюжинный талант иранцев в руководстве террористическими организациями, действующими в Ливане, секторе Газа и Ираке, что, в конце концов, можно назвать выражением имперской традиции! Или, к примеру, политические идеи и труды шиитского духовенства; или общая эффективность бюрократических структур и служб государственной безопасности в применении радикальных мер против диссидентов. Революционный порядок в Тегеране представляет собой широкую правительственную структуру с рассредоточенными центрами власти. Это не жестокая «бандократия» в руках одного человека, каким являлось правление Саддама Хусейна в соседнем арабском Ираке. Оливье Руа говорит, что «оригинальность» Иранской революции заключается в союзе духовенства с исламистской интеллигенцией:

«Шиитское духовенство, бесспорно, более открыто по отношению к неисламскому миру, чем суннитские [арабские] улемы. Аятоллы черпают знания из множества книг (включая Маркса и Фейербаха), в них есть что-то от иезуитов или доминиканцев. Так что они сочетают четкий философский синкретизм с требовательным и точным соблюдением законов... Двойственная культура шиитского духовенства поражает – для нее характерны одновременно и крайний традиционализм, и чрезвычайная открытость навстречу современному миру...».^[424]

В действительности именно эта «продвинутость» и модернизм дают «шиитскому мировоззрению», по словам Руа, «способность приспособиться к идее революции». Эта идея, в свою очередь, требует чувства истории и социальной справедливости в сочетании с идеей мученичества. В суннитском арабском мире конца XIX – начала XX в. были свои реформаторы и мыслители, такие как Мухаммад Абдо и Рашид Рида. Но сунниты были слишком долго закрыты от идей западных политических философов, таких как Гегель и Маркс, значительно больше, чем Иран, где моральное превосходство мулл основано на понимании цели истории как раз таки в духе Гегеля и Маркса. В отличие от консерватизма моджахедов Афганистана или удушающих военных режимов арабского мира революционеры Ирана 1980-х гг. рассматривали себя как часть братства, куда входят сандинисты Никарагуа и Африканский национальный конгресс ЮАР.^[425] Хотя правящее духовенство в последние годы стало прибегать к более жестоким мерам подавления несогласия, что говорит о том, что режим находится в стадии упадка, – сама абстрактная и догматическая природа внутренних распрей, которые все еще случаются за закрытыми дверями, свидетельствует о возвышенной природе иранской культуры. Иранское государство более сильное и имеет более развитую структуру, чем любое другое государство Большого Ближнего Востока, за исключением Турции и Израиля, а исламская революция не разрушила иранское государство, а, скорее, влилась в него. Режим, гарантирующий всеобщее избирательное право, учредил президентскую систему, хотя, по всей видимости, фальсифицированные выборы 2009 г. говорят о злоупотреблениях со

стороны интеллигенции и служб безопасности.

Кроме того, режиму духовенства в Иране так хорошо удается достигать своих целей от Ливана до Афганистана именно из-за того, что он тесно переплелся с иранским государством, которое само по себе развилось под влиянием исторических и географических факторов. Иранское «Зеленое движение», которое сформировалось в процессе массовых демонстраций, последовавших за спорными выборами 2009 г., само очень похоже на режим, который стремится свергнуть – по стандартам региона это движение достаточно интеллигентное (по крайней мере до «Жасминовой революции» в Тунисе два года спустя), и в этом также проявился иранский дух. Это демократическое движение мирового значения, использующее новейшие достижения в коммуникационных технологиях – Twitter, Facebook, SMS-рассылку – для того, чтобы усилить вес организации. Оно успешно и эффективно совмещает национализм и глобальные моральные ценности для продвижения своих идей. Иранским властям пришлось задействовать все способы подавления – включая довольно радикальные, – чтобы загнать «Зеленое движение» в подполье. Если бы этому движению удалось взять власть в стране в свои руки или хотя бы модернизировать философию и внешнюю политику существующего режима, то Иран в силу своей государственной мощи и динамичности Идеи обладал бы достаточными средствами, чтобы увести весь Ближний Восток в сторону от радикальных взглядов и действий. «Зеленое движение» стало политическим самовыражением для новой буржуазии с ценностями, характерными для среднего класса. Это тот слой населения, который постепенно формировался на всей территории Ближнего Востока и до «арабской весны» 2011 г. был скрыт от общественного внимания из-за американской одержимости «Аль-Каидой» и исламским радикализмом.^[426]

Говорить о предназначении – довольно опасное занятие, поскольку оно предполагает принятие судьбы и детерминизм, но, учитывая географию, историю и человеческие ресурсы Ирана, кажется вполне обоснованным предположение, что политическая эволюция Ирана, что бы ни случилось, значительным образом скажется на судьбе не только Большого Ближнего Востока, но и Евразии в целом.

Лучшим доказательством того, что Ирану предстоит сыграть подобную роль, служит то, что пока еще только назревает в Средней Азии. Я сейчас объясню. География Ирана, как было отмечено, такова, что он граничит со Средней Азией в той же мере, что и с Месопотамией и Ближним Востоком. Но, если принимать во внимание историю Большого Ирана в регионе в целом, развал Советского Союза едва ли принес большую пользу Ирану. Сам суффикс «-стан», который используется в названии стран Средней Азии и означает «место», персидского происхождения. Проводниками исламизации и цивилизации в Средней Азии были персидский язык и культура, к тому же языком интеллигенции и других элит в этом регионе вплоть до начала XX в. была та или иная разновидность персидского языка. Тем не менее, как утверждают и Руа, и другие исследователи, после 1991 г. контролируемый шиитами Азербайджан, расположенный к северо-западу от Ирана, принял алфавит на латинской основе, а в качестве старшего товарища выбрал себе Турцию. Что касается республик к северо-востоку от Ирана, то Узбекистан с преобладающим суннитским населением больше ориентировался на национализм, чем на ислам, боясь распространения в стране фундаменталистских настроений, и из-за этого относится к Ирану с настороженностью. Таджикистан же, хоть и суннитский, но говорящий на персидском языке, ищет в лице Ирана защиту, но свобода действий Ирана в этом плане связана нежеланием стать врагом для многих тюркоязычных мусульман в других регионах Средней Азии.^[427] Более того, ведя кочевой и полукочевой образ жизни, жители Средней Азии редко неотступно следовали канонам ислама, а оседлость и последующая за этим государственность только

укрепили тенденцию к отделению государственных дел от религии. Так что жителей среднеазиатских республик, столкнувшихся с необходимостью открывать для себя ислам заново, Иран, где власть в руках духовенства, пугает и настораживает.

Конечно, с точки зрения Тегерана, были и положительные моменты. Иран находится среди наиболее технологически развитых стран Ближнего Востока, как показывает его ядерная программа (что согласуется с культурой и политикой страны). Такой уровень развития технологии позволил разработать проекты гидроэлектростанций, а также строить автомобильные и железные дороги в этих среднеазиатских странах, которые однажды привяжут их всех к Ирану – напрямую или через Афганистан. Более того, теперь юго-восточный Туркменистан с Северо-Восточным Ираном соединяет газопровод. По нему туркменский газ транспортируется в иранскую часть Каспийского региона, позволяя, таким образом, Тегерану использовать собственные мощности по добыче газа в Южном Иране для экспорта через Персидский залив (Иран и Туркменистан с 1990-х гг. также связаны и железнодорожным сообщением). Туркменистан обладает четвертыми по размеру запасами природного газа в мире и экспортирует весь газ в Иран, Китай и Россию. Отсюда возникает возможность создания евразийской энергетической оси, продиктованной географическим положением трех континентальных держав, которые в данный момент все являются противниками западной демократии.^[428] Иран и Казахстан построили нефтепровод, соединяющий две страны. Нефть из Казахстана поставляется на север Ирана, хотя такое же количество нефти экспортируется с юга Ирана через Персидский залив. В будущем эти страны также сохранят связь посредством железнодорожного сообщения, которое предоставит Казахстану прямой доступ к Персидскому заливу. Железнодорожная магистраль также может связать с Ираном через Афганистан и горный Таджикистан. Для всех этих богатых на природные ресурсы стран кратчайший путь к международным рынкам лежит через Иран.

Так что представим себе, как Иран перерезает трубопроводы Средней Азии, создавая вместе с внесистемными группировками под их контролем в других странах что-то вроде террористической империи на Большом Ближнем Востоке. Очевидно, что речь идет о наследнике маккиндеровской «Оси Хартленда» в XXI в. Но все равно остается одна проблема.

Учитывая престиж шиитского Ирана в регионах суннитского арабского мира, не говоря уже о шиитском Южном Ливане и Ираке, престиже, обусловленном безоговорочной поддержкой Палестины и связанным с этим антисемитизмом, показательным является то, что эта способность привлекать массы по ту сторону государственной границы не распространяется на Среднюю Азию. Одной из причин этому является тот факт, что бывшие советские республики поддерживают дипломатические отношения с Израилем и не разделяют ненависти к еврейскому государству, все еще повсеместно встречающейся в странах арабского мира, несмотря на начальные стадии «арабской весны». Но есть кое-что более глубокое и масштабное, что настораживает в Иране не только страны Средней Азии, но и страны арабского мира. Это кое-что – это непоколебимость удушающего режима правления духовенства, который поражает своей жестокостью и изобретательностью в подавлении демократической оппозиции и пытках, надругательствах над людьми. Именно он развеял привлекательный ореол языковой общности и космополитизма, который на протяжении всей истории сопровождал Большой Иран в его культурном развитии. Иранские пейзажи под властью этого режима потеряли свой живой цвет и богатство красок – теперь это грубое черно-белое фото.

Несколько лет назад я был в Ашхабаде, столице Туркменистана, откуда Тегеран и Мешхед, находящийся в провинции Хорасан, по ту сторону иранской границы, в

противоположность собственным туркменским скудно населенным ландшафтам, подходящим для кочевого образа жизни, всегда казались многонациональными центрами торговли и паломничества. Хотя торговые связи между Туркменистаном и Ираном, как и связи в сфере строительства и эксплуатации трубопроводов, развиваются быстро, для туркмен-мусульман (которые в большинстве своем не поддерживают идею вмешательства духовенства в государственные дела и которых муллы только отпугивают) все же нет в Иране настоящего очарования, настоящей привлекательности. Пусть влияние Ирана действительно велико из-за открытого вызова Америке и Израилю, я все же не думаю, что мы увидим Иран по-настоящему привлекательным при всем его культурном великолепии, пока действующий режим не смягчится или не будет свергнут. А вот демократический или псевдодемократический Иран, благодаря географическим преимуществам иранского государства, имеет возможность преисполнить энтузиазмом миллионы мусульман в арабском мире и Средней Азии.

Суннитскому арабскому либерализму может способствовать в его подъеме не только пример Запада или демократического, но все еще неблагоприятного Ирака, но и вызов, брошенный шиитским Ираном, в котором новые либеральные тенденции сочетались бы с историческим многообразием. Такой Иран мог бы сделать то, что не удалось сделать западной демократии и пропаганде гражданского общества за 20 лет после окончания холодной войны, – привести к значительному улучшению уровня жизни среднеазиатских стран.

Шиитский режим в Иране на какое-то время смог вдохновить деклассированных правоверных суннитов и угнетенных на всем Ближнем Востоке выступить против устаревших авторитарных режимов в их странах, в итоге некоторые были повержены. Благодаря идейной бескомпромиссности и быстро реагирующей внешней разведке Иран стоит во главе неординарной постмодернистской империи, объединяющей военизированные внесистемные течения, существующие на территории разных государств, включая ХАМАС в Палестине, «Хезболлу» в Ливане, а также «Армию Махди» в Южном Ираке. И все же иранский режим вызывает тихую ненависть во многих регионах внутри самой страны, где исламская революция, какой ее увидели иранцы, означала отключение электричества, провальную финансовую политику и неумелое управление. Борьба за Евразию, как я объяснял, ведется на нескольких фронтах, и все они переплетаются друг с другом. Но первым среди равных в этом отношении является фронт, на котором идет война за умы и души иранцев, а население Ирана, наряду с турками, является наиболее образованным в мусульманском мире. Здесь борьба идеологий накладывается на законы географии – это здесь либеральный гуманизм Берлина встречается с квазидетерминизмом Маккиндера.

Какими бы непреодолимыми и подавляющими ни казались силы географии, очень многое может измениться в одно мгновение. Взять, например, историю выдающегося завоевателя XVIII в. Надир-шаха в постсефевидском Иране. Родом из тюркских племен Хорасана на северо-востоке Ирана Надир-шах построил персидскую империю, простиравшуюся от Закавказья до реки Инд. Он взял штурмом Багдад, Басру, Киркук, Мосул, Кандагар и Кабул – места, которые создают столько проблем для Америки в начале XXI в. и которые редко уходили из-под власти Ирана. Если бы Надир-шах, как пишет Майкл Эксуэрс, не помешался умом в последние пять лет своей жизни, он мог бы построить в Иране «современное государство, способное противостоять колониальному вмешательству» европейцев в XIX в. Но его запомнили не как выдающегося правителя, который мог бы радикально изменить иранскую историю к лучшему (как, например, Петр Великий в России), вместо этого его правление в итоге закончилось управленческим хаосом и экономической

катастрофой, что и оставило по себе конечную память. [\[429\]](#)

В качестве другого примера возьмем свержение иранского шаха Мохаммеда Реза Пехлеви в 1979 г. Генри Киссинджер как-то говорил мне, что, если бы в конце 1970-х во время восстания против шаха администрация Картера действовала более компетентно, сам шах мог бы сохранить власть, а Иран сейчас был бы похожим на Южную Корею – с энергичным режимом, хотя и с недостаточно развитой демократией. И пусть у него были бы постоянные мелкие разногласия с США, но в общем и целом Иран был бы союзником Америки. По его мнению, режим шаха был способен меняться и проводить реформы, особенно если учесть демократический подъем в Советском Союзе через десятилетие. И хотя обвинять президента Картера в падении шаха Пехлеви было бы слишком нелепо, тем не менее возможности, которые могли бы возникнуть при несколько ином исходе Иранской революции, все еще занимают воображение многих политиков. Кто знает? А я знаю только, что, когда путешествовал по Ирану в 1990-х гг., побывав незадолго до этого в Египте, именно Иран был гораздо менее агрессивно настроен по отношению к Америке и Израилю, чем Египет. Иран с еврейским народом от древних времен до конца правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви все время связывали относительно хорошие отношения. Население Ирана живет надеждой и верой в будущее и для этого имеет большие перспективы.

Еще можно вспомнить, какая возможность была предоставлена США после терактов 11 сентября 2001 г., когда и аятолла Али Хомейни, и президент Ирана Мохаммад Хатани однозначно осудили террористические действия суннитской «Аль-Каиды», а на улицах Тегерана иранцы читали молитвы о погибших. А ведь в это время в некоторых других частях арабского мира огромные толпы на улицах радостно приветствовали эти террористические акты. Несколько позже в том же году Иран оказывал помощь коалиции во главе с США в борьбе против «Талибана». Также Иран предлагал провести серьезные переговоры после падения Багдада в 2003 г. Все это свидетельствует о том, что история вовсе не обязательно должна была развиваться так, как она развивалась в действительности. Были возможны и другие варианты.

Географическое положение определяет ту стержневую роль, которую Ирану суждено играть на Большом Ближнем Востоке и в Евразии в целом, и может диктовать, в какой степени она будет стержневой, но не может диктовать того, ради каких целей это положение будет стержневым. Такого рода решения находятся сугубо в руках людей.

На данный момент, в соответствии с новаторскими империалистическими традициями своего античного и средневекового прошлого Иран построил военную империю, первую в своем роде – империю без колоний, без танков, бронетехники и авианосцев, которые обычно ассоциируются с властью и мощью. Империализм Ирана не соответствует классическому пониманию этого явления, выражающемуся в двух словах – вторжение и оккупация. Как пишет бывший оперативный офицер ЦРУ, а ныне писатель Роберт Бэр, Иран скорее является супердержавой на Ближнем Востоке благодаря «стратегии, совмещающей три аспекта: опосредованную войну, использование асимметричных средств борьбы и привлекательность для... угнетенных», в особенности целых легионов молодых и недовольных мусульман. «Хезболла», арабская шиитская организация в Ливане, действующая в интересах Тегерана, как отмечает Бэр, «обладает фактической государственной властью» в стране, поскольку ее военный и административный вес, а также симпатии населения к ней значительно больше, чем значение и признание официальных властей в Бейруте. В секторе Газа негласная военная и финансовая помощь шиитского Ирана, а также его «простая антиколониальная идея» подкупают бедных палестинцев, прозябающих в условиях, подобных условиям

южноафриканского Союзто времен апартеида; тех палестинцев, от которых отвернулись соседние суннитские арабские государства, управляемые людьми, подобными бывшему египетскому диктатору Хосни Мубараку, руководившему страной в 1981–2011 гг.^[430] Иран, расположенный в 1500 км к востоку, оказался ближе этим обездоленным палестинцам, чем Египет под властью Мубарака всего лишь по ту сторону границы. В этом тоже есть проявление духа Ирана. Еще можно вспомнить дружественные Тегерану правительства в Сирии и Ираке. Причем Сирия считает Иран своим ближайшим союзником, а политический истеблишмент Ирака опутан сетями иранской разведки, которая может как стабилизировать ситуацию в стране, так и дестабилизировать ее – по своему усмотрению. И наконец, есть сам Персидский залив, где Иран является единственной крупной державой с длинной изрезанной береговой линией. И этой державе едва ли могут противостоять небольшие и слабые арабские монархии, каждую из которых Тегеран может разгромить в открытом военном конфликте, или подорвать посредством действий местного шиитского населения, выступающего в качестве «пятой колонны» (особенно это видно на примере Бахрейна), или подорвать их экономику, устраивая в Ормузском проливе террористические акции.

Хотя сегодня Иран выглядит грозным и устрашающим, нет в его нынешнем влиянии важнейшего элемента, связанного с просвещенностью. В отличие от держав Ахеменидов, Сасанидов, Сефавидов и других иранских империй прошлого, которые или оказывали благотворное влияние, или вдохновляли в моральном и культурном смысле, империя, существующая сейчас, господствует, запугивая и угрожая, при помощи террористов-смертников, а не поэтов. Это, с одной стороны, ограничивает ее власть, а с другой – говорит о ее неминуемой гибели.

Богатая культура, огромная территория, быстро растущие и густонаселенные большие города Ирана делают его целым миром, небольшой вселенной, подобно Китаю и Индии, будущее которой станет главным образом определяться внутренней политикой и социальными условиями. И все же, если бы понадобилось выделить ключевой момент, определяющий судьбу Ирана, это будет Ирак. Ирак, как свидетельствуют история и география, вплетен в политику Ирана как ни одна другая страна мира. Шиитские мечети имама Али (двоюродного брата Пророка, его зятя и сподвижника) в Эн-Наджафе и имама Хусейна (внука Пророка) в Кербеле, расположенные в южно-центральной части Ирака, положили начало школам мусульманского богословия, соперничающим со школой мусульманского богословия в иранском Куме. Если бы иракская демократия могла обеспечить хотя бы толику стабильности, более свободная интеллектуальная атмосфера священных городов Ирака могла бы повлиять на политику Ирана. В более широком смысле демократический Ирак послужит силой притяжения, которой в будущем могли бы воспользоваться иранские реформаторы. По мере того как Иран все глубже проникает в политику Ирака, сама близость двух этих стран с протяженной общей границей могла бы подорвать ту из двух систем, которая более склонна к репрессиям. На политику Ирана серьезно повлияет взаимодействие с плюралистическим арабским шиитским обществом. Экономический кризис в Иране продолжает усугубляться, и поэтому простых иранцев может возмутить тот факт, что их правительство тратит сотни миллионов долларов на покупку влияния в Ираке, Ливане или где-либо еще. И это не говоря уже о том, что иранцев будут все больше ненавидеть в Ираке как пришедших на смену «мерзким американцам». Иран просто хотел бы воздействовать на иракские шиитские партии, чтобы противодействовать суннитским партиям. Но добиться этого полностью невозможно, поскольку это сузило бы широкий размах радикального исламского универсализма, который Иран желает представлять в преобладающе суннитском мире,^[431] до масштаба религиозного сектантства, которое едва

ли может привлечь кого-либо за пределами шиитской общины. Так что Иран может увязнуть в попытках сформировать хрупкие и нестабильные коалиции между суннитами и шиитами в Ираке и заставить их функционировать постоянно, хотя вмешательство во внутренние дела страны вызывает все большую ненависть иракцев. Не оправдывая то, как планировалась и проводилась кампания по вторжению в Ирак в 2003 г., как расходовались триллионы долларов, не оправдывая и потерю сотен тысяч жизней в этой войне, заметим, что может оказаться, что падение Саддама Хусейна стало тем поворотным моментом, с которого началось освобождение двух стран, а не одной. Точно так же, как географическое положение способствовало ловкой колонизации Ираном иракской политики, оно могло бы помочь Ираку оказывать влияние на Иран.

Освобожденный Иран наряду с менее автократическими правительствами в арабском мире, которые больше бы занимались внутренними делами из-за своей собственной незащищенности, способствовали бы более гибкому и равному соотношению сил между суннитами и шиитами на Ближнем Востоке. Это бы заставило страны региона обратить больше внимания на внутреннее и региональное развитие своих стран, чем на Америку и Израиль. Кроме того, более либеральный режим в Тегеране способствовал бы созданию широкой культурной среды, достойной древних персидских империй, которая не ограничивалась бы противодействием реакционных сил духовенства.

Более либеральный Иран, учитывая значительную массу курдских, азербайджанских, туркменских и других меньшинств на севере и в других регионах, также мог бы означать Иран, менее управляемый из центра, где этническая периферия отклонялась бы от орбиты Тегерана. Иран часто был скорее не государством, а многонациональной империей без четких границ. Его истинные масштабы никогда не соответствовали картографическим рамкам – будучи или меньше, или больше. Северо-запад современного Ирана населен курдами и азербайджанцами, части же Западного Афганистана и Таджикистана в культурном и языковом плане близки иранскому государству. Именно к этим нечетким границам, настолько близким к границам парфянской империи, мог бы в конечном итоге вновь прийти Иран, по мере того как волна исламского экстремизма и воспринимаемой легитимности режима мулл сойдет на нет.^[432]

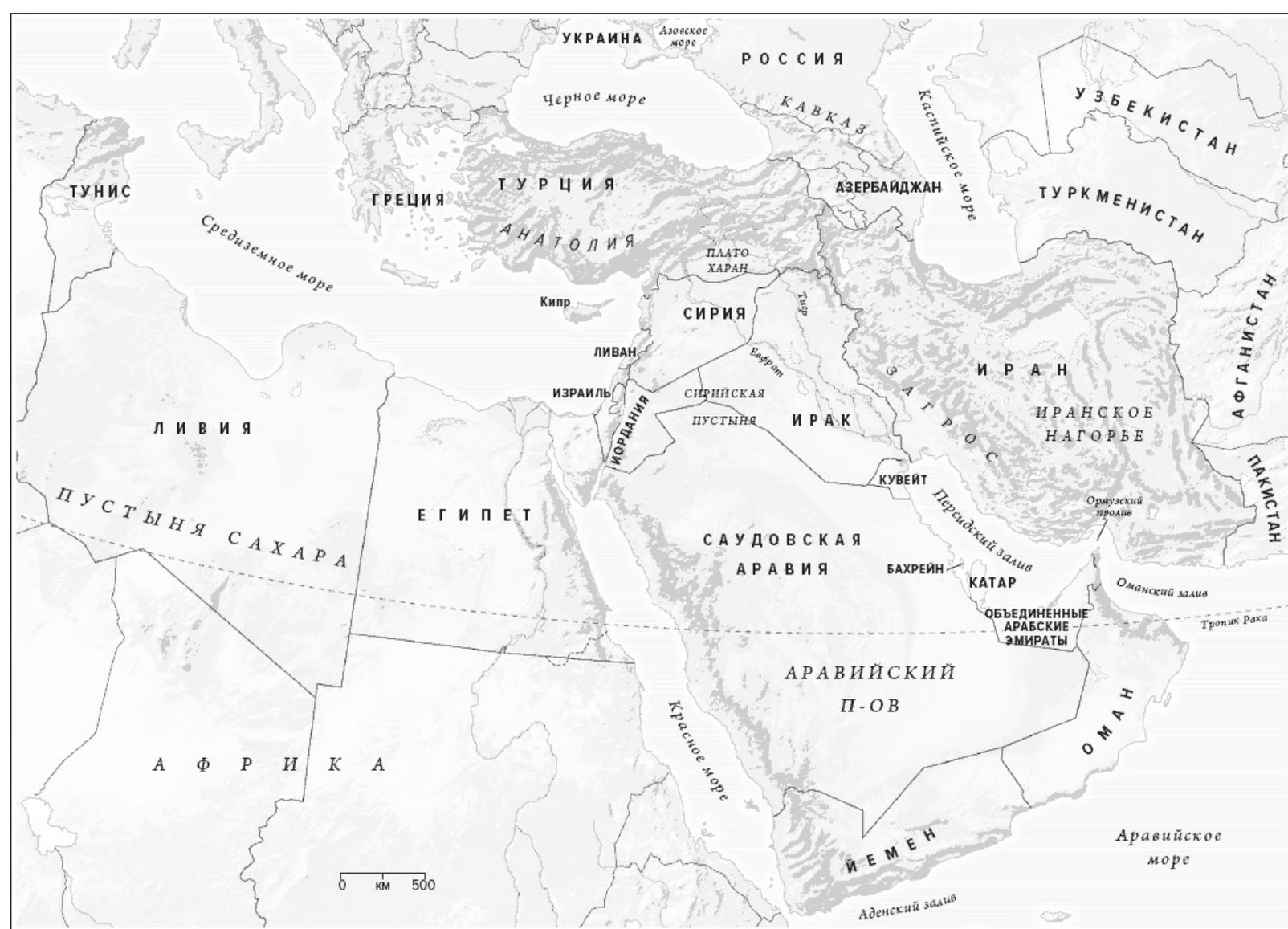
Если Иранское нагорье – это наиболее важное географическое формирование на Большом Ближнем Востоке, то значение полуострова Анатолии (Малой Азии), далеко выдвинутого на запад, по сравнению со всеми остальными частями Азии, является естественным следствием этого утверждения. Точно так же, как Иранское нагорье практически полностью занято одной страной – Ираном, так и полуостров Анатолия полностью занят Турцией. Вместе эти две страны, сформированные горами и плоскогорьями, возвышающимися над пустынной Аравией, вмещают население в 138 млн человек, что больше чем население всех 12 лежащих к югу арабских стран, расположенных в зоне Плодородного полумесяца и на Аравийском полуострове. Чтобы арабы перевесили в демографическом плане Турцию и Иран, нужно было бы еще прибавить к населению этих арабских стран также население Египта и остальных государств Северной Африки.

Турция и Иран – важнейшие элементы как маккиндеровского пояса пустынь, так и спайкменовского «Римленда» – также являются самыми богатыми сельскохозяйственными экономическими системами Ближнего Востока, для которых характерен самый высокий уровень индустриализации и технологического развития. Само существование ядерной программы Ирана вместе со способностью Турции при желании запустить такую же программу ради национального престижа создают резкий контраст с Саудовской Аравией и другими арабскими странами, которым не хватает интеллектуальных ресурсов для собственных программ подобного толка. Последней потребовалось бы заимствовать технологии у стран, которые уже имеют ядерное оружие, например у Пакистана.

Турция, как и Иран, оказывает определяющее влияние в своем регионе. В эту сферу влияния входят (по часовой стрелке) Балканы, Черное море, Украина и южная часть России, Кавказ и арабский Ближний Восток. Турция, в особенности в сравнении с арабским миром, по словам политтехнолога Джорджа Фридмана, «является островом стабильности среди моря хаоса».^[433] Тем не менее, хотя Турция и оказывает влияние на окружающие ее регионы, расположение Турции как участка суши, омываемого Средиземным морем на юге и Черным морем на севере, делает ее частично островным государством. Поскольку значительная часть границы Турции проходит не по суше, а по морю, это означает, что, несмотря на оказываемое влияние, географическое положение Турции не так кардинально для соседних государств, как положение Ирана. Влияние Турции на Балканах к западу и в Сирии и Месопотамии к югу по своей природе главным образом является экономическим. Хотя совсем недавно ее роль расширилась до участия в постконфликтном урегулировании в бывшей Югославии в качестве посредника. Только на Кавказе, и в особенности в Азербайджане, где язык очень похож на турецкий, Турция обладает мощным дипломатическим весом, который может существенно определять текущую политическую обстановку.

Турция, по сути, контролирует главный водосбор рек Тигр и Евфрат. Это огромное географическое преимущество, которое дает стране возможность отрезать поставку воды в Сирию и Ирак. Но если бы Турция действительно так поступила, это можно было бы приравнять к объявлению войны. Так что Турции нужно действовать тонко и осторожно, утверждая это свое преимущество. Именно страх, что Турция может ограничить поступление воды, забирая ее в верховьях рек в целях развития собственной сельскохозяйственной деятельности, дает Турции весомые рычаги влияния на арабскую политику. Относительно новым геополитическим фактом, который часто не принимают во внимание, является проект

развития юго-восточной части Анатолии, центральным элементом которого является плотина Ататюрка на реке Евфрат в 40 км к северу от Шанлыурфы (средневековая Эдесса) возле сирийской границы. Около 5000 кв. км пахотных земель на Харранском плоскогорье орошаются при помощи безнапорного стока воды, поступающей с этой плотины. Вся система плотин на реке Евфрат, разработанная в 1970-х и построенная в 1980-х и 1990-х гг., которая фактически в состоянии доставлять воду вплоть до засушливого Западного берега реки Иордан в Палестине, сделает Турцию более значимой державой для арабского Ближнего Востока в XXI в., чем она была в XX в. Более сильное политическое влияние, которое Турция стала приобретать в последнее время, нужно рассматривать в контексте этой новой географической реальности.

Хотя сейчас по заголовкам газет весьма заметно, что Турция проявляет серьезный интерес к Ближнему Востоку, так было не всегда. С самого возникновения Османской турецкой империи в XIII в. османы сосредоточивали свое внимание в основном на территориях к северо-западу, на Европе, где были богатство и выгодные торговые пути. Эта тенденция зародилась в период позднего Средневековья, когда развивающаяся Центральная Европа как магнит притягивала турецкие племена. Последние и сами по себе стремились продвинуться в западном направлении через всю Анатолию к Балканам, наиболее плодородным в сельскохозяйственном отношении землям в непосредственной близости от Анатолии. Турция может ассоциироваться со всем Анатолийским полуостровом, но, как и в

случае с Россией, основная демографическая масса и промышленная мощь на протяжении веков концентрировались на западе, близко к Балканам, но достаточно далеко от Ближнего Востока. Основная часть поселений османов располагалась неподалеку от Европы. Однако горная местность остальной Анатолии имела сильно пересеченный рельеф, где каждая горная долина отделена от другой, что препятствовало созданию крепких племенных союзов. Эти племенные союзы, появившись они на политической карте страны, могли бы бросить вызов власти османов в регионах, близких к Кавказу и Ближнему Востоку. В самом деле, поскольку география не способствовала установлению контактов и сношениям в Восточной Анатолии, организованные династии вроде Сельджукидов или Османов могли непрерывно править сотни лет подряд из удаленного центра в западной Анатолии, то есть европейской Турции.^[434] Как невероятный рельеф местности Восточной Сибири и российского Дальнего Востока защищает Россию в Европе от серьезных проблем с востока, так же дело обстоит и с Анатолией и турками-османами. За исключением того, что поскольку Анатолия имела протяженные морские границы, то правители в Константинополе гораздо меньше опасались вторжений на свою периферию, чем в России. Анатолия – компактна по размерам, а Россия – огромна.

Таким образом, турецкая демография подчеркивает географию страны. Анатолия расположена дальше от ближневосточного «Хартленда», чем Иранское нагорье, а преимущественное размещение населения страны на северо-западе Турции в последние столетия только усугубило эту тенденцию. Военным набегам османов на Центральную Европу, в которых было что-то от кочевнических походов и которые закончились осадой Вены в 1683 г., способствовала политическая разобщенность самой Европы. Франция, Великобритания и Испания были заняты тем, что пытались друг друга перехитрить, а также интересовались в основном своими колониями в Новом Свете по ту сторону Атлантики. Венеция была втянута в длительную борьбу с Генуей. Папство переживало свои кризисные моменты. А славяне южных Балкан были настроены друг против друга – еще один случай, когда горный рельеф способствовал социальному и политическому разделению. В конце концов, как пишет Герберт Гиббонс, «...двигаясь из Европы, можно было завоевать Малую Азию и другие территории; из Азии же нельзя было завоевать ни клочка Европы».^[435] Он имел в виду, что для того, чтобы действительно объединить засушливые земли Анатолии и углубиться на Ближний Восток, турки-османы сначала нуждались в материальных ресурсах, которые им могло дать только завоевание Балкан. Само положение столицы Османской империи – Константинополя – укрепляло связь с Европой и Ближним Востоком, поскольку город был безопасной гаванью, дающей доступ к Балканам, Средиземному морю и Северной Африке, а также конечным пунктом для караванных маршрутов из Персии, с Кавказа и более дальних земель.

В таких географических условиях возникла большая многонациональная империя, которая к концу XIX в. уже отжила свое и была охвачена предсмертной агонией, хотя Османский султанат окончательно приказал долго жить только после поражения в Первой мировой войне. Мустафа Кемаль Ататюрк («Отец турок»), единственный непобежденный османский генерал, создатель современного турецкого государства в Анатолии, которое пришло на смену империи после территориальных потерь на Балканах и Ближнем Востоке, был истинным революционером. Ему удалось изменить систему ценностей своего народа. Он понимал, что европейские державы одолели Османскую империю не за счет более многочисленных армий, но за счет более развитой цивилизации, которая подняла эти армии на более высокий уровень. Впредь Турция должна будет стать государством западного типа, говорил он, которое бы уверенно двигалось в культурном и политическом отношении в

Европу. Поэтому он упразднил мусульманские религиозные суды, ввел запрет на ношение мужчинами фески, заставил женщин снять хиджаб и с арабской вязи перевел письменность на латинский алфавит. Но, сколь бы революционными эти действия ни были, они также явились апогеем той одержимости, которую Турция на протяжении столетий испытывала по отношению к Европе. И хотя Турция сохраняла нейтралитет на протяжении практически всей Второй мировой войны, кемализм – прозападная, светская идеология Ататюрка – определял развитие турецкой культуры, и в особенности ее внешнюю политику, и 10 лет спустя после окончания холодной войны. В самом деле, многие годы Турция лелеяла надежды присоединиться к Евросоюзу (ЕС) – об этой навязчивой идее турецкие чиновники совершенно определенно говорили мне во время моих многочисленных поездок в страну в 1980–1990-х гг. Но в первое десятилетие XXI в. стало очевидно, что Турция может так никогда и не стать полноправным членом ЕС. Причина была до неприличия проста и пахла географическим и культурным детерминизмом – хотя Турция является демократическим государством и даже членом НАТО, она все же мусульманская страна, а значит, ее членство в ЕС нежелательно. Этот отказ стал шоком для турецкой политической элиты. Более того, он совпал с другими тенденциями в обществе, которые положили начало внесению значительных поправок в турецкую историю и географию.

На самом деле европейский вектор развития, который Ататюрк навязал Турции, был связан с определенными противоречиями. Ататюрк родился и вырос в Салониках, в Северной Греции, среди греков, евреев и других меньшинств, то есть, по сути, он был европейцем, поскольку Салоники в конце XIX в. были многоязычным аванпостом космополитизма. Более того, он давал удивительно современное национальной принадлежности, говоря, что всякий, кто называет себя турком, говорит по-турецки и живет в Турции, является турком, будь он даже иудеем или христианином. Столицу он перенес из Стамбула (Константинополя) в европейской части Турции (из-за ассоциации Стамбула со старым режимом) в Анкару, самое сердце Анатолии. Он также не предпринимал никаких шагов, чтобы вернуть утраченные османские провинции на Балканах или Ближнем Востоке. Скорее, его стратегией было создание моноэтнического турецкого государства с центром в Анатолии, которое было бы крепко связано с Европой и Западом. Опорой кемалистам станет турецкая армия, поскольку кемализму так и не удалось прийти при жизни Ататюрка к настоящей демократии. Ушли десятки лет на то, чтобы понять, в чем проблема – в том, что, концентрируясь на Анатолии, он невольно сделал акцент на исламской цивилизации, которая более глубоко укоренилась в Малой Азии, чем в европейской Турции Константинополя и султаната. Более того, демократия, развивавшаяся в Турции неравномерно, в периоды между повторявшимися военными переворотами наделила правом голосовать бедных и набожных турок во внутренних районах Анатолии.

В первые десятилетия существования Турецкой Республики богатство и власть находились в руках военных и стамбульской элиты с крайне антирелигиозными взглядами. В этот период американские официальные круги с удовольствием наделяли Турцию статусом демократического государства, хотя прозападную внешнюю политику страны обеспечивали турецкие генералы. Ситуация стала меняться в начале 1980-х, когда новоизбранный премьер-министр страны Тургут Озал, набожный мусульманин со склонностью к суфизму, происходивший из Центральной Анатолии, инициировал серию реформ, противопоставив политике государственного регулирования экономики курс либерализации и интеграции в мировое сообщество. Было приватизировано немалое количество крупных государственных компаний, ослаблен контроль над импортом. Это привело к созданию зажиточного среднего класса набожных мусульман с реальной политической властью. Тем не менее одаренность

Озала проявилась в том, что в последние годы холодной войны страна оставалась политически привязанной к западу, хотя Озал и разбавил крайний антирелигиозный характер кемализма, предоставляя религиозным мусульманам большую роль в государственной системе. Турция стала одновременно и более исламистской, и более проамериканской. Исламизм Озала позволил ему наладить контакт с курдами, единоверцами турок, но имеющих иную этническую принадлежность. Турецкие генералы, для которых религиозность Озала была крайне неудобной, продолжали проводить политику национальной безопасности, что Озал не оспаривал, потому что и он, и генералы в общем соглашались насчет статуса Турции как бастиона НАТО на спайкменовском «Римленде» Евразии в противовес Советскому Союзу.

В 1993 г. Озал внезапно скончался в возрасте 65 лет, после 10 лет у власти на должности премьер-министра и президента. Это серьезно повлияло на будущее Турции, что еще раз говорит о том, как жизнь и смерть одного человека могут сказаться на историческом ходе геополитики. Поскольку Озал и сам сочетал в себе очевидные противоречия – происламизм и проамериканизм, – его смерть разрушила хрупкое равновесие, которое поддерживалось в государстве, хотя ситуация эта разворачивалась в течение нескольких лет. На протяжении лет десяти после смерти Озала Турцией управляли ничем не примечательные политики-антиклерикалы, в то время как экономическая мощь и преданность исламу в анатолийской глубинке продолжали возрастать. К концу 2002 г. инертная антиклерикальная политическая элита окончательно дискредитировала себя, и на выборах абсолютное парламентское большинство оказалось в руках исламистской Партии справедливости и развития, возглавляемой Реджепом Тайипом Эрдоганом, бывшим мэром Стамбула. Стамбул, будучи гнездом антиклерикальной элиты, в то же самое время был и местом обитания для миллионов бедных правоверных турок, которые, мечтая разбогатеть, переселились сюда в поисках работы из анатолийской сельской местности. Надежды и чаяния именно этих миллионов людей и выражал Эрдоган.

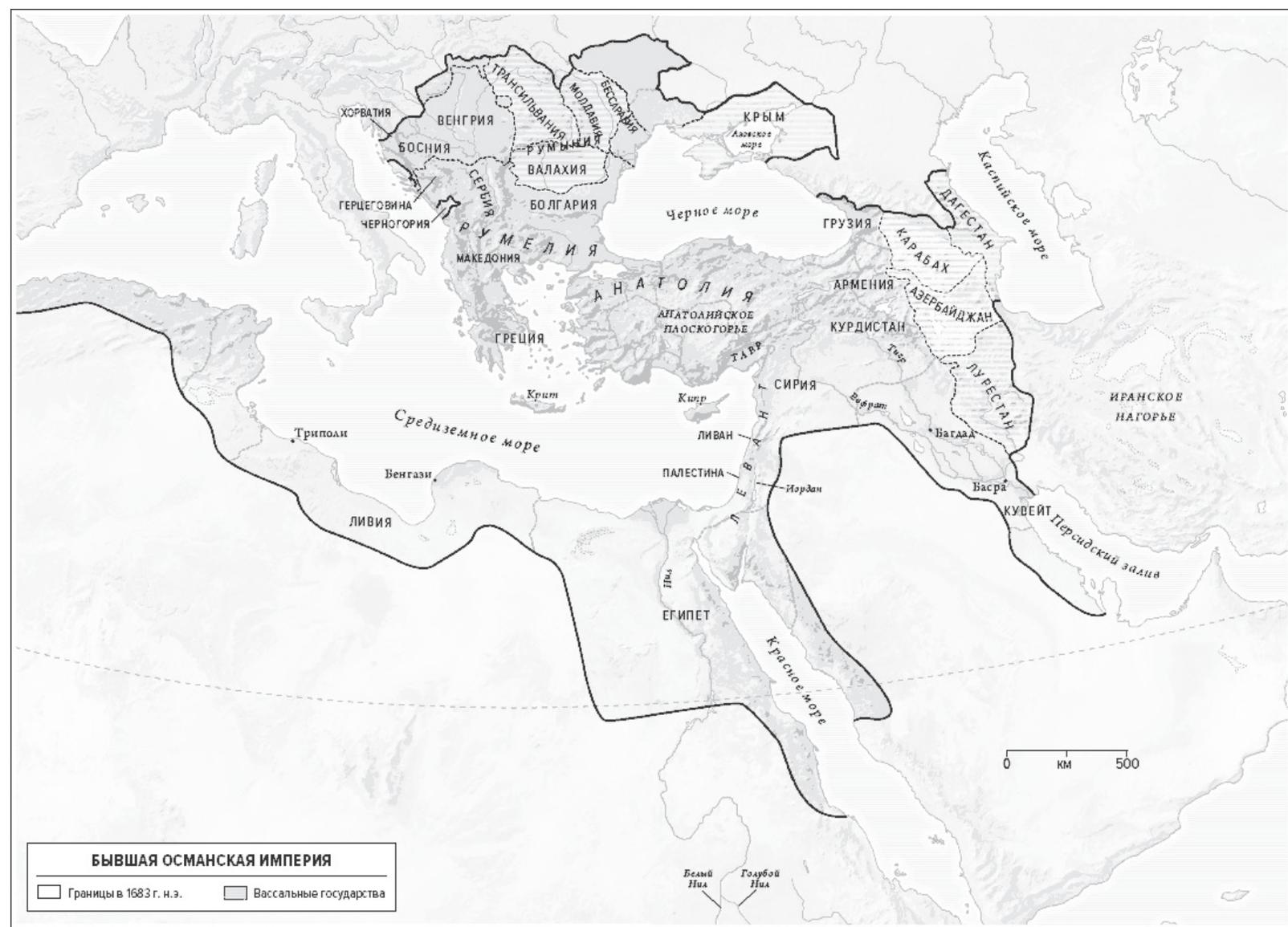
Когда Эрдоган получил власть, он дал волю волне исламизма, который в свое время укрепил действия Озала и теперь тихонько возвращался в жизнь Турции под бдительным присмотром официальной кемалистской идеологии. В 1945 г. в Турции было 20 000 мечетей, а в 1985 г. – уже 72 000, и это число с тех пор стабильно увеличивается несоизмеренно росту населения страны. Некоторые исследования говорили о том, что почти две трети турок – представителей городского рабочего класса молятся каждый день, как и большинство турок, живущих в сельской местности. И в последние годы эти показатели только возросли.^[436] Как пишет живущий в Лондоне писатель и журналист Дилип Хиро, получивший второе дыхание ислам весьма успешно конкурирует с правой (фашистской) и левой (марксистской) светскими идеологиями. Ислам – это «как спасение для разочарованной городской молодежи», ведь для них кемализм не сумел стать «социально-этической системой», которая бы направляла их в повседневной жизни. Как только связанный с исламом обыкновенный национализм пустил корни, кемализм постепенно потерял свое «разумное основание».^[437]

И все же, когда в марте 2003 г. турецкий парламент проголосовал против того, чтобы позволить американским войскам разместиться в Турции для вторжения в Ирак, вовсе не исламистская Партия справедливости подорвала позиции американцев, а сделали это как раз антиклерикалы, которые в этом вопросе поддержали европейские страны, испытывавшие сильные антиамериканские настроения, что возникли в ответ на лишние деликатности заявления и агрессивное поведение администрации Буша после терактов 11 сентября. Катастрофические последствия вторжения в Ирак (хотя там так и не было найдено оружия массового поражения), которое привело к столкновениям внутри страны между представителями разных религиозных общин, более или менее совпали с осознанием того,

что Турцию не примут в члены Евросоюза. В результате этих трагических событий, а также благодаря приходу к власти нового, популярного и глубоко исламистского в своих взглядах правительства политический и культурный маятник страны впервые, в буквальном смысле слова, за столетия резко качнулся в сторону Ближнего Востока, прочь от Запада.

В определенном смысле, как я уже говорил, США в этом сами виноваты. Десятки лет американские лидеры объявляли демократическую Турцию произраильским бастионом НАТО на Ближнем Востоке, хотя они и знали, что внешняя политика и политика безопасности в стране в руках военных. В конце концов в начале XXI в. Турция стала действительно демократическим государством в политическом, экономическом и культурном плане, поскольку начала отражать взгляды основного населения страны, убеждения которого – исламистские по своей природе. В результате сегодня мы имеем относительно антиамериканскую и антиизраильскую Турцию.

Осенью 1998 г. в Кайсери в центральной части Анатолии я брал интервью у нескольких лидеров турецких исламистов, включая Абдуллу Гюля, который впоследствии стал президентом Турции в 2007–2014 гг. Поводом для нашей встречи был политический митинг Партии добродетели, которая позже была распущена и реорганизована в Партию справедливости и развития. Партия добродетели же сама по себе была реинкарнацией исламистской Партии благоденствия, которую не запятнала коррупция и которая стремилась вернуть идеи социальной справедливости, существовавшие в османском мусульманстве. В своем отчете об этих событиях, опубликованном в 2000 г., в одном важном вопросе я был прав, а в другом, не менее важном, – ошибался. Я был прав в том, что этим людям, которые являлись партией меньшинства, суждено было в ближайшие годы стать большинством. Их основной темой была демократия – чем более демократичной становилась бы Турция, тем больше влияния приобретала бы их партия. Они связывали Запад с автократической властью военных в Турции, как иронично это бы ни звучало.

«Когда Соединенные Штаты поддержат демократию в Турции? – спросил меня человек, сидевший рядом во время обеда, организованного Партией добродетели. – Ведь до сих пор они поддерживали военных». Не дожидаясь моего ответа, он добавил: «Я был в Израиле, и демократия там развита больше, чем в Турции».^[438]

И вот в этом я ошибся. Поскольку умеренные турецкие исламисты тогда довольно непредвзято относились к Израилю, я предположил, что так и будет. На самом же деле, обстоятельствам суждено было резко измениться в результате как собственной исторической эволюции турок, поскольку развитие электронных коммуникаций позволило им ближе познакомиться с идеями сторонников объединения исламского мира (то есть победы над географией), так и отдельных действий и ошибок американских и израильских властей в последующие годы.

В начале второго десятилетия XXI в. турецкая география отражала турецкую политику. Турция граничит с Грецией на западе и Ираном на востоке, с Болгарией на северо-западе и Ираком на юго-востоке, Азербайджаном на северо-востоке и Сирией на юге, хотя больше половины полуострова Анатолия омывается или Черным морем, или Средиземным. При этом Турция равноудалена от Европы, России и Ближнего Востока. То же касается ее внешней политики и национальной безопасности. Турция все еще была членом НАТО и сотрудничала с разведкой США, имела посольство в Израиле и содействовала непрямым мирным переговорам между Израилем и Сирией. Но она также вела военные действия против курдов на севере Ирака, помогала Ирану избежать санкций за разработку ядерного оружия,

политически поддерживала наиболее радикальные палестинские группы.

Нападение израильских командос в 2012 г. на суда правозащитников, перевозивших гуманитарную помощь из Турции в сектор Газа, контролируемый группировкой ХАМАС, а также ярость, в которую пришли турки, узнав об этом, стали катализатором, который ускорил окончательный поворот в истории Турции от Запада в сторону Востока. Турки рассматривали борьбу за Палестину не как противостояние между арабами и израильтянами, где для них не предусмотрено никакой роли, а как конфликт между мусульманами и иудеями, в котором турки могли выступить на стороне мусульман. В труде профессора Гарвардского университета Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций»^[439] среди важнейших идей о том, чему Турция является наглядным примером, есть мысль, что глобализация, которая способна объединять нации, с одной стороны, может также приводить к конфликтам между цивилизациями, с другой. Глобализация сплачивает крупные и разнесенные на большие расстояния группы единомышленников, и, хотя исламскому миру не хватает политической целостности, исламская идея в сознании людей укрепляется вместе с процессами глобализации. Таким образом, вес исламского аспекта в турецком национальном самосознании постепенно возрастает. Это происходит в то время, когда мир за пределами западной цивилизации становится более здоровым, урбанизированным, грамотным, так что в политической и экономической мощи государств среднего уровня развития, таких как Турция, наблюдается определенный рост.^[440]

Турки почти 850 лет, начиная с победы турок-сельджуков над Византией в битве при Манцикерте в Восточной Анатолии в 1071 г. до поражения Османской империи от Антанты в 1918-м, занимали лидирующее положение на территории ислама – Дар аль-ислам. И только в прошлом веке во главе мусульманского мира действительно оказались арабы. Фактически до Иранской революции 1978–1979 гг. мусульманская община Ирана, которая уже тогда насчитывала 50 млн человек, оставалась по большей части незаметной для Запада; точно так же как и 75 млн мусульман в сегодняшней Турции оставались вне его поля зрения, пока не разразился скандал с флотилией, отправлявшейся в сектор Газа. К тому же одновременно с этими событиями турки согласились принять на хранение иранский обогащенный уран, а также проголосовали в ООН против введения санкций против Ирана. И тогда внезапно западное общество и его средства массовой информации были неприятно удивлены, столкнувшись с элементарной географической реальностью Турции.

Вслед за тем в 2011 г. начались восстания против закостенелых автократий в Северной Африке и на Ближнем Востоке, выгоду от которых в историческом и географическом смысле получила Турция. Османская империя правила Северной Африкой и Левантом многие сотни лет, и времена эти прошли не так давно. Это правление, хотя и было деспотичным, оказалось не настолько жестоким, чтобы оставить болезненные шрамы в памяти современных арабов. Турция – это образец исламской демократии, пример для подражания для этих стран, только что обретших свободу, особенно если учесть, что турецкая демократия развилась из смешанного режима, в котором высшие военные чины до недавних пор делили власть с политиками. И этот процесс некоторым арабским странам придется пройти на пути к более свободному политическому устройству. Имея население 75 млн человек, а в последнее время и темп экономического роста в 10 %, Турция является демографическим и экономическим тяжеловесом, который может распространить свое нежесткое влияние на все Средиземноморье. Просто у Турции есть преимущества, которых нет у других важных средиземноморских государств, расположенных по соседству с Северной Африкой, таких как Греция, Италия или Испания.

И все же есть ключевые моменты, которые необходимо знать о турецком исламе,

говорящие о том, что Запад может найти луч надежды в укреплении положения Турции на Ближнем Востоке.

В самом деле, если бы мы немного больше знали о Джалаладдине Руми, поэте XIII в., который основал турецкий *тарикат*, ассоциирующийся с дервишами, кружащимися в ритуальном танце, мы не так удивлялись бы тому, как хорошо ислам может сочетаться с демократией. И тогда исламский фундаментализм, возможно, не казался бы нам таким монолитным и грозным. Руми был против «незрелых фанатиков», которые презирают музыку и поэзию.^[441] Он предупреждал, что борода и усы на лице духовного лица не говорят о его мудрости. Поэт отдавал предпочтение индивиду, а не толпе и постоянно выступал против тирании. Наследие Руми ближе к тенденциям демократизации в мусульманском мире, чем фигуры из пантеона арабской и иранской истории, с которыми Запад знаком больше. Эклектичная природа мусульманской веры в Турции, которую демонстрирует Руми, хорошо согласуется с самим процессом «вестернизации» страны. Турецкая демократическая система, пусть была и несовершенна и слишком долго находилась под подавляющим влиянием военных, но содержала в себе на протяжении многих десятилетий традиционные для ислама элементы. В отличие от нескольких арабских государств и Ирана промышленная база Турции и ее средний класс не возникли на голом месте в результате сверхдоходов от продажи нефти. Кроме того, за высокий уровень развития человеческого потенциала в Турции по сравнению с другими странами Ближнего Востока нужно вновь поблагодарить географию. Положение Турции как участка земли, соединяющего континенты, не только связывает ее с Европой, но и поспособствовало волне вторжений среднеазиатских кочевников, которые укрепили анатолийскую цивилизацию, примером чего является поэзия Руми. Именно Османская империя сыграла огромную роль в налаживании тесного контакта между европейской политикой (по крайней мере ее балканским вариантом) и политикой Ближнего Востока. Войны за национальную независимость в Сербии, Болгарии, Румынии и Греции в XIX в. способствовали формированию арабских националистских организаций в Дамаске и Бейруте. Таким же образом и современный терроризм, прежде чем проникнуть в Великую Сирию (Левант), зародился в начале XX в. в Македонии и Болгарии.

В начале XXI в. Турция могла похвастаться энергичным и доминирующим в политической сфере исламским движением. Она обладала огромным военным потенциалом, превосходящим потенциал практически любой страны на Ближнем Востоке, кроме разве что Израиля, а также экономикой, которая каждый год показывала прирост в 8 % и сумела дать прирост более 5 % во время мирового кризиса. Кроме того, страна могла гордиться системой плотин, которая делала Турцию хозяйкой водных ресурсов в той же мере, насколько Иран и Саудовская Аравия распоряжались нефтяными ресурсами. Эти факторы, очевидные и незаметные, позволяют Турции соперничать с Ираном за лидерство и власть в мусульманском мире. Годами Турция была почти так же изолирована на Ближнем Востоке, как и Израиль. Ее прежнее господство во времена османской эры усложнило отношения с арабами, при этом отношения с соседней Сирией были откровенно враждебными, а с баасистским Ираком и фундаменталистским Ираном – напряженными. В 1998 г. Турция, по сути, была на грани войны с Сирией из-за того, что Дамаск поддерживал радикальную антитурецкую Рабочую партию Курдистана. В это время Турция развивала фактический военный союз с Израилем, подтверждая свой статус изгоя на Ближнем Востоке, но с приходом к власти Эрдогана и Партии справедливости ситуация начала меняться. Это произошло одновременно с падением Запада в глазах турецкого общества из-за фактического отказа Евросоюза принять Турцию и все более агрессивных правых настроений в Америке и Израиле.

Турция не вышла из состава НАТО и не разорвала дипломатические отношения с

Израилем. Страна скорее прибегла к «политике нулевых проблем» в отношении своих непосредственных соседей, проводимой Ахметом Давутоглу, министром иностранных дел при Эрдогане. Такая политика, в частности, означала курс на восстановление исторически близких отношений с Сирией, Ираком и Ираном. Экономика Турции оказалась значительно более развитой в технологическом плане, чем у ее соседей, и показывала более высокие темпы роста. Благодаря этому сильное влияние Турции в западном направлении (на Балканах) и в восточном (на Кавказе) стало само собой разумеющимся фактом. Болгария, Грузия и Азербайджан были наводнены турецким оборудованием и товарами народного потребления. Но именно поддержка палестинцев Турцией и возникшая благодаря этому популярность турок в секторе Газа превратили Турцию в наиболее влиятельного игрока в арабском мире, чего не случалось со времен распада Османской империи. Может, неоосманизм и был особой стратегией, разработанной министром иностранных дел Давутоглу, но он также явил собой и результат естественного политического развития – логическое продолжение того, что из-за набирающей обороты исламизации страны внезапно вышло на передний план главенствующее географическое и экономическое положение Турции. Привлекательность неоосманизма базировалась на невысказанном предположении, что в нынешнюю эпоху глобализации Турции просто не хватает как средств, так и желания, чтобы в действительности построить «новую старую империю» на Ближнем Востоке. Точнее, она основывалась на нормализации отношений Турции и ее бывших арабских подвластных территорий, для которых власть османов была достаточно отдаленной и вполне безобидной, по крайней мере по прошествии почти сотни лет, чтобы принять Турцию обратно в круг единомышленников теперь, когда враждебность в стране по отношению к Израилю возросла.

По-настоящему инновационным в стратегии Давутоглу было налаживание контактов с Ираном. История отношений цивилизаций Анатолийского и Иранского плоскогорий – турецкой и персидской соответственно – была долгой и запутанной. Персидский язык, как я уже упоминал, являлся для турецкой Османской империи языком дипломатии, хотя в XVI и начале XVII в. османы и персы Сефевидской империи очень долго находились в состоянии военного конфликта. Можно сказать, что турецкий и иранский народы враждовали, в то время как их культуры и языки были тесно связаны. Руми писал на персидском языке, хотя провел большую часть своей жизни в Турции. Более того, ни Турция, ни Иран не были в колониальной зависимости друг у друга. В географическом плане их сферы влияния хотя и пересекаются, но по большей части все же отделены друг от друга, поскольку Иран лежит на восток от Турции. Во время правления в Иране шаха и Турция, и Иран были прозападными, и, даже когда Иран под властью мулл повернул в сторону радикализма, Анкара заботилась о том, чтобы поддерживать с Тегераном корректные отношения. С исторической точки зрения нет ничего удивительного в дружелюбии Анкары по отношению к аятоллам, хотя в современном политическом контексте это было достаточно шокирующим развитием событий.

Подумайте: Соединенные Штаты во главе с популярным во всем мире президентом Бараком Обамой отчаянно пытались вместе со своими европейскими союзниками, с одной стороны, остановить продвижение Ирана на пути к созданию ядерного оружия и одновременно не допустить воздушных ударов по Ирану со стороны Израиля, с другой стороны. Ведь ядерный статус Ирана резко изменил бы расстановку сил на Ближнем Востоке не в пользу Запада. В то же время нападение Израиля на Иран могло иметь еще более негативные последствия для дестабилизации региона. Тем не менее в мае 2010 г. Турция вместе с Бразилией предприняла несколько эффективных дипломатических шагов, чтобы помочь Ирану избежать экономических санкций и таким образом получить время,

необходимое для создания бомбы. Соглашаясь обогащать уран Ирана, Турция еще более усилила свой вес в исламском мире в дополнение к тому, которого она добилась, поддерживая группировку ХАМАС в секторе Газа. Иран имеет необходимый потенциал, чтобы «помочь Турции достичь своей главной стратегической цели – стать энергетическим центром, поставляющим природный газ и нефть [из Ирана] на рынки Западной Европы».^[442] Турция играет роль связующего звена для Ирана в транспортировке энергоносителей, а также при перекачке нефти и газа из Каспийского моря через Кавказ. К тому же она имеет возможность на 90 % перекрыть водозабор Ирака из Евфрата и на 40 % – Сирии. Таким образом, наряду с Ираном Турция является сегодня сверхдержавой Ближнего Востока, из которой во всех направлениях расходятся трубопроводы с нефтью, природным газом и водой – основой промышленной жизни.^[443]

До нефтяной эры, как я уже говорил, Турция двигалась в направлении на Балканы и Европу, чтобы развить экономический потенциал для продвижения на Ближний Восток. В нефтяную эру все обернулось с точностью наоборот. Став для Европы транспортером нефти из Ирана и Каспийского моря, Турция также становится слишком важным для Европы экономическим фактором, чтобы не придавать ей значения. Турция – не просто сухопутная перемычка, пусть и самая большая на земле. Эта страна, входящая в «большую двадцатку», стала сама по себе ключевым регионом и наряду с Ираном способна нейтрализовать арабский Плодородный полумесяц внутренней политической нестабильностью стран которого обусловлена десятками лет правления бесплодных полицейских режимов.

Более того, инициативы Турции и Бразилии относительно обмена иранского обогащенного урана были не просто лишены серьезных последствий нестандартным шагом с целью облегчить для фундаменталистского Ирана получение ядерной бомбы. Они отразили рост влияния во всем мире держав «второй десятки», по мере того как все больше населения развивающихся стран присоединяется к среднему классу. И вот находятся две державы «второго ряда», одна из которых ни много ни мало является членом НАТО, которые публично и совершенно реально срывают попытку Америки сдержать Иран. Это показывает, какой относительно слабой стала Америка – она не в состоянии более устроить менее значительных соперников в эпоху, когда традиционная военная мощь имеет меньший вес, чем когда-либо, хотя и не теряет своего значения полностью. Именно инстинктивное чутье Эрдогана и Давутоглу позволило им безнаказанно предпринять такие шаги.

Положительный момент для Запада в этом следующий: без подъема Турции Иран становится доминирующей силой на Ближнем Востоке. Но при напористой динамике развития Турции как ближневосточной державы впервые со времен распада Османской империи Иран будет иметь соперника прямо у себя под боком – ведь Турция может быть для Ирана одновременно и другом, и соперником. И нельзя забывать, что Турция все еще член НАТО, все еще поддерживает отношения с Израилем, какими бы сложными они ни становились. Как бы тяжело для Запада ни было терпеть поведение Турции, ее лидирующее положение в мусульманском мире оказывает некоторое благотворное влияние на образ мышления иранских властей. Турция все еще может выступать посредником между Израилем и Сирией. Иран также обладает потенциалом менять свою политику, что может происходить либо в процессе политических потрясений, либо в силу внутренних противоречий и долголетия самого режима. Совершенно ясно, что, по мере того как воспоминания о холодной войне потихоньку стираются, география как Турции, так и Ирана будет играть все более весомую роль на арабском Ближнем Востоке. Турция больше не находится на коротком поводке у НАТО, к тому же эта организация сохраняет лишь подобие своей прежней мощи. А с падением режима Саддама Хусейна в Ираке – пережитка холодной войны и полицейских

государств недемократического типа – Иран как никогда вовлечен в политику арабского мира. Это равновесие очень хрупкое: Турция сотрудничает с Ираном и одновременно стремится создать противовес ему, пытаясь втянуть в сферу своего влияния Сирию. В то же время Ирак, каким бы слабым в данный момент он ни казался, выходит на политическую арену как преимущественно шиитская альтернатива Ирану. Турции и Ирану существенно помогла революция в глобальной системе коммуникаций, которая по крайней мере в этих двух странах помогла людям подняться над этнической обособленностью и использовать религию для единения всего мусульманского сообщества. Таким образом, турки, иранцы и арабы – все являются мусульманами и все объединены против Израиля и Запада. Так что при усиленном влиянии географии Турции и Ирана на арабский мир страны, заключенные в широком пространстве Ближнего Востока, в настоящее время более органично связаны между собой, чем когда-либо.

В отличие от Турции и Ирана арабские страны, расположенные между Средиземным морем и Иранским нагорьем, до XX в. имели небольшой политический вес. Палестина, Ливан, Сирия и Ирак были не более чем географическими понятиями. Об Иордании и не думали. Если стереть с карты линии политических границ, мы получаем грубую картинку, отражающую границы суннитских и шиитских общин, которые не совпадают с государственными границами. Внутри этих границ центральные власти Ливана и Ирака функционируют с трудом. Власти Сирии находятся в борьбе с террористическими организациями. В Иордании – абсолютная монархия, но, возможно, она имеет шанс в будущем стать конституционной. Негласной причиной, по которой Иордания вообще существует, является то, что она действует в качестве буферного государства для других арабских режимов, которые опасаются наличия общей сухопутной границы с Израилем. Когда президент США Джордж Буш-мл. сверг диктатуру в Ираке, в то время считали, что он привел в движение историю арабского мира, расшевелив ее больше любого западного политического деятеля со времен Наполеона. Но потом произошли демократические восстания Арабской весны, у которых были собственные внутренние причины, никак не связанные с действиями Буша. В любом случае постосманская система государств, основы которой были заложены после Первой мировой войны, переживает небывалое напряжение. Может, результатом тут и не станет демократия западного образца, но в итоге должна наступить хоть какая-то либерализация. Этому же способствует революция в Египте и переход арабов от полицейских режимов времен холодной войны к другим формам правления. Однако по сравнению со сложностью демократических преобразований в этом регионе переход от социалистического прошлого в странах Центральной Европы и на Балканах, возможно, покажется совсем простым и легким. Конечно, в Леванте сейчас повсеместно наблюдается падение авторитарных режимов и возникновение демократий, хотя у них пока мало что получается. Напористость же действий лидеров Турции и Ирана, которая частично возникла в результате их географического положения и десятки лет почти никак не проявлялась в арабском мире, можно назвать еще одной причиной того, почему арабский мир сейчас вступил в период эпохальных политических перемен.

Действительно, восстания в арабских странах в 2011 г., которые покончили с несколькими режимами, говорят о громадном значении коммуникационных технологий и преодолении географических барьеров. С течением времени тем не менее география Туниса, Ливии, Египта, Йемена, Сирии и других стран вернет себе утраченные позиции. Тунис и Египет – это старейшие центры цивилизаций, государственность которых начиналась в древние времена, в то время как Ливия и Йемен, например, образования с неясными

географическими рамками, которые до XX в. не имели своей государственности. Западная Ливия, регион вокруг Триполи (Триполитания), всегда ориентировалась на богатую городскую цивилизацию Карфагена в Тунисе, а Восточная Ливия, вокруг Бенгази (Киренаика), – на Александрию в Египте. Йемен с древних времен был богатым и густонаселенным, но его многочисленные горные государства всегда были разобщены. Так что вовсе не удивительно, что построить современные демократические государства в Ливии и Йемене оказалось куда как сложнее, чем в Тунисе и Египте.

И все же следующая стадия конфликта может развернуться именно в Леванте и Плодородном полумесяце.

Ирак вследствие американского вторжения в 2003 г. переживает глубокие политические преобразования, которые не могут не сказаться на всем арабском мире. Это обуславливают значительные запасы нефти в Ираке (вторые по величине в мире после Саудовской Аравии); большое население, составляющее свыше 31 млн человек; его географическое положение на границе между суннитским и шиитским мирами; равноудаленность страны от Ирана, Сирии и Саудовской Аравии; а также его историко-политическое значение как бывшего центра империи династии Аббасидов. Кроме того, Ирак терзает старое наследие: почти 50 лет строгой военной диктатуры разных правителей, закончившиеся правлением Саддама Хусейна, что деформировало политическую культуру страны; мрачная ее история, наполненная насилием и жестокостью, как в древние времена, так и в современный период, которая вовсе не ограничивается последними десятилетиями диктатуры и которая сделала иракцев суровыми и недоверчивыми (как бы эссенциалистски это ни звучало); а еще – большая этническая и религиозная разобщенность.

Ирак никогда не знал покоя. Вновь процитирую Фрею Старк: «В то время как Египет расположен параллельно миграционным маршрутам и это не вызывает никаких конфликтов, Ирак с древнейших времен является приграничной провинцией, перпендикулярно пересекающей сложившиеся пути миграции людей и создающей для них препятствия».^[444] Ведь Месопотамия располагалась на одном из наиболее кровопролитных миграционных маршрутов в истории человечества. Ирак постоянно подвергался оккупации – со стороны либо Сирийской пустыни на западе, либо Эламского нагорья в Иране на востоке. С самого начала III тысячелетия до н. э. древние народы Ближнего Востока боролись за власть над Месопотамией. История Ирака – это трагическая летопись бесконечных завоеваний, предпринимаемых то персидскими царями из династии Ахеменидов, Дарием и Ксерксом, правившими Вавилоном, то монгольскими ордами, которые опустошили страну позже, то утвердившейся на долгое время Османской империей, власть которой закончилась только с Первой мировой войной.^[445]

С этими кровопролитными войнами Месопотамия редко когда была демографически целостной страной. Тигр и Евфрат, несущие свои воды через территорию Ирака, долгое время формировали пограничную зону, где различные группы, часто остававшиеся после вторжений других государств, сталкивались и частично перемешивались на одной территории. Как это подробно излагает французский востоковед Жорж Ру в своем труде «Ancient Iraq» («Древний Ирак»), с древних времен север, юг и центр страны были постоянным полем брани. Правители первых городов-государств, южане-шумеры, сражались с аккадцами из центральной части Месопотамии. И те и другие воевали против ассирийцев, обитавших на севере. Ассирийцы, в свою очередь, воевали с вавилонянами. И это не говоря уже о персах, которые жили среди коренного населения Месопотамии и служили постоянным источником раздражения.^[446] Только жесточайшая тирания могла предотвратить полный

распад, к которому был так склонен этот пограничный регион. Как пишет ученый Адид Давиша, «Месопотамии [на протяжении всей истории] была присуща хрупкость общественного строя».^[447] И этот хрупкий, непрочный общественный строй, сталкивавший разные группы людей в густонаселенной речной долине, где не было никаких защитных рубежей, в конце концов неумолимо привел страну в тиранию XX в. прямо из древности. Тирания рухнула, но за этим последовало несколько лет кровавой, первобытно-жестокой анархии, поскольку Ирак обременен как современной, так и древней историей.

Месопотамия оказалась среди тех частей Османской империи, контроль над которыми был самым слабым. Будучи еще одним примером образования с нечеткими географическими границами, Месопотамия была достаточно разобщенным собранием племен, сект и этнических групп, которое турки впоследствии разделили на *вилайеты*, с севера на юг: курдский Мосул, суннитский Багдад и шиитскую Басру. Когда после распада Османской империи британцы попытались «придать нужную форму» политическому образованию между Тигром и Евфратом, то они создали адскую смесь из курдского сепаратизма, шиитского стремления к племенному обособлению, а также суннитского напора.^[448] Для того чтобы соединить нефтяные месторождения на севере с портом в Персидском заливе на юге, что было частью морской и сухопутной стратегии по защите Индии, британцы свели вместе этнические и религиозные силы, которые было бы сложно утихомирить обычными способами.

Расцвет арабского национализма после Второй мировой войны привел к дальнейшему размежеванию. Иракские чиновники и политики были весьма враждебно настроены друг против друга. Были те, кто считал, что лучшим вариантом для раздираемых противоречиями иракцев было бы стать частью единого арабского государства, простирающегося от Магриба до Месопотамии. Другие боролись против неблагоприятных обстоятельств за объединенный Ирак, который, несмотря на свою географическую нелогичность, смог бы подавить свои внутренние межрелигиозные волнения. В любом случае почти 40 лет спустя, 14 июля 1958 г., нестабильная, беспокойная и слабая демократия, которая возникла в 1921 г. и перемежалась переворотами и полуавторитарными монархическими режимами, внезапно закончилась, когда в результате военного переворота были смещены прозападные власти Ирака. Король Фейсал II, который правил страной уже 19 лет, вместе со всей своей семьей был поставлен к стенке и расстрелян. Премьер-министр Нури аль-Саид был расстрелян и похоронен; впоследствии его труп был вырыт из земли, обезображен и сожжен толпой. Подобный акт был неслучаен – эти события показали, как бессмысленно и извращенно применялось насилие в политической жизни Ирака. Череда деспотических режимов в стране в стиле Восточного блока началась с бригадного генерала Абдель Керима Касема и закончилась Саддамом Хусейном, и только таким образом можно было предотвратить распад государства, состоящего из настолько разномастных групп и политических сил.

Тем не менее, как пишет Давиша, «историческая память – это не последовательность событий и в то же время не их совокупность... и хотя, вне всяких сомнений, бóльшая часть истории Ирака была связана с авторитаризмом, в ней всегда был проблеск надежды на демократию...».^[449] Поскольку Ирак старается избежать сползания назад к тирании или анархии, как стало уже привычным для этой страны, стоит иметь в виду, что в 1921–1958 гг. там все же существовало что-то вроде демократии. Более того, саму географию можно интерпретировать по-разному. При всей склонности Месопотамии к дроблению на отдельные группы, как объясняет Ходжсон, такое государство в действительности не является полностью искусственным и имеет корни в древней истории. Сама площадь для возделывания почвы, созданная Тигром и Евфратом, послужила основой для одного из

узловых демографических фактов Ближнего Востока.

Все же любой демократический строй, который сложится в Ираке во втором десятилетии XXI в., будет неустойчивым, коррумпированным, неэффективным и достаточно непредсказуемым, и политические убийства, вполне возможно, будут при этом обычным явлением. Одним словом, демократический Ирак, несмотря на огромные запасы нефти и армию, подготовленную американцами, будет слабым государством, по крайней мере в ближайшее время. А его враждующие политики будут искать финансовой и политической поддержки в соседних державах – в основном в Иране и Саудовской Аравии – и в результате окажутся в определенной мере марионетками в их руках. Ирак мог бы стать более масштабной версией Ливана 1970–1980-х гг., разрушенного гражданской войной. Поскольку ставки в Ираке очень высоки – ведь люди, находящиеся у власти, благодаря коррупционным схемам смогут получать доступ к сулящим невероятное богатство запасам нефти, – внутренняя борьба, как мы уже увидели, будет долгой и жестокой. Статус прозападного оплота в центре арабского мира требует от государства внутренней силы и стабильности, но пока ничто не указывает на это.

Ослабленная Месопотамия могла бы предоставить возможность стать лидером в регионе другому демографическому центру арабского мира со значительными запасами природных ресурсов. Но сложно предугадать, в каком направлении будут развиваться события. Саудовцы по натуре нервные, нерешительные и ранимые люди. Это объясняется тем, что колоссальные запасы нефти сконцентрированы в стране с достаточно небольшим населением, которое тем не менее характеризуется большим количеством молодых людей, одновременно склонных к радикализации и стремящихся к демократии – именно это поколение стало основной движущей силой революций в Тунисе и Египте. Эпоха, наступившая после смещения Мубарака в Египте – стране с самым большим населением в арабском мире, – будет эпохой правительств, чьи активные действия, демократические или нет, будут направлены на укрепление власти внутри страны и на решение демографических проблем, связанных с верховьями Белого и Голубого Нила в Судане и Эфиопии. Эфиопия имеет население 83 млн человек, что даже больше, чем население Египта, а население Северного и Южного Судана составляет более 40 млн человек. В XXI в. борьба за водные ресурсы станет дополнительной проблемой всех правительств этих государств. Так вот, именно этой самой слабостью арабского мира и пытаются воспользоваться в собственных интересах Турция и Иран, призывая к созданию единого мусульманского сообщества – *уммы*.

Эта слабость проявляется не только в Ираке после вторжения, но и в Сирии. Сирия является еще одним важнейшим географическим полюсом арабского мира – со времен Средневековья и до сегодняшнего дня. В действительности Сирия претендует на то, чтобы быть в эпоху холодной войны местом, «где бьется сердце арабизма».

В 1998 г. я отправился на юго-восток от горной системы Тавр, спускаясь по крутым склонам из Малой Азии на равнины Сирии, где сосны и оливковые деревья периодически сменялись известняковыми холмами. Позади я оставлял стабильную и промышленно развитую Турцию, в которой национальная идея подкреплена географической логикой Черного моря на севере, Средиземного – на юге и западе и цитаделью горных цепей на востоке и юго-востоке. В этой крепости, построенной самой природой, ислам был частью демократической идеи. Но, покинув Турцию, я ступил на территорию, искусственно собранную из разобщенных лоскутков, которые скреплены только баасистской идеологией и сопутствующим ей культом личности. Фотографии президента Хафеза аль-Асада на каждой витрине и лобовом стекле каждой машины уродовали пейзаж. География не была

определяющим фактором для судьбы Сирии – как и Турции, – но с нее все начиналось.

География и история говорят о том, что Сирия с населением 20 млн человек по-прежнему будет эпицентром волнений в арабском мире. Алеппо на севере Сирии – это город-базар, который исторически более тесно связан с Мосулом и Багдадом, чем со столицей Сирии Дамаском. Каждый раз, когда дела у Дамаска шли плохо, Алеппо возвращал себе былое величие. Когда бродишь по базарам Алеппо, Дамаск кажется невероятно далеким и незначительным. Базары Алеппо контролируют курды, турки, черкесы, арабы-христиане, армяне и другие народности в отличие от базара Дамаска, который по большей части является миром арабов-суннитов. Как в Пакистане и бывшей Югославии, в Сирии каждая секта и религия связана с определенным географическим регионом. Алеппо и Дамаск разделены центральными районами компактного проживания суннитского населения Хомса и Хамы. Между Дамаском и иорданской границей проживают друзы, а в укрытии гор рядом с Ливаном живут алавиты; и те и другие – остатки волн шиизма из Персии и Месопотамии, прокатившейся по Сирии тысячу лет назад. Честные и свободные выборы 1947, 1949 и 1954 гг. усугубили эти деления, деля электорат в соответствии с региональными, религиозно-общинными и этническими границами. Покойный Хафез аль-Асад пришел к власти в 1970 г. До него в предшествующие 24 года правительство сменялось 21 раз. Он был «великим кормчим арабского мира» в течение 30 лет и, будучи не в состоянии построить в стране гражданское общество, не давал шагнуть в будущее. В то время как в Югославии на момент распада страны все еще существовала интеллигенция, в Сирии ее практически не было – настолько застойным был режим Асада.

Во время холодной войны и в первые годы после нее пламенная поддержка Сирией идеи панарабизма заменяла слабую ее идентификацию как государства. Великая Сирия – это географический термин османской эпохи. Она включала также еще Ливан, Иорданию и израильско-палестинский регион, так что границы современного государства Сирии представляют ее как довольно сильно усеченный вариант. Эта историческая Великая Сирия была названа ученым из Принстонского университета Хитти «величайшей маленькой страной на карте, микроскопической по размерам, но колоссальной по влиянию», чье географическое положение содержало в себе, на стыке Европы, Азии и Африки, « всю историю цивилизованного мира в миниатюре».^[450] Сирия дала греко-римскому миру некоторых из величайших его мыслителей, среди которых стоики и неоплатоники. В Сирии было сердце империи Омейядов, первой арабской династии после Мухаммеда, империи, которая была больше Римской в самом ее расцвете. И именно здесь разворачивалась, возможно, наибольшая драма в истории между мусульманским миром и Западом – Крестовые походы.

Но сегодняшняя Сирия – всего лишь отголосок этого великого географического и исторического наследия, и сирийцы с горечью осознают это. Они знают, что потеря Ливана практически отрезала Сирию от Средиземного моря, которое наполняло жизненной силой ее богатую культуру. С тех самых пор, когда в 1920 г. Франция разъединила Ливан и Сирию, сирийцы отчаянно пытались вернуть его. Поэтому полное сворачивание сирийского военного присутствия в Ливане, которого Буш требовал после убийства настроенного против Сирии премьер-министра Ливана Рафика Харири в феврале 2005 г., расшатало бы само политическое основание алавитского режима меньшинства в Дамаске. Алавиты, неортодоксальная шиитская секта, проживают как в Сирии, так и в Ливане. Для того чтобы сын Хафеза аль-Асада, Башар, смог остаться при власти, он должен не только предпринимать шаги в сторону демократизации, но и доказать, что его алавитское правительство защищает дело сирийского национализма лучше, чем суннитское большинство.

На самом деле вслед за Ираком и Афганистаном следующей целью суннитских

джихадистов могла бы стать сама Сирия. В лице сирийского режима джихадисты видят врага, который «одновременно является тираническим, светским и еретическим».^[451] Алавитский режим близок к шиитскому Ирану и несет ответственность за убийство десятков тысяч суннитских исламистов в 1970–1980-х гг. Джихадисты обеспечили себе тыл в Сирии, поскольку джихад в Ираке предполагал целую сеть укрытий на территории Сирии. И все же, какую бы серьезную угрозу ни представляли суннитские джихадисты, Асаду-младшему, возможно, только и остается, что сделать политическую систему более открытой. Это необходимо хотя бы для того, чтобы не отставать от динамично меняющегося общества, на вооружении которого есть спутниковые тарелки и интернет-сайты, даже если подобные меры и сделают его режим и саму секту алавитов значительно более уязвимыми. Правду говоря, никто не может предположить, какой будет поставторитарная Сирия. Насколько глубоко укоренилось сектантство? Возможно, и совсем неглубоко, но, как только начинается кровопролитие, люди обращаются к подавляемой долгое время сектантской идентичности. Также возможно, что Сирия после Асада справится с ситуацией лучше, чем Ирак после Саддама, из-за того что деспотический режим в ней был гораздо менее жесткий, и потому обществу Сирии нанесен гораздо меньший урон. Иногда мне случалось совершать поездки из Ирака времен Хусейна в асадовскую Сирию, и это было похоже на глоток свежего воздуха с привкусом либерализма и гуманизма. С другой стороны, Югославия была более открытой на протяжении всей холодной войны, чем ее балканские соседи, – и посмотрите, что со страной сотворили этнические и религиозные распри! Алавитскому меньшинству успешно удавалось поддерживать в Сирии мир. Вряд ли суннитским джихадистам это по силам. Они действовали бы так же жестоко, но без значительного опыта и знаний в сфере руководства страной, которые алавиты приобрели за 40 лет при власти.

Конечно, вовсе не обязательно, что все так и случится. Существует веское географическое основание для мира и политического перерождения Сирии. Стоит снова вспомнить Ходжсона: такие страны, как Сирия и Ирак, действительно тесно связаны с земледелием и самой землей, они не являются полностью искусственными образованиями. Сирия, несмотря на свои сегодняшние границы, все еще остается сердцем Леванта, мира, в котором множество этнических и религиозных общин объединены торговлей.^[452] Сирийский поэт Али Ахмад Саид (известный под псевдонимом Адонис) – воплощение этой другой Сирии, богатство которой во взаимодействии цивилизаций, что, как мы знаем из труда Мак-Нила, является ключевой драмой в истории. Адонис призывает своих соотечественников отказаться от арабского национализма и создать новое государство, основанное на этих самых разнообразии и эклектике Сирии, – в сущности, построить в XXI в. копию Бейрута, Александрии и Смирны времен начала XX в. Как и оба Асада, Адонис – алавит, но взявший на вооружение не панарабизм и идею полицейского государства для защиты своего статуса меньшинства, а космополитизм.^[453] Адонис обратил свой взор не в сторону пустыни, а в сторону Средиземного моря, где современная Сирия, несмотря на потерю Ливана, все еще владеет значительным количеством недвижимости. Средиземноморье – это синоним этнического и религиозного синтеза, единственного реального основания для стабильной демократии в Сирии. Идеи Мак-Нила, Ходжсона и Адониса действительно схожи в том, что касается перспектив Сирии.

Последствия, которые это имеет для остальных частей региона Великой Сирии – Ливана, Иордании и Израиля, – огромны. Независимо от того, произойдет ли в Сирии джихадистский переворот после переворота демократического – в случае если демократия, воспеваемая Адонисом, не укоренится, – Сирия неминуемо станет менее централизованным и, как следствие, более слабым государством. В ней также будет значительный демографический

приоритет молодежи – 36 % населения в возрасте 14 лет или моложе. Ослабление Сирии могло бы означать смещение культурной и экономической столицы Великой Сирии в Бейрут, чем Дамаск расплатился бы за изоляцию от современного мира, длившуюся десятилетиями. Однако при условии, что малоимущие шииты Южного Бейрута, находящиеся под контролем «Хезболлы», сохраняют свое преобладание в демографическом плане над остальным населением города, а суннитские исламисты будут иметь большее политическое влияние в Дамаске, Великая Сирия может стать значительно менее стабильным географическим регионом, чем сейчас.

Напротив, Иордания могла бы пережить такое развитие событий, поскольку династия Хашимитов в отличие от алавитов десятки лет формировала государственное самосознание, развивая и сплачивая местную элиту. Столица Иордании, Амман, сейчас наполнена экс-министрами, верными иорданской монархии, – эти люди не были заточены в тюрьму или убиты в результате перестановок в правительственных кабинетах, им просто позволили разбогатеть. Но демография – настоящая напасть для этой страны, поскольку 70 % населения Иордании, составляющего 6,3 млн человек, – это жители городов, и почти треть – беженцы из Палестины, уровень рождаемости среди которых выше, чем среди коренного населения Восточного берега реки Иордан. В Иордании также находятся 750 000 беженцев из Ирака, что делает Иорданию страной с самой большой концентрацией беженцев на душу населения в мире.

И вновь мы возвращаемся к реальности замкнутой, закрытой географии, с позволения Брэкена, в которой переживания бедных и многочисленных масс городского населения были подстегнуты электронными средствами массового распространения информации, с разрешения Элиаса Канетти. Из-за волны насилия, захлестнувшей Ирак и Афганистан на протяжении прошлого десятилетия, мы стали безразличны к тому, насколько на самом деле нестабильны так называемые стабильные регионы Ближнего Востока. Мы перестали переживать о них – на свою беду, как показали восстания в арабских странах. Эти восстания начались как выражение потребности людей в нормальном гражданском обществе, в праве на человеческое достоинство – всего этого жестокие репрессивные режимы лишили свои народы. Но в будущем урбанизация и электронные коммуникации могли бы привести к менее безобидным выражениям общественного гнева. Толпа, негодующая по поводу реальной и кажущейся несправедливости, – вот тот зверь эпохи постмодернизма, которого новому поколению арабских лидеров придется пытаться удержать под контролем.

Я пересекал границу между Иорданией и Израилем несколько раз. Долина реки Иордан – это часть глубокой расщелины на поверхности земли, простирающейся на 6000 км на юг от Сирии до Мозамбика. Таким образом, серпантинный спуск на запад к реке Иордан с глинистого плоскогорья, на котором расположен иорданский город Ирбид, был головокружительным и захватывающим. В 1998 г. вдоль дороги располагались пыльные станции техобслуживания и ремонта автомобилей, хлипкие фруктовые ларьки и кучки празднично слоняющихся курящих молодых людей. Внизу вдоль реки тянулась лента зеленых полей, а на другом берегу, уже в Израиле, так же неприступно вздымались горные вершины. Пограничный пункт пропуска и таможня на иорданской границе представляли собой ряд старых грузовых контейнеров на пустыре. Река довольно узкая. Автобус пересекает ее буквально за несколько секунд. А на том берегу был благоустроенный сквер, разделяющий полосы движения, – похожий на любой другой островок безопасности на Западе, он казался настоящим чудом после мрачных, пыльных просторов Иордании, да и большей части арабского мира. Пограничный пункт в Израиле ничем не отличался от любого небольшого

аэропорта в Соединенных Штатах. Израильские сотрудники службы безопасности были одеты в рубашки с лейблом Timberland, едва заправленные в джинсы так, чтобы поместилось оружие. После недель, проведенных в арабском мире, эти молодые люди казались какими-то безликими, лишенными национального колорита. За пограничным пунктом пропуска были новые тротуары, скамейки и удобства для туристов, как в любом другом месте на Западе. И все же это была пустая и неприветливая территория, там никто не бродил без дела, как в арабском мире, где безработица – явление повсеместное. Израильтяне, сидящие в своих кабинках, бесстрастны и даже грубы. Не было традиционной для Ближнего Востока гостеприимности. Хотя я жил в Израиле в 1970-х и служил в израильской армии, этот мой приезд позволил мне взглянуть на страну по-новому. Израиль казался таким чуждым и неестественным для Ближнего Востока, и все же это было именно так.

Для всего мусульманского мира, который средства массовой информации одновременно и сплачивают, и разъединяют, бедственное положение палестинцев олицетворяет саму несправедливость рода человеческого. Оккупация Израилем Западного берега реки Иордан, может, и не была заметным фактором на первых стадиях «арабской весны», но нам не стоит обманываться. В определенной степени факты потеряли значение, зато на первый план вышло их восприятие. И все это базируется на географии. В то время как сионизм демонстрирует силу идеи, сражаясь за землю между израильтянами и палестинцами – между иудеями и мусульманами, как воспринимают это и турки, и иранцы, – все это случай крайнего географического детерминизма.

«Евреи очень скоро станут меньшинством на землях, которые они занимают или которыми правят, от реки Иордан до Средиземного моря (по некоторым подсчетам, это уже случилось), и некоторые демографы предсказывают, что через 15 лет они будут составлять всего 42 % населения этой территории» – так писал Бенджамин Шварц, редактор журнала The Atlantic, в этом же журнале в 2005 г. в статье под названием «Will Israel Live to 100?» («Доживет ли Израиль до 100 лет?»). С тех пор мало что изменилось, чтобы повлиять на результат этих подсчетов или его беспристрастного анализа. Уровень рождаемости на оккупированных арабских территориях до нелепости выше по сравнению с Израилем – в секторе Газа прирост населения в 2 раза выше, чем в Израиле, причем одна женщина в среднем за свою жизнь рождает как минимум 5 детей. В результате в первом десятилетии XXI в. политические, военные круги и разведка Израиля пришли к соглашению, что Израиль должен прекратить военное присутствие практически на всех оккупированных территориях или превратиться, по сути, в государство апартеида – если не сразу, то со временем. Следствием стал «забор», построенная Израилем разделительная стена, которая отгораживает Израиль от растущего в демографическом плане и прозябающего в нищете палестинского населения на Западном берегу реки Иордан. Арнон Софер, израильский географ, называет этот разделительный барьер «последней отчаянной попыткой сохранить государство Израиль». Но еврейские поселения вблизи Зеленой линии на оккупированных территориях, возможно, как пишет Шварц, «слишком глубоко пустили корни и стали неотъемлемой частью жизни для слишком многих израильтян, чтобы о них можно было забыть...».^[454] Кроме того, есть также базовый принцип палестинской идеологии, так называемое право на возвращение, распространяющееся на 700 000 палестинцев, которые были вытеснены из Израиля при создании еврейского государства, и их потомков – общее их количество сейчас может насчитывать 5 млн человек. В 2001 г. 98,7 % палестинских беженцев отказались от компенсации, предоставляемой взамен права на возвращение. В конце концов, не стоит забывать об израильских арабах, которые живут в пределах прежних израильских границ до 1967 г. В то время как прирост населения среди евреев Израиля составляет 1,4 %, этот

показатель среди арабов Израиля составляет 3,4 %; средний возрастной показатель среди евреев – 35 лет, среди арабов – 14 лет.

В рациональном мире можно было бы надеяться на заключение между израильтянами и палестинцами мирного договора, согласно которому израильтяне уступили бы контроль над оккупированными территориями и эвакуировали большинство поселений, а палестинцы отказались бы от права на возвращение. При таких обстоятельствах Великий Израиль, хотя бы как экономическое понятие, стал бы центром притяжения в Средиземноморском регионе, на который ориентировались бы не только Западный берег реки Иордан и сектор Газа, но и Иордания, Южный Ливан и Южная Сирия, включая Дамаск. Но на данный момент едва ли найдутся еще два народа, которые были бы столь далеки друг от друга психологически и различия между которыми были бы так же глубоки, сковывая любые их политические инициативы, как израильтяне и палестинцы. Можно только надеяться, что политическое землетрясение в арабском мире в 2011 г. подтолкнет Израиль к серьезным территориальным уступкам.

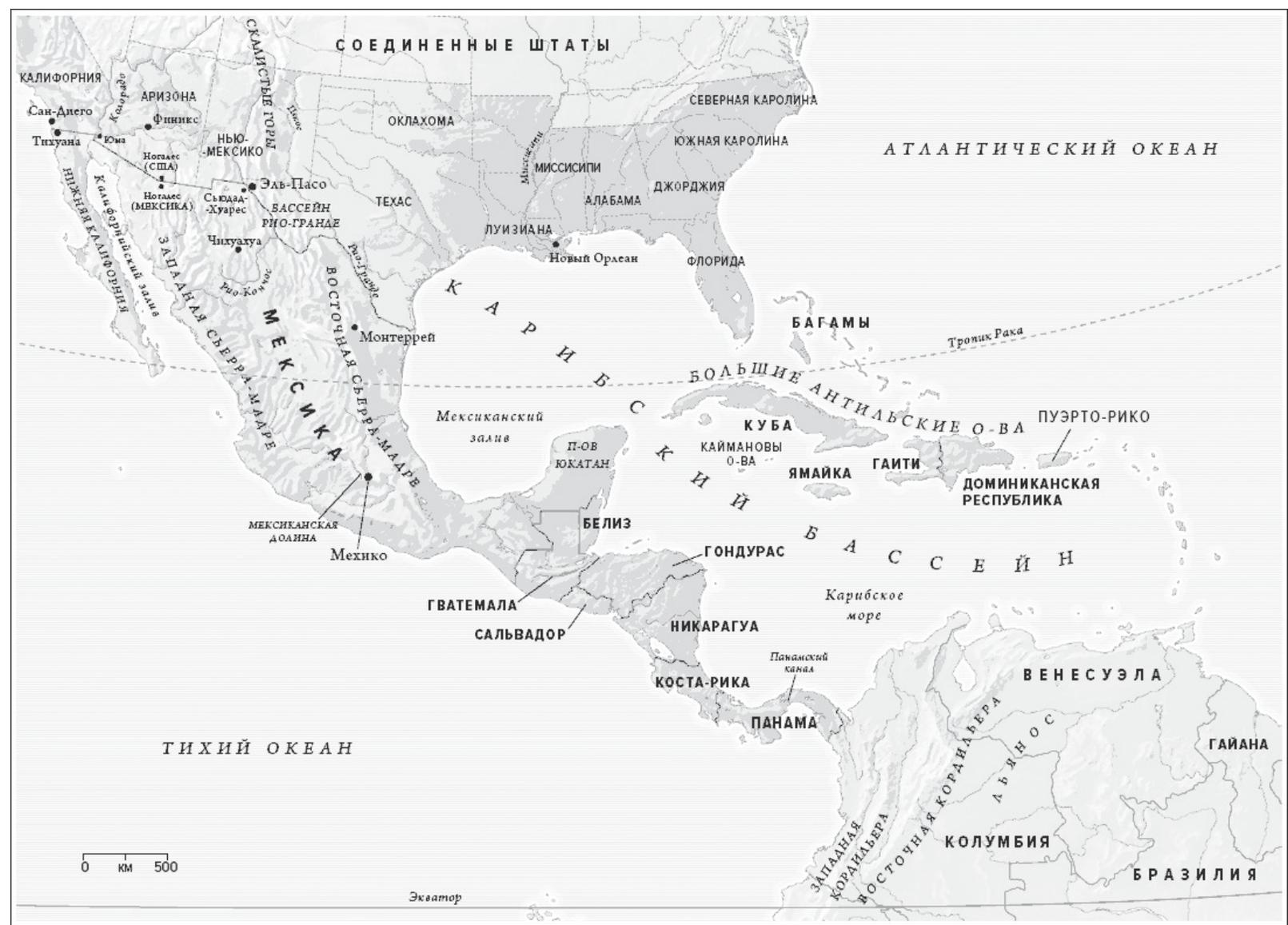
Ближний Восток висит на волоске судьбоносных человеческих взаимосвязей, и больше всего из-за замкнутости и излишней плотности его географии. География никуда не делась в процессе революции в таких областях, как средства коммуникаций и вооружения. Она просто стала еще более важной и ценной для еще большего количества людей.

В таком мире всеобщие ценности не могут не зависеть от обстоятельств. Мы молимся за сохранение хашимитской Иордании и объединенной Сирии, как молимся и за окончание диктатуры мулл в Иране. Демократия в Иране могла бы стать в будущем дружественной нам, и Большой Иран от Газы до Афганистана был бы, скорее, силой, действующей во благо, а не во вред. Это могло бы коренным образом изменить все прогнозы в отношении Ближнего Востока. «Хезболлу» и ХАМАС можно было бы обуздать, а перспективы мира между Израилем и Палестиной стали бы менее призрачными. В Иордании сложно представить более умеренный и прозападный режим, чем монархия, которая сейчас при власти. А Саудовская Аравия – потенциально наш враг. В Сирии же постепенно должна установиться демократия, как бы ни препятствовали этому суннитские джихадисты политической организации Великой Сирии, как это произошло в Месопотамии в 2006–2007 гг.

Европейские лидеры в XIX и в начале XX в. были поглощены так называемым восточным вопросом: то и дело вспыхивающими очагами нестабильности и националистических настроений, ставших результатом медленного развала Османской империи, который, казалось, никогда не закончится. Восточный вопрос был закрыт, когда разразилась Первая мировая война. Она во многом определила развитие современной системы арабских государств, в котором свою роль сыграли вековые географические особенности и концентрация населения, о которых так красноречиво пишет Ходжсон. Но спустя 100 лет живучесть этой постосманской государственной системы в самом центре «Ойкумены» нельзя принимать как должное.

Часть III
Судьба Америки

Ученый-историк из Оксфордского университета Хью Тревор-Ропер в 1972 г. писал, что ни одна группа ученых не оказывала более «плодотворного влияния» на изучение истории, чем так называемая школа «Анналов», основанная в 1929 г. Люсьеном Февром и Марком Блоком. Эта группа ученых собралась вокруг парижского журнала *Annales d'histoire économique et sociale* («Анналы экономической и социальной истории»), по названию которого и получила свое имя. Самым выдающимся из представителей этого научного направления был Фернан Бродель. В 1949 г. Бродель опубликовал книгу «*The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*» («Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II»), работу, которая совершила переворот в исторической науке и в которой автор сделал акцент на географии, демографии, материальной культуре и окружающей среде.^[455] Бродель привнес в этот исторический труд саму природу, безмерно обогатив, таким образом, эту дисциплину, а также помог вернуть географии ее законное место среди академических наук. Его объемный двухтомный труд особенно впечатляет, если учесть, что большую его часть он написал в немецком плену во время Второй мировой войны. В широком полотно повествования Броделя неизменные и вечные силы природы, а также окружающая среда ведут к формированию исторических тенденций, существовавших веками. Так, те политические события и региональные войны, о которых мы говорим в нашей книге, кажутся практически predetermined, если не просто мелочами. Именно Бродель помогает нам понять, как на плодородных, поросших лесами землях центральной части Европы, требовавших для успешного земледелия от отдельного крестьянина небольших усилий, сформировались в конечном итоге более свободные и динамичные общества по сравнению с теми, которые развились в Средиземноморском регионе, где более бедные почвы, которые в силу этого делали земледелие довольно рискованным предприятием, нуждались в орошении, что, в свою очередь, привело к формированию олигархий. Эти неплодородные почвы в сочетании с непостоянным, засушливым климатом толкали греков и римлян на завоевания.^[456] Одним словом, мы обманываем себя, когда верим, что полностью управляем своими судьбами. Бродель же помогает нам осознать, что чем больше мы понимаем пределы собственных возможностей, тем большую силу нам это придает для того, чтобы повлиять на исход событий в этих пределах.

Географически Бродель определяет Средиземноморский регион как совокупность морей возле великой пустыни Сахара. Таким образом, он вернул Северной Африке ее выдающееся положение в исследованиях Средиземноморского региона и предоставил контекст для массовой миграции арабских рабочих в нашу эпоху с каменистых южных берегов Средиземного моря, где доминирует ислам (латинской культуре не удалось здесь распространиться), к северным – христианским – берегам. История Броделя, несмотря на основной акцент на испанском правителе Филиппе II, в действительности не о том, как отдельные люди преодолевают преграды на своем пути, а скорее, о том, как под влиянием безликих фундаментальных сил формируются люди и общества, их объединяющие. Сегодня в мире наступает время серьезных климатических изменений. Потепление арктических морей открывает новые возможности для торговых путей, потенциальное повышение уровня моря угрожает не только густонаселенным прибрежным странам в тропическом третьем мире, а мировая политика в значительной мере определяется наличием и доступностью нефти и других ресурсов. Именно сейчас, в этот сложный период в истории человечества, самое время обратиться к эпопее географического детерминизма Броделя. В самом деле, труды Броделя о Средиземноморском регионе определяют литературный контекст настроений в эпоху недостаточных ресурсов и судьбоносной роли окружающей среды в мире, где население постоянно увеличивается, а запасы пресной воды катастрофически уменьшаются.

Достижением Броделя и других представителей школы «Анналов», как пишет Тревор-Ропер, «является то, что они в широкое русло исторической науки внесли географию,

социологию, право, умственную жизнь и таким образом подпитали, укрепили и освежили ее течение...». В конце концов, продолжает Тревор-Ропер, «география, климат и население определяют связи, экономику и политическую организацию».^[457] Своими исследованиями Бродель, притом что у него, в отличие от Маккиндера, Спайкмена или Мэхэна, отсутствует особая геополитическая теория, сделал нечто более важное, поскольку сам он – нечто больше, чем географ или политический стратег. Он – историк, чье повествование имеет некую божественную особенность и в котором каждая деталь человеческого существования прорисована на полотне сил природы. Если география когда-либо и приближалась к литературе, то она это делает именно у Броделя. В определенном смысле Бродель – итоговое воплощение всех тех политических стратегов, с которыми мы уже познакомились выше.

Археолог из Оксфорда Барри Канлифф замечает, что, возможно, главнейшим вкладом Броделя в понимание истории является концепция «изменяющейся длительности временных циклов». В основе ее лежит *longue duree* («период большой длительности»): медленно, незаметно изменяющееся географическое время «ландшафтов, которые и дают возможности, и накладывают ограничения». Следующим этапом являются менее длительные «среднесрочные циклы», которые сам Бродель называет *conjonctures* («конъюнктурами»), то есть системными изменениями в демографии, экономике, сельском хозяйстве, общественной жизни и политике. Канлифф поясняет, что по сути своей это «коллективные силы, безликие и редко выходящие за пределы одного столетия». Вместе *longue duree* и *conjonctures* составляют по большей части скрытые «базовые структуры», в контексте которых разворачивается человеческая жизнь. Все мои размышления о роли географии имели своей целью подчеркнуть важность этих базовых структур. Бродель называет самый быстротекущий цикл *l'histoire evenmentielle* («событийной историей») – эти события представляют собой ежедневные политические и дипломатические неурядицы, которые являются предметом освещения в СМИ. Бродель проводит аналогию с морем: на самой большой глубине неторопливо перемещаются водные массы, несущие на себе все остальное; чуть выше – волны и приливы; наконец, на поверхности, по словам Канлиффа, – «мимолетная рябь, пена, появляющаяся и исчезающая за одну минуту».^[458]

Невозможно представить, каковы будут последствия геополитики в слишком масштабных для человека временных рамках значительной части анализа Броделя, особенно с учетом споров по поводу климатических изменений и их влияния на отдельные регионы. Говорить об отношениях, например, Америки и Европы через 100 или 200 лет просто глупо, поскольку на них повлияет огромное количество факторов, которым еще только предстоит проявиться. Скорее, стоит представить идеи Броделя как стимул посмотреть на наши собственные проблемы с более непредвзятой и отстраненной точки зрения. Например, читая Броделя и вспоминая о еще свежих событиях первого десятилетия XXI в., невозможно уйти от вопроса: являются ли войны в Ираке и Афганистане только мимолетной рябью, пенным прибоем или они суть, а может, часть чего-то более глубокого, значительного и фундаментального в судьбе Америки? Если уж на то пошло, могут ли Первая и Вторая мировые войны, заставившие человечество столкнуться с беспрецедентным насилием, относиться только лишь к событиям *l'histoire evenmentielle*? Бродель, именно потому, что он помещает события человеческой истории в контекст воздействия сил природы, позволяет видеть их с позиций *longue duree*.

Я предлагаю рассматривать идеи Броделя в качестве пролога к знаменательному моменту на Вашингтонской конференции в июне 2009 г., где был поднят вопрос, который придает особую актуальность моему исследованию важности географии для США в XXI в. Этот

вопрос понравился бы Броделю, поскольку он отвлекает людей от сиюминутных проблем и предлагает взглянуть на вещи с более масштабной точки зрения и в долгосрочной перспективе. Спонсором данной конференции выступал Центр за новую безопасность США, где я являюсь старшим научным сотрудником. Шел круглый стол, на котором обсуждалось то, какими должны быть следующие шаги в Афганистане и Пакистане, и особое внимание уделялось налаживанию борьбы с повстанческим движением. Участники обсуждения перешли к детальному рассмотрению проблемы «АфПак», поскольку афгано-пакистанская пограничная зона особенно заинтересовала вашингтонских специалистов. От одного из участников, Эндрю Бацевича, профессора Бостонского университета, я, сидя в первом ряду, услышал весьма невежливое замечание, которое передам своими словами.

Историк, глядя на эту дискуссию с точки зрения отдаленного будущего, как предположил Бацевич, мог бы прийти к выводу, что в то время как США полностью сосредоточились на Афганистане и других регионах Большого Ближнего Востока, на южной границе самих США назревал масштабный государственный коллапс. Последствия этого коллапса для ближайшего и отдаленного будущего Америки, ее общества и американского господства в целом являются гораздо более серьезными, нежели события где-то на другом конце мира. «Чего мы достигли на Ближнем Востоке всеми нашими вмешательствами начиная с 1980-х гг.? – вот такой вопрос задал Бацевич и продолжил: – Почему бы не привести в порядок дела в Мексике? Какого бы процветания мы добились, если бы все эти деньги, знания и инновации использовали не в Ираке и Афганистане, а в Мексике?»

В этом простом вопросе заключается основа критики американской внешней политики с момента окончания холодной войны: критики, которая, как мы увидим, простирается далеко за пределы Мексики, охватывает Евразию и все же уходит корнями в особенности географии Северной Америки. Я начал с Бацевича только потому, что его недовольство ничем не завуалировано, а его честные намерения особенно впечатляют и таят в себе горечь, ведь он, выпускник военной академии Вест-Пойнт и ветеран войны во Вьетнаме, потерял в Ираке сына. Но пусть Бацевич в своих книгах и ругает безо всякого пиетета политическую элиту США и предприятия, в которые они втягивают Америку за океаном, в своих убеждениях он не одинок. Анализ ситуации, предпринятый как Бацевичем, так и его единомышленниками, прежде всего основывается на сознательной попытке выйти за рамки *l'histoire evenementielle* и взглянуть на нее в пределах более длительного периода времени. Когда я думаю о том, что действительно волнует всех этих аналитиков, в голову приходит мысль о *longue duree* Броделя.

Эндрю Бацевич, Стивен Уолт, Джон Миршаймер, Пол Пиллар, Марк Хелприн, Тед Карпентер и покойный Сэмюэль Хантингтон не являются самыми известными аналитиками в сфере внешней политики, и объединить их в одну группу можно лишь с натяжкой. Но все они поставили под сомнение фундаментальный вектор американской внешней политики в долгосрочной перспективе. Уолт – профессор в Гарварде, а Миршаймер – профессор в Чикагском университете, но при всей престижности их должностей их совместная книга «The Israel Lobby and U. S. Foreign Policy» («Израильское лобби и внешняя политика США»), опубликованная в 2007 г., получила свою долю неприятия из-за утверждения, что силы, поддерживающие интересы Израиля в Америке, были, по сути, виновны в развязывании войны в Ираке – войны, против которой решительно выступал каждый из названных аналитиков. Марк Хелприн, романист^[459] и бывший израильский солдат, бескомпромиссен в своем убеждении, что Китай станет главным военным противником Америки, и Миршаймер это убеждение разделяет. Они оба, а также Пиллар, бывший аналитик ЦРУ, полны негодования из-за того, что ресурсы страны расходуются на бесполезные войны на Ближнем

Востоке, в то время как Китай разрабатывает новейшие оборонные технологии. В самом деле, даже если мы стабилизируем ситуацию в Афганистане и Пакистане, наибольшую выгоду это принесет Китаю, который сможет построить дороги и трубопроводы через весь этот регион с целью получить доступ к источникам энергии, к стратегическим минералам и металлам. В то же время Карпентер предупреждает об опасности, которую представляет страдающая от высокого уровня насилия Мексика, как это делал в последние годы своей жизни обладающий даром политического предвидения и Хантингтон. Если объединить их идеи, а также идеи некоторых других, которых я мог бы назвать и которые во внешнеполитических кругах поголовно принадлежат к лагерю реалистов, то результатом станет вывод, что Америка столкнулась с тремя основными геополитическими проблемами: хаотичный евразийский «Хартленд» на Ближнем Востоке, напористая и бурно развивающаяся китайская сверхдержава и опасность коллапса государства в Мексике. Проблемы, с которыми мы сталкиваемся в случае с Китаем и Мексикой, следует решать с особой осторожностью. В отношении же дальнейшего военного присутствия на Ближнем Востоке – чем быстрее мы уйдем из Ирака и Афганистана, тем лучше. Бомбить ли Иран? Ни в коем случае. Только так американское государство сумеет поддерживать свое положение в грядущих десятилетиях и пережить часть *longue duree*.

Конечно, в таком мышлении на долгосрочную перспективу есть определенная безопасность, даже самодовольство, если уж на то пошло. Ни один из этих людей не разобрался должным образом, что в самом деле могло произойти, если бы нам пришлось поспешно вывести войска, скажем, из Афганистана. Прекратит ли тогда существование разведывательная сеть, которая способствовала успешным нападениям беспилотников на «Аль-Каиду» в Вазиристане? И не появится ли с триумфом перед камерами телеканала «Аль-Джазира» в Джелалабаде Айман аз-Завахири и другие уцелевшие лидеры «Аль-Каиды»? И не окажется ли Афганистан под властью радикально настроенного «Талибана», опекаемого пакистанской разведкой? Не утратит ли Индия, глобальное «осевое» государство XXI в., в результате этого уважение к США? Не захватит ли Иран западную часть Афганистана? И что случилось бы с Ираком, если бы мы полностью покинули страну в 2006 г., на пике бушующего там насилия, как, несомненно, хотелось бы некоторым из этих аналитиков? И не достигло бы количество жертв на Балканах количества жертв в Руанде, которое исчислялось бы даже не сотнями тысяч, а миллионами? Потому что нужно быть совершенно бессердечным, чтобы не понимать, какие колоссальные последствия имели бы эти события для жизни отдельных людей. Более того, что произошло бы с этим регионом и с репутацией Америки как могучей державы, если бы мы поступили таким образом? И как производился бы такой спешный вывод войск? Никогда не стоит говорить, что «хуже уже быть не может», поскольку «еще хуже» всегда возможно.

В самом деле, поспешный вывод войск из Ирака или Афганистана стал бы безответственным шагом, поскольку – как бы там ни было, – вторгаясь в эти регионы и оставаясь там так долго, мы стали кровно заинтересованы в исходе событий. Тем не менее было бы нечестно осуждать упомянутых выше аналитиков и тех, кто их поддерживает, просто на основании отдельных примеров из Ирака и Афганистана. Они осуждают главным образом сам факт, что мы вообще вмешались в дела этих стран. Какими бы ни были конечные итоги кампании в Ираке, смерть людей, как американцев, так и иракцев, будет аргументом в спорах по поводу внешней политики Америки не один десяток лет, как это было в случае с Вьетнамом. И это выходит за рамки *l'histoire evenmentielle*.

Конечно, данные аналитики не задаются вопросом, что дальше делать с Афганистаном и Ираком. Вместо этого – суммируя их идеи – они спрашивают себя, чего стоили уже

совершенные ошибки и промахи. Можно ли спасти наш статус великой державы? И куда направить наши усилия, в рамках исключительно выборочных военных кампаний и предоставления помощи населению, чтобы Америка помогала поддерживать баланс сил в Евразии и не захлебнулась от потока мексиканцев, бегущих из обанкротившейся страны? Григиел, адъюнкт-профессор в Университете Джонса Хопкинса, говорит: «Географическая изоляция – это в стратегическом отношении благословенный дар, и его не следует растрачивать на экспансионистскую стратегию».^[460]

Ну а как много мы уже разбазарили? Майкл Линд, ученый, работающий в фонде «Новая Америка» в Вашингтоне, согласен с Бацевичем по поводу глупости как войны в Ираке, так и эскалации конфликта в Афганистане. Но в вопросе, может ли Америка позволить себе участие в таких конфликтах, он с Бацевичем не согласен. Линд утверждает, что относительно небольшая часть государственного долга обусловлена тратами на военную сферу, и еще меньше – двумя одновременными войнами, в то время как уменьшение затрат на здравоохранение гораздо важнее для финансового благополучия США, чем недавний империалистический авантюризм, хоть сам Линд и выступает против него.^[461] В самом деле, взгляд на некоторые ошибки империй прошлого может помочь нам понять причины неудач иракской и афганской кампаний. Такой анализ прольет свет на эти события как с точки зрения уже проявившихся их последствий для внешней политики США, так и с точки зрения их влияния на нашу способность справиться с грядущими проблемами на Ближнем Востоке, в Китае и Мексике на протяжении XXI в.

В 1449 г. во время возвращения после неудавшейся кампании в Монголии, армия китайского императора Чжу Цичжэня из династии Мин была окружена монгольскими войсками. Не имея запасов воды, китайцы впали в панику. Полагаясь на милость монголов, как пишет Григиел, «многие бросили доспехи и устремились к рядам противника». Полмиллиона китайских солдат были убиты, а император Чжу Цичжэнь попал в плен к монголам. Авантюрный поход китайской армии в Монголию ознаменовал начало упадка династии Мин. В дальнейшем армии императоров династии Мин больше никогда не предпринимали новых попыток выступить против монголов в северные степи, хотя напряженные отношения с ними не лучшим образом сказывались на императорском правлении. Это привело к тому, что Китай взял курс на изоляционистскую политику и перестал совершать морские экспедиции в Азии, что в будущем способствовало продвижению европейских держав в «Римленд».^[462]

Ничего столь катастрофического не произошло после вторжения Америки в Ирак – наше военное и экономическое положение в мире, особенно в Юго-Восточной Азии, прочно и стабильно, нет никаких признаков ослабления этих позиций, не говоря уже об отступлении. Мы потеряли менее 5000 убитыми; 32 000 солдат получили ранения. Это – ужасная цена, но данные потери несравнимы с полумиллионной армией китайского императора. Сухопутные войска США, которые были основной силой в иракском конфликте, насчитывают в строю 550 000 солдат и офицеров, и именно благодаря опыту в войне с нерегулярными вооруженными формированиями в Ираке сейчас они лучше обучены, более гибки в использовании оперативного искусства и обладают большим интеллектуальным потенциалом, чем когда-либо, то же касается и морской пехоты.

Ни в Ираке, ни в Афганистане США не допустили принципиальной ошибки сродни той, которую совершила Венеция позднего Средневековья. Не только преимущественное географическое положение на пути торговых маршрутов между западной и восточной частями Средиземноморского региона позволило Венеции создать морскую империю. Скорее,

она обязана этим тому, что была защищена от континентальной Италии несколькими километрами водного пространства, а от вторжения с моря ее защищали длинные песчаные отмели. Одной из главных причин упадка Венеции, начавшегося в XV в., стало ее решение захватить территории в континентальной Италии. Снова и снова развязывая войны против Вероны, Падуи, Флоренции, Милана и Камбрейской лиги, Венеция вмешивалась в «смертельно опасное» политическое равновесие на суше, и это негативно сказалось на ее способности удерживать доминирующее положение на море.^[463] Пример Венеции должен вызвать тревогу среди тех, кто определяет политический курс Америки, если (и только в этом случае) США собираются и дальше регулярно осуществлять военные вмешательства на суше в регионе Большого Ближнего Востока. Но если Америка впредь сможет ограничиться тем, что будет оставаться военно-воздушной и военно-морской силой, то судьбы Венеции можно избежать без проблем. Уничтожить нас могут именно постоянные небольшие войны, а не редкие просчеты раз в 30 лет, какими бы трагичными и пугающими они ни были.

С такой точки зрения, Ирак в период наиболее ожесточенных военных действий 2006–2007 гг. можно сравнить с восстанием сипаев против англичан в 1857–1858 гг. Тогда востоковеды и прочие сторонники прагматизма в британских властных структурах, которые хотели оставить традиционную Индию в том виде, в котором она была, уступили власть евангеликам и утилитаристам, которые хотели модернизировать Индию и обернуть ее в христианскую веру, чтобы сделать более похожей на Англию. Но попытка принести достижения западной цивилизации в Индостан привела к восстанию против власти Британской империи. Дели, Лакхнау и другие города были взяты в осаду и захвачены, прежде чем на помощь им успели прийти колониальные войска. Тем не менее, эта неудача не ознаменовала конец Британской империи, которая существовала и расширялась после этих событий еще 100 лет. Но она означала переход от непродуманного использования абсолютной власти, подогреваемого страстным желанием навязать свои христианские ценности, к более спокойной и прагматичной имперской власти, построенной на международной торговле и развитии техники.^[464]

В древней истории также есть примеры, которые заставляют усомниться в том, что Ирак и Афганистан сами по себе обречены на кончину. Одним таким примером является знаменитая Сицилийская экспедиция, подробно описанная Фукидидом в Шестой книге «Пелопоннесской войны». С момента первого набега афинян на Сицилию до их заключительного поражения в морском сражении при Сиракузах в 413 г. до н. э. прошло всего 14 лет. Столько же времени прошло с того момента, как США при администрации президента Кеннеди вмешались в гражданскую войну во Вьетнаме, до окончательного вывода войск при президенте Форде после падения Сайгона. Сицилийская война привела к расколу в Афинах, как и войны во Вьетнаме и Ираке. Прошло время, прежде чем афиняне, парализованные пессимизмом и взаимными обвинениями, захотели всерьез продолжить свое противостояние со Спартой. А Сицилия, как оказалось, вовсе не была ключевой для сохранения демократии в Афинах и ее морской империи. Ведь, несмотря на поражение, потери и страдания, Афины все еще располагали достаточными ресурсами, чтобы возглавлять союз, хотя авантюра в Сицилии и оказалась впоследствии поворотным пунктом в Пелопоннесской войне, которую Афины проиграли.

Есть также и более масштабный пример, с упадком Рима, в деталях описанным в 1976 г. Эдвардом Люттваком в его книге «The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A. D. to the Third» («Большая стратегия Римской империи в I–III вв. н. э.»). Метод Люттвака состоит в том, что вместо разговора об упадке вообще он его рассматривает в понятиях «большой стратегии» Рима. В римской «большой стратегии» автор выделяет три

хронологических этапа. Сначала была «система Юлия-Клавдия», или система республиканской империи; в ней зависимые государства, окружавшие итальянский центр империи, достаточно прониклись «тотальностью» римской мощи, чтобы исполнять желания империи без необходимости военной оккупации. На этой стадии основным действующим элементом принуждения со стороны Рима была не военная сила, а дипломатия, хотя огромные формирования римских войск «широким кольцом» окружали город. Поскольку эти войска не были нужны для оккупации зависимых государств или для какой-либо территориальной обороны, они, по словам Люттвака, были «по сути своей мобильны и могли легко передислоцироваться в любое нужное место». В этот период римская власть и мощь находились в зените, использовались мудро и применялись исходя из принципа экономии сил и средств. В случае непредвиденных военных обстоятельств существовали мобилизационные возможности для быстрого реагирования, и это в Средиземноморском регионе было известно всем. Так что Рима все боялись. На ум приходит Америка времен президента Рейгана, с серьезным наращиванием военной силы, которую тем не менее министр обороны Уайнбергер категорически не желал использовать, тщательно оберегая репутацию державы, не имеющей необходимости предпринимать рискованные авантюры. Следующей стала «система Антонина», которая просуществовала с середины I в. н. э. до середины III в. н. э., была отражением того, что Люттвак назвал «территориализацией» империи. Теперь Рим ощущал необходимость размещать свои войска везде, в самих зависимых государствах, чтобы обеспечить их лояльность, так что принципом экономии сил и средств пришлось пожертвовать. Тем не менее империя процветала, повсюду наблюдалась добровольная романизация варварских племен, «уничтожившая последние остатки недовольства сторонников сохранения коренной культуры» на тот момент. Хотя именно эта романизация империи со временем сплотит разные племена, позволив им объединить усилия в общей борьбе против Рима, поскольку теперь они влились в культуру, которая все равно еще не была их собственной. А теперь представим себе, как глобализация, которая в определенном смысле является «американизацией» мира, служит тем не менее инструментом для противостояния американской гегемонии. Отсюда появилась третья система римской «большой стратегии»: «глубокая оборона» Диоклетиана, при которой пограничные народы слились в формальные конфедерации, способные противостоять Риму, так что государство всюду было в оборонительной позиции, постоянно готовое к развертыванию войск в чрезвычайных обстоятельствах. Мобилизационные возможности, которые сохранялись даже при второй системе, были потеряны. Военная мощь легионов сократилась до предела, и все меньше было тех, кто испытывал страх перед Римом.^[465]

Увы, для нас это пугающе знакомые аналогии. Точно так же, как Рим обеспечивал стабильность на побережье Средиземного моря, ныне американские ВМС и ВВС несут ради общего блага патрульную службу по всему миру, пусть даже сама эта служба – как и в случае с Римом – воспринимается как нечто само собой разумеющееся. И что за последние 10 лет стало очевидным, так это те огромные усилия армии и морской пехоты США, которые прилагаются для недопущения конфликтов и беспорядков в дальних уголках планеты. Так что США стоит продумать свою «большую стратегию», которая помогла бы восстановить их положение с нынешнего, напоминающего третью систему военно-политической стратегии Рима, до второй и даже до первой системы. Пусть у США нет зависимых государств, но у них все же есть союзники и единомышленники, на которых им нужно произвести должное впечатление, чтобы добиться от них большей эффективности в своих интересах. Лучше всего добиться этого Америка может путем активных дипломатических действий и наращивания резерва войск, который использовался бы весьма экономно, чтобы

восстановить свои мобилизационные возможности (сродни тех, какие Рим имел во времена первоначальной «системы Юлия-Клавдия»). Сама продолжительность существования Римской империи служит доказательством успешности ее «большой стратегии», и все же окончательный упадок и бурная ее гибель произошли из-за неспособности адаптироваться к формированию новых национальных образований к северу от нее, которые в будущем дали начало современным европейским государствам. Из-за них Римская империя была в любом случае обречена. Но это могло случиться не так скоро и не таким образом.

Настоящей неудачей Рима в финальной фазе его «большой стратегии» была неспособность предложить механизм элегантного отступления, невзирая на то что сама империя разлагалась изнутри. Именно при помощи планирования такого умелого отказа от жалкого подобия гегемонии государство или империя могут удержаться на позициях силы. Нет ничего более полезного для США, чем подготовить мир к их собственному постепенному исчезновению. Так Соединенные Штаты могут бороться ради какой-то определенной цели, а не просто ради пользования властью как таковой.

Как США подготовиться к долгому и изящному уходу с поста доминирующей державы на арене истории? Подобно Византии, США могут избегать дорогостоящих вмешательств, использовать дипломатию, чтобы расстраивать планы противника, использовать разведку в стратегических целях и т. д. (в своем исследовании Люттвак подробно рассматривает поставленные вопросы^[466]). Они также могут – и это вновь возвращает нас к идеям Бацевича – принять меры, чтобы не допустить развала их с юга, как Рим был развален с севера, в силу того, что на западе и востоке США ограничены океанами, а с севера – Канадской Арктикой. (Несмотря на большую площадь страны, приблизительно 3/4 населения Канады проживает в пределах 160-километровой полосы от границы с США, а американо-канадская граница является самой необычной из всех мировых границ, являясь самой длинной, искусственной, потерявшей всякое значение^[467]). Но на юго-западе США уязвимы. Здесь находится тот единственный участок, где на государственных границах Америки существует некоторая напряженность; тут спаянность США как географически сплоченной территории оказывается под вопросом.^[468] Ведь историческая пограничная полоса между США и Мексикой является широкой и нечеткой, во многом похожей в этом отношении на пограничную полосу на северо-западе Индостана. Одновременно с этим она также демонстрирует определенную напряженность между двумя цивилизациями. Дэвид Кеннеди, историк из Стэнфордского университета, отмечает: «Разница между доходами населения в США и Мексике является наибольшей среди любых двух сопредельных стран в мире», поскольку американский ВВП в 9 раз больше, чем ВВП Мексики.^[469]

Внешняя политика США проистекает из состояния общества в самой стране, и ничто не могло бы сильнее повлиять на это общество, чем резкое распространение латиноамериканской культуры на север от ее исторического месторасположения. Мексика и Центральная Америка вместе составляют растущую демографическую силу в американском обществе, и это не может не касаться политики США. Население Мексики в 111 млн человек плюс население Центральной Америки в 40 млн жителей – это половина населения Соединенных Штатов. Вследствие Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA) 85 % экспортируемых товаров направляется в США из Мексики; на США также приходится и половина объема торговли Центральной Америки. В то же время средний возраст жителей США составляет 37 лет, что говорит о старении нации, средний возраст населения в Мексике – 25 лет, а в Центральной Америке и того меньше, например в Гватемале

и Гондурасе – 20 лет. Будущее Соединенных Штатов простирается с севера на юг, а не с запада на восток, от океана до океана, в соответствии с патриотическим мифом о континентальном господстве. Эта тенденция будет подкреплена расширением Панамского канала, намеченным на 2014 г., которое откроет Карибский бассейн для гигантских судов из Юго-Восточной Азии, что приведет к дальнейшему развитию портовых городов США в Мексиканском заливе, от Техаса до Флориды.^[470]

Половина протяженности южной границы США – это искусственно созданная разделительная линия, проходящая в пустыне и установленная в соответствии с договорами, заключенными после Американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. Я как-то ехал на автобусе из Мехико в США, и пересечение этой границы произвело на меня не меньшее впечатление, чем проезд через границу между Иорданией и Израилем или в районе Берлинской стены. Окруженный нищими, просящими милостыню на разбитом тротуаре Ногалеса, в мексиканском штате Сонора, я вглядывался в американский флаг, обозначающий границу. Пешеходный пункт пропуска через границу, ведущий в американскую часть Ногалеса, в штате Аризона, находился в маленьком здании. Просто взявшись за дверную ручку, я шагнул в иной мир. Добротная ручка из высококачественного металла, чистое стекло и аккуратно уложенная керамическая плитка в комнате после нескольких недель, проведенных среди хлипких и неряшливых строений Мексики, казались настоящим откровением. В комнате было всего два человека: сотрудник иммиграционной службы и работник таможни. Они друг с другом не разговаривали. В государственных учреждениях такого размера в Мексике и других странах третьего мира всегда были толпы чиновников и их прихлебателей, вечно занятых оживленной беседой, попивавших чай или кофе. Глядя в окно на автомобильный переезд, я видел, как мало людей несет службу на государственной границе и все же как эффективно организована на ней работа. Вскоре, как и в Израиле, я оказался в привычной, хотя и несколько холодной и неприветливой, среде, с пустыми улицами и вывесками магазинов, сделанными из модных полимеров, а не ржавого металла и дешевого пластика. Из-за сумасбродного и полуанархического стиля жизни, с которым я столкнулся, проживая в течение нескольких недель среди 100 млн мексиканцев чуть дальше к югу, эти тихие улицы казались беззащитными, даже ненастоящими. Арнольд Тойнби пишет, говоря о варварах и Риме, что, когда границы, отделяющие высокоразвитое общество от менее развитого, «прекращают расширяться, это приводит не к стабильности и равновесию, а по прошествии времени к более выгодному положению более отсталого общества».^[471]

С 1940 года население Мексики увеличилось более чем в 5 раз. В период 1970–1995 гг. оно практически выросло вдвое. В 1985–2000 гг. – больше чем на треть. Население Мексики, насчитывающее 111 млн человек, что равняется примерно 1/3 населения США и при этом имеет гораздо более высокий темп роста. Тем не менее политическая элита с Восточного побережья^[472] Соединенных Штатов сравнительно мало интересуется Мексикой. Ежедневные проблемы и трудности, происшествия, а также деловое и культурное взаимодействие между Мексикой и граничащими с ней штатами Калифорния, Аризона, Нью-Мексико и Техас происходят слишком далеко от внимания элиты Восточного побережья. Вместо этого политики концентрируются на окружающем мире и месте, которое Америка в нем занимает. На самом деле Мексика гораздо меньше волнует воображение политической элиты США, чем Израиль, Китай или даже Индия. Тем не менее Мексика может гораздо больше повлиять на судьбу Америки, чем любая из этих стран. Мексика вместе с США и Канадой составляет наиважнейший континентальный сателлит, дрейфующий вокруг «мирового острова» Маккиндера.

В Мексиканской долине когда-то было великое озеро, на котором были расположены две «Венеции» ацтеков: города Теночтитлан и Тлателолко. Сейчас на их месте стоит Мехико. Это «долина Нила» Нового Света, «матрица цивилизации» как для Северной, так и для Южной Америки, как сказал историк Генри Паркс, где началось и позже распространилось на два континента выращивание маиса (кукурузы). Находясь на полпути между Тихим и Атлантическим океаном и соединяя вместе с Центральной Америкой два континента Западного полушария, Мексиканская долина и страна, выросшая на ее месте, составляют один из величайших центров цивилизаций мира.^[473]

И все же Мексика, в отличие от Египта, не представляет собой географического единства. Два больших горных кряжа, Сьерра-Мадре Восточная и Сьерра-Мадре Западная, расположены с обеих сторон пересеченного центрального плато. Есть и другие горные хребты, располагающиеся горизонтально, в основном на юге: Южная Сьерра-Мадре (Сьерра-Мадре-дель-Сур), Сьерра-Мадре-де-Оахака и т. д. Рельеф Мексики такой гористый, что, если бы его выровняли, страна была бы размером с Азию. Полуостров Юкатан и Нижняя Калифорния, в сущности, отделены от остальной территории Мексики, которая и сама по себе чрезвычайно неоднородная. Такой контекст помогает понять непрекращающееся негласное и никак не освещающееся, но неоспоримое единение между Северной Мексикой и юго-восточными территориями США, а также следующее из этого отделение этого региона от остальной Мексики.

Население Северной Мексики с момента подписания Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA) в 1994 г. увеличилось более чем в два раза. Долларами США без проблем можно расплачиваться до самого Кульякана, который расположен на полпути до Мехико. В Северной Мексике сосредоточены 87 % *maquiladora* (предприятий, работающих со сборочными частями, ввозимыми на беспошлинной основе, и собирающих из них изделия на экспорт). Также в этом регионе осуществляется 85 % всех торговых операций между Мексикой и США. Расположенный на северо-востоке Мексики Монтеррей, один из крупнейших городов страны, тесно связан с техасскими банками, промышленными и энергетическими предприятиями. Дэвид Данело, бывший морской пехотинец и старший научный сотрудник филадельфийского Института внешнеполитических исследований, всесторонне изучавший Северную Мексику и объехавший все 6 ее штатов на границе с США, сказал мне, что он не встречал там людей, которые считали бы США чужими для себя. Как он сказал мне: «В Северной Мексике сохраняется культурная полярность: “северяне”, живущие на границе, *nortenos*, противопоставляют себя *chilangos*, “напыщенным горожанам” из Мехико». Тем не менее в Северной Мексике есть свои географические деления. Равнинные территории и пустыня в Соноре на западе, в общем, стабильны; район бассейна Рио-Гранде на востоке является наиболее развитым и тесно связанным с США – в культурном, экономическом и гидрологическом плане, и именно для него соглашение NAFTA было наиболее выгодным.^[474]

А вот в центре расположены горы и степи, в которых царит хаос и беззаконие. Хорошим примером тому является расположенный по ту сторону границы от техасского Эль-Пасо мексиканский город Сьюдад-Хуарес. Здесь постоянно на улицах происходят перестрелки и свободно разгуливают серийные убийцы. Сьюдад-Хуарес занимает первое место в Мексике по количеству убийств, где только за первые месяцы 2010 г. было убито 700 человек. В 2009 г. в городе с населением 1,2 млн жителей насильственной смертью умерли 2600 граждан, а около 200 000 человек, возможно, спаслись бегством.^[475] В штате Чихуахуа, где расположен Сьюдад-Хуарес, статистика убийств составила 143 смерти на 100 000 человек, и это один из худших показателей в Западном полушарии. Северные горы и степи Мексики всегда были бастионом для кланов, сект и изгоев: наркокартелей, меннонитов, индейцев яки и т. д. Этот

суровый край испанцы покорили с большим трудом. Позднее, в 1880-х гг., он стал прибежищем для Джеронимо, вождя чирикауа-апачей, который в течение 25 лет возглавлял борьбу против вторжения США на землю своего племени, и его людей. Вспомните другие отдаленные горные районы на планете, в которых укрывались повстанцы: китайские коммунисты – в Шэньси, кубинские революционеры – в массиве Сьерра-Маэстра, «Аль-Каида» и «Талибан» – в Вазиристане.^[476] Наркокартели возникают там же.

То, что большинство убийств, связанных с наркотиками, происходили только в 6 из 32 штатов Мексики, главным образом на севере, – это еще один показатель того, как Северная Мексика отделена от остальной территории страны. Если кампания против наркокартелей, проводимая при поддержке вооруженных сил страны и начатая в 2006 г. президентом-консервативом Фелипе Кальдероном, потерпит неудачу и Мехико снова станет заключать сделки с картелями, столица в функциональном смысле может потерять контроль над севером, что повлечет серьезные последствия для США. Сама федеральная структура Мексики (прямой результат ее разобщенной и гористой географии), с двумя федеральными полицейскими управлениями, 32 полицейскими управлениями в каждом штате страны и более чем 1500 муниципальными полицейскими управлениями, значительно усложняет эту борьбу. Роберт Боннер, бывший руководитель Управления по борьбе с наркотиками в США, пишет, что, если преступные группировки добьются успеха, «Соединенные Штаты будут делить границу протяженностью 3200 километров с наркогосударством, управляемым мощными транснациональными наркокартелями, угрожающими стабильности Центральной и Южной Америки».^[477]

Покойный профессор Гарвардского университета Хантингтон, чья блестящая карьера объясняется уникальной способностью предвосхищать события, посвятил свою последнюю книгу тому вызову, который Мексика бросает США.^[478] В книге «Who Are We? The Challenges to America's National Identity» («Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности»), опубликованной в 2004 г., Хантингтон утверждал, что история Латинской Америки демографически смещается на север, на территорию США, и, следовательно, изменит американский национальный характер».^[479]

Хантингтон утверждает, что это лишь часть правды, но не вся, что Америка – это страна эмигрантов. Америка – страна в равной степени эмигрантов и англопротестантских поселенцев, причем последние составляют философский и культурный костяк общества. Ведь только приняв англопротестантскую культуру, эмигранты в самом деле становятся американцами. Америка стала такой, какая есть, продолжает Хантингтон, потому что ее населяли британские протестанты – а не французские, испанские или португальские католики. Поскольку Америка была создана протестантской, ей не нужно было таковой становиться, и классический либерализм Америки обязан своим существованием именно этому факту. Инакомыслие, индивидуализм, республиканские взгляды – в конечном счете все это произрастает из протестантского способа мышления. «В то время как американский символ веры – это *протестантство без Бога*, американская гражданская религия – это *христианство без Христа*». Но это кредо, размышляет Хантингтон, может незаметно разрушить разрастающееся испаноязычное католическое общество, еще не тронутое Просвещением.^[480]

Хантингтон пишет:

«Мексиканская иммиграция ведет к демографической реконкисте территорий, отвоеванных американцами у Мексики в 1830–1840 гг. Мексиканизация этих регионов некоторым образом схожа с кубинизацией в 1960-х, которая произошла в Южной Флориде. Она также стирает границу между Мексикой и США, способствуя

появлению совершенно другой культуры...».^[481]

Профессор Бостонского колледжа Питер Скерри пишет, что одной из «потрясающе оригинальных и противоречивых догадок» является то, что, хотя американцы восхваляют разнообразие, «сегодняшняя волна иммиграции на самом деле наименее разнообразная за всю нашу историю. Разумеется, продолжает Скерри, перефразируя Хантингтона, иммигранты нелатинского происхождения как никогда разные. Но в целом половина иммигрантов латиноамериканского происхождения как никогда однородна. Для Хантингтона это уменьшение разнообразия делает ассимиляцию менее вероятной».^[482] И, как отмечает Дэвид Кеннеди, «разнообразие и распыление потока иммигрантов» сглаживали процесс ассимиляции. «Тем не менее сегодня один большой поток иммигрантов вливается в определенный регион из единого культурного, языкового, религиозного и национального источника – Мексики... отрезвляющим является тот факт, что Соединенные Штаты никогда не сталкивались с чем-либо, что можно было бы сравнить с событиями, происходящими на юго-западе».^[483] К 2050 г. почти половина населения США будет испаноязычной.^[484]

Во всех этих доводах на первый план выходит география. Как говорит Хантингтон, «ни одна группа иммигрантов в американской истории не претендовала и даже не была в состоянии предъявлять исторически оправданные претензии на американскую территорию. Мексиканцы и американцы мексиканского происхождения не только могут, но и предъявляют такие претензии». Большая часть Техаса, Нью-Мексико, Аризоны, Калифорнии, Невады и Юты были частью Мексики до Техасской войны за независимость 1835–1836 гг. и Мексикано-американской войны 1846–1848 гг. Мексика – это единственная страна, в которую США вторгались, оккупировали столицу и аннексировали значительную часть ее территории. Следовательно, как отмечает Скерри, мексиканцы приезжают в США, селятся в регионах страны, которые когда-то были частью их родины, и поэтому «чувствуют себя на своей территории», в то время как другие иммигранты такого чувства не испытывают. Американцы мексиканского происхождения в третьем поколении и дальше поддерживают знание родного языка в значительно большей степени, чем другие иммигранты, главным образом из-за географической концентрации испаноязычных общин, которая является демографическим обратным эффектом техасской и мексикано-американской войн. Более того, уровень натурализации среди эмигрантов из Мексики один из самых низких среди всех мигрантов. Хантингтон замечает, что страна – это «общество, хранимое в памяти», то есть общество, обладающее исторической памятью. Американцы мексиканского происхождения, составляющие 12,5 % населения США, не считая других представителей испаноязычной общины, более или менее сосредоточены на юго-западе, смежном с Мексикой, и впервые в американской истории оказывают влияние на нашу историческую память.^[485]

Профессор Университета Нью-Мексико Чарльз Трухильо предсказывает, что к 2080 г. юго-восточные штаты США и северные штаты Мексики вместе образуют новую страну, La Republica del Norte («Северную Республику»). К 2000 г. 6 из 12 важных городов на американской стороне границы более чем на 90 % были испаноязычными, и только два города (Сан-Диего и Юма, штат Аризона) были менее чем наполовину испаноязычными.^[486]

Размытие юго-западной границы Америки становится географическим фактом, который не могут отменить никакие устройства для обеспечения безопасности на фактической границе. Тем не менее, хотя я и восхищаюсь способностью Хантингтона выделить и осветить базовую проблему, которую другие ученые и СМИ не решились обсуждать, я не могу полностью согласиться с его выводами. Хантингтон верит в американский национализм как твердую опору для сохранения англопротестантской культуры и ценностей в условиях

частичной латинизации нашего общества. Я считаю, что, хотя география вовсе не обязательно определяет будущее, она устанавливает рамки достижимого и недостижимого. И неотъемлемая связь между Мексикой и США – географическая, историческая и демографическая – просто-напросто слишком крепкая, чтобы предположить, как надеется Хантингтон, что американский национализм может оставаться таким же чистым, каким он является сейчас. Хантингтон совершенно прав, высмеивая космополитизм (равно как и империализм) как элитарную точку зрения. Но определенная доля космополитизма, вопреки мнению Хантингтона, неизбежна, и ею не следует пренебрегать.

Я считаю, что Америка в течение XXI в. станет скорее цивилизацией полинезийского типа (плюс метисы), ориентированной с севера на юг от Канады до Мексики, чем островом, населенным светлокожими людьми, простирающимся с востока на запад в умеренной зоне от Атлантического до Тихого океана. Для этого многорасового сообщества будут характерны быстро растущие города-государства с пригородами, которые с течением времени все больше будут похожи друг на друга, будь то Каскадия на северо-западном побережье Тихого океана или Омаха-Линкольн в штате Небраска. Каждый из них будет поддерживать и развивать свои экономические отношения с городами и торговыми сетями по всему миру, поскольку развитие технологий значительно сократит расстояния. США, по моему мнению, суждено стать основной беспопытной зоной деловых операций в мире, излюбленным местом проживания для мировой элиты. В соответствии с римской традицией она будет продолжать использовать иммиграционные законы для того, чтобы присвоить лучшие и умнейшие человеческие активы мира и максимально разнообразить поток иммигрантов, в котором, как опасается Хантингтон, слишком много мексиканцев. В соответствии с этой точкой зрения национализм сам по себе станет не таким концентрированным, но все же достаточным, чтобы сохранить уникальную индивидуальность Америки или ее военную мощь. Одним словом, Америка больше не является «островом», защищенным Атлантическим и Тихим океанами. Она стала теснее связана с остальным миром не только из-за развития технологий, но и под давлением мексиканской и центральноамериканской демографии.

Но такой взгляд предполагает, что Мексика должна стать успешным, а не бессильным государством.

Если президенту Кальдерону и его преемникам удастся раз и навсегда сломить сопротивление наркокартелей (что является, мягко говоря, крайне сложной задачей), это станет стратегической победой, гораздо более значимой, чем любые успехи на Ближнем Востоке. Союз между стабильной и процветающей Мексикой и США стал бы непобедимым геополитическим объединением. Мексика, преодолевшая влияние наркокартелей, вместе с проамериканской Колумбией, где политическая ситуация стабилизировалась, что почти свершившийся факт (это третья и четвертая страны Западного полушария по количеству населения), слились бы с самой большой страной полушария, упрощая для Америки поддержание постоянного контроля над Латинской Америкой и странами Карибского бассейна. Одним словом, Бацевич прав в своем предположении – решение проблемы с Мексикой важнее, чем решение проблем в Афганистане.

К сожалению, как утверждает Бацевич, Мексика находится на грани катастрофы, а мы не обратили на это внимания из-за того, что полностью сконцентрировались на Большом Ближнем Востоке. Если ситуация не изменится, это приведет к большому потоку эмигрантов из страны, легальных и особенно нелегальных, весьма способствующих осуществлению сценария, которого боялся Хантингтон. Кампания Кальдерона против наркобаронов, начиная с 2006 г., уже унесла 23 000 жизней, причем около 4000 человек погибло только в первой половине 2010 г. Более того, картели перешли к нападениям в армейском стиле, с тщательно

расставленными ловушками и отрезанными путями к отступлению. «Они используют военную тактику», – такой вывод делает Хавьер Ангуло, мексиканский эксперт по вопросам безопасности. «Это вышло далеко за рамки обычных стратегий организованной преступности». Тед Карпентер, вице-президент института Катона по военным и внешнеполитическим исследованиям (Вашингтон), пишет: «Если эта тенденция останется неизменной, то состояние или даже жизнеспособность мексиканского государства вызывает серьезные опасения». Оружие, используемое картелями, обычно превосходит оружие мексиканской полиции и сравнимо с вооружением мексиканской армии. Используя вдобавок военную тактику, картели могут превратиться, по словам Карпентера, «из обычных криминальных группировок в серьезное повстанческое движение». Миротворцы ООН действуют в местах с меньшим уровнем насилия, чем Сьюдад-Хуарес и Тихуана. Полицейские и местные политики уже отказываются от своих постов, опасаясь за свою жизнь, а мексиканская деловая и политическая элита высылает свои семьи из страны, хотя средний класс и его верхушка бегут в США постоянно.^[487]

Мексика сейчас на перепутье – страна или начинает решать проблему с наркокартелями, или проваливается в бездну, или и то и другое. Поскольку ее будущее висит на волоске, действия США могли бы стать решающим фактором. Но, пока все это происходит, американские учреждения, отвечающие за безопасность, занимаются решением проблем других печально известных своей нестабильностью и коррумпированностью стран, расположенных на другом конце мира, – Ирака и Афганистана.

В отличие от этих регионов, история военных действий США в приграничной зоне Мексики была достаточно успешной. Хотя близость к Мексике несет США угрозу в демографическом плане, она помогает с материально-технической точки зрения контролировать границу между двумя странами. Как отмечает Данело, в XIX–XX вв. благодаря взаимному сотрудничеству США и Мексика уменьшили количество разбойных нападений на границе. В период 1881–1910 гг. президент Мексики Порфирио Диас поддерживал американскую администрацию в инициативе совместно патрулировать границу. Мексиканская сельская полиция, руралес, вместе с тexasскими рейнджерами преследовала команчей. В штате Аризона мексиканские и американские солдаты участвовали в совместных кампаниях против апачей. Сегодня задача по пресечению деятельности наркокартелей в отдаленном регионе с пересеченной местностью, среди гор и степей, за пределами Сьюдад-Хуареса возложена на армию, но законодательной базы для такого сотрудничества не существует, частично из-за строгой интерпретации закона XIX в. о чрезвычайном праве шерифа округа отдать приказ о сборе мужчин с оружием в случае необходимости американской стороной.^[488] Потратив сотни миллиардов долларов на возможность повлиять на историю Евразии, мы необычайно вяло реагируем на события в стране, с которой делим протяженную сухопутную границу. А ведь эта страна вот-вот погрузится в хаос, а население ее почти в 2 раза больше населения Ирака и Афганистана вместе взятых.

Конечно, можно утверждать, что в условиях строжайшего контроля на границе дееспособная и патриотически настроенная Америка может сосуществовать рядом с недееспособной и анархичной Мексикой. Но это возможно лишь в течение короткого периода времени. В долгосрочной же перспективе, в XXI в. или позднее, как отмечает Тойнби, граница между высокоразвитым и отстающим от него обществом не закрепит равновесие, а сдвинется в пользу более отсталого общества. Другими словами, сохранение американского национализма в той степени, которая бы удовлетворила Хантингтона, невозможно без достижения Мексикой статуса промышленно развитого капиталистического

государства. И если Мексика приобретет такой статус, она будет представлять меньшую угрозу, а слияние двух обществ только ускорится. В любом случае, из-за реальных фактов, продиктованных географической картой, мы двигаемся в сторону слияния Мексики и Америки в какой-то определенной форме. Хотя, конечно, действия политиков, определяющих курс обеих стран, смогут установить, на каких условиях и при каких обстоятельствах это произойдет. Тойнби пишет:

«Возведение [римских] пограничных валов приводит в движение общественные силы, и это неизбежно заканчивается катастрофой для тех, кто эти валы строит. Политика изоляции от варваров за пределами оборонительных валов совершенно бесполезна. Что бы ни решило руководство империи, интересы торговцев, первооткрывателей, искателей приключений и многих других неизбежно лежат по ту сторону границы».^[489]

Альфред Тойнби также отмечает, что «мировое государство создается его основателями и принимается его подданными как панацея от всех бед смутного времени». Он упоминает Египет Среднего царства, Второе Вавилонское царство, Персию Ахеменидов, государство Селевкидов, римский мир и китайский мир времен династии Хань как примеры мировых по своей сути государств, в которых разные народы и конфессии сосуществовали, к своей взаимной выгоде. Рим, в частности, решил неприятный вопрос двойной лояльности, поскольку гражданство мирового города Рима и определенной местной территории не противоречили друг другу.^[490] Таким образом, возможно, что мировое государство когда-нибудь в будущем окажется панацеей от бед смутного времени, которые сейчас переживают Северная Мексика и юго-запад Америки в приграничном регионе.

Было бы сложно преувеличить важность такой монументальной перемены в национальной мифологии и концепции суверенитета, хотя в этот самый момент она происходит, в соответствии со стандартами СМИ, во временном периоде, который можно назвать геологическим временем. Когда я в 1970 г. путешествовал по США автостопом, то физически ощутил, насколько идеально умеренная зона Северной Америки подходит для «государствостроительства». Аппалачи стали западной границей для зарождающегося сообщества штатов к концу XVIII в., а долины рек, прорезающихся сквозь эти горы, например реки Мохок и Огайо, позволили поселенцам проникнуть на запад. За Аппалачами поселенцы нашли ровные плодородные земли без географических препон, где в XIX в. можно было создавать материальные блага и где различия между людьми стирались. Так формировалась уникальная американская культура.

Протяженность судоходных рек в большом бассейне Миссисипи вместе с Береговым каналом^[491] больше, чем во всем остальном мире, а сам канал расположен на самом большом в мире сплошном участке пахотной земли. К тому времени как продвигающиеся на запад первопроходцы достигли действительно пугающей преграды – Великой Американской пустыни как к востоку, так и к западу от Скалистых гор, – к их услугам уже была трансконтинентальная железная дорога.^[492] «На атлантическом побережье США больше крупных портов, чем во всем остальном Западном полушарии... американцы имеют такое значение не из-за того, кто они такие сами, а из-за того, где они живут», – значит в документе, опубликованном Strategic Forecasting, американской частной разведывательно-аналитической компанией.^[493] Когда географ Арнольд Гюйо рассматривал материковую часть США в 1849 г., еще до Гражданской войны и триумфа промышленной революции, он считал ее наряду с Европой и Азией одним из «континентальных центров», которым суждено

управлять миром. Но уже тогда он считал, что США станет лидером среди этих центров. Причины этому следующие: Америка была защищена с двух сторон «океаническими щитами», которые тем не менее позволили ей взаимодействовать с Евразией, а ее развитие было обеспечено «связью между хорошо орошаемыми водой внутренними зонами» континента.^[494] Джеймс Фейргрив в 1917 г. написал:

«И вот перед нами Соединенные Штаты, окруженные другими землями, это новый *центр земли*, лежащий теперь за пределами [евразийской] системы, которая имела значение прежде. Это компактные и целостные земли, с огромными запасами энергетических ресурсов, омываемые водами Атлантического и Тихого океанов, государство, поддерживающее отношения с востоком и западом Евразии, готовое по укрепленному Панамскому каналу перебросить свой флот в любой из двух океанов...».^[495]

Это континентальное величие в обрамлении двух океанов никуда не делось. Но в его владения вторгается другая концептуальная география, выраженная в путешествии Коронадо с целью исследовать новые земли в 1540–1542 гг. из Центрально-Западной Мексики на север, через Аризону, Нью-Мексико, Техас, Оклахому и Канзас. Исследование территорий Луизианы и Орегона в 1804–1806 гг. Льюисом и Кларком развернуло границы Америки от Атлантического до Тихого океана и, таким образом, заложило образ современного американского континентального государства. В то же время экспедиция Франсиско де Коронадо, предпринятая с юга на север, а не с востока на запад, хотя и произошла несколько раньше, определенным образом была своего рода постмодерном. Ведь она не была ограничена никаким национальным сознанием и послужила ориентиром для будущего мирового государства, протянувшегося от субтропической Мексики до умеренной Северной Америки. Целью Франсиско де Коронадо были золото, грабеж и легкая нажива. Его мышление было средневековым. Но новые испаноязычные мигранты, переселяющиеся на север, не из средних веков. Они ищут работу, которая часто предполагает изнурительный физический труд. Они готовы тяжело трудиться ради достойного заработка. Они меняются под воздействием англопротестантской трудовой этики, точно так же как сами меняют англопротестантскую культуру США.

Качество и изменчивость этого культурного взаимодействия двух наций, возможно, больше, чем любой другой отдельный процесс, будет определять, насколько хорошо Америка взаимодействует с маккиндеровским «мировым островом» (Евразией и Африкой). Американская внешняя политика, вполне возможно, в последующие десятилетия будет то мудрой, то неблагоразумной. Но на американскую экономическую, культурную, моральную и даже политическую и военную мощь будет в значительной мере влиять то, сможем ли мы вместе с Мексикой и Канадой развиваться в сплоченное двуязычное, так сказать, сверхгосударство. Или, наоборот, станем заложниками нестабильного и неконтролируемого растущего пограничного региона, который является причиной цивилизационного напряжения между все еще доминирующей в Америке англопротестантской культурой и культурой латиноамериканской. Опасения Хантингтона оправданны, но вот решение проблемы, предложенное им, отчасти ошибочно.

Следует помнить, что, как нам стало известно от Брэkena и других ученых, политическая география Земли все больше похожа на закрытую, замкнутую систему. Культурное и политическое взаимодействие, которому моря не помеха, станет все более

естественным. Таким образом, если США и Мексика в конечном итоге не сплотятся настолько же, насколько сплотились США и Канада; если Мексика не станет нашим близким и надежным союзником на всемирных форумах, то это негативно повлияет на другие отношения США. Особенно если учесть, что население Мексики (и Центральной Америки) растет значительно быстрее и она со временем приобретет большой вес. Исследование Средиземноморского региона XVI в., предпринятое Броделем, четко указывает на то значение, которое приобретают со временем такие природные показатели, как географическое положение. Именно поэтому Мексика должна играть одну из важнейших ролей в любой глобальной стратегии, к которой мы прибегаем.

Мир будущего можно представить в общих чертах как подобие жизнеустройства в Османской империи – «сети географически переплетенных общин», по словам Тойнби, а не «лоскутного одеяла, сшитого из... государств, изолированных в пределах своих границ».^[496] Любые отношения будут сказываться на других как никогда ранее. Как мы имели возможность увидеть, в грядущие десятилетия вся Евразия будет связана железнодорожными путями, автодорогами и трубопроводами через узлы сообщения в Центральной Азии, и в частности в Афганистане. Взаимосвязанная и объединенная Евразия в качестве противовеса будет нуждаться во взаимосвязанной и объединенной Северной Америке, от Канадской Арктики до джунглей Центральной Америки. Если не продолжать укреплять связи с Мексикой и Центральной Америкой, чье население в целом составляет половину населения США, результатом может стать то, что Мексика, а возможно, и некоторые ее южные соседи выйдут на враждебную дипломатическую и политическую орбиту в мире, где Евразия будет расположена как никогда близко. Чтобы не допустить развития проиранских симпатий в Венесуэле и подчас радикальных настроений в других странах Западного полушария, нужно сделать страны Карибского бассейна зоной свободной торговли и миграции, где в любом случае будут доминировать США, поскольку более молодое население Мексики и Центральной Америки является рабочей силой для стареющей Америки. Конечно, это уже происходит, но интенсивность взаимодействия должна и будет возрастать.

«Глобальная война, как и глобальный мир, – пишет Спайкмен, – означает, что все фронты и все территории взаимосвязаны. Не имеет значения, как далеко друг от друга они расположены, успех или поражение в одной из них немедленно и определяющим образом скажется на других».^[497] В этом гораздо больше правды сегодня, чем в 1944 г., когда данное утверждение было обнародовано в посмертно опубликованном труде. Еще более справедливым это будет в будущем. Штраус-Хупе отмечает: «История Греции – это история борьбы за выживание против периодических набегов из Азии».^[498] Подумайте, как близко Древняя Греция была расположена к Персии, и станет понятно, как близки США сейчас к Евразии, учитывая революцию в системах сообщения и коммуникаций. Задача состоит в том, чтобы не допустить излишнего доминирования какой-либо одной державы в Восточном полушарии, что могло бы угрожать положению США в Западном полушарии. Эта задача станет значительно проще для выполнения, если на первое место мы выдвинем единство сил в Западном полушарии.

Мы не должны покоряться географии. Но наши поиски лучшего мира должны опираться на доскональное ее знание. Начав это исследование с желания достичь идеала космополитической Центральной Европы, сформировавшегося после холодной войны, мы заканчиваем его там же. Реальна ли эта цель, или она является недостижимой мечтой, к ней стоит стремиться всегда – и желательно бок о бок с Мексикой. Маккиндер предвидел это, призывая к формированию энергичных и независимых буферных государств между морской Европой и «Хартлендом», отмечая, что мир, в котором есть равновесие, – это свободный

notes

Пер. М. Ваксмахера.

Black J. Maps and History: Constructing Images of the Past. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1997.

Scott J. C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2009.

В 1993 г. город переименован в Туркменбаши в честь первого секретаря Компартии Туркмении и пожизненного президента Туркменистана Сапармурата Ниязова. Бывшее русскоязычное название города, Красноводск, – это перевод местного топонима Кызыл-Су, из-за того что в воде Красноводского залива было много планктона с отчетливым розовым оттенком. – Здесь и далее, если не указано иное. – *Прим. ред.*

С апреля 2010 г. провинция называется Хайбер-Пахтунхва.

Bose S. A Hundred Horizons: The Indian Ocean in the Age of Global Empire. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2006.

Mann G. The History of Germany Since 1789 / Translated by Marian Jackson. London: Chatto & Windus, 1968.

Намек на книги известного американского журналиста Томаса Фридмана «Плоский мир. Краткая история XXI века» («The World Is Flat: A Brief History of The Twenty-first Century») и «Жаркий, плоский, многолюдный: Кому нужна “зеленая революция” и как нам реконструировать Америку» («Hot, Flat, and Crowded: Why We Need a Green Revolution-And How It Can Renew America»), посвященные глобализации.

Gellner E. Muslim Society. New York: Cambridge University Press, 1981.

Гиндукуш – одна из высочайших горных систем Азии на стыке Памира, Каракорума и Гималаев, простирающаяся с юго-запада на северо-восток по территориям Афганистана, Таджикистана и Пакистана на 700 км.

Fukuyama F. The End of History // The National Interest. – Washington. – 1989. – Summer (в русском переводе: Фукуяма Ф. Конец истории? // *Вопросы философии.* – 1990. – № 3. – С. 84–118). Отдельное издание: *The End of History and the Last Man.* New York: The Free Press, 1992 (в русском переводе: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007).

Randal J. C. In Africa. Unrest in One-Party States // *International Herald Tribune*. – Paris. – 1990. – March 27.

Garton Ash T. Bosnia in Our Future // New York Review of Books. – 1995. – December 21.

Schorske C. E. Fin-de-Siecle Vienna: Politics and Culture. New York: Knopf, 1980 (в русском переводе: *Шорске К. Э. Вена на рубеже веков: политика и культура / Пер. с англ. под ред. М. В. Рейзина. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2001*). *Magris C. Danube. New York: Farrar Straus Giroux, 1986. P. 268* (в русском переводе: *Магрис К. Дунай. Главы из книги // Иностранная литература. – 2004. – № 3*).

Игра слов, построенная на немецкой фразе *Ich bin ein Berliner* («Я – один из берлинцев») – ставшей культовой заключительной фразой из исторической речи американского президента Джона Кеннеди 26 июня 1963 г. перед Шёнебергской ратушей в Западном Берлине.

Garton Ash T. The File: A Personal History. New York: Random House, 1997.

Ignatieff M. Isaiah Berlin: A Life. New York: Holt, 1998.

Parker W. H. Mackinder: Geography as an Aid to Statecraft. Oxford: Clarendon Press, 1982. P. 201. Sinnhuber K. A. Central Europe-Mitteleuropa-Europe Central: an Analysis of a Geographical Term // Transactions of the Institute of British Geographers. – 1954. – V. 20. Butler Dugan A. Mackinder and His Critics Reconsidered // The Journal of Politics. – 1962. – May.

Cohen S. B. Geography and Politics in a World Divided. New York: Random House, 1963.

Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction.
Washington: National Defense University, 1942.

Cohen, Geography and Politics in a World Divided.

Gray C. S. Another Bloody Century: Future Warfare. London: Weidenfeld & Nicolson, 2005.

Ignatieff M. Homage to Bosnia // The New York Review of Books. – 1994. – April 21.

Joyce J. Ulysses. New York: Modern Library, 1934 (Джойс Дж. Улисс. Здесь и далее цитируется в переводе В. Хинкиса, С. Хоружего).

Ссылка на поэму Уистена Одена «Сентябрь, 1, 1939», которая начинается строками: I sit in one of the dives On Fifty-second Street Uncertain and afraid As the clever hopes expire Of a low dishonest decade... («Я сижу в забегаловке / На Пятьдесят второй / Улице; в зыбком свете / Гибнут надежды умников / Позорного десятилетия...» – Перевод А. Сергеева).

Garton Ash T. Kosovo and Beyond // New York Review of Books. – 1999. – June 24. He was referring to a line in Auden's poem, September 1, 1939 (Цитируется в переводе А. Сергеева), published in 1940.

Garton Ash T. Cry, the Dismembered Country // New York Review of Books. – 1999. – January 14.

У меня тоже есть что сказать относительно таких запоздалых вмешательств. Моя книга «Балканские призраки» («Balkan Ghosts: A Journey Through History») оказалась одним из факторов при принятии Биллом Клинтоном решения не посылать наземные войска в 1993 г. и отложить миссию НАТО на Балканах на несколько лет. «Балканские призраки», записки из моего личного опыта пребывания на Балканах в 1980-х, впервые появились еще в процессе написания в The Atlantic Monthly перед падением Берлинской стены. Затем, в июне 1991 г., третья глава (о Македонии) вышла в The Atlantic. Согласно высказыванию бывшего чиновника из Госдепартамента, на которое ссылается The Washington Post (February 21, 2002), та статья послужила «спусковым крючком для развертывания баз миротворцев ООН в бывшей Югославии». И хотя в 1990 г. в докладе ЦРУ предупреждалось о развале Югославии, Государственный департамент это «отрицал... пока не вышла в свет статья Каплана». Так получилось, что развертывание корпуса из 1500 миротворцев в Македонии смогло предотвратить то, что позже случилось в Косове и Боснии. «Балканские призраки» были изданы книгой в марте 1993 г. Тогда же я опубликовал статью про Балканы в Reader's Digest, где отмечал следующее: «Пока мы не в состоянии разорвать круг ненависти и мести, силой защищая право на самоопределение и права меньшинств, победа в холодной войне бессмысленна. Любая помощь, всяческие дипломатические усилия, любая сила, если будет использоваться, должна быть направлена на освобождение народов Югославии от насилия». Вскоре я призвал к интервенции по телевидению, равно как и со страниц The Washington Post раздела Outlook от 17 апреля 1994 г., то есть за год до нашего вторжения. В «Балканских призраках» показана ужасная картина этнических взаимоотношений в юго-восточной части Европы, но ведь только в самых ужасающих случаях происходят вмешательства: никогда не следует идеализировать результат действий человека от имени и во имя всего человечества. Мы хорошо усвоили это в Ираке: если решился вмешаться, то действуй без оглядки, решительно. И хотя мои книги и статьи читали как президент, так и многие другие, никто из администрации Клинтона не связывался со мной относительно моей работы и ее применимости для принятия решений в отдельных ситуациях. – *Прим. авт.*

См. примечание автора в сноске в тексте главы.

Wieseltier L. Force Without Force: Saving NATO, Losing Kosovo // The New Republic. – Washington. – 1999. – April 26 and May 3.

Wieseltier L. Winning Ugly: The War Ends, Sort Of. The Peace Begins, Sort Of // The New Republic. – Washington. – 1999. – June 28.

Wieseltier, Winning Ugly: The War Ends, Sort Of. The Peace Begins, Sort Of.

Wieseltier L. Useless // The New Republic. – Washington. – 2006. – April 17.

Woodward B. *State of Denial: Bush at War. Part III.* New York: Simon & Schuster, 2006. Pp. 84–85.

Walt S., Mearsheimer J. *The Israel Lobby: and U. S. Foreign Policy*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007.

Израиль во время событий 11 сентября 2001 г. подвергался частым террористическим атакам, поэтому вполне естественно, что Америка сочувствовала этому государству. Требования прекратить поселения на оккупированных арабских территориях возобновятся позже. Во время же подготовки к иракской войне я писал, что коль Буша ждет успех в Ираке и он останется на второй срок президентом, то он должен «прекратить владычество Израиля над тремя миллионами палестинцев на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа»; ситуация характеризовалась мной как «исключительно постыдная». A Post-Saddam Scenario // *The Atlantic Monthly*. – Boston. – November, 2002. – *Прим. авт.*

См. примечание автора в сноске в тексте главы.

Kaplan R. D. Warrior Politics: Why Leadership Demands a Pagan Ethos. New York: Random House, 2002.

Гоббс и Берлин велики благодаря некоторым оттенкам их философии. Философия Гоббса, возможно, несколько искажает представления о человечестве, но ведь он был и либералом-новатором, так как в его время обновление значило разрыв со Средневековьем через установление централизованного управления, что он представил в своем «Левиафане». Подобно этому, во время становления либерального гуманизма Берлин оставался реалистом, утверждая, что поиск безопасного укрытия и еды всегда будет идти перед требованием свободы. – *Прим. авт.*

См. примечание автора в сноске в тексте главы.

Стоит отметить, что передовые отряды американской армии во время Первой войны в Персидском заливе приблизились к Багдаду до расстояния в 150 км. Но основная масса войск располагалась в Кувейте и Аравийской пустыне. – *Прим. авт.*

См. примечание автора в сноске в тексте главы.

Morgenthau H. J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace, revised by Kenneth W. Thompson and W. David Clinton. New York: McGraw Hill, 1948, 2006. *Thucydides*. The Peloponnesian War, translated by Thomas Hobbes (1629). University of Chicago Press, 1989 (русский перевод см.: Фукидид. История / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. Отв. ред. Я. М. Боровский (Серия «Литературные памятники»). Л.: Наука, 1981). *Bakolas A.* Human Nature in Thucydides, Wellesley College, unpublished. *Kaplan R. D.* Warrior Politics: Why Leadership Demands a Pagan Ethos. New York: Random House, 2001.

Morgenthau. Politics Among Nations, William Cabell Bruce. John Randolph of Roanoke. New York, G. P. Putnam's Sons, 1922, Vol II. Mearsheimer J. J. The False Promise of International Institutions // International Security. – Cambridge, Massachusetts. – 1994–1995. – Winter.

Hobbes T. Leviathan, 1651, chapter 15 (русский перевод см.: Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. Глава XV. О других естественных законах).

Zakaria F. Is Realism Finished? // The National Interest. – 1992–1993. – Winter.

Aron R. Peace and War: A Theory of International Relations. Doubleday, 1966 (в русском переводе см.: *Арон Р. Мир и война между народами / Пер. с фр. под общ. ред. В. И. Даниленко.* М.: Nota Bene, 2000); *Ortega y Gasset J. The Revolt of the Masses.* University of Notre Dame Press, 1985 (в русском переводе см.: *Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Пер. с исп. А. М. Гелескула.* М.: АСТ, 2008).

Black, Maps and History: Constructing Images of the Past, pp. 58, 173, 216.

Mackinder H. J. Democratic Ideas and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington: National Defense University, 1942. Pp. 15–16.

Morgenthau, p. 165.

Mahan A. T. The Problem of Asia and its Effect Upon International Policies. London: Sampson Low, Marston & Co., 1900. P. 56.

Parker, Mackinder: Geography as an Aid to Statecraft, p. 93, 130–131.

East W. G. The Geography Behind History. New York: Norton, 1965 and 1967. P. 120.

Spykman N. J. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power / With a new introduction by Francis P. Sempa. New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 2007. Pp. xv, 41.

East, The Geography Behind History, p. 38.

Federalist № 8.

Murray W. Some Thoughts on War and Geography // Journal of Strategic Studies. – Routledge. – London. – 1999. – Pp. 212, 214. *Gray C. S. The Continued Primacy of Geography // Orbis.* – Philadelphia. – 1996. – Spring. – P. 2.

Owens M. T. In Defense of Classical Geopolitics // *Naval War College Review*. – Newport, Rhode Island. – 1999. – Autumn. – P. 72.

Spykman, America's Strategy in World Politics, p. 92.

Fairgrieve J. Geography and World Power. New York: E. P. Dutton, 1917. Pp. 273–274.

Western J. Department of Geography, Syracuse University.

Gallup J., Sachs J. Location, Location: Geography and Economic Development // Harvard International Review. – Cambridge, Massachusetts. – 1998/1999. – Winter. Частично они являются экстраполяцией работ Джареда Даймонда.

Ricklefs M. C., Lockhart B., Lau A., Reyes P., Aung-Thwin M. A New History of Southeast Asia.
New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 21.

Adams J. Works. Boston: Little, Brown, 1850–1856. – V. 4 – P. 401.

Kaplan R. D. Warrior Politics: Why Leadership Demands a Pagan Ethos. Random House, 2001.
Pp. 101–102.

Spykman, America's Strategy in World Politics, p. 43.

Murray, Some Thoughts on War and Geography, p. 213.

Grygiel J. J. Great Powers and Geopolitical Change. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. P. 15.

Gray, The Continued Primacy of Geography. Murray, p. 216.

Morgenthau, p. 124.

Berlin I. Four Essays on Liberty. Oxford, England: Oxford University Press, 1969.

См. Mahoney D. J. Three Decent Frenchmen // *The National Interest*. – 1999. – Summer. См. также History, Truth and Liberty: Selected Writings of Raymond Aron / Edited by Franciszek Draus. University of Chicago Press, 1985.

McNeill W. H. The Rise of the West: A History of the Human Community. University of Chicago Press, 1963. P. 22, 27.

Stark F. Iraq, Islam Today / Ed. by A. J. Arberry and Rom Landau. London: Faber & Faber, 1943.

Ibn Khaldun. *The Muqaddimah: An Introduction to History*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1967. Pp. 133, 136, 140, 252. *Kaplan R. D.* *Mediterranean Winter*. New York: Random House, 2004. P. 27.

Roux G. Ancient Iraq. London: Allen & Unwin, 1964. Pp. 267, 284, 297, 299.

McNeill, The Rise of the West, pp. 32, 41–42, 46, 50, 64.

McNeill, pp. 69, 71. *Roux*, Ancient Iraq, pp. 24–25.

Ibid, pp. 167, 217, 243.

Ibid, pp. 250, 484, 618.

Ibid, p. 535.

Предисловие Артура Хелпса к сокращенному англоязычному изданию Освальда Шпенглера «Закат Европы» (*Spengler O. The Decline of the West. Oxford: Oxford University Press, 1991*).

Ibid, p. 249.

Spengler O. The Decline of the West / Translated by Charles Francis Atkinson. New York: Knopf, 1962. Pp. 324, 345, 352 (в русском переводе: Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. В 2 т. / Пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. Минск: Попурри, 2009).

Ibid, pp. 177–178, 193–194, 353–354. *Toynbee A. J. A Study of History. Abridgement of Volumes VII–X* by D. C. Somervell. New York: Oxford University Press, 1957. Pp. 144–145.

Ibid, pp. 451, 539.

East, The Geography Behind History, p. 128.

Toynbee A. J. A Study of History. Abridgement of Volumes I–VI by D. C. Somervell. New York: Oxford University Press, 1946. Pp. 123, 237.

Toynbee, A Study of History, Volumes I–VI, pp. 146, 164–166. Diamond J. Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed. New York: Viking, 2005. Pp. 79, 81, 106–107, 109, 119–120, 136–137, 157, 159, 172, 247, 276.

Европа ни в коем случае не уникальна в этом отношении. Например, Тойнби описывает, как обитателям Альтиплано пришлось столкнуться с трудностями, связанными с холодным климатом и неплодородными почвами, в то время как жители Тихоокеанского побережья Южной Америки должны были выживать в условиях жары и засухи, что сделало необходимыми работы по орошению земель. Разница между Европой и Южной Америкой, о которой не говорит Тойнби, тем не менее заключается в том, что через Европу с ее естественными водными портами лежали многие торговые и миграционные маршруты. – *Прим. авт.*

Toynbee, p. 75.

McNeill, pp. 565, 724.

Ibid, p. 253.

Ibid, pp. 722, 724.

Ibid, p. 728.

Gilpin R. War and Change in World Politics. New York: Cambridge University Press, 1981.

Morgenthau, pp. 354–357.

Ibid, p. 357.

McNeill, p. 807.

Ibid.

Toynbee, A Study of History, Volumes I–VI, p. 284.

Toynbee, Volumes VII–X, p. 121.

Примеры европоцентрических принципов нанесения на карту см. в *Black, Maps & History*, с. 60–62. – *Прим. авт.*

Пример европоцентрического сопоставления карт см. Black, Maps & History, pp. 60, 62.

Hodgson M. G. S. The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization. I: The Classical Age of Islam. University of Chicago Press, 1974. Pp. 50, 56, 60–61, 109–111 (в русском переводе: Ходжсон М. Дж. С. История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней / Пер. с англ. А. Н. Гордиенко, И. В. Матвеева, Н. В. Шевченко. М.: Эксмо, Наше слово, 2013).

Hodgson, The Venture of Islam, 1: pp. 114, 120–124, 133. Hodgson M. G. S. The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization, 2: The Expansion of Islam in the Middle Periods. University of Chicago Press, 1974. Pp. 65, 71.

Hodgson, 1: pp. 154, 156, 158.

Hodgson, 1: p. 151, 204–206, 229.

Toynbee, Volumes I–VI, p. 271.

Абиссинское нагорье было еще менее доступным и осталось под влиянием христианства.

Ibid, p. 268.

Hodgson, 2: p. 54, 396, 400–401.

Hodgson M. G. S. The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization. 3: The Gunpowder Empires and Modern Times. University of Chicago Press, 1974. Pp. 114, 116.

Все прямые цитаты взяты из переводов Дэвида Грене (*Herodotus. The History*. University of Chicago Press, 1987). Я также обращался к материалам из введений к другим переводам, сделанным А. Р. Бёрном и Томом Гриффитом.

Pasternak B. Doctor Zhivago / Translated by Max Hayward and Manya Harari. New York: Pantheon, 1958. P. 43. Цит. по: Пастернак Б. Доктор Живаго. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2006. С. 43.

Hodgson, 1: p. 25.

Grygiel, Great Powers and Geopolitical Change, pp. 2, 24. *Owens M. T.* In Defense of Classical Geopolitics // *Naval War College Review*. – Newport, Rhode Island. – 1999. – Autumn. – Pp. 60, 73. *Cohen. S. B.* Geography and Politics in a World Divided. New York: Random House, 1963. P. 29.

Kennedy P. The Pivot of History: The U. S. Needs to Blend Democratic Ideals with Geopolitical Wisdom // *The Guardian*. – London. – 2004. – June 19. *Cohen*, Geography and Politics in a World Divided, p. xiii.

Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997. P. 37 (в русском переводе: Бжезинский З. Великая шахматная доска / Пер. О. Ю. Уральской. М.: Международные отношения, 1999).

Morgenthau, pp. 170–171.

Mackinder, Democratic Ideals and Reality, p. 205. *Parker*, pp. 211–212.

Mackinder, Democratic Ideals and Reality, p. 155.

Mackinder H. J. On the necessity of thorough teaching in general geography as a preliminary to the teaching of commercial geography // Journal of the Manchester Geographical Society. – 1890. – Vol. VI. Parker, pp. 95–96.

Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. – London. – 1904. – April. – P. 422.

Mackinder, The Geographical Pivot of History, p. 421.

Mackinder, p. 422.

Mackinder, Democratic Ideals and Reality, p. 72. *Fairgrieve*, Geography and World Power, p. 103.

У США схожая судьба: из Второй мировой государство вышло без значительных потерь – в то время как Европа, СССР, Китай и Япония лежали в руинах, Америка получила десятилетия преимущества в политическом и экономическом развитии. – *Прим. авт.*

См. примечание автора в сноске в тексте главы.

Toynbee, Volumes VII–X, pp. 151, 168.

Sloan G. Sir Halford J. Mackinder: The Heartland Theory Then and Now, Geopolitics, Geography and Strategy / Edited by Colin S. Gray and Geoffrey Sloan. London: Frank Cass, 1999. P. 19.

Kennedy, The Pivot of History: the U. S. Needs to Blend Democratic Ideals with Geopolitical Wisdom.

Parker, p. 154.

Kearns G. Geopolitics and Empire: The Legacy of Halford Mackinder. New York: Oxford University Press, 2009. P. 38.

Parker, p. 121.

Mahoney's D. J. Three Decent Frenchmen // The National Interest. – Washington. – 1999. – Summer; *Aron R. History, Truth and Liberty Selected Writings of Raymond Aron.* University of Chicago Press, 1985.

Grygiel, *Great Powers and Geopolitical Change*, p. 181; *Aron R. Peace and War: A Theory of International Relations*. New York: Doubleday, Garden City, 1966. P. 197–198.

Mackinder, Democratic Ideals and Reality, p. 2.

Mackinder, p. 1.

Parker, p. 160

Parker, p. 163.

Mackinder, pp. 24–25, 28, 32. *Parker*, 122–123. *Fairgrieve*, *Geography and World Power*, pp. 60–62.

Mackinder, pp. 22, 38, 41, 46.

Mackinder, pp. 46, 48.

Brzezinski, The Grand Chessboard, p. 31.

Mackinder, pp. 41–42, 47.

То есть Евразией и Африкой.

Mackinder, p. xviii, из вступления Stephen V. Mladineo.

Mackinder, pp. 95–99, 111–112, 115. *Cohen*, *Geography and Politics in a World Divided*, pp. 85–86. *Fairgrieve J.* *Geography and World Power*. University of London Press, 1915.

Sloan, Sir Halford J. Mackinder: The Heartland Theory Then and Now, p. 31.

Dugan, Mackinder and His Critics Reconsidered.

Blouet B. W. Halford Mackinder: A Biography. Texas: Texas A & M Press, College Station, 1987.
Pp. 150–151.

Mackinder, pp. 55, 78. *Cohen*, pp. 42–44.

Mackinder, pp. 64–65.

Mackinder, p. 116.

Mackinder, pp. 74, 205.

Mackinder, p. 201.

Strausz-Hupe R. Geopolitics: The Struggle for Space and Power. New York: G. P. Putnam's Sons, 1942. Pp. 48–53. *Parker, Mackinder:* Geography as an Aid to Statecraft, pp. 178–180.

Strausz-Hupe, Geopolitics, pp. 59–60.

Strausz-Hupe, pp. 60–61, 68–69.

Strausz-Hupe, pp. 142, 154–155.

Strausz-Hupe, pp. 85, 101, 140, 197, 220.

Herwig H. H. Geopolitik: Haushofer, Hitler and Lebensraum, Geopolitics, Geography and Strategy by Gray and Sloan, p. 233.

Blouet, Halford Mackinder, pp. 190–191.

Strausz-Hupe, p. 264.

Strausz-Hupe, p. 191.

Strausz-Hupe, pp. 196, 218.

Bracken P. Fire in the East: The Rise of Asian Military Power and the Second Nuclear Age. New York: HarperCollins, 1999. P. 30.

Blouet, Halford Mackinder, p. 192.

Spykman N. J. Geography and Foreign Policy I // The American Political Science Review. – Los Angeles. – 1938. – February. *Sempa F. P. The Geopolitical Realism of Nicholas Spykman.* New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 2008.

Spykman N. J. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 2008. Pp. xvii, xviii, 7, 18, 20–21.

Spykman, *America's Strategy in World Politics*, pp. 42, 91. *Strausz-Hupe*, *Geopolitics*, p. 169. *Mackinder*, *Democratic Ideals and Reality*, p. 202. *Boorstin D. J.* *Hidden History: Exploring Our Secret Past*. New York: Vintage, 1989. P. 246. *Fairgrieve*, *Geography and World Power*, pp. 18–19, 326–327.

Spykman, p. 89.

Spykman, pp. 49–50, 60.

Spykman, p. 50.

Spykman, pp. 197, 407.

Spykman, p. 182.

Spykman N. J. The Geography of the Peace, edited by Helen R. Nicholl. New York, Harcourt, Brace and Company, 1944. P. 43.

Mackinder, Democratic Ideals and Reality, p. 51.

Кеннан 22 февраля 1946 г. послал из Москвы в Вашингтон секретную депешу, которая вошла в историю как «Длинная телеграмма» и в которой он обрисовал невозможность сотрудничества с СССР. Депеша содержала обоснование политики сдерживания коммунизма, которую вскоре после этого взял на вооружение Вашингтон, проводивший ее вплоть до развала Советского Союза.

Parker W. H., Mackinder, p. 195.

Kissinger H. A. Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York: Doubleday, 1957. Pp. 125, 127.

Spykman, pp. 135–137, 460, 469.

Spykman, p. 466.

Gerace M. P. Between Mackinder and Spykman: Geopolitics, Containment, and After, Comparative Strategy. U. K.: University of Reading, 1991.

Spykman, p. 165.

Spykman, p. 166.

Spykman, p. 178. *Wohlstetter A. Illusions of Distance // Foreign Affairs.* – New York. – 1968. – January.

Parker, p. 186.

Kemp G., Harkavy R. E. Strategic Geography and the Changing Middle East. Washington: Brookings Institution Press, 1997. P. 5.

Mahan A. T. The Problem of Asia: and Its Effect Upon International Policies. London: Sampson Low, Marston & Company, 1900. Pp. 27–28, 42–44, 97, 161. *Cohen*, Geography and Politics in a World Divided, pp. 48–49.

Strausz-Hupe, Geopolitics, pp. 253–254.

Mahan A. T. The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. Boston: Little, Brown, 1890. Pp. 225–226.

Strausz-Hupe, pp. 244–245.

Sumida J., Mahan A. T. Geopolitician, Geopolitics, Geography and Strategy, Gray and Sloan, pp. 53, 55, 59. Sumida J. Inventing Grand Strategy and Teaching Command: The Classic Works of Alfred Thayer Mahan. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press, 1997. Pp. 41, 84.

Mahan, *The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783*, p. 25 (в русском переводе: Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю 1660–1783 / Пер. Н. Азбелева. СПб.: Тип. Морского министерства, 1896).

Mahan, pp. III, 8, 26–27, 50–52, 67.

Mahan, pp. IV–VI, 15, 20–21, 329.

Mahan, pp. 29, 138.

Mahan, pp. 29, 31, 33–34, 138. *Grove E.* *The Future of Sea Power*. Annapolis, Maryland: Naval Institute Press, 1990. Pp. 224–225.

Angell N. The Great Illusion. New York, Cosimo Classics, 2007. Pp. 310–311.

Holmes J. R., Yoshihara T. Chinese Naval Strategy in the 21st Century: The Turn to Mahan. New York: Routledge, 2008. P. 39.

Corbett J. S. Principles of Maritime Strategy. London: Longmans, Green and Co., 1911. Pp. 87, 152–153, 213–214 (в русском переводе: Великие морские сражения XVI–XIX веков / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2009).

U. S. Navy, U. S. Marine Corps, U. S. Coast Guard, A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower // *Washington and Newport*. – Rhode Island. – 2007. – October.

Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W. W. Norton, 2001. Pp. 210, 213, 365.

Bracken P. Fire in the East: The Rise of Asian Military Power and the Second Nuclear Age. New York: HarperCollins, 1999. Pp. 33–34.

Bracken, *Fire in the East*, pp. XXV–XXVII, 73.

Bracken, *Fire in the East*, pp. 2, 10, 22, 24–25.

Bracken, pp. 26–31.

Bracken, pp. 37–38.

Bracken, pp. 42, 45, 47–49, 63, 97, 113.

Bracken, p. 156.

Bracken, p. 110.

Ibn Khaldun. The Muqaddimah: An Introduction to History / Translated by Franz Rosenthal. Princeton, New Jersey: Bollingen/Princeton University Press, 1967. Pp. 93, 109, 133, 136, 140.

Southern R. W. *The Making of the Middle Ages*. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1953. Pp. 12–13.

Orwell G. 1984. New York: Harcourt Brace, 1949. P. 124 (цит. по русскому переводу Виктора Гольшева: *Оруэлл Дж.* 1984. М.: Мир, 1989. С. 79).

Предисловие Томаса Пинчона к роману Джорджа Оруэлла «1984» (*Orwell G. Nineteen Eighty-Four*. New York: Plume, Harcourt & Brace, 2003).

Spengler O. The Decline of the West / Translated by Charles Francis Atkinson. New York: Vintage, 2006. P. 395.

Bracken, pp. 123–124.

Bracken, pp. 89, 91.

Grygiel J. The Power of Statelessness: the Withering Appeal of Governing // Policy Review. – Washington. – 2009. – April and May.

Schweller R. L. Ennui Becomes Us // The National Interest. – Washington. – 2009. – December 16.

Cohen, Geography and Politics in a World Divided, p. 157.

Hay W. A. Geopolitics of Europe // Orbis. – Philadelphia. – 2003. – Spring.

Magris, Danube, p. 18 (цитата приводится в русском переводе: Магрис К. Дунай (главы из книги) // *Иностранная литература*. – 2004. – № 3).

Моравские Ворота – горный проход между восточными отрогами Судет и западными отрогами Карпат в Чехии.

Перевал Бреннер – самый низкий перевал главного альпийского гребня в Центральных Альпах, расположен между Австрией и Италией.

Cunliffe B. Europe Between the Oceans: Themes and Variations: 9000 BC – AD 1000. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2008. Pp. vii, 31, 38, 40, 60, 318, 477.

Judt T. Europe: The Grand Illusion // The New York Review of Books. – 1996. – July 11.

Ахен, или Аахен – город в Германии, расположен в месте, где смыкаются три страны: Германия, Бельгия и Нидерланды.

Cunliffe, *Europe Between the Oceans*, p. 372.

Hay, Geopolitics of Europe.

Brown P. *The World of Late Antiquity: AD 150–750.* London: Thames and Hudson, 1971. Pp. 11, 13, 20.

Pirenne H. Mohammed and Charlemagne. ACLS Humanities E-Book, 2008.

Braudel F. The Mediterranean: and the Mediterranean World in the Age of Philip II / Translated by Sian Reynolds. New York: Harper & Row, 1949. P. 75 (в русском переводе: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды / Пер. с фр. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 84).

Cunliffe, p. 42–43.

Kaplan R. D. Eastward to Tartary: Travels in the Balkans, the Middle East, and the Caucasus. New York: Random House, 2000. P. 5.

Tsoukala P. A Family Portrait of a Greek Tragedy // New York Times. – 2010. – April 24.

Judt, The Grand Illusion.

Goldstone J. A. The New Population Bomb: The Four Megatrends That Will Change the World // Foreign Affairs. – New York. – 2010. – January/February.

Hay.

Judt.

Brzezinski, *The Grand Chessboard*, pp. 69–71 (цит. по русскому переводу О. Ю. Уральской: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. С. 69).

Gray C. S. *Another Bloody Century: Future Warfare*. London: Weidenfeld & Nicolson, 2005. P. 37.

Беседа с Йозефом Йоффе, 5 мая 2011, Мадрид. Conference of the Fundacion Para El Analisis y los Estudios Sociales.

Gray, Sloan, Geopolitics: Geography and Strategy, p. 20.

LeVine S. Pipeline Politics Redux // Foreign Policy. – Washington. – 2010. – June 10. BP Global Statistical Review of World Energy, June 2010.

Hay.

Mackinder, Democratic Ideals and Reality, p. 116.

Solzhenitsyn A. August 1914 / Translated by Michael Glenny. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1972. P. 3 (цит. по: Солженицын А. И. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел 1: Август Четырнадцатого. Т. 1. М.: Воениздат, 1993).

Cohen, Geography and Politics in a World Divided, p. 211.

March G. P. Eastern Destiny: Russia in Asia and the North Pacific. Westport, Connecticut: Praeger, 1996.

Longworth P. Russia: The Once and Future Empire from Pre-History to Putin. New York: St. Martin's Press, 2005.

March, *Eastern Destiny*, pp. 4–5. *Lincoln W. B.* *The Conquest of a Continent: Siberia and the Russian*. Random House, 1994. P. xx.

Billington J. H. The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture. New York: Knopf, 1966. P. 11 (в русском переводе: *Биллингтон Дж. Х.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры / Пер. С. Ильина, М. Еремина, Н. Мовниной, И. Гуровой, В. Муравьевой, Н. Федоровой, В. Скороденко. М.: Рудомино, 2001).

Longworth, Russia, p. 1.

Lincoln, The Conquest of a Continent, p. 19.

Прозвище первого царя всея Руси «Грозный» в английском переводе предстает в искаженном виде – terrible – «ужасный», причем даже не всегда в значении, эквивалентном внушающему ужас или действительно страшному, иначе говоря – «неприятный»; в то время как «грозному», зачастую подразумевающему трепет и уважение для российского менталитета, в большей степени соответствует английское слово formidable («вызывающий трепет»).

Longworth, pp. 94–95; *March*, p. 28.

Kaplan R. D. Introduction to Peter Constantine's translation of *Taras Bulba*. New York: Modern Library, 2003.

Herzen A. My Past and Thoughts / Translated by Constance Garnett. Berkeley: University of California Press, 1982. P. 97 (цит. по: Герцен А. И. Былое и думы. М.: Правда, 1979. С. 112).

Longworth, p. 200.

«Явное предначертание» или «предопределение Судьбы» (*англ.* Manifest Destiny) – крылатое выражение, которое используется для оправдания американского экспансионизма. Данный термин впервые использован демократом Джоном О’Салливаном в 1845 г. с намеком на то, что США должны простираться от Атлантического до Тихого океана. В публицистической литературе термин продолжает широко использоваться для обозначения американской «миссии» по продвижению демократии во всем мире.

Shaw, *Russia in the Modern World*, pp. 5, 7. *Meinig D. W.* *The Macrogeography of Western Imperialism*, in F. H. Gale's and G. H. Lawson's *Settlement and Encounter*. Oxford, England: Oxford University Press, 1968. Pp. 213–240.

Lincoln, p. ixx.

Longworth, p. 322.

Thubron C. In *Siberia*. New York: HarperCollins, 1999. Pp. 99, 122.

Lincoln, p. 57.

Lincoln, pp. 89, 395.

March, pp. 51, 130.

Shaw, p. 31.

Информация, которую изложил автор книги, не совсем соответствует действительности. Согласно официальной советской историографии, 30 декабря 1922 г., на I Всесоюзном съезде Советов в Москве было торжественно провозглашено образование Союза Советских Социалистических Республик. По предложению Ленина в состав нового государства входили республики: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, Украинская Социалистическая Советская Республика, Белорусская Социалистическая Советская Республика и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Осенью 1924 г. было проведено «национально-государственное размежевание» в Средней Азии, в результате которого из Туркестанской АССР, входившей в состав РСФСР, а также Бухарской и Хорезмской ССР были образованы Узбекская и Туркменская ССР, Таджикская АССР (с 1937 г. – Таджикская ССР) и Кара-Калпакская АО в составе РСФСР (с 1937 г. – АССР в составе УзССР). 5 декабря 1936 г. была ликвидирована Закавказская ССР, и на ее базе образовались Грузинская, Азербайджанская и Армянская ССР.

Saradzhyan, Russia's Red Herring.

Brzezinski, The Grand Chessboard, p. 98.

Erickson J. Russia Will Not Be Trifled With: Geopolitical Facts and Fantasies, Geopolitics, Geography and Strategy by Gray and Sloan, pp. 242–243, 262.

Brzezinski, p. 110.

Trenin D. Russia Reborn: Reimagining Moscow's Foreign Policy // Foreign Affairs. – New York. – 2009. – November/December.

Shaw, p. 248.

Trenin, Russia Reborn.

Dibb P. The Bear is Back // The American Interest. – Washington. – 2006. – November/December.

Andres R. B., Kofman M. European Energy Security: Reducing Volatility of Ukraine-Russia Natural Gas Pricing Disputes. Washington: National Defense University, February 2011.

Brill Olcott M. The Kazakhs. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1987, 1995. Pp. 57–58.

Roy O. *The New Central Asia: The Creation of Nations*. New York University Press, (1997) 2000. Pp. xiv—xvi, 8–9, 66–69, 178.

Andres, Kofman, European Energy Security.

Olcott, *The Kazakhs*, p. 271.

Hiro D. Inside Central Asia: A Political and Cultural History of Uzbekistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkey, and Iran. New York: Overlook Duckworth, 2009. Pp. 205, 281, 293.

Brooke J. China Displaces Russia in Central Asia // Voice of America. – 2010. – November 16.

Olcott, p. 273.

Hiro, Inside Central Asia, p. 262.

Parker, Mackinder, p. 83.

Mackinder, The Geographical Pivot of History.

Mackinder, *Democratic Ideals and Reality*, pp. 46–48, 203.

Китай, расположенный в умеренной зоне, имеет население 1,32 млрд человек, а его ВВП в 2008 г. составил 4,326 млрд долл. Россия же, расположенная между Арктикой и умеренной зоной, имеет население 141 млн человек, а ее ВВП в 2008 г. составил 1,601 млрд долл. Saradzhyan, Russia's Red Herring. – *Прим. авт.*

См. примечание автора в сноске в тексте главы.

Keay J. China: A History. London: HarperCollins, 2008. P. 13.

Keay, China, p. 231.

Ebrey P. B. China: The Cambridge Illustrated History. New York: Cambridge University Press, 1996. P. 108.

Fravel M. T. Strong Borders, Secure Nation: Cooperation and Conflict in China's Territorial Disputes. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2008. Pp. 41–42.

Помимо этого, Оуэн Латтимор пишет: «Очевидно, существовала линия, отделяющая территории и народы, которые можно было включить в состав Китайской империи с определенной выгодой, от тех, которые включить было нельзя. Роль именно этой линии должна была выполнять Великая Китайская стена». *Lattimore O., Origins of the Great Wall. // Geographical Review – 1937. – Vol. 27. – Прим. авт.*

Grygiel, Great Powers and Geopolitical Change, p. 133.

Fairbank J. K., Goldman M. China: A New History. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2006. Pp. 23, 25, 45.

Ebrey, China, p. 57.

Cohen, Geography and Politics in a World Divided, pp. 238–239.

Keay, China, maps, pp. 8–9, 53.

Ebrey, p. 164.

Fairbank, China, pp. 41–42.

Положение Пекина, как пишет географ Т. Трегер, отвечало потребностям династий Юань, Мин и Цинь, позволяя им, благодаря своему относительно центральному расположению, править Китаем, к тому же он был достаточно близко, чтобы контролировать и степи на севере и западе. – *Прим. авт.*

Tregear T. A Geography of China. London: Transaction Publishers, 1965, 2008. Pp. 94–95.

Угроза, которую представляли вторжения «варваров», раскрывается в труде покойного синоведа Оуэна Латтимора. – *Прим. авт.*

Lattimore O. China and the Barbarians, in Empire in the East / Edited by Joseph Barnes. New York: Doubleday, 1934.

Key, p. 259.

Fairbank, p. 109.

Ebrey, p. 227.

Карта Китая XIX в. и конфликтов: www.fordham.edu/halsall. – *Прим. авт.*

Карта Китая XIX в. и конфликтов: www.fordham.edu/halsall, репродукция приведена в Reshaping Economic Geography (Washington: The World Bank, 2009), p. 195.

March, Eastern Destiny, pp. 234–235.

Fairbank, p. 63.

Согласно Карлу Виттфогелю (1886–1988) – немецко-американскому синологу, социологу и историку, испытавшему серьезное влияние марксизма, – ирригационный способ земледелия является наиболее вероятным ответом доиндустриального общества на трудности ведения хозяйства в условиях засушливого климата в виде необходимости организованных коллективных работ. – *Прим. авт.*

См. примечание автора в сноске в тексте главы.

У Фэрбэнкса «на каждую квадратную милю приходится 2000 человек». – *Прим. авт.*

Fairbanks, p. 5.

Профессор Йельского университета Джонатан Спенс пишет о Галдане, джунгарском воине, верном далай-ламе в Тибете, чьи силы были окончательно повержены в северной Внешней Монголии в 1696 г., после вторжения маньчжурской армии (династии Цин), численность которой достигала около 80 000 человек. – *Прим. авт.*

Spence J. D. The Search for Modern China. New York: Norton, 1990. P. 67.

Blair D. Why the Restless Chinese Are Warming to Russia's Frozen East // Daily Telegraph. – London. – 2009. – July 16.

Согласно материалам Министерства обороны США, военные теоретики КНР разработали концепцию «первой и второй островных цепей», своеобразных воображаемых «линий», которые обозначают первостепенные зоны обеспечения безопасности КНР по периметру морских границ в восточном и юго-восточном направлении.

Spence, The Search for Modern China, p. 97.

Maclean F. Eastern Approaches. New York: Little, Brown, and Company, 1949. P. 120.

Spence, p. 13.

Lattimore O. Inner Asian Frontiers: Chinese and Russian Margins of Expansion // The Journal of Economic History. – Cambridge, England. – 1947. – May.

Sinha U. K. Tibet's Watershed Challenge // The Washington Post. – 2010. – June 14.

Wong E. China Quietly Extends Footprints Into Central Asia // *New York Times*. – 2011. – January 2.

Starr S. F., Kuchins A. C., Benson S., Krakowski E., Linn J., Sanderson T. The Key to Success in Afghanistan: A Modern Silk Road Strategy. Washington: Central Asia-Caucasus Institute and the Center for Strategic and International Studies, 2010.

Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997. P. 167.

Twining D. Could China and India Go to War Over Tibet? // ForeignPolicy.com. – Washington. – 2009. – March 10.

Lattimore O. Chinese Colonization in Manchuria // Geographical Review. – London. – 1932.
Tregear, Geography of China, p. 270.

Dillon D., Tkacik Jr. J. J. China's Quest for Asia // Policy Review. – Washington. – 2005/2006. – December/January.

Ross R. S. *The Rise of Chinese Power and the Implications for the Regional Security Order // Orbis.* – Philadelphia. – 2010. – Fall.

Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W. W. Norton, 2001. P. 135.

Fravel M. T. Regime Insecurity and International Co-operation: Explaining China's Compromises in Territorial Disputes // International Security. – 2005. – Fall.

Grygiel, p. 170.

Spence, p. 136.

Fairgrieve, Geography and World Power, pp. 242–243.

Holmes J., Yoshihara T. Command of the Sea With Chinese Characteristics // Orbis. – Philadelphia. – 2005. – Fall.

Ross, The Rise of Chinese Power and the Implications for the Regional Security Order (см. примечания Росса к цитате). *Krepinevich A. F.* China's 'Finlandization' Strategy in the Pacific // *The Wall Street Journal*. – New York. – 2010. – September 11.

С 25 сентября 2012 г. в составе ВМФ НОАК уже имеется первый и единственный авианосец «Ляонин».

Cropsey S. Alternative Maritime Strategies, grant proposal. *Ross R. S.* China's Naval Nationalism: Sources, Prospects, and the U. S. Response // *International Security*. – Cambridge, Massachusetts. – 2009. – Fall. *Kaplan R. D.* How We Would Fight China // *The Atlantic Monthly*. – Boston. – 2005. – June. *Helprin M.* Why the Air Force Needs the F-22 // *The Wall Street Journal*. – 2010. – February 22.

Holmes, Yoshihara, Command of the Sea With Chinese Characteristics.

Ross.

Erickson A., Goldstein L. Gunboats for China's New 'Grand Canals'? Probing the Intersection of Beijing's Naval and Oil Security Policies // Naval War College Review. – Newport, Rhode Island. – 2009. – Spring.

Spykman, *America's Strategy in World Politics*, p. XVI. Фраза впервые появилась в: *Spykman*, *Rollins A. A. Geographic Objectives in Foreign Policy II // The American Political Science Review*. – 1939. – August.

Особенно актуальным это будет, если построят каналы и наземные мосты, предложенные для соединения Индийского и Тихого океанов. – *Прим. авт.*

См. примечание автора в сноске в тексте главы.

Spykman, America's Strategy in World Politics, p. 60.

Erickson A. S., Yang D. D. On the Verge of a Game-Changer: A Chinese Antiship Ballistic Missile Could Alter the Rules in the Pacific and Place U. S. Navy Carrier Strike Groups in Jeopardy // Proceedings. – Annapolis, Maryland. – 2009. – May.

Newmyer J. Oil, Arms, and Influence: The Indirect Strategy Behind Chinese Military Modernization // Orbis. – Philadelphia. – 2009. – Spring.

French H. W. The Next Empire // The Atlantic. – Washington. – 2010. – May.

Гуам – крупнейшая стратегическая военная база США в Тихом океане. имеет официальный статус «организованной неприсоединенной территории США».

Garrett P. Indian Ocean 21, November, 2009.

Corbett J. S. Principles of Maritime Strategy. New York: Dover Publications, Mineola, 2004. Pp. 213–214.

Ross R. S. *The Geography of the Peace: East Asia in the Twenty-First Century // International Security.* – Cambridge, Massachusetts. – 1999. – Spring.

Mearsheimer, *The Tragedy of Great Power Politics*, pp. 386, 401–402.

Fairgrieve, Geography and World Power, p. 253.

Моны – народ, живущий на юге Бирмы и на юго-западе Таиланда. Язык – монский, относится к мон-кхмерской ветви австроазиатской семьи языков; имеется письменность, восходящая к VI в. н. э. По религии – буддисты. В I тысячелетии н. э. у них сложились ранние государства (Дваравати и др.).

Пью – народ, основавший группу городов-государств, которые существовали со II в. до н. э. до конца IX в. н. э. в современной Верхней Бирме (Мьянме). Города-государства были созданы вследствие миграции к югу народности пью, говорившей на языке тибето-бирманской языковой подсемьи. Они были первыми жителями Бирмы, о которых сохранились письменные записи.

Как отмечает Паниккар: «Проблема этих рек в том, что текут они по гористой местности и не несут живительную влагу в долины, где ведутся земледельческие работы...». – *Прим. авт.*

Panikkar K. M. Geographical Factors in Indian History. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1954.
P. 41.

Fairgrieve, pp. 253–254.

Mackinder H. J. Eight Lectures on India. London: The Visual Instruction Committee of the Colonial Office, 1910. P. 114.

Stein B. A History of India. Oxford, England: Blackwell, 1998. Pp. 6–7.

Персидский стал литературным языком в Индии с XII в., а формально закрепился и оформился в официальный язык с XVI в. – *Прим. авт.*

См. примечание автора в сноске в тексте главы.

Panikkar, Geographical Factors in Indian History, p. 21.

Ostler N. Empires of the Word: A Language History of the World. New York: HarperCollins, 2005. P. 223.

Wink A. Al-Hind: The Making of the Indo-Islamic World. Volume I: Early Medieval India and the Expansion of Islam 7th-11th Centuries. Boston: Brill Academic Publishers, 1996. Chapter IV.

Stein, A History of India, pp. 75–76.

Watson A. The Evolution of International Society: A Comparative Historical Analysis. London: Routledge, 1992. Pp. 78–82.

Stein, p. 121.

Fairgrieve, p. 261.

Panikkar, p. 43.

Fairgrieve, p. 262.

Раджпут – представитель военно-феодальной касты в средневековой Северной Индии.

Kaplan R. D. Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power. New York: Random House, 2010. Pp. 119, 121.

Panikkar, pp. 40, 44.

Kaplan, Monsoon, pp. 122–123. *Richards J. F.* The New Cambridge History of India: The Mughal Empire. New York: Cambridge University Press, 1993. Pp. 239, 242.

Eaton R. M. The Rise of Islam and the Bengal Frontier, 1204–1760. Berkeley, California: University of California Press, 1993. Pp. xxii—xxiii, 313.

Friedman G. The Geopolitics of India: A Shifting, Self-Contained World // *Stratfor*. – 2008. – December 16.

Географически и культурно отношения к Индии и Ирану равноудаленные. – *Прим. авт.*

См. примечание автора в сноске в тексте главы.

Пенджаб значит «пять рек», все притоки Инда: Беас, Чинаб, Джелам, Рави и Сатледж. –
Прим. авт.

См. примечание автора в сноске в тексте главы.

Starr, Kuchins, The Key to Success in Afghanistan.

Friedman, The Geopolitics of India.

Fairgrieve, p. 253.

McNeill, The Rise of the West, p. 167.

Hodgson, The Venture of Islam, I, pp. 50, 60, 109.

Fairbank, China, pp. 40–41.

Kemp G., Harkavy R. E. Strategic Geography and the Changing Middle East. Washington: Brookings Institution Press, 1997. Pp. 15–17.

Ibid, p. xiii.

Fox News Channel – основной американский информационный канал со штаб-квартирой в Нью-Йорке.

Doughty C. M. Travels in Arabia Deserta. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1888. – P. 336. Vol. 1.

Riedel B. Brezhnev in the Hejaz // The National Interest. – Washington. – 2011. – September/October.

Vassiliev A. The History of Saudi Arabia. New York: New York University Press, 2000. Pp. 29, 79–80, 88, 136, 174, 177, 182. *Lacey R.* The Kingdom. London: Hutchinson & Co., 1981. P. 221.

Mansfield P. The Arabs. New York: Penguin Books, 1976. Pp. 371–372.

Kemp, Harkavy, map, p. 113.

Stark F. The Valleys of the Assassins: and other Persian Travels. London: John Murray, 1934.

Канат, или кяриз, – традиционная подземная гидротехническая система в городах и селениях Средней Азии и Ирана, совмещающая водопровод и систему орошения; вода в нее поступает во время таяния ледников.

Brown P. The World of Late Antiquity, AD 150–750. London: Thames and Hudson, 1971. P. 160.

Brown, The World of Late Antiquity, p. 163.

Barthold W. An Historical Geography of Iran. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1984. Pp. x—xi, 4.

Ostler, Empires of the Word, p. 31.

Axworthy M. A History of Iran: Empire of the Mind. New York: Basic Books, 2008. P. 3.

Hodgson, The Venture of Islam, I, p. 125.

Axworthy, A History of Iran, p. 34.

Axworthy, p. 78.

Hitti P. K. The Arabs: A Short History. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1943.
P. 109.

Brown, pp. 202–203.

Axworthy, p. 120.

Hiro, Inside Central Asia, p. 359.

Roy O. The Failure of Political Islam, translated by Carol Volk. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1992, 1994. Pp. 168–170.

Hodgson, The Venture of Islam, 3, pp. 22–23.

Roy, The Failure of Political Islam, p. 168.

Перевод на русский язык О. И. Сенковского опубликован в 1831 г. под названием «Похождения Мирзы Хаджи-Бабы Исфгани въ Персии и Туртсии, или Персидский Жилблазь». Источник: Электронная библиотека AzbukNET 2003–2004 гг. [Электронный ресурс] https://ru.wikisource.org/wiki/Похождения_Хаджи-Бабы_из_Исфагана.

J. Morier. The Adventures of Hajji Baba of Ispahan. London: John Murray, 1824. P. 5.

Roy, p. 172.

Roy, p. 174–175.

Nasr V. Forces of Fortune: The Rise of the New Muslim Middle Class and What It Will Mean for Our World. New York: Free Press, 2009.

Roy, p. 193.

Bhadrakumar M. K. Russia, China, Iran Energy Map. Asia Times, 2010.

Axworthy, p. 162.

Baer R. Iranian Resurrection // The National Interest. – Washington. – 2008. – November/December.

Примерно 85 % мусульман мира составляют сунниты, 15 % – шииты вместе с небольшим меньшинством, в которое входят члены исламских сект.

Kaplan R. D. The Ends of the Earth: A Journey at the Dawn of the 21st Century. New York: Random House, 1996. P. 242.

Friedman G. The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century. New York: Doubleday, 2009. P. 7 (в русском переводе: *Фридман Дж. Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века. М.: Эксмо, 2010. Серия: «Библиотека Коммерсантъ»*).

Langer W., Blake R. The Rise of the Ottoman Turks and Its Historical Background. American Historical Review. India: Bloomington, 1932. *Grygiel*, Great Powers and Geopolitical Change, p. 96.

Gibbons H. A. The Foundation of the Ottoman Empire. New York: Century, 1916. *Grygiel*, pp. 96–97, 101.

Hiro, Inside Central Asia // The Nation. – New York. – 1986. – June 28. P. 89.

Hiro, pp. 85–86.

Kaplan, Eastward to Tartary, p. 118.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2014 г.

Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. Pp. 85, 125, 177.

Turkmen E. The Essence of Rumi's Masnevi. Konya, Turkey: Misket, 1992. P. 73.

Champion M. In Risky Deal, Ankara Seeks Security, Trade // The Wall Street Journal. – New York. – 2010. – May 18.

Kemp, Harkavy, p. 105.

Stark F. Islam Today / Edited by A. J. Arberry and R. Landau. London, Faber & Faber, 1943.

Kaplan R. D. Heirs of Sargons // The National Interest. – Washington. – 2009. – July/August.

Roux G. Ancient Iraq. London: Allen & Unwin, 1964.

Dawisha A. Iraq: A Political History from Independence to Occupation. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2009. P. 4.

Dawisha, Iraq, p. 5.

Dawisha, pp. 286–287.

Hitti P. K. History of Syria: Including Lebanon and Palestine. New York: Mac millan, 1951. Pp. 3–5.

Kazimi N. Move Assad: Could Jihadists Overthrow the Syrian Government? // The New Republic. – Washington. – 2010. – June 25.

Young M. On the Eastern Shore // The Wall Street Journal. – New York. – 2011. – April 29.

Salameh F. Assad Dynasty Crumbles // The National Interest. – 2011. – April 27. См. также *Mansel P. Levant.* New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2011.

Schwarz B. Will Israel Live to 100? // *The Atlantic*. – Boston. – 2005. – May.

Braudel F. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vol. I–II / Translated by Sian Reynolds. New York: Harper & Row, 1973 (в русском переводе: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Пер. с фр. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры. Ч. 1, 2002. Ч. 2, 2003. Ч. 3, 2004).

Braudel, *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*, Vol. I, pp. 243, 245–246.

Trevor-Roper H. R. Fernand Braudel, the Annales, and the Mediterranean // The Journal of Modern History. – University of Chicago Press. – 1972. – December.

Cunliffe, *Europe Between the Oceans*, pp. 17–18.

В переводе на русский язык у Марка Хелприна вышло два романа: «Зимняя сказка» и «Рукопись, найденная в чемодане».

Grygiel, Great Powers and Geopolitical Change, p. 17.

Lind M. America Under the Caesars // The National Interest. – Washington. – 2010. – July/August.

Grygiel, p. 123.

Grygiel, pp. 63, 79–83.

Hutchins F. G. The Illusion of Permanence: British Imperialism in India. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1967. Pp. 196–197. *Ferguson N.* Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. New York: Basic Books, 2003. Pp. 137–138, 151–153. *Kaplan R. D.* Imperial Grunts: The American Military on the Ground. Random House, 2005. P. 368.

Littwak E. N. The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A. D. to the Third. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1976. Pp. 192–194.

Luttwak E. N. The Grand Strategy of the Byzantine Empire. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2009 (в русском переводе: *Люттвак Э. Н.* Стратегия Византийской империи. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2010).

Parker, Mackinder, p. 127. Strausz-Hupe, Geopolitics, p. 240.

DeVoto B. The Course of Empire. Boston: Houghton Mifflin, 1952. P. xxxii.

Kennedy D. M. Can We Still Afford to Be a Nation of Immigrants? // The Atlantic Monthly. – Boston. – 1996. – November.

Kotkin J. The Rise of the Third Coast: The Gulf's Ascendancy in U. S. // Forbes.com. – 2011. – June 23.

Toynbee A. A Study of History / Abridgement of Volumes I–VI by D. C. Somervell. New York: Oxford University Press, 1946. P. 10.

В район Восточного побережья США входят 13 первых бывших колоний, а также Вашингтон, округ Колумбия, и штат Северная Каролина. Поскольку с этого региона началась колонизация страны, исторически он является колыбелью нации и ее культурным центром. Быть родом с Восточного побережья – значит принадлежать к культурной элите, уходящей корнями в «славное прошлое», быть (предположительно) благородным, образованным и утонченным.

Parkes H. B. A History of Mexico. Boston: Houghton Mifflin, 1960. Pp. 3–4, 11 (в русском переводе: Паркс Г. История Мексики / Пер. с англ. Ш. А. Богиней. М.: Издательство иностранной литературы, 1949).

Danelo D. J. The Many Faces of Mexico // Orbis. – Philadelphia. – 2011. – Winter.

Diehl J. The Crisis Next Door: U. S. Falls Short in Helping Mexico End Its Drug War // The Washington Post. – 2010. – July 26.

Owens M. T. Editor's Corner // *Orbis*. – Philadelphia. – 2011. – Winter.

Bonner R. C. The New Cocaine Cowboys: How to Defeat Mexico's Drug Cartels // Foreign Affairs. – New York. – 2010. – July/August.

Ibid.

Huntington S. P. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. New York: Simon & Schuster, 2004 (в русском переводе: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004). Книга Хантингтона немного опиралась на мой собственный труд, в котором была выдвинута похожая идея. Kaplan R. D. An Empire Wilderness: Travels into America's Future. New York: Random House, 1998. Chapters 10–13.

Huntington, Who Are We? Pp. 39, 59, 61, 63, 69, 106.

Huntington, p. 221.

Skerry P. What Are We to Make of Samuel Huntington? // *Society*. – New York. – 2005. – November/December.

Kennedy, Can We Still Afford to Be a Nation of Immigrants?

Fuentes C. The Buried Mirror: Reflections on Spain and the New World. Boston: Houghton Mifflin, 1992. P. 343.

Huntington, pp. 115–116, 229–230, 232, 238. *Skerry P. Mexican Americans: The Ambivalent Minority*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1993. Pp. 21–22, 289.

Huntington, pp. 246–247; *Economist*, London, July 7, 2001.

Carpenter T. G. Escape from Mexico // *The National Interest Online*. – Washington. – 2010. – June 30.

Danelo D. How the U. S. and Mexico Can Take Back the Border – Together // Foreign Policy Research Institute. – Philadelphia. – 2010. – April.

Toynbee, A Study of History: Volumes VII–X, Book VIII, p. 124.

Toynbee, Book VI, pp. 15–16, 75.

Береговой канал – система канализированных водных путей вдоль побережья Мексиканского залива и Атлантического океана на юге и востоке США. Общая длина – 4800 км, считается самым протяженным в мире судоходным каналом.

Kaplan, An Empire Wilderness, p. 14. См. библиографию.

The Geopolitics of the United States, Part 1: The Inevitable Empire [Электронный ресурс].
August 25, 2011. URL: <https://www.stratfor.com>.

Cohen, Geography and Politics in a World Divided, p. 95.

Fairgrieve, Geography and World Power, p. 329.

Toynbee, Book IX, p. 173.

Spykman N. J. The Geography of the Peace / Edited by H. R. Nicholl. New York: Harcourt, Brace and Company, 1944. P. 45.

Strausz-Hupe R. The Zone of Indifference. New York: G. P. Putnam's Sons, 1952. P. 64.